

ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2023



РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



www.sciencejournals.ru



Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2023

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN: 0869-6063

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша),
докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей,
д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Зав. редакцией
Д.В. Пушкина

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499) 124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва
ООО «Объединённая редакция»

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2023

Три типа индустрии в каменном веке Гобустана <i>Х. А. Амирханов</i>	7
Минералого-геохимическое исследование свидетельств алакульского металлопроизводства на руднике Воровская Яма (Южное Зауралье) <i>П. С. Анкушева, М. Н. Анкушев, И. А. Блинов, Д. А. Артемьев, И. П. Алаева</i>	23
Радиоуглеродная хронология поздняяковской культуры: предварительные итоги <i>Т. А. Марьенкина, Р. А. Мимоход, О. В. Зеленцова</i>	38
Металлические предметы из раскопок на Иоасафовском участке (Иерихон) на фотографии 1880–1890-х годов <i>Л. А. Беляев, Л. А. Голофаст</i>	49
Индивид волынцевского времени из Куриловки: первые археогенетические данные <i>Т. В. Андреева, А. Б. Малярчук, В. Е. Родинова, А. Д. Сошкина, Е. В. Рождественских, М. В. Добровольская, Е. И. Рогаев</i>	57
Правобережная Цимлянская крепость Хазарского каганата по раскопкам 2006–2021 гг. <i>В. С. Флёров</i>	72
Роговые ложки X–XI вв. с геометрическим плетеным орнаментом из раскопок в Новгороде (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) <i>А. М. Гринев, Н. Н. Точилова</i>	87
Стратиграфия культурного слоя Московского Кремля: новые данные по материалам раскопок 2019–2021 гг. <i>В. Ю. Коваль, Р. Н. Модин, Н. А. Макаров</i>	98
Технологические особенности кузнечной продукции из подмосковных селищ XIV–XV вв. <i>В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова</i>	114
“Пять Крестов” под Коломной: редкий мемориальный комплекс XVII в. <i>А. Б. Мазуров</i>	121
Промысловые птицы в хозяйстве населения города Берёзова (по результатам археозоологического анализа) <i>Т. В. Лобанова, О. П. Бачура, Н. В. Мартынович, Г. П. Визгалов, И. В. Слесаренко</i>	131

ПУБЛИКАЦИИ

Клад украшений и предметов конского снаряжения V–IV вв. до н.э. с территории Брянской области <i>Е. В. Столяров, О. А. Радюш</i>	145
Погребение воина Булан-Кобинской культуры на могильнике Кокса (материалы раскопок С.И. Руденко на Алтае) <i>В. В. Горбунов, А. А. Тишкин</i>	157
Стеклянные предметы древнерусского времени из Вщижа (по итогам работ 2014–2015 гг. на посаде и окольном городе) <i>Е. К. Столярова, В. В. Миненко</i>	168

ДИСКУССИЯ

О происхождении Новгорода. 862—1136 гг. — княжеский город Рюриковичей

В. А. Буров

187

ИСТОРИЯ НАУКИ

Судьба ГАИМК на переломе: неотправленное письмо Ф.В. Кипарисова С.М. Кирову

Е. Г. Застрожнова (Панкратова), М. В. Медведева

198

ХРОНИКА

К 90-летию Светланы Викторовны Ошибкиной

А. Н. Сорокин, Н. А. Макаров, К. Н. Гаврилов, Е. В. Леонова

209

К 75-летию Владимира Андроновича Бурова

Л. А. Беляев, П. Г. Гайдуков, Н. В. Лопатин, С. З. Чернов

212

К 60-летию Алексея Алексеевича Тишкина

П. К. Дашковский, А. Л. Кунгуров, Н. Н. Серегин

215

CONTENTS

Number 3, 2023

Three types of industry in the Stone Age of Gobustan <i>H. A. Amirkhanov</i>	7
Mineralogical and geochemical research on evidence of Alakul metal production at the Vorovskaya Yama mine (Southern Trans-Urals) <i>P. S. Ankusheva, M. N. Ankushev, I. A. Blinov, D. A. Artemyev, I. P. Alaeva</i>	23
Radiocarbon chronology of the Pozdnyakovo culture: preliminary results <i>T. A. Maryenkina, R. A. Mimokhod, O. V. Zelentsova</i>	38
Metal objects from excavations at the Joasaph site (Jericho) in a photograph of the 1880–1890s <i>L. A. Belyaev, L. A. Golofast</i>	49
An individual of the Volintsevo period from Kurilovka: the first archaeogenetic data <i>T. V. Andreeva, A. B. Malyarchuk, V. E. Rodinkova, A. D. Soshkina, E. V. Rozhdestvenskikh, M. V. Dobrovolskaya, E. I. Rogaev</i>	57
The right-bank Tsimlyansk fortress of the Khazar Kaganate based on the 2006–2021 excavations <i>V. S. Flerov</i>	72
Horn spoons of the 10th–11th centuries with geometric interlaced ornament from excavations in Novgorod (based on the materials of the Nerevsky and Troitsky excavations) <i>A. M. Grinev, N. N. Tochilova</i>	87
Stratigraphy of the cultural layer of the Moscow Kremlin: new data from the 2019–2021 excavations <i>V. Yu. Koval, R. N. Modin, N. A. Makarov</i>	98
Technological features of smithery products from Moscow settlements of the 14th–15th centuries <i>V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova</i>	114
“Five Crosses” near Kolomna: a rare 17th-century memorial complex <i>A. B. Mazurov</i>	121
Game birds in the economy of the population of Berezov (based on the results of archaeozoological analysis) <i>T. V. Lobanova, O. P. Bachura, N. V. Martynovich, G. P. Vizgalov, I. V. Slesarenko</i>	131

PUBLICATIONS

Hoard of jewellery and horse gear of the 5th–4th centuries BC from Bryansk Region <i>E. V. Stolyarov, O. A. Radiush</i>	145
A warrior’s burial of the Bulan-Koby culture at the Koksa burial ground (materials of excavations by S.I. Rudenko in Altai) <i>V. V. Gorbunov, A. A. Tishkin</i>	157
Glass objects of the Rus period from Vshchizh (based on the 2014–2015 works in the posad and outer town) <i>E. K. Stolyarova, V. V. Minenko</i>	168

DISCUSSION

On the origin of Novgorod. 862–1136 — princely town of Rurikids

V. A. Burov

187

HISTORY OF SCIENCE

The fate of the State Academy for the History of Material Culture at the turning point:
an undispatched letter of F.V. Kiparisov to S.M. Kirov

E. G. Zastrozhnova (Pankratova), M. V. Medvedeva

198

CHRONICLE

To the 90th anniversary of Svetlana Viktorovna Oshibkina

A. N. Sorokin, N. A. Makarov, K. N. Gavrilov, E. V. Leonova

209

To the 75th anniversary of Vladimir Andronovich Burov

L. A. Belyaev, P. G. Gaidukov, N. V. Lopatin, S. Z. Chernov

212

To the 60th anniversary of Alexey Alekseevich Tishkin

P. K. Dashkovsky, A. L. Kungurov, N. N. Seregin

215

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). Оформление: **1.5 интервала**, шрифт **Times New Roman**, кегль **14**.

К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должно быть приложено краткое **резюме на русском и английском языках**, а также **ключевые слова на русском и английском языках** (не более 10 слов).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе «Хроника», не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2022 г. М. В. Андреева^{1,*}, М. А. Очир-Горяева^{2, 3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала «Российская археология» по адресу: http://www.ra.ian.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

ТРИ ТИПА ИНДУСТРИИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ГОБУСТАНА

© 2023 г. Х. А. Амирханов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: amirkhanov@rambler.ru*

Поступила в редакцию 23.03.2023 г.

После доработки 23.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

На востоке Азербайджанской Республики в районе Гобустана известно большое количество стоянок каменного века с сохранившимися культурными отложениями. Интерес к сосредоточенным здесь богатейшим объектам наскального искусства затмил собой и отодвинул на задний план изучение каменного инвентаря древнейших стоянок региона. В предлагаемой работе делается общая систематизация материалов каменного века Гобустана. Даются детальные типологические списки ключевых памятников; приведены критерии разделения материала на три культурно-хронологические группы; обосновывается во многом отличающийся от известных ранее взгляд на хронологию и локальную специфику указанных групп. Для памятников верхнего палеолита Гобустана предлагается оценочный возраст, соответствующий времени ранее максимума вюрмского оледенения (т.е. не позднее, примерно, 25–20 тыс. лет назад). Нижняя дата мезолитических слоев соотносится округленно с концом аллереда и поздним дриасом (примерно, 14–12 тыс. лет назад). Возникновение местного неолита отнесено, примерно, к началу VI тыс. до н.э.

Ключевые слова: Восточный Азербайджан, Гобустан, каменный век, тип индустрии, верхний палеолит, мезолит, неолит.

DOI: 10.31857/S0869606323030029, **EDN:** PITHON

Гобустан — приморский район, расположенный между отрогами восточной оконечности Большого Кавказа и Каспийским морем. В административном отношении это Карадагский и частично Апшеронский районы Азербайджанской Республики.

К середине 60-х годов прошлого века здесь выявлено два десятка стратифицированных памятников, относящихся к каменному веку и более поздним археологическим эпохам. Благодаря наличию экстраординарных образцов наскального искусства, комплекс памятников внесен ЮНЕСКО в список объектов исторического и культурного наследия мирового значения.

Центрами сосредоточения памятников Гобустана являются три изолированные горы столового типа: Беюкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг (рис. 1). Хаотическое нагромождение скальных блоков иногда создает на их склонах относительно замкнутые в плане пространства, не образующие при этом перекрытия в виде сплошного потолка. Именно с такими объектами связаны обычно памятники с сохранившимися культурными слоями и скальными панно с разновременными петроглифами.

Наиболее выразителен из описываемых объектов — гора Беюкдаш (здесь расположена стоянка

Ка Кяниза — рис. 2). Расстояние до нее от г. Баку — 65 км. Три названные горы расположены относительно недалеко друг от друга. Например, расстояние между Беюкдашем и Кичикдашем составляет менее 3 км.

Высота над уровнем Мирового океана у подножия Беюкдаша составляет — 20 м. Это на 7–8 м выше в сравнении с современным уровнем Каспийского моря. Расстояние отсюда до берега моря по прямой — около 6 км.

Характеристика инвентаря ключевых памятников. К сожалению, несмотря на десятилетия, прошедшие после раскопок в Гобустане, ни один из местных памятников каменного века не издан монографически. Автору представился счастливый случай исследовать коллекции, хранящиеся в музее при Гобустанском заповеднике, хотя пока не было возможности ознакомиться с первичной документацией раскопок. Археологические материалы, о которых идет речь, происходят из культурных слоев следующих скальных убежищ: Аназага, Гаяарасы, Кяниза, Окюзлар, Окюзлар 2, Джейранлар, Овчулар, Фируз, Фируз 2. С точки зрения первых исследователей гобустанских древностей именно эти памятники составляют ядро особо значимых археологических объектов каменного века данного региона. С некоторыми



Рис. 1. Карта-схема расположения упоминаемых в статье гобустанских памятников каменного века. 1 — Аназага; 2 — Кяниза; 3 — Окюзлар 2; 4 — Окюзлар; 5 — Овчулар; 6 — Фируз 1; 7 — Фируз 2; 8 — Гаяарасы; 9 — Гаяарасы 2; 10 — Джейранлар.

Fig. 1. A schematic map of the location of the Gobustan Stone Age sites discussed in the paper

из них связаны и наиболее интересные из разновременных групп знаменитых наскальных изображений Гобустана.

Стоянка Окюзлар 2. Памятник расположен на участке склона горы Беюкдаш, обращенном на восток-юго-восток. Это один из очень немногих объектов каменного века Гобустана, в отношении материалов которого сделана попытка развернутой публикации (Рустамов, 1984).

Внешне памятник представляет собой скальное убежище, площадь которого в виде овала ограничена по контуру огромными блоками известняка. Вход в убежище имеет стрельчатую форму, он относительно узкий и высокий. Убежище не защищено потолком от внешнего пространства. В этом смысле памятник нельзя отнести ни к типу пещерных, ни к разновидности стоянок под навесами. Эти характеристики полностью применимы также к другим соседним памятникам, как, например, стоянке Кяниза



Рис. 2. Стоянка Кяниза. Привходовая часть, вид с юго-востока.

Fig. 2. The Kyaniza site. Entrance part, southeast view

(рис. 2), со сходными с Окюзлар 2 культурными характеристиками.

Накопление рыхлых отложений в этих памятниках происходило путем привноса мелкозема и мелкообломочного материала со склонов горы Беюкдаш. В какие-то моменты участие в этом, вероятно, принимало и выветривание (химическое и физическое) стенок известняковых блоков естественного ограждения обитаемой площади. По некоторым наблюдениям аккумуляция отложений в убежище иногда сменялась существенной эрозией и выносом материала под воздействием склонового делювия.

Культурные отложения стоянки Окюзлар 2 исследованы Д.Н. Рустамовым в 1981 г. на площади 30 м². Сведения об общей площади памятника в публикации не приводятся. Из предельно генерализованного описания разреза раскопанного участка следует, что культурные отложения состояли из пяти литологических горизонтов общей мощностью, в среднем, около 1 м. Последовательность горизонтов по описаниям (Рустамов, 1984. С. 40, 41) выглядела следующим образом: горизонт 1 (верхний), согласно приводимому

описанию, представлял собой “рыхло-пыльную землю”, покрытую “гумусным пластом, образованным корнями растений”; горизонт 2 — “желтая мягкая глина с обломками известняка от скалы”; горизонт 3 — “сероватая мягкая земля”; горизонт 4 — “глина черного оттенка с мелкими обломками камня”; горизонт 5 — “твердая глина желтого цвета”.

Слои залежали с наклоном к привходовой части убежища, т.е. в сторону, откуда при определенных обстоятельствах мог осуществляться дельвиальный вынос накопившегося в нем ранее экзогенного рыхлого материала. Накопление рыхлых отложений внутри описываемого убежища, как и во всех других подобных памятниках Гобустана, было обязано, главным образом, деятельности склоновых процессов и привносу сюда суглинисто-супесчаных и мелкообломочных фракций. Рыхлые отложения привносились сюда через щели между огромными блоками известняка, которые окружают пространство памятника.

Как пишет автор раскопок, “между четвертым и пятым горизонтами на глубине 80 см ... на небольшом участке был обнаружен линзообразный культурный слой, толщиной 10 см” (Рустамов, 1984. С. 41). Эта линза не была включена в общий счет литологических горизонтов стоянки, но, тем не менее, определена как самостоятельный культурный слой. При этом археологические находки в виде кремневых изделий, а также галечных артефактов и манупортов обнаружены и в горизонтах, залегающих выше рассматриваемой линзы культурного слоя. Однако археологическая оценка всем этим отложениям вместе сформулирована как “некультурный слой” (Рустамов, 1984. С. 41). В итоге археологическая стратиграфия стоянки описывалась как состоящая из пяти горизонтов “некультурного слоя”, содержащих при этом артефакты и линзы “культурного слоя”, залегающего между литологическими горизонтами 4 и 5.

Как указывает автор раскопок, вся коллекция каменных изделий стоянки Окюзлар 2 состоит из 350 предметов, и основная ее часть происходит из линзовидного культурного слоя. Подавляющее большинство находок представлены отщепами (кремневыми и галечными), галькой в виде целых отдельностей и обломков. На эти категории вещей вместе приходится около 300 изделий. В коллекции каменного инвентаря Окюзлар 2, хранящейся в Гобустанском заповеднике, автору удалось выявить и описать 78 предметов. В составе этой группы присутствуют фактически все изделия с вторичной обработкой, которые были обнаружены в линзовидном культурном слое при раскопках памятника.

Коллекция каменных изделий линзовидного культурного слоя Окюзлар 2 представляется достаточной для ее общей культурно-хронологиче-

ской атрибуции. В этом смысле важно отметить два значимых признака, отличающих данный инвентарь от материалов гобустанских стоянок, уверенно датируемых мезолитом и особенно неолитом. Прежде всего обращают на себя внимание различия в исходном сырье. Для изготовления нуклеусов и орудий линзовидного слоя использован, главным образом, не собственно кремень, на котором основываются индустрии мезолита и неолита региона, а окремнелый известняк и близкие к нему окремненные породы. Отсюда с большой вероятностью следует, что источники сырья у обитателей стоянки Окюзлар 2, оставивших культурный слой, и создателей культуры мезолита и неолита Гобустана не были одними и теми же.

Второй момент касается различий в характере заготовок для орудий и, соответственно, технике первичного раскалывания. На архаизм последних указывает типичность для данного инвентаря заготовок в виде крупных пластинчатых сколов. Чуть ли не все имеющиеся в коллекции орудия, представленные преимущественно скребками, изготовлены на массивных пластинчатых отщепах, полученных прямым ударным раскалыванием.

Изделия с вторичной обработкой, происходящие из этого специфического для памятника “культурного слоя”, отличаются выраженным своеобразием относительно голоценовых материалов. В изученной автором коллекции представлены три различные группы изделий с вторичной обработкой: скребки, резцы и ножи.

Скребки (рис. 3, 8–11) представлены в количестве 5 экз. Морфологически они подразделяются на следующие разновидности: концевые (2 экз.; рис. 3, 9); с краевой выемкой (1 экз.; рис. 3, 10); с плечиком (1 экз.; рис. 3, 8); высокой формы (1 экз.). Данные о количестве скребков и других категорий орудий в упомянутой выше публикации материалов Окюзлар 2 (Рустамов, 1984) отличаются в сторону возрастания в сравнении с приводимыми здесь. Вероятно, это объясняется тем, что в первоначальной публикации речь идет обо всех изделиях с вторичной обработкой суммарно, т.е. из “культурного” и “некультурного” слоев вместе.

Все скребки, происходящие из линзовидного культурного слоя, изготовлены на отщепах или пластинчатых отщепах. В одном случае использован пластинчатый отщеп очень крупных размеров ($7.6 \times 3.7 \times 1.7$ см). Заготовки орудий объединяет, в частности, то, что все они массивные. Общее для скребков — стремление изготовителя орудий сузить основание орудия. Это достигается оформлением краевой выемки в основании одного из краев заготовки при помощи удара или ретушью.

Резец представлен одним экземпляром срединного типа. Изготовлено орудие на пластинчатом отщепах. Сырьем здесь послужил скол экзоти-



Рис. 3. Образцы изделий верхнепалеолитического компонента коллекций стоянок Кяниза (1–7) и Окюзлар (8–11). 1 – скребок концевой с зубчатой рабочей кромкой; 2 – нож с дугообразным ретушированным обушком; 3 – скребок концевой на пластине; 4, 6 – скребки концевые на массивных отщепках; 5 – скребок на массивном отщепе с краевой выемкой; 7 – нуклеус призматический; 8 – скребок массивный с плечиком; 9, 10 – скребки на массивных отщепках; 11 – скребок на массивном отщепе с краевой выемкой.

Fig. 3. Artifacts of the Upper Palaeolithic component from the collections of the Kyaniza (1–7) and Oküzler (8–11) sites

ческой для гобустанских памятников породы кремня, имеющего сургучный цвет.

Ножи (2 экз.; рис. 3, 7, 8) являются изделиями с дугообразным ретушированным обушком (Рустамов, 1984. С. 50). Обушковая часть обработана крупной крутой непрерывной и, преимуществен-

но, встречной краевой ретушью. Более выразительный из ножей имеет размеры $3.5 \times 1.8 \times 0.5$ см.

Стоянка Кяниза (рис. 2) расположена на склоне горы Бекюдаш, примерно в 25 м к востоку от описанного выше памятника. В отличие от Окюзлар 2 отдельной и сколько-нибудь развернутой

публикации по стоянке Кяниза нет. В описаниях информационного характера указывается, что раскопками здесь получены материалы, относящиеся к мезолиту, неолиту и энеолиту (Рустамов, Мурадова, 1976; Рустамов, 2000; Azerbaijan ..., 2008; Фараджева, 2016).

Хранящаяся в Гобустанском заповеднике коллекция не разделена по слоям. При ознакомлении с этими материалами складывается впечатление, что в их составе имеется группа артефактов, относящаяся не только к голоцену, но и более раннему времени. Это представление основывается на сырьевых характеристиках и технико-типологических признаках той части материалов, которые выделяются из более поздней и существенно преобладающей в количественном отношении части коллекции.

Основная часть материалов стоянки Кяниза, несомненно, относится к неолиту. Более определенно, она принадлежит гобустанской неолитической культуре (Амирханов, 2023). Ее культурной и хронологической идентификации служит наличие в инвентаре культуруопределяющего типа в виде острия типа Уйташ, а также техники микропластинчатого отжима как основного способа получения заготовок орудий. Достаточно велика вероятность того, что описываемая коллекция включает в себя и мезолитический (как и энеолитический) материал.

В коллекции выделяется группа в количестве около двух десятков предметов, которая по указанным выше признакам предстает контрастной по отношению ко всему остальному материалу. Она гомогенна в технико-типологическом отношении и, в основном, однотипна по характеристикам исходного сырья. Особенности сырья здесь те же, что и в архаичной части материалов линзовидного культурного слоя стоянки Окюзлар 2.

Особенность технологии обработки камня рассматриваемой части инвентаря Кяниза — она основывается на получении заготовки с призматических нуклеусов (рис. 3, 7) в прямой ударной технике. Здесь отсутствуют признаки не только техники отжима, но даже использования посредника в первичном раскалывании. Пластинчатые сколы представлены, главным образом, обломками. Они далеки от стандартизации, края их не имеют выдержанных по всей длине параллельности очертаний, а также огранки спинки и сечения, соответствующих морфологическим образцам данной категории заготовок. Ширина описываемых сколов составляет, в среднем, 2–3.5 см. Этот показатель указывает на крупнопластинчатый характер всей данной группы инвентаря. При этом заготовки здесь отличаются от крупных пластин, свойственных неолитической культуре Шулавери-Шомутепе, изготовленных при помощи

техники отжима с использованием приспособления в виде рычага.

Изделия с вторичной обработкой архаичной группы инвентаря Кяниза в изученной автором коллекции составляют 7 предметов. Сюда входят скребки концевые (5 экз.; рис. 3, 1, 3–6), нож с дугообразным ретушированным обушком (1 экз.; рис. 3, 2) и орудие с ретушированной выемкой. В качестве заготовок для этих орудий использованы (3 экз.), пластинчатые отщепы (3 экз.) и отщеп (1 экз.). Заготовки почти всех скребков массивные. В двух случаях рабочие участки орудий утолщенные, приближающиеся по своим пропорциям к скребкам высокой формы. Размеры двух наиболее представительных изделий — $5.4 \times 2.5 \times 1.1$ и $4.3 \times 3.2 \times 1.4$ см.

Описываемая группа инвентаря по всем своим характеристикам находит полное сходство с коллекцией, относящейся к низам археологических отложений (“культурный слой”) стоянки Окюзлар 2 и вместе с материалами последней (и, возможно, и других соседних памятников) составляет один из описываемых в данной работе трех типов гобустанских индустрий.

Стоянка Гаяарасы. В отличие от рассмотренных выше стоянок Окюзлар и Кяниза памятник расположен на склоне соседней с Беюкдаш горы Кичикдаш. И по своему образованию, и по факторам, способствовавшим накоплению отложений, данное скальное убежище идентично другим памятникам региона. Стоянка раскапывалась Д.Н. Рустамовым в 1985–1986 гг. (Рустамов, 1986, 1987, 1990).

Стоянку Гаяарасы можно рассматривать в качестве эталонного памятника мезолита Гобустана. Это не означает, что в материалах стоянки не может содержаться примеси материалов более ранней или более поздней археологических эпох каменного века. Но если это и так, то инородный компонент (если судить по той коллекции, которую изучал автор) здесь не бросается в глаза.

Рыхлые отложения стоянки Гаяарасы залегают под неглубоким навесом и имеют мощность 3.7 м (Рустамов, 1986). Памятник раскопан на площади 25 м². Мезолитические отложения выявлены на глубине около 2 м от современной дневной поверхности. В слоях суглинка, имеющих мощность около 1.7 м и содержащих культурные остатки, на разных уровнях обнаружены остатки восьми кострищ в виде хорошо выраженных углистых пятен. Археологический материал представлен массово кремневыми и редко костяными изделиями, общим количеством около 7000 предметов. Десять процентов от количества кремневых предметов приходится на изделия с вторичной обработкой. Найдено большое количество фаунистических остатков (Рустамов, 1990).



Рис. 4. Стоянка Гаяарасы. Образцы кремневых изделий. А: 1–4 – сегменты; 5–7 – треугольники; 8–13 – трапеции высокие; 14–17 – трапеции низкие; 18–22 – микропластинки; 23–27 – пластинки; 28–32 – пластины; Б: 1–8 – сегменты; 9–21, 27 – трапеции; 22, 23, 28 – треугольники равнобедренные; 24–26 – острия; 29, 30 – скребки концевые; 31 – долотовидное орудие.

Fig. 4. The Gayaarasi site. Flint objects (A, B)

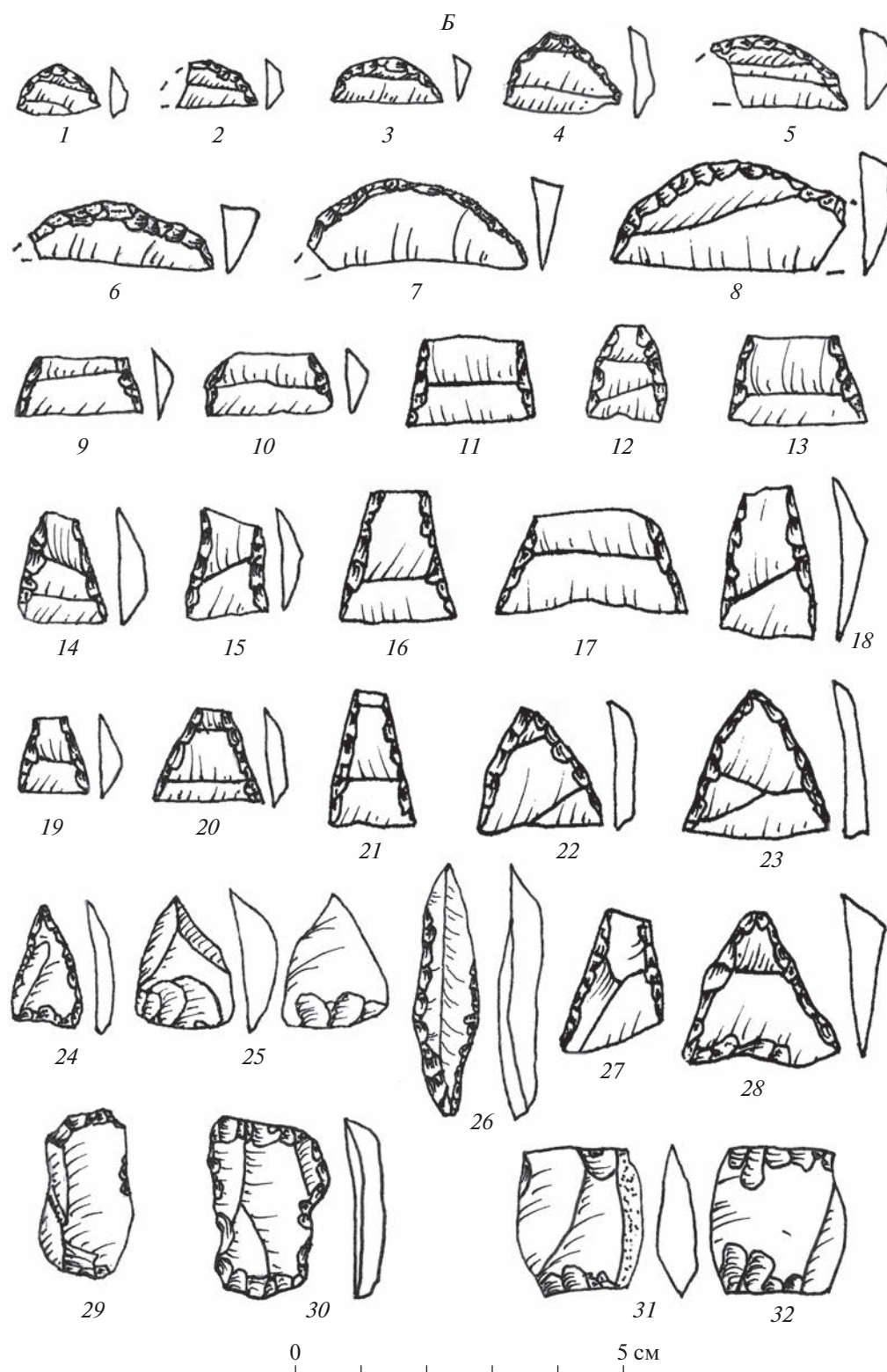


Рис. 4. Окончание
Fig. 4. End

По скудным опубликованным данным можно заключить, что мезолитические наслоения состояли из нескольких уровней обитания. При микростратиграфическом подходе к раскопкам памятника в толще его отложения можно было выделить столько культурных слоев, сколько уровней прослаивания очагов и кострищ здесь наблюдалось. Но поскольку такая разбивка по вертикали не проводилась, материалы слоя приходится рассматривать суммарно.

Исходным сырьем для индустрии Гаяарасы служил кремнь сероватых оттенков. Единично отмечены сколы обсидиана и яшмовидного кремня. Пatina на изделиях практически отсутствует. Механические повреждения и окатанность материала не наблюдаются.

Судя по выраженной стандартизации заготовок (рис. 4, А, 1–16), при первичном раскалывании кремня применялся посредник. Основным типом заготовки для орудий были пластинка и пластина. Имеется некоторое количество микропластинок (рис. 4, А, 1–5), но получены они не в технике отжима.

Изученный автором орудийный состав (в шт.) коллекции выглядит следующим образом.

1. Сегменты короткие 4
2. Сегменты удлиненные 12
3. Трапеции высокие 24
4. Трапеции низкие 19
5. Острия со слабовыделенным черешком 2
6. Острия с утончением основания на отщепах 2
7. Скребки концевые на пластинах 2
8. Скребки концевые на массивных отщепах 2
9. Проколки с коротким жальем 2
10. Долотовидные орудия 2
11. Пластина с выделенной головкой 1
12. Микропластинки с крутой ретушью по обоим краям 7
13. Отбойники 3
14. Ретушеры 2

В приведенном списке отсутствуют такие категории материала, как нуклеусы, заготовки и дебитаж. Но для целей данного исследования это не критично. Имеющийся состав материала достаточен для понимания его главных характеристик. Наиболее значимые из последних сводятся к отсутствию в инвентаре признаков техники отжима и господству в инвентаре категории орудий в виде геометрических микролитов (рис. 4, А, 17–32) определенных типов.

В отношении последних примечательно, что ведущие разновидности наиболее распространенной здесь формы, а именно трапеций, приходятся на высокие формы (рис. 4, А, 21–29; Б, 14–21), а в группе сегментов (рис. 4, А, 17–20; Б, 1–8)



Рис. 5. Стоянка Аназага. Привходовая часть, вид с востока.

Fig. 5. The Anazaga site. Entrance part, east view

основное количество представлено сегментами удлиненных форм (рис. 4, А, 19, 20; Б, 6–8).

Группа высоких трапеций внутри себя относительно стандартизована. Эти изделия оформлены крутой ретушью по обоим краям. Иногда ретушь присутствует и на верхнем основании трапеций. Длина орудий данного типа составляет, в среднем, 12–19 мм и, как правило, не превышает высоту; высота, в среднем, равна 15 мм.

Ретушное оформление трапеций низких такое же, как и у описанных выше. Длина орудий составляет, в среднем, 12 мм, высота — 9.

В качестве важной части орудийного набора данного инвентаря должны быть отмечены острия с утончением основания на отщепах (рис. 4, Б, 25), долотовидные орудия с подтеской концов (рис. 4, Б, 31) и микропластинки с крутой ретушью по обоим краям.

Стоянка Аназага (рис. 5) — самый репрезентативный памятник неолита Гобустана. В его напластованиях исследователями зафиксированы культурные слои неолита, энеолита, бронзового века, а также разнородные находки более поздних

эпох. С большой долей уверенности можно говорить о наличии в просмотренной нами коллекции каменных изделий Аназага примеси мезолитического материала и, возможно, артефактов более раннего, верхнепалеолитического времени. Особое место в стратиграфии памятника занимают слои 2 и 3 по нумерации слоев, предложенной исследователем памятника Д.Н. Рустамовым. Они содержат многочисленные неолитические материалы в виде кремневых артефактов и фрагментированных остатков костей животных. Каменная индустрия именно этих слоев — предмет нашего рассмотрения.

Стоянка расположена на обращенном в сторону моря юго-восточном склоне горы Беюкдаш. Раскопки на стоянке проведены Д.Н. Рустамовым в 1965–1966 гг. на площади 25–30 м² (Рустамов, 1966).

Археологический материал всех слоев памятника вместе (включая и фаунистические остатки) составляет по описи суммарно 30 000 предметов. Подавляющее большинство их приходится на слои 2 и 3. Совсем недавно кремневая индустрия достаточно подробно описана и издана (Амирханов, 2023). Это позволяет остановиться в данной работе лишь на наиболее существенных общих характеристиках памятника.

Индустрия неолитических слоев 2 и 3 определяется как моносырьевая, основанная на непрозрачном кремне сероватых оттенков. Среди 470 (!) ядрищ (рис. 6, А, 15–23) коллекции обоих слоев нет ни одного из обсидиана, хотя в каждом из рассматриваемых слоев отмечены единичные мелкие обсидиановые сколы. В редких случаях в коллекции фиксируются нуклеусы из кремня сургучного цвета и яшмовидного кремня разных оттенков от медового до черного.

Технология раскалывания в слоях 2 и 3 тождественна и основывается на отжиге заготовок в форме, доведенной до совершенства. Типологический состав каменного инвентаря (таблица) приводится в соответствии с опубликованной автором ранее (Амирханов, 2023).

С типологической точки зрения главная особенность каменного инвентаря стоянки Аназага — наличие в нем острий типа Уйташ разных вариантов (рис. 6, А, 1–14). В коллекции слоя 2 эти орудия составляют 57% от всех изделий с вторичной обработкой, а в слое 3—83% соответственно. Разновидность острий, о которой идет речь, до настоящего времени не фигурирует в существующих тип-листах и ранее не отмечалась в литературе. Впервые этот тип выделен автором в материалах местонахождения Уйташ 2 в приморской зоне Дагестана (Амирханов, 2022а).

Идеальное изделие описываемого типа характеризуется следующими признаками: а) заготовка в виде пластинки или микропластинки; б) верх-

ний конец имеет стрельчатые очертания и заострен крутой или полукрутой ретушью по обоим краям; в) нижний конец усечен крутой или полукрутой ретушью. В отличие от местного мезолита одно из более общих существенных отличий каменного инвентаря неолита Гобустана — выраженная специализация и стандартизация категории острий (наконечников стрел).

Репрезентативна в количественном отношении и интересна с точки зрения морфологического разнообразия категория зубчато-выемчатых орудий (рис. 6, Б, 11–13). Наиболее значимой разновидностью данной категории можно считать предметы, обозначенные в приведенной выше типологической таблице, как “орудия с зубчатым краем и выделенным ретушью выступом”. Эти загадочные с точки зрения их функции изделия (рис. 6, Б, 17) могут рассматриваться в качестве одного из типов, придающих данному инвентарю свою специфику.

Обсуждение и интерпретации. С точки зрения функционального типа памятника, сравниваемые объекты однотипны — все они относятся к базовым стоянкам. Статистические показатели коллекций стоянок Гаяарасы и Аназага вполне репрезентативны. А инвентарь стоянок Кяниза и Окюзлар по технико-типологическим характеристикам настолько своеобразен относительно других, что его малочисленность не может препятствовать осуществлению проводимых сопоставлений. Возможная в данной ситуации однородность коллекций и общие тафономические характеристики сравниваемых материалов также, более или менее, равнозначны. Следовательно, проведение сравнительного анализа рассматриваемых групп памятников с методической стороны обосновано.

Анализ, осуществленный с учетом таких показателей, как исходное сырье, техника раскалывания камня и морфологическая классификация орудий позволяют говорить о наличии в каменном веке Гобустана трех разнородных и разновременных групп памятников. Первая из них представлена стоянками Окюзлар (линзовидный культурный слой) и Кяниза (низ культурных отложений). Материалы, относящиеся к пласту культуры, представляемому этими памятниками, с определенной долей вероятности можно выделить в качестве примеси также в нижних горизонтах некоторых других гобустанских стоянок. Культуру этой группы характеризует, в частности, активное использование в качестве исходного сырья наряду с кремнем окремнелого известняка и других метаморфических пород.

Техника первичного раскалывания базируется на прямом ударном расщеплении нуклеуса призматической формы. Основная форма заготовки — крупные пластины и отщепы. В составе орудий

Послойный типологический состав орудий стоянки Аназага
Typological composition of tools by layers from the Anazaga site

Наименование предметов	Количество предметов	
	слой 3 (1965 г.)	слой 2 (1966 г.)
Нуклеусы отжимные		
Призматические	59	104
Конические	26	34
Карандашевидные	16	33
Плоские	24	12
Торцевые	28	65
Микронуклеусы отжимные		
Призматические	3	6
Конические	—	25
Карандашевидные	4	—
Плоские	1	4
Торцевые	1	7
Обломки и заготовки нуклеусов		
Обломки нуклеусов	14	—
Заготовки нуклеусов	4	—
Итого нуклеусов	180	290
Геометрические микролиты		
Сегменты удлиненные*	1	—
Сегменты короткие	3	3
Трапеции низкие с неретушированным узким основанием	2	3
Трапеции низкие с ретушированным узким основанием	1	—
Трапеции на узкой пластине	—	2
Итого геометрических микролитов	7	8
Скребки		
Скребок концевой на крупной пластине*	1	—
Скребки концевые с шипом*	1	—
Концевые утолщенные	4	—
Итого скребков	6	—
Резцы на углу излома	2	—
Резец-скребок*	1	—
Итого резцов	3	—
Острия		
Острия типа Уйташ	73	92
Микроострия типа Уйташ	42	193
Острия на отщепе с зауженным основанием*	1	—
Острия на отщепе с подправкой конца плоской ретушью с брюшка*	1	—
Итого острий	117	285
Зубчато-выемчатые орудия		
Пилки	3	—
Орудия с зубчатым краем, и выделенным ретушью выступом	4	11
Орудия с зубчатой краевой ретушью	8	2
Орудия с выемками	9	2
Двувыемчатые орудия	12	10

Окончание
Ending of the table

Наименование предметов	Количество предметов	
	слой 3 (1965 г.)	слой 2 (1966 г.)
Итого зубчато-выемчатых	36	25
Другие орудия		
Микропластинки с мелкой зубчатой краевой ретушью	6	—
Пластинки со сплошной полукруглой ретушью по обоим краям	2	—
Орудия с симметрично зауженным туловом	4	4
Долотовидные орудия	1	—
Отбойники	4	3
Чопперы	3	2
Грузила	5	2
Правилки (желобчатые абразивы)	7	—
Проколки с коротким жалом	—	4
Обломки пластинок и микропластинок с прямым ретушным сечением одного конца	—	10
Обломки орудий черешковых форм	5	—
Итого других орудий	37	25
Всего орудий	206	343
Всего нуклеусов и орудий	386	633

Примечание: * — предметы выбиваются из неолитического контекста Восточного Кавказа; ** — приведено количество изделий без учета предметов, изъятых для оформления музейной экспозиции. В действительности предметов данной категории больше, как минимум, в 2-3 раза.

присутствуют изделия, близкие к ножам типа шательперрон, — изделия с дугообразным обушком, оформленным вертикальной встречной краевой ретушью. Весьма любопытно, что такие же формы обнаружены в предгорье Южного Дагестана в верхнепалеолитическом технокомплексе без признаков смешения разновременного материала (Амирханов, Таймазов, 2017).

Ввиду отсутствия радиоуглеродных дат, при определении возраста данной группы памятников приходится ограничиваться возможностями сравнительно-типологического метода. В этом смысле отсутствие в инвентаре даже намеков на геометрические формы орудий, типичных для финального палеолита Кавказа или эппалеолита Ближнего Востока, склоняет к отнесению рассматриваемых материалов ко времени не позднее, примерно, 25–23 тыс. л. н.

Эталонные для выделяемого здесь, второго, типа индустрии — материалы стоянки Гаярасы. Технику первичного раскалывания здесь с большей вероятностью характеризует использование посредника, чего никак нельзя сказать в отношении материалов первой группы памятников.

В типологическом отношении отмечается широкое использование геометрических микролитов в виде трапеций и сегментов. Среди трапеций

ведущее место занимают высокие формы изделий этой категории, а среди сегментов так же убедительно доминируют их крупные разновидности. Интересно наличие в категории геометрических микролитов таких форм, как равнобедренные треугольники. С точки зрения типологических изменений и взаимных морфологических переходов эти предметы можно рассматривать как трансформацию высоких трапеций с узким верхним основанием в треугольники.

Разнообразием и многочисленностью выделяются зубчатые орудия на пластинках. Органичными для инвентаря являются орудия со стесанными концами (долотовидные орудия). Среди острий внимание привлекают изделия на мелких отщепках с утончением основания. Имеются и другие категории (скребки, проколки), типичные для раннеголоценовых памятников.

Для стоянки Гаярасы опубликованы две радиоуглеродные даты¹. Первая (Beta-305145) получена по образцу, происходящему с глубины 350 см от современной дневной поверхности, и составляет 13660–13400 cal BP (Фараджеева, 2021. С. 679). Вторая, относящаяся к образцу с глубины

¹ Характеристика образцов на датирование в публикации не приводится.

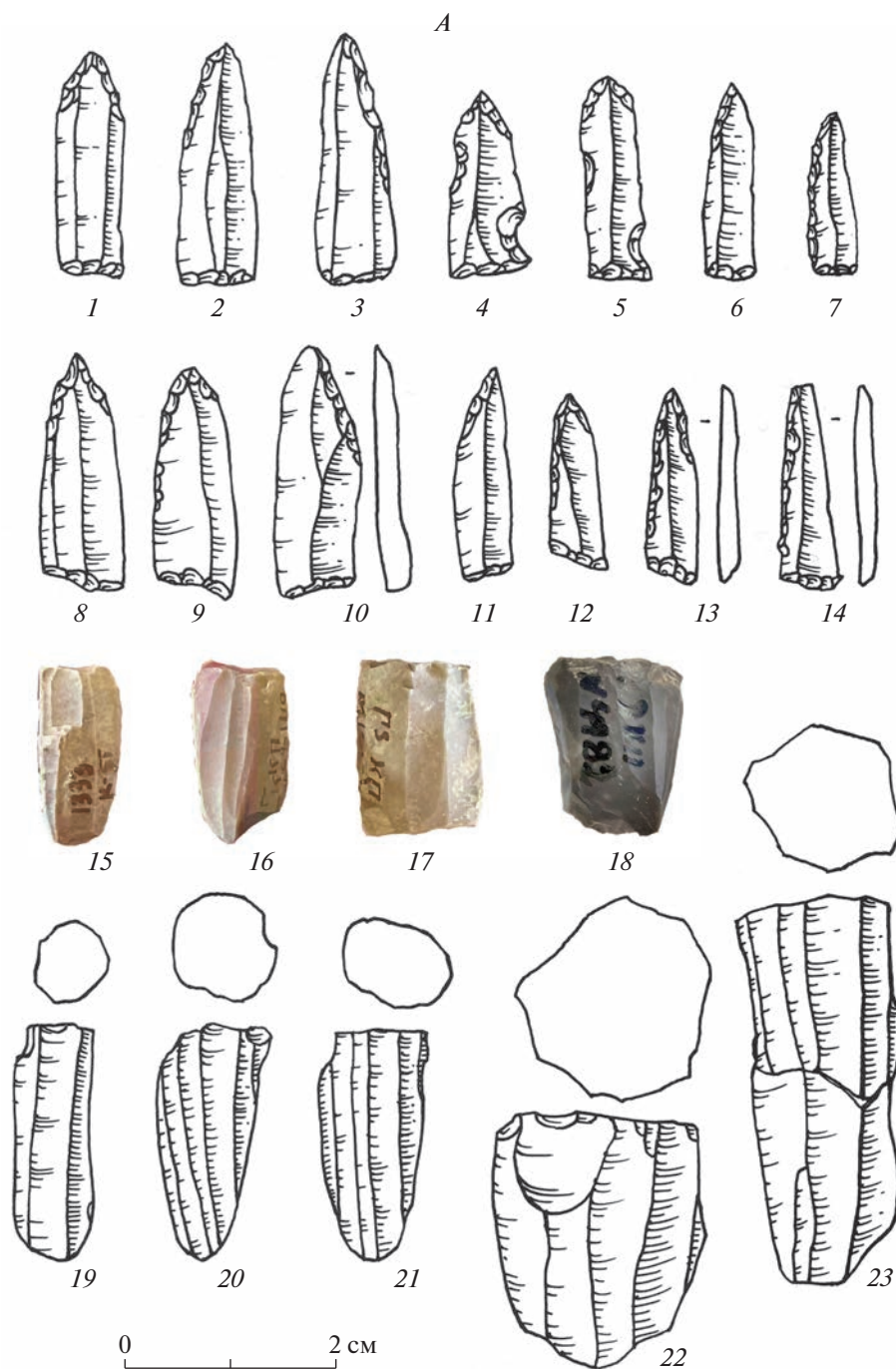


Рис. 6. Стоянка Аназага. Образцы кремневых изделий. *А:* 1–14 – острия типа Уйташ разных вариантов; 15–23 – нуклеусы призматические отжимные; *Б:* 1–5 – сегменты мелкие; 6–10 – трапеции низкие; 11, 13, 19 – выемчатые орудия; 14–16, 18 – скребки концевые на массивных отщепах; 12, 20, 21 – пластинка (12) и пластины с зубчатой краевой ретушью.

Fig. 6. The Anazaga site. Flint objects (*A, B*)

218–176 см, равна 8550–8415 cal BP (Фараджеева, 2021. С. 675).

Эти даты соответствуют современным представлениям о хронологических рамках мезолита Кавказа. Ранняя из них перекликается со значе-

ниями возраста раннемезолитических памятников Кавказа и Южного Прикаспия (Meshveliani et al., 2007; Леонова, 2015; McBurney, 1968; Nasab et al., 2011; Амирханов, 2022б), а поздняя, соответствующая второй половине VII тыс. до н.э., близ-

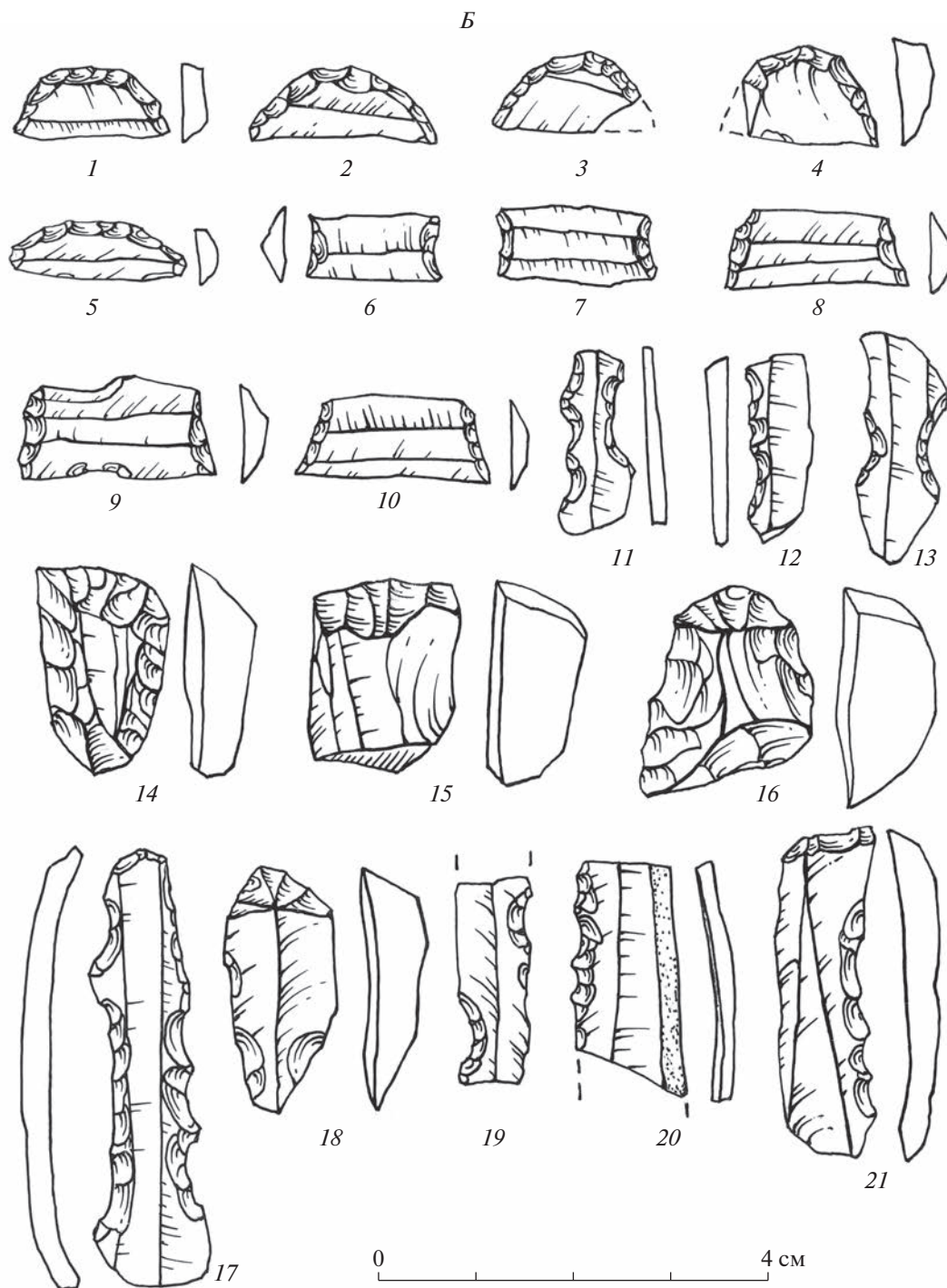


Рис. 6. Окончание
Fig. 6. End

ка к датам из отложений пещеры Дамджила, относящимся к финалу мезолита.

Наконец, третий, неолитический, пласт культуры каменного века наиболее выразительно представлен в Гобустане материалами слоев 2 и 3 стоянки Аназага. На этой стадии появляется и

широко используется техника ручного отжима микропластинок. В типологическом составе орудий также происходят заметные изменения — исчезают равнобедренные треугольники, высокие трапеции, крупные сегменты. Два последних типа заменяются низкими трапециями и мелкими

сегментами, которые в мезолитических материалах Гаярасы тоже известны, но в единичных экземплярах. Появляется прием ретуширования узкого основания трапеций. Очень показательно то, что возникает еще один новый и очень важный культуроопределяющий тип орудий — острие (наконечник стрелы) типа Уйташ.

Насколько известно автору, в русскоязычной литературе для Аназага опубликована пока одна радиоуглеродная дата — 10430–10240 cal BP (Beta-35140) (Фараджева, 2021. С. 676). Она получена по образцу, отобранному из глубины 270–290 см от современной дневной поверхности. В настоящее время в этом скальном убежище возобновлены археологические исследования и можно надеяться на скорое появление серии новых дат. Только после этого можно будет сколько-нибудь обоснованно судить об абсолютном возрасте гобустанских неолитических материалов. Пока же можно отметить, что контекст культуры Кавказа раннего голоцена делает невероятным отнесение местного неолита к 11-му тысячелетию назад от наших дней. Нельзя не учитывать того, что в Западном Азербайджане по данным материалов пещеры Дамджили граница между мезолитом и неолитом пролегает на рубеже VII–VI тыс. до н.э. (Nishiaki et al., 2019). Точно такая же картина наблюдается и в Чохе на Северо-Восточном Кавказе (Амирханов, 2022б). С другой стороны, наличие дат, которые обсуждаются, говорит о возможности существования в низах отложений Аназага горизонта с материалом, относящимся, в частности, к мезолиту.

Таким образом, отсутствие необходимого количества непротиворечивых радиоуглеродных дат оставляет место для скепсиса в отношении традиционных датировок памятников Гобустана, включая и те, на которых обнаружены петроглифы (Формозов, 1969, 1980; Мусеибли, 2017). Если же говорить о выработке схемы периодизации рассматриваемых памятников, то эта процедура реализуется собственно археологическими средствами. С этой точки зрения гобустанские памятники, как указывалось выше, демонстрируют собой три последовательных пласта культуры, которые в стадильной (периодизационной) схеме относительной хронологии соответствуют верхнему палеолиту, мезолиту и неолиту. Индустрия верхнего палеолита не обнаруживает связи ни в хронологическом, ни в культурном отношении с последующей местной культурой мезолита. Указанные две стадии заселения региона разделяет временной hiatus продолжительностью не менее 10 тыс. лет. В Гобустане отсутствуют памятники, которые в технико-типологическом отношении ассоциируются с финальным палеолитом Кавказа, т.е. в хронологическом смысле непосредственно предшествуют рубежу аллереда и позднего дриаса.

Итак, технико-типологический анализ и отчасти характеристики исходного сырья позволяют выделить в Гобустане три разновременные индустрии каменного века. Отличительной чертой наиболее ранней из них — верхнепалеолитической — является технология, основанная на технике прямого скалывания, заготовках в виде отщепов и крупных пластинчатых сколов. В морфологическом отношении наиболее показательно наличие в инвентаре памятников этой индустрии ножей с дугообразным ретушированным обушком, которые напоминают ножи типа шательперрон. К специфике описываемой индустрии можно отнести также использование наряду с собственным кремнем окремнелых пород известняка, чего не отмечается в материалах двух других индустрий. Отсутствие каких бы то ни было геометризованных форм в сочетании с указанными технико-типологическими признаками дает основание относить данный тип индустрии ко времени ранее эппалеолита Ближнего Востока или финального палеолита Кавказа.

Особенность мезолитической индустрии — следующие показатели: первичное раскалывание ориентировано на ударную технику с использованием посредника; основной тип заготовки — пластинка; в орудийном комплексе широко представлены геометрические микролиты, в составе которых господствуют крупные сегменты и высокие трапеции.

Для неолитической индустрии Гобустана характерны доминирование продвинутой разновидности техники отжима, господство микропластинки в качестве заготовки и широкое использование геометрических микролитов в виде низких трапеций и мелких сегментов. Во всех неолитических коллекциях присутствует и играет культуроопределяющую роль такое диагностическое изделие, как острие типа Уйташ.

Практическая помощь, радушие и товарищеское внимание сотрудников и директора Гобустанского заповедника Вугара Исаева способствовали моей, хочется надеяться, плодотворной работе с коллекциями. Приношу им мою сердечную благодарность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Неолитические местонахождения Уйташ в приморском Дагестане: к географии изделий типа “трапеция со струганой спинкой” // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология технология, трасология / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН, 2022а. С. 8–22.
- Амирханов Х.А. Хронология культурных отложений чохского многослойного поселения (по данным за 2022 год) // История, археология и этнография Кавказа. 2022б. Т. 18. № 3. С. 715–728.

- Амирханов Х.А. Гобустанская неолитическая культура // История, археология и этнография Кавказа. 2023. № 2.
- Амирханов Х.А., Таймазов А.И. Палеолитические находки у с. Хадаги (Республика Дагестан) // Краткие сообщения Института археологии. 2017. Вып. 249. С. 7–15.
DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.7-15
- Бжания В.В. Кавказ // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996 (Археология СССР). С. 73–86.
- Леонова Е.В. К проблеме хронологии и культурной вариативности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: Наука, 2015. С. 77–88.
- Музейбли Н. Гобустан: исследования и гипотезы. Баку, 2017. 144 с.
- Рустамов Д.Н. Результаты археологических раскопок в 1965 году в Кобыстане // Тезисы докладов II научной конференции аспирантов Института истории Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1966. С. 3–5. (На азерб. яз.).
- Рустамов Д.Н., Мурадова Ф. Раскопки на стоянке Кяниза в Гобустане // Археологические открытия 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 504–505.
- Рустамов Дж.Н. Мезолитическая стоянка в Гобустане (Окюзлар-2) // Каменный век и энеолит в Азербайджане / Ред. М.М. Гусейнов и др. Баку: Азербайджанский гос. ун-т, 1984. С. 40–52.
- Рустамов Дж.Н. Гая арасы – стоянка охотников на джейранов // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.). Баку: Элм, 1986. С. 7–8.
- Рустамов Дж.Н. Работа Гобустанской экспедиции в 1986 году // Тезисы докладов конференции “Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической науки в Азербайджане”. Баку, 1987. С. 4–6.
- Рустамов Дж.Н. Раскопки стоянки “Гаяарасы” в Гобустане // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий / Ред. Д.М. Тушабрамишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 95–97.
- Рустамов Дж. Гобустан – очаг древней культуры Азербайджана. Баку: Нурлан, 2000. 68 с.
- Фараджеева М. Реконструкция археологического ландшафта Гобустана в эпоху неолита // Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası – 2015. Bakı: Nafta-Press, 2016. С. 20–30.
- Фараджеева М.Н. О датировке наскальных изображений Гобустана // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 3. С. 658–683.
- Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. 136 с.
- Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980. 136 с.
- Azərbaycan Arxeologiyası. VI cild. 1 cild. Daş dövrü. Bakı: Şərq-Qərb, 2008. 445 s.
- Meshveliani T., Bar-Oz G., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto T., Jakeli N., Koridze I., Matskevich Z. Mesolithic hunters at Kotias Klde, Western Georgia: preliminary reports // Paléorient. 2007. V. 33. № 2. P. 47–58.
- McBurney C.B.M. The Cave of Ali Tappeh and the Epi-Palaeolithic in N.E. Iran // The Prehistoric Society. 1968. № 12. P. 385–411.
- Nasab H.V., Javez M., Nobari A.H., Nadooshan F.Kh., Ilkhani H., Mahfrozzi A. Komishan Cave, Mazandaran, Iran: an Epipalaeolithic and later site on the southern Caspian Sea // Antiquity. 2011. V. 085. Iss. 328. P. 112–118.
- Nishiaki Y., Zeynalov A., Akashi Ch., Shimogama K., Guliyev F. The Mesolithic-Neolithic interface in the Southern Caucasus: 2016–2017 excavations at Damjili Cave, West Azerbaijan // Archaeological Research in Asia. 2019. V. 19. 100140.

THREE TYPES OF INDUSTRY IN THE STONE AGE OF GOBUSTAN

Hizri A. Amirkhanov^{a,*}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^{*}E-mail: amirkhanov@rambler.ru

In the east of the Republic of Azerbaijan, in Gobustan district, there are numerous Stone Age sites with preserved culture-bearing deposits. Interest in the richest rock art sites concentrated there overshadowed studying the stone inventory of the region's earliest sites relegating them to the background. In this work, the author proposes a general systematization of the materials of the Gobustan Stone Age. The paper contains detailed typological lists of key sites; suggests the criteria for dividing the material into three cultural and chronological groups; and substantiates a new view on the chronology and local peculiarities of these groups that is different from previously held ones in many respects. For the sites of the Upper Palaeolithic of Gobustan, an estimated age is proposed corresponding to the period prior to maximum of the Würm glaciation (i.e., no later than approximately 25–20 thousand years ago). The lower date of the Mesolithic layers correlates roughly with the end of the Allerød and the Younger Dryas (approximately 14–12 thousand years ago). The emergence of the local Neolithic is attributed approximately to the early 6th millennium BC.

Keywords: East Azerbaijan, Gobustan, the Stone Age, industry type, the Upper Palaeolithic, the Mesolithic, the Neolithic.

REFERENCES

- Amirkhanov H.A., 2022a. Neolithic sites of Uytash in coastal Dagestan: the geography of products of the “trapeze with a planed back” type. *Mikrolity v pozdnem paleolite i mezolite Vostochnoy Evropy i Kavkaza: tipologiya tekhnologii, trasologiiya [Microliths in the late Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe and the Caucasus: typology, technology, traceology]*. M.G. Zhilin, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 8–22. (In Russ.)
- Amirkhanov H.A., 2022b. The chronology of cultural deposits of the Chokh multi-layered settlement (based on the evidence of 2022). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus]*, vol. 18, no. 3, pp. 715–728. (In Russ.)
- Amirkhanov H.A., 2023. The Gobustan Neolithic culture. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus]*, 2. (In Russ.)
- Amirkhanov H.A., Taymazov A.I., 2017. Paleolithic finds near the village of Khadagi (Republic of Dagestan). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 249, pp. 7–15. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.7-15. (In Russ.)
- Azərbaycan Arxeologiyası. VI cildə. 1 cild. Daş dövrü. Bakı: Şərq-Qərb, 2008. 445 p.
- Bzhaniya V.V., 1996. Caucasus. *Neolit Severnoy Evrazii [The Neolithic of Northern Eurasia]*. S.V. Oshibkina, ed. Moscow: Nauka, pp. 73–86. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Faradzheva M., 2016. Reconstruction of the archaeological landscape of Gobustan in the Neolithic. *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnografiyası – 2015*. Bakı: Neft-Press, pp. 20–30. (In Russ.)
- Faradzheva M.N., 2021. On the dating of rock images in Gobustan. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus]*, vol. 17, no. 3, pp. 658–683. (In Russ.)
- Formozov A.A., 1969. Ocherki po pervobytnomu iskusstvu [Studies in prehistoric art]. Moscow: Nauka. 136 p.
- Formozov A.A., 1980. Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR [Prehistoric art sites of on the territory of the USSR]. Moscow: Nauka. 136 p.
- Leonova E.V., 2015. On the problem of chronology and cultural variability of the stone industries during the late Upper Palaeolithic and Mesolithic of the Northwest Caucasus (based on the materials from the Chygai rock shelter and Dvoynaya cave). *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk [Traditions and innovations in history and culture: the Fundamental Research Programme of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]*. Moscow: Nauka, pp. 77–88. (In Russ.)
- McBurney C.B.M., 1968. The Cave of Ali Tappeh and the Epi-Palaeolithic in N.E. Iran. *The Prehistoric Society*, 12, pp. 385–411.
- Meshveliani T., Bar-Oz G., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto T., Jakelli N., Koridze I., Matskevich Z., 2007. Mesolithic hunters at Kotias Klde, Western Georgia: preliminary reports. *Paléorient*, vol. 33, no. 2, pp. 47–58.
- Museibli N., 2017. Gobustan: issledovaniya i gipotezy [Gobustan: research and hypotheses]. Baku. 144 p.
- Nasab H.V., Javez M., Nobari A.H., Nadooshan F.Kh., Ilkhani H., Mahfrozzi A., 2011. Komishan Cave, Mazandaran, Iran: an Epipalaeolithic and later site on the southern Caspian Sea. *Antiquity*, vol. 085, iss. 328, pp. 112–118.
- Nishiaki Y., Zeynalov A., Akashi Ch., Shimogama K., Guliyev F., 2019. The Mesolithic-Neolithic interface in the Southern Caucasus: 2016–2017 excavations at Damjili Cave, West Azerbaijan. *Archaeological Research in Asia*, 19, 100140.
- Rustamov D.N., 1966. Results of archaeological excavations in Qobustan in 1965. *Tezisy dokladov II nauchnoy konferentsii aspirantov Instituta istorii Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR [Abstracts of the II Scientific conference of doctoral students of the Institute of History at the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR]*. Baku, pp. 3–5. (In Azeri).
- Rustamov D.N., Muradova F., 1976. Excavations at the Kyaniza site in Gobustan. *Arkheologicheskie otkrytiya 1975 g. [Archaeological discoveries of 1975]*. Moscow: Nauka, pp. 504–505. (In Russ.)
- Rustamov Dzh., 2000. Gobustan — ochag drevney kul'tury Azerbaydzhana [Gobustan — the center of the ancient culture of Azerbaijan]. Baku: Nurlan. 68 p.
- Rustamov Dzh.N., 1984. Mesolithic site in Gobustan (Oküzlar-2). *Kamennyy vek i eneolit v Azerbaydzhane [The Stone Age and Eneolithic in Azerbaijan]*. M.M. Guseynov, ed. Baku: Azerbaydzhanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 40–52. (In Russ.)
- Rustamov Dzh.N., 1986. Gaya Arasi — a site of gazelle hunters. *Arkheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Azerbaydzhane (1985 g.) [Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan (1985)]*. Baku: Elm, pp. 7–8. (In Russ.)
- Rustamov Dzh.N., 1987. The work of the Gobustan expedition in 1986. *Tezisy dokladov konferentsii “Velikiy Oktyabr” i razvitiye arkheologicheskoy i etnograficheskoy nauki v Azerbaydzhane [Abstracts of the Conference “Great October and the development of archaeological and ethnographic research in Azerbaijan”]*. Baku, pp. 4–6. (In Russ.)
- Rustamov Dzh.N., 1990. Excavations at the Gaya arasi site in Gobustan. *Paleolit Kavkaza i sopredel'nykh territoriy [Palaeolithic of the Caucasus and adjacent territories]*. D.M. Tushabramishvili, ed. Tbilisi: Metsniereba, pp. 95–97. (In Russ.)

МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ АЛАКУЛЬСКОГО МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА НА РУДНИКЕ ВОРОВСКАЯ ЯМА (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

© 2023 г. П. С. Анкушева^{1,2,*}, М. Н. Анкушев², И. А. Блинов², Д. А. Артемьев², И. П. Алаева^{1,3}

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

²Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН, Миасс, Россия

³Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

*E-mail: polenke@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.10.2022 г.

После доработки 29.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье обсуждаются процессы алакульского металлопроизводства на медном руднике Воровская Яма (Южное Зауралье, середина II тыс. до н.э.). Источниками выступают материалы раскопа 2021 г.: руинированные остатки теплотехнических конструкций, металлургический шлак и ошлакованная керамика. Методы исследования включают оптическую и электронную микроскопию, РФА, LA-ICP-MS. Установлено, что технологические операции на месторождении не ограничивались добычей медной руды и ее первичным обогащением. Помимо этого, в непосредственной близости от выработок происходила выплавка металла из сульфидных или окисленно-сульфидных руд, однако она осуществлялась вне пределов изученных участков построек. Вторичный переплав изделий из меди и оловянной бронзы осуществлялся в керамических тиглях при использовании теплотехнических сооружений в постройках.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, металлопроизводство, Южное Зауралье, алакульская культура, рудник, ошлакованная керамика, металлургический шлак, тигель.

DOI: 10.31857/S0869606323030042, **EDN:** PUBMKG

К настоящему времени в Южном Зауралье и Мугоджарах выделена отдельная категория производственных памятников — медные месторождения с признаками разработки в позднем бронзовом веке (Черных, 1970; Зайков, Зданович, Юминов, 2000; Ткачев, 2021; Ankushev et al., 2021). Раскопки широкими площадями проведены только на двух рудниках — Новотемирском и Воровской Яме. Первый отличался длительным периодом функционирования в пределах бронзового века: 2028–1124 кал. л. до н.э. (2σ). Культурный слой Новотемирского рудника, несмотря на слабую насыщенность, содержал в себе свидетельства процессов выплавки меди из руд и отливки горнопроходческих орудий (Ankushev et al., 2021). На руднике Воровская Яма впервые в регионе были зафиксированы остатки стационарных построек, а также относительно однородный в культурном отношении артефактный набор (Анкушева, Юминов и др., 2022). Данная работа посвящена выявлению металлургических и металлообрабатывающих процессов на этом руднике в алакульский период на основе анализа руинированных теплотехнических сооружений,

шлаков и керамики со следами воздействия высоких температур. Подобный комплекс впервые обнаружен на месторождениях обширного алакульского ареала и также впервые подвергается детальному минералого-геохимическому анализу. Мы постараемся ответить на следующие вопросы, касающиеся металлургических процессов:

Какие руды могли использоваться при выплавке на месторождении?

Какую функцию выполняли теплотехнические сооружения в постройках горняков?

Какую роль играли керамические изделия в металлургических процессах?

Какие сплавы здесь использовались?

Полученные данные способствуют реконструкции как технологических аспектов металлопроизводства, так и социальной организации труда древних горняков.

Медный рудник Воровская Яма находится в степной зоне Южного Зауралья (53°02' N 59°35' E) (Зайков, Зданович, Юминов, 2000; Zaykov et al., 2005). В настоящее время памятник выглядит как окруженный отвалами округлый карьер глубиной

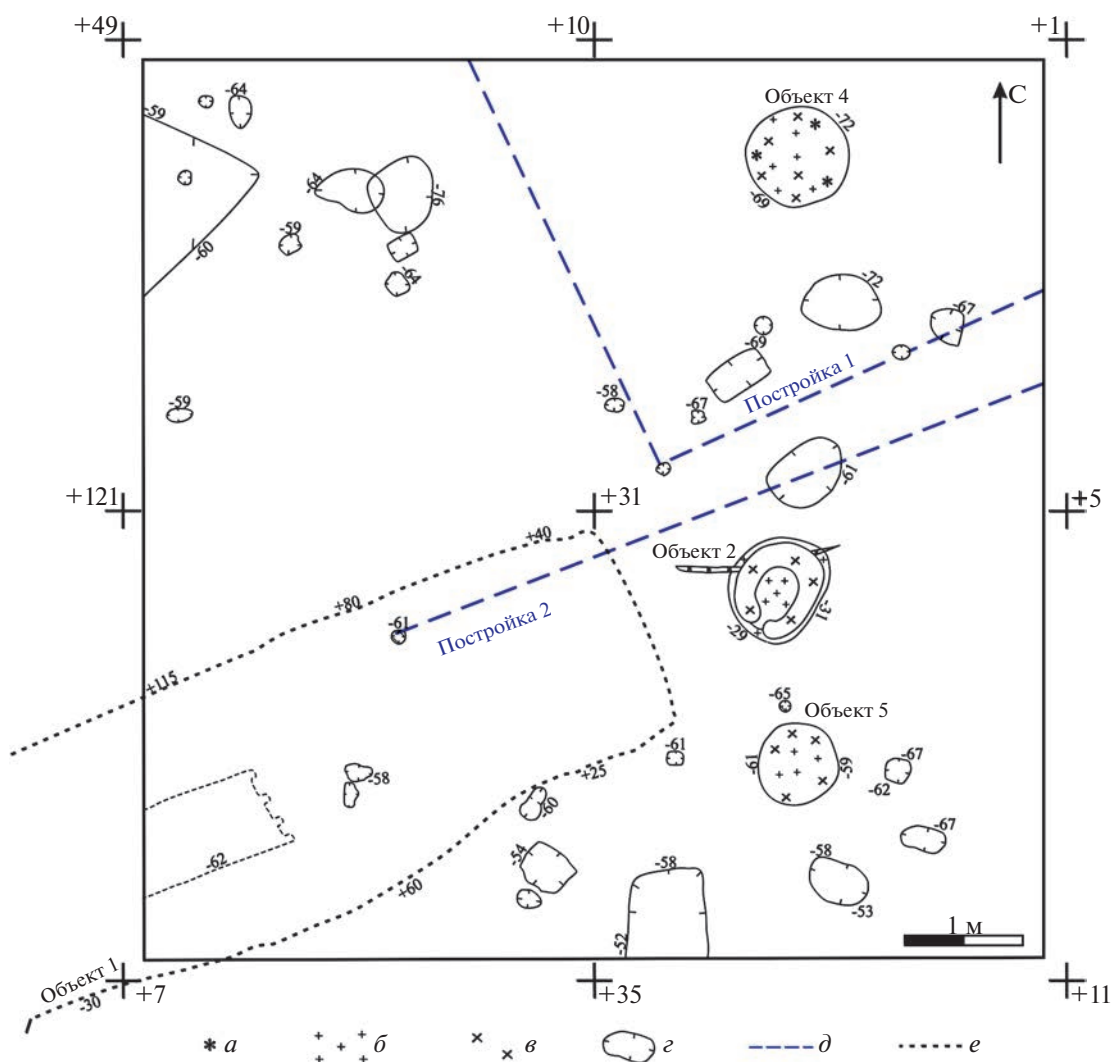


Рис. 1. План-схема раскопа 2021 г. на медном руднике Воровская Яма. Условные обозначения: *a* — участки с окисленными медными рудами; *b* — черный гумус с углями; *v* — красный прокаленный грунт; *z* — углубления на уровне материка; *d* — предполагаемые границы построек; *e* — граница траншеи ВК-4.

Fig. 1. A layout plan of the 2021 excavation site at the Vorovskaya Yama copper mine

4–5 м, диаметр которого по внешнему кругу отвалов достигает 60 м. В 2021 г. на внешнем крае северо-восточного отвала был заложен раскоп размером 8 × 8 м (площадь 64 м²). Под отвалом были обнаружены углубленные в погребенную почву котлованы, серия столбовых ямок, теплотехнические объекты и отличное от прилегающего грунта заполнение, что позволило выделить не менее двух построек на исследованном участке (рис. 1). Керамика алакульского типа на полу построек маркирует их культурную принадлежность (Анкушева, Юминов и др., 2022). По памятнику имеется одна радиоуглеродная датировка, определяющая его функционирование в интервале 1618–1458 кал. л. до н.э. (2σ) (Ankuseva et al., 2022).

В данной работе задействованы три группы источников: остатки теплотехнических сооруже-

ний (4 экз.), керамика со следами воздействия высоких температур (6 экз.), фрагмент металлургического шлака (1 экз.). Аналитические исследования выполнены в ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН. Рентгенофлуоресцентный анализ (далее РФА) проб грунта из различных прослоек очагов, а также поверхности керамики выполнен на портативном приборе Innov-X Alpha-4000 (режим Soil, время экспозиции 30 с, аналитик М.Н. Анкушев). Минералогия образцов ошлакованной керамики и особенности состава различных минералов установлены методом оптической (Olympus BX51; аналитик М.Н. Анкушев) и электронной микроскопии с энергодисперсионным анализатором (Tescan VEGA 3 sbu, ускоряющее напряжение 20 кВ, живое время 120 с, поглощенный ток на эталоне Co около 260 пА; аналитик И.А. Бли-

нов). Масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой и лазерным пробоотбором (далее — ЛА-ИСП-МС) медной капли с керамики выполнена на масс-спектрометре Agilent 7700х с Nd:YAG-лазером New Wave Research UP-213 (аналитик Д.А. Артемьев). Примеси в составе грунта очагов, керамики и металлической капли выражены в ppm (part per million или миллионная доля), 1 ppm = 0.0001 мас. %.

Теплотехнические сооружения в постройках. Планиграфические и стратиграфические особенности построек уже были представлены (Анкушева, Юминов и др., 2022), ниже мы остановимся на характеристике обнаруженных теплотехнических сооружений (далее — объектов).

Объект 1¹ (рис. 2, А, Б) расчищен в южном борту траншеи ВК-4 вне раскопа, поэтому удалось зафиксировать только его профиль. Объект залегал под нижней прослойкой отвала рудника, серо-коричневым мелкодисперсным грунтом. Он представлял собой прослойку красноватого прокала, чашеобразную в профиле, диаметром до 25 см и мощностью до 5 см, обрамленную слоем черного углисто-сажистого грунта мощностью 5–7 см. В прокале встречаются дресва и единичный мелкий щебень серпентинитов, в черном грунте — мелкие фрагменты костей животных, а также развал срубно-алакульского сосуда (Зайков, Зданович, Юминов, 2000. С. 123. Рис. 4, Г). Длина объекта в профиле составляет около 70 см. Предполагается, что данный объект был сооружен в погребенной почве, возможно, в пределах постройки.

Объект 2 (рис. 2, В, Г) стратиграфически залегал поверх заполнения постройки 2, в слое верхней темно-серой гумусированной супеси. Предполагается его более поздняя хронологическая позиция относительно остальных сооружений, тем не менее, в рамках позднего бронзового века, поскольку культурных слоев последующих эпох в раскопе и на памятнике в целом пока обнаружено не было. Объект представлял собой овальное пятно размером 90 × 75 см, ориентированное СВ–ЮЗ, концентрическое заполнение которого состояло из трех слоев. Центр объекта — овал размером 45 × 35 см — состоял из черного гумусированного грунта с малым количеством древесных углей. Его обрамляла окантовка из красного прокаленного грунта шириной около 20 см, имеющая разрыв в южной части, но смыкающаяся в нижних слоях. Внешний слой объекта шириной до 5 см представлял собой темно-серый с бурым оттенком гумусированный грунт. Разрез объекта обнаружил его

чашеобразную форму, в профиле выделены следующие слои (от верхнего к нижнему): 1) центральное черное гумусированное заполнение с включениями золы и угля мощностью до 5 см; 2) красный прокаленный грунт мощностью до 10 см, обильно насыщенный мелким щебнем; 3) прослойка мелкого щебня (1–3 см); 4) черная гумусированная супесь с более редкими включениями мелкого щебня (1–3 см) мощностью 2–10 см. В этом слое был обнаружен неорнаментированный фрагмент тулова керамического сосуда бронзового века. Общая глубина объекта составила 18 см.

Объект 4 (рис. 2, Д, Е) был обнаружен на уровне пола постройки 1. Он представлял собой округлое пятно диаметром 85–90 см, заполненное серо-коричневым золистым грунтом, обильно насыщенным древесными углями, мелким прокаленным щебнем и дресвой серпентинитов, родингитов, бурых железняков и мелкими фрагментами окисленных медных руд. В заполнении наблюдаются множественные дробленые обожженные кости размером в среднем 0.5–2 см. В нем также встречены отдельные крупные (до 10 см) обломки выветрелых родингитов. Разрез объекта обнаружил его чашеобразную форму, в профиле выделяются следующие слои (от верхнего к нижнему): 1) золистый серо-коричневый слой с углями, щебнем, костями животных мощностью 4–6 см; 2) красный прокаленный материковый суглинок мощностью до 10 см. Общая глубина объекта составила 15 см.

Объект 5 (рис. 2, Ж, З) расчищен на уровне пола постройки 2. Он представлял собой пятно, условно состоящее из двух частей: основной — округлой, диаметром 70 см, заполненной прокаленным гумусированным грунтом красноватого оттенка с включениями древесного угля, — и примыкающей к основной части с запада подпрямоугольной, размером около 30 × 40 см, заполненной черным золистым гумусированным грунтом, обильно насыщенным древесными углями. В центральной части обнаружено два фрагмента тулова керамических сосудов алакульской культуры. Как и остальные объекты, он имел чашеобразную форму в разрезе и гумусированное красноватое заполнение с включениями древесного угля, общая глубина не превышала 10 см.

Таким образом, в пределах раскопа было обнаружено 4 теплотехнических сооружения. Концентрическое заполнение объекта 2 может маркировать контуры купола наземной однокамерной печи, а место разрыва указывать на локализацию воздушного сопла. Его также отличает наличие четко фиксируемой прослойки мелких камней, которая, по всей видимости, выравнивала дно печного углубления и защищала его пространство от холода и влаги подстилающего гумусного слоя. Ближайшие аналогии прослеживаются на синта-

¹ Нумерация объектов и находок приводится согласно отчету об археологических раскопках (Анкушева, 2021) во избежание путаницы при дальнейшей работе с материалами и утраты возможности ознакомиться с их детальным контекстом.

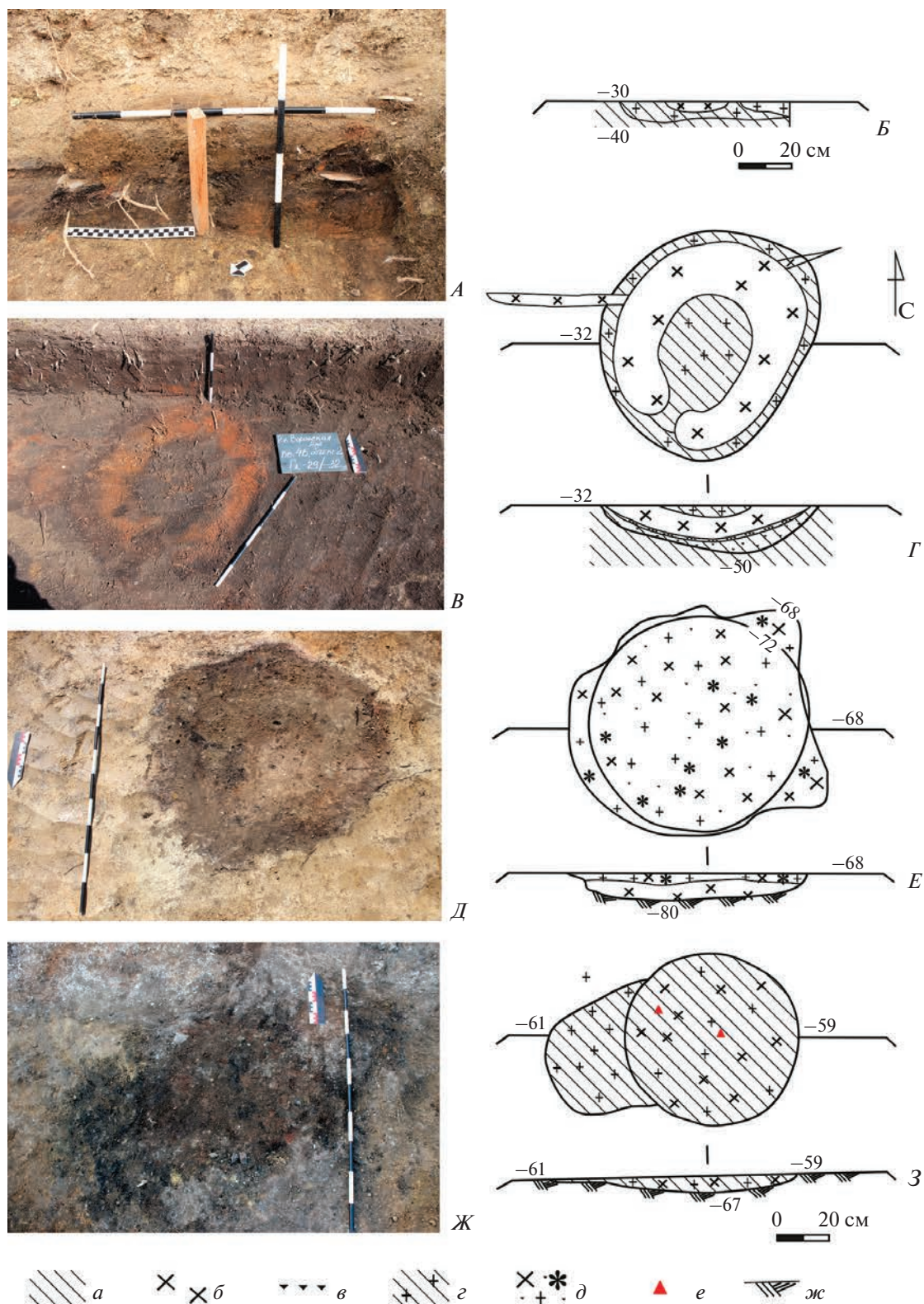


Рис. 2. Теплотехнические сооружения в раскопе 2021 г. на руднике Воровская Яма (фото, план и разрез): А, Б — объект 1; В, Г — объект 2; Д, Е — объект 4; Ж, З — объект 5. Условные обозначения: а — черный гумус; б — красный прокаленный грунт; в — мелкий щебень; г — черный золистый грунт с древесными углями; д — золистый серый грунт со щебнем, углями и медными рудами; е — фрагменты керамики; ж — материк (желто-оранжевый суглинок со щебнем серпентинитов).

Fig. 2. Heating facilities in the 2021 excavation site at the Vorovskaya Yama mine (photo, plan and cross-section): А, Б — object 1; В, Г — object 2; Д, Е — object 4; Ж, З — object 5

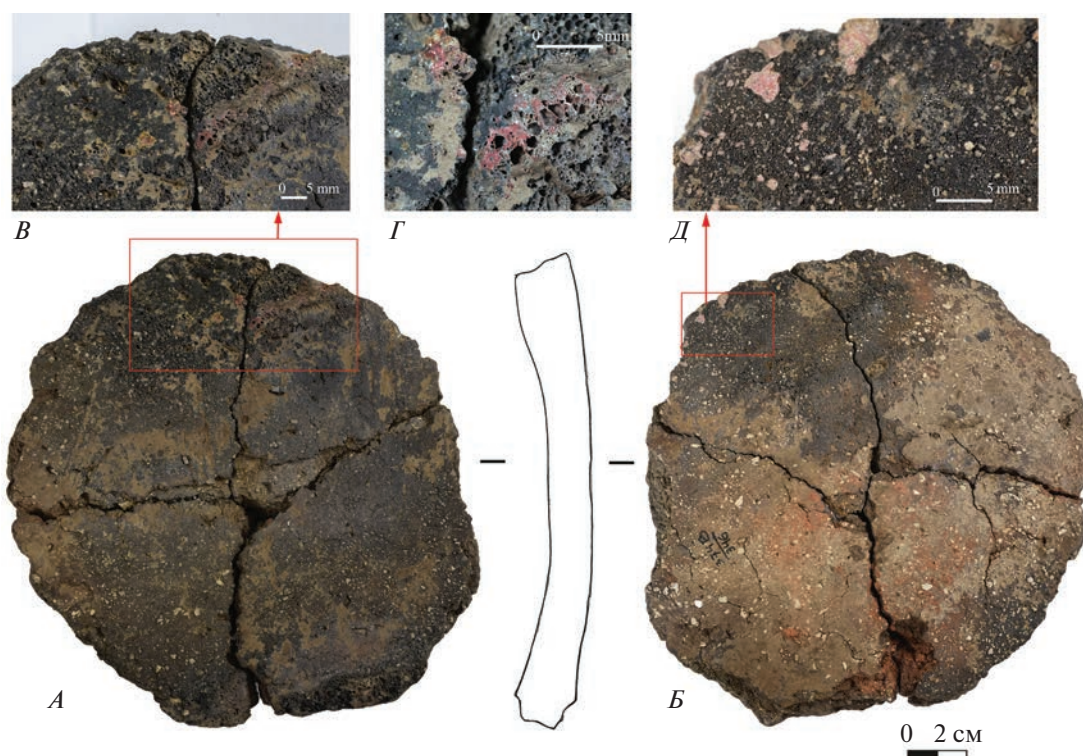


Рис. 3. Образец 346 (блюдо): А, Б — общий вид, В — ошлакованная поверхность, Г — капли металла на ошлакованной поверхности, Д — измененная структура керамики.

Fig. 3. Object 346 (dish): А, Б — general view, В — slagged surface, Г — metal drops on the slagged surface, Д — altered ceramic structure

штинских, петровских укрепленных поселениях (Григорьев, 2013. С. 102. Рис. 3—3), алакульских (Потемкина, 1985. С. 323), а также на руднике Новотемирский (Анкушева, Анкушев и др., 2022).

Два других полностью исследованных теплотехнических сооружения (№ 4 и 5) представляют собой округлые в плане прокалы диаметром 70—90 см, незначительно (на 10—20 см) заглубленные в материк. Подобные простые конструкции исследованы на поселении Горный-1 Каргалинского ГМЦ, в частности, очаг № 8 производственного комплекса № 2 (Каргалы, 2002. С. 101). Авторы предполагают связь этого очага с металлургией или металлообработкой.

Для уточнения назначения исследованных на руднике Воровская Яма теплотехнических сооружений был проведен РФА грунта из различных прослоек их заполнения. Нами было проанализировано 24 пробы грунта из 12 различных слоев. Во всех пробах зафиксированы значимые содержания меди (от 0.05 до 2.6 мас. %, среднее по 27 анализам 0.6 мас. %). Но подобные значения (до 6.5 мас. %) характерны и для культурного слоя раскопа в целом в связи с наличием на данном участке медьсодержащих отвалов и обогащательных производственных площадок. В связи с этим они не могут служить уверенным аргументом в

пользу металлопроизводящего функционала объектов. Более определенно на это указывают высокие содержания олова (170 ppm), зафиксированные в крупной фракции просева объекта 4, при фоновых содержаниях олова ниже предела обнаружения прибора. В грунте этого теплотехнического сооружения также отмечены повышенные, в сравнении с другими пробами, содержания меди — от 1.2 до 2 мас. %.

Керамика со следами высокотемпературного воздействия. Во вторую группу источников вошли керамические артефакты (6 экз.), имеющие следы воздействия высоких температур в виде:

1) ошлакованной поверхности — натеков пористой бугорчатой темно-серой массы со стекловидной поверхностью;

2) вспененной поверхности — шершавой, насыщенной многочисленными микропорами, матовой поверхности с включениями минералов-примесей с измененной структурой.

Выборка включает составляющие различных частей сосудов: шейка (1 экз.), плечико (1 экз.), тулово (3 экз.), дно (1 экз.). Ошлакованная поверхность присутствует на трех артефактах — шейке, плечике и дне — преимущественно на внутренней (вогнутой) стороне сосудов. Осталь-

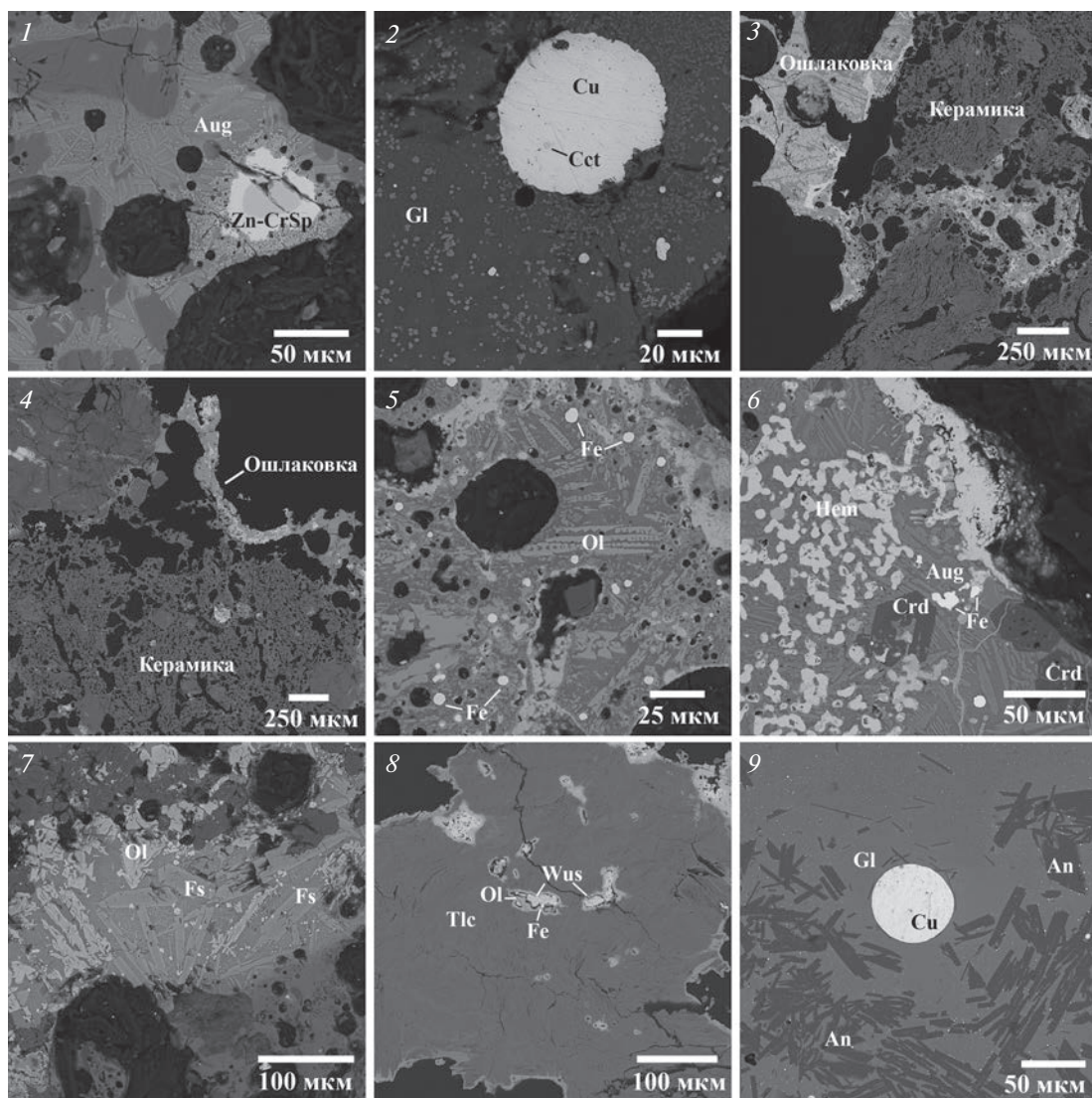


Рис. 4. Микрофотографии ошлакованной керамики и металлургического шлака с древнего рудника Воровская Яма. 1 – реликтовое включение Zn-содержащего хромшпинелида (Zn-CrSp) в пироксеновом шлаке (Aug) на поверхности блюда (образец 346); 2 – медная капля (Cu) с включением халькозина (Cct) в стекловатом шлаке (Gl) с поверхности блюда (образец 346); 3 – железистая ошлаковка на поверхности и в пустотах керамики (образец 290); 4 – тонкая железистая ошлаковка на поверхности керамики (образец 290); 5 – цепочечные кристаллы оливины (Ol) и капли железа (Fe) в ошлаковке (образец 290); 6 – новообразованные кристаллы авгита (Aug) и кордиерита (Crd), агрегаты гематита (Hem) и капли железа (Fe) в ошлаковке (образец 290); 7 – скелетные кристаллы оливины (Ol) и ферросилита (Fs) в ошлаковке (образец 314); 8 – агрегаты оливины (Ol), вюститита (Wus) и капли железа (Fs) в пустотах и трещинах фрагмента тальковой дресвы (Tlc) (образец 314); 9 – капля меди (Cu) и новообразованные кристаллы анортита (An) в фрагменте металлургического шлака (образец 374В-1ш). Фото в отраженных электронах.

Fig. 4. Microphotographs of slag ceramics and metallurgical slag from the ancient Vorovskaya Yama mine. Reflected electron image

ные фрагменты имеют вспененную поверхность как на внутренней, так и на наружной поверхности фрагментов тулова.

Образец 346 (рис. 3). К условно целым изделиям этой группы источников относится “блюдо” из заполнения ямки в постройке 2. Вместе с блюдом в ямке залежали каменный пест, два крупных куса долерита и пять фрагментов сосудов алакульского типа. Артефакт представляет собой

дисковидное изделие с неровными краями диаметром 18 см и толщиной 2.5 см (рис. 3, А, Б). Цвет варьируется от темно-серого до красновато-коричневого. На вогнутой стороне по краям присутствуют участки ошлакованной поверхности с красноватыми включениями (рис. 3, В, Г), выпуклая поверхность прокалена докрасна (рис. 3, Д).

РФА выявил медь (до 3.5 мас. %), олово (240–280 ppm), а также мышьяк на пределе обнаруже-

Таблица 1. Состав капель металла в артефактах с древнего рудника Воровская яма
Table 1. Composition of metal droplets in artifacts from the ancient Vorovskaya Yama mine

№ п/п	№ образца	Характеристика образца	Анализ	Характеристика анализируемой фазы	Содержание, мас. %						Сумма
					Cu	Fe	Ni	Co	Mn	S	
1	374В-1ш	Фрагмент металлургического шлака	22381a	Капля меди	100.53	0.25	—	—	—	—	100.79
2			22381d	—“—	98.12	1.47	—	—	—	—	99.59
3			22381h	—“—	98.74	0.16	0.25	—	—	—	99.15
4	1234-3	Металлургический шлак на поверхности блюда	22419a	—“—	99.78	—	—	—	—	—	99.78
5			22419b	Включение халькозина в капле меди	82.97	0.18	—	—	—	16.4	99.54
6			22419d	Капля меди	98.43	1.68	—	—	—	—	100.11
7	1234-4	Металлургический шлак на поверхности блюда	22420a	Капля меди	97.65	1.66	—	—	—	—	99.33
8	374В-214	Ошлаковка на керамике	22252a	Fe—Ni—Co капля	—	58.19	39.66	1.31	—	—	99.17
9			22252h	Ni—Fe—Co—Mn капля	—	37.81	50.96	10.14	1.06	—	99.97
10	374В-290-1	—“—	22251a	Капля железа	—	99.52	—	—	—	—	99.52
11	374В-290-2	—“—	22251h	Капля железа	—	99.50	—	—	—	—	99.50
12	374В-290-3	—“—	22563a	Fe—Ni—Co капля	—	94.29	5.32	0.68	—	—	100.29
13	374В-96	—“—	22564a	Капля железа	0.55	99.49	—	0.56	—	—	100.60
14			22564e	—“—	—	99.90	0.92	—	—	—	100.82
15	374В-303	—“—	22566a	—“—	0.44	99.47	—	—	—	—	99.92
16	374В-314	—“—	22565d	Fe—Ni капля	—	70.68	29.32	—	—	—	100.00

ния прибора (20–40 ppm) на красноватых участках вогнутой поверхности блюда (рис. 3, Г). По данным электронной микроскопии, пористая керамическая матрица блюда содержит в себе дресву мусковита и талька размером до 2 мм и органики. Кроме этого, в керамической массе зафиксированы реликтовые зерна цинксодержащих хрошмпинелидов, размером до 50 мкм (рис. 4, Г). Примесь цинка характерна для района рудника, это указывает на производство изделия из местного сырья (Ankushev et al., 2021). Можно отметить значительное температурное воздействие на верхнюю часть блюда, которое привело к его частичному переплавлению с образованием гетерогенных стекловатых масс различного состава, а также кристаллов авгита и кордиерита. Участки высококремнистого стекла на оплавленной поверхности блюда содержат в себе мельчайшие капли меди (размером доли мкм, наиболее крупные до 2 мкм). Их состав представлен чистой медью, примеси олова не зафиксировано.

Небольшие фрагменты металлургического шлака с поверхности блюда представлены стекловаты-

ми разностями, содержащими зерна новообразованного магнетита размером до 5 мкм. В единичных случаях наблюдаются скелетные кристаллы оливина с примесями P, Ca, Mn, Ni, Co, Cu. Металлические включения в шлаках представлены медью с примесью железа (табл. 1). В наиболее крупной капле отмечено зерно измененного железистого халькозина (рис. 4, 2).

Коллекция фрагментированных изделий со следами высокотемпературного воздействия включает 5 единиц.

Образец 290 (рис. 5, Г). Фрагмент шейки сосуда найден в переотложенном слое современного отвала экскаватора из траншеи ВК-4. Размеры 4.5 × 4 × 0.8 см. Шейка прямая со слегка отогнутым наружу прямоугольным венчиком, орнамента нет. Венчик и внутренняя поверхность покрыты тонким (до 1 мм) слоем ошлаковки со сферическими включениями бордового цвета 1–2 мм в диаметре. На наружной поверхности ошлаковка присутствует преимущественно на венчике, ниже по шейке — в виде отдельных пузырьков.

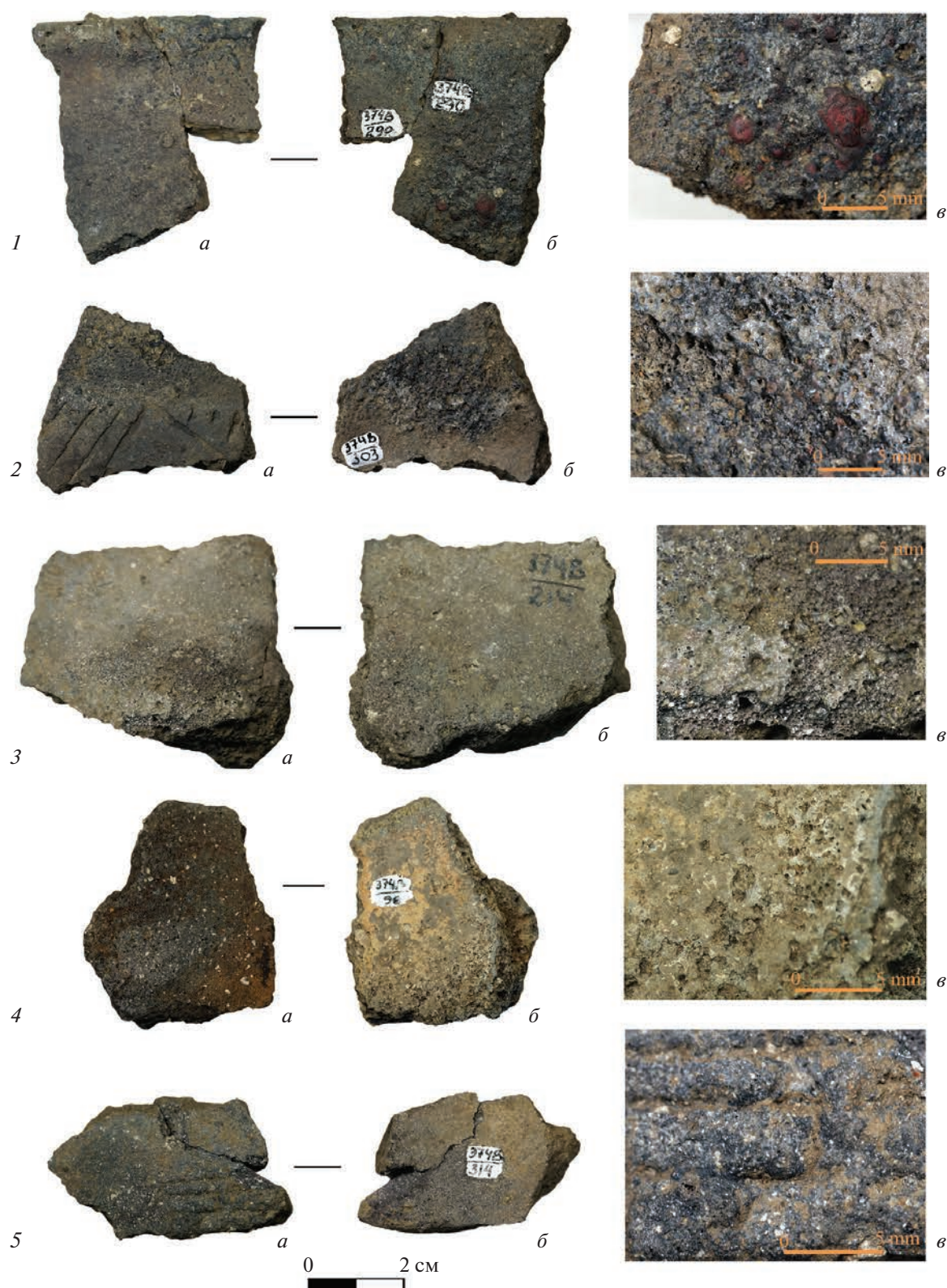


Рис. 5. Фрагменты керамических сосудов: 1 – образец 290; 2 – образец 303; 3 – образец 214; 4 – образец 96; 5 – образец 314 (*а* – внешняя поверхность, *б* – внутренняя поверхность, *в* – следы высокотемпературного воздействия).
Fig. 5. Fragments of ceramic vessels: 1 – object 290; 2 – object 303; 3 – object 214; 4 – object 96; 5 – object 314 (*a* – external surface, *b* – internal surface, *v* – traces of high-temperature exposure)

Таблица 2. Состав металлической капли на венчике сосуда (образец 374В-290) по данным ЛА-ИСП-МС
Table 2. Composition of a metal droplet on the rim of a vessel (object 374V-290) based on LA-ICP-MS data

№ линии	Содержание, мас. %		Содержание, ppm ($10^{-4}\%$)												
	Cu	S	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Se	Te
1	98.47	1.43	9.6	10.2	3.4	14.7	271	4.6	126	<0.1	79.3	<0.1	13.8	92	10
2	98.75	1.15	20.7	16.8	12.4	15.1	248	4.5	140	40	90.5	<0.1	14.6	85	16.4
3	98.78	1.12	20.5	32.4	5.6	17.4	466	15.9	171	55	98.8	<0.1	17.5	176	25.7
4	98.84	1.06	390	234	14.6	121	309	42	146	68	157	<0.1	16.8	208	57
5	99.03	0.87	52.7	51.9	400	18.2	143	12.8	125	70	276	<0.1	9.6	131	46
6	98.91	0.79	28.7	129	113	24.9	177	111	141	85	612	0.5	10	220	150

Примечание: 1 ppm (part per million, миллионная доля) = 0.0001 мас. %.

Ошлаковка керамики выражена небольшими каплями и пленками, припаянными к поверхности сосуда или частично сплавленными с керамической массой (рис. 4, 3, 4), иногда заполняет поры и трещины в керамике (рис. 4, 3). Основная масса ошлаковки представлена новообразованными кристаллами фаялита, авгита и кордиерита, находящимися в матрице железистого стекла (рис. 4, 5, 6). Также здесь присутствуют мелкие реликты магнетита (возможно, измененные хромшпинелиды) и массы оксидов и гидроксидов железа (рис. 4, 5, 6). Металлическая составляющая представлена многочисленными каплями железа с примесями Ni и Co, размером до 5–7 мкм. Сферические бордовые включения на поверхности также выполнены железистой ошлаковкой, состоящей из кристаллов пироксена (ряд энстатит-ферросилит), мелких зерен новообразованных шпинелидов (ряд магнетит-герцинит) и стекла. Также в сферических включениях присутствуют реликты зерен талька и Zn-содержащих хромшпинелидов.

На венчике этого фрагмента сосуда также обнаружена капля меди диаметром 2 мм, окисленная по периферии. Центральная часть капли вмещает большое количество включений куприта. Также в ней наблюдаются небольшие (до 5 мкм) включения Sn–Sb–Pb–Bi фаз. По данным ЛА-ИСП-МС анализа капля состоит из меди с примесями S, Ag, As; кроме этого в некоторых линиях анализа наблюдаются повышенные содержания Ni, Sn, Pb, Sb, Bi, Zn, Se и Te (табл. 2). По определению А.Д. Дегтяревой, капля характеризуется литой полиэдрической структурой с равномерно распределенными включениями эвтектики Cu–Cu₂O. Судя по площади, занимаемой участками эвтектики, содержание кислорода в меди повышено до 0.39%. Ближе к поверхности капли эвтектическое строение практически полностью исчезает, вероятно, из-за угольной засыпки. Полиэдрические кристаллы имеют крупные размеры и почти округлую форму, что

свидетельствует о замедленном остывании капли совместно с теплотехническим сооружением.

Образец 303 (рис. 5, 2). Фрагмент плечика сосуда найден в переотложенном слое современного отвала экскаватора из траншеи ВК-4. Размеры 5 × 3.5 × 0.9 см, цвет темно-серый, по верхней части тулова нанесен орнамент в виде косозаштрихованных треугольников вершинами вниз с использованием гладкого штампа. Две трети внутренней поверхности фрагмента (ближе к верхней части сосуда) покрыты бугристой пузырчатой массой со стекловидной поверхностью темно-серого цвета толщиной 1–2 мм, на внешней поверхности имеются лишь отдельные бугорки. Ошлаковка выражена слабее, чем в других образцах, чаще она представлена частично расплавленной и вспененной керамической массой. Однако местами отмечается значительное расплавление с образованием зародышей кристаллов (возможно, пироксена) и капель железа с примесью меди до 0.44 мас. % (табл. 1, № 15).

Образец 214 (рис. 5, 3). Фрагмент тулова сосуда найден в переотложенном слое современного отвала экскаватора из траншеи ВК-4. Размеры 6 × 5 × 1.4 см, цвет серый, орнамента нет. Фрагмент происходит от слабораздутого тулова сосуда и, возможно, является придонной частью. На более толстой половине фрагмента (ближе к дну) и внутри, и снаружи поверхность вспенена, имеет множество микропор, только на внешней присутствует небольшой участок натека серой массы ошлаковки со стекловидной поверхностью и мелкими бурными включениями. Ее состав выражен железисто-марганцевыми новообразованными нестехиометричными минеральными фазами и стеклом, широко распространены кристаллы фаялита. Металлические включения представлены Fe–Ni–Co–Mn-фазами в виде капель размером до 10 мкм и их скоплениями (табл. 1, № 8, 9).

Образец 96 (рис. 5, 4). Фрагмент тулова сосуда найден в черном гумусированном грунте на краю

постройки 2. Размеры $4.8 \times 4 \times 1.3$ см, цвет серо-коричневый, орнамента нет. Преимущественно по краям фрагмента на более толстой его половине поверхность вспенена и имеет множество микропор, как внутри, так и снаружи. Ошлаковка значительно сплавлена с керамической массой, она образована Fe-Al-стеклом и кристаллами оливина. Включения металла представлены никелистым и самородным железом (табл. 1, № 13, 14).

Образец 314 (рис. 5, 5). Фрагмент тулова сосуда найден в коричневом рыхлом грунте под отвалом, совместно с другими алакульскими фрагментами сосудов, но без привязки к постройкам. Размеры $5 \times 3 \times 1.2$ см. Возможно, придонная часть. Фрагмент серого цвета, имеет орнамент в виде угла из нескольких параллельных прочерченных линий. На участке с орнаментом и под ним на внутренней стороне поверхность сосуда вспенена и имеет множество микропор.

Ошлаковка в образце сплавлена с керамической составляющей. Ее состав выражен Fe-Al-стеклом, новообразованными кристаллами оливина и пироксена (ряд ферросилит-энстатит) (рис. 4, 7). В керамической массе отмечается много обломков талька размером до 2–3 мм, в трещинах и пустотах которых присутствуют новообразованные фазы: никелистое железо, оливин и вюстит (рис. 4, 8) (табл. 1, № 16).

Металлургический шлак. Единственный фрагмент металлургического шлака был найден на погребенной почве вне пределов выделенных построек. Фрагмент имеет размеры 1.5×2 см, темно-коричневый цвет. Поверхность гладкая, на изломе стекловатый, среднепористый. Основную массу шлака составляет низкокремнистое стекло. Новообразованные фазы представлены удлиненными кристаллами анортита и зернами магнетита с примесями Al, Ca, Mn, Mg, Ni, Zn (рис. 4, 9). Реликтовых минеральных включений в шлаке не отмечено. Металл в шлаке представлен каплями меди с примесями Fe и Ni, размером до 100 мкм.

Металлургические шлаки, ранее обнаруженные на руднике в ходе подъемных сборов, отличались разнородностью: обнаружены стекловатые разновидности с новообразованными кристаллами анортита и пироксеновые шлаки. В образцах отмечена примесь Zn, в некоторых из них были встречены реликтовые включения Zn-содержащих хромшпинелидов. Металл в шлаках представлен каплями меди с примесями S, Ag, Bi, Se, Te (Ankushev et al., 2021).

Изученные категории источников позволяют предположить, что в непосредственной близости от горных выработок в алакульский период происходили как металлургические, так и металлообрабатывающие процессы.

Выплавка металлов из руд. Артефакты, маркирующие выплавку металлов из руд, исчисляются

единичными экземплярами. Они представлены фрагментами металлургического шлака из раскопа и подъемных сборов, ситуационно не связанными ни с одним из теплотехнических сооружений, а также шлаковой прослойкой на блюде. Следовательно, говорить о широкомасштабном медеплавильном производстве здесь не приходится, по крайней мере, на исследуемом участке в пределах изученных построек. Возможно, этот этап металлургического процесса был вынесен в другие зоны прилегающего к выработкам пространства, либо за пределы рудника.

Все найденные на руднике образцы шлаков являются продуктом выплавки чистой меди, реже меди с небольшими примесями Fe и Ni. То, что эти шлаки являются продуктом передела руды, добытой именно здесь, доказывает наличие примесей Zn в стекле и реликтовых хромшпинелидах, что является характерной особенностью месторождения. Присутствие включений халькозина в медной капле свидетельствует об использовании вторичных сульфидов в рудной шихте. Это согласуется с наличием примесей S, Se и Te, ранее зафиксированных в шлаке с рудника (Ankushev et al., 2021. С. 408). Можно предположить, что рудная шихта была сульфидной или смешанной окисленно-сульфидной. Однако точно восстановить минералогию исходной шихты пока не представляется возможным из-за малого количества образцов шлака.

Отливка и переплав изделий. Несколько шире представлены свидетельства вторичного переплава меди и сплавов. По крайней мере, одно из теплотехнических сооружений (№ 4) — использовалось в качестве металлообрабатывающего. На это указывает отсутствие металлургических шлаков в грунте объекта и на прилегающем пространстве, следовые содержания олова в его заполнении, а также повышенные в сравнении с остальными объектами содержания меди (от 1.2 до 2 мас. %). Близкие значения содержания меди (1–1.5 мас. %) ранее были установлены по результатам рентгенофлуоресцентного анализа центральной части горна на руднике Новотемирский, чья металлургическая принадлежность надежно аргументирована находками шлаков *in situ* (Анкушева, Анкушев и др., 2022). Таким образом, объект 4 мог использоваться для расплава слитков, переплавки готовых медь- и оловосодержащих изделий или лома.

Особенности строения наиболее хорошо сохранившегося очага № 2 — его небольшие размеры, концентрические прослойки с разрывом, футеровка из мелких камней — косвенно могут указывать на его использование в металлопроизводстве. Отсутствие даже мельчайших фрагментов шлака в его заполнении и на прилегающей территории говорит в пользу металлообрабатывающей функции. Использование сульфидных руд, зафиксированное по шлакам, также является контраргументом

Таблица 3. Валовый состав керамики, ошлаковки на керамике и металлургического шлака на блюде с рудника Воровская яма (сумма приведена к 100%)**Table 3.** Gross composition of ceramics, slag on ceramics, and metallurgical slag on a dish from the Vorovskaya Yama mine (the total is reduced to 100%)

№ образца	Анализ	SiO ₂	Al ₂ O ₃	FeO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	TiO ₂	SO ₃	P ₂ O ₅	MnO
Керамика												
374В-96	22649a	52.55	20.59	12.02	10.08	1.32	0.70	1.17	0.70	0.87	—	—
	22649b	51.60	20.64	13.55	8.84	1.34	0.71	1.38	0.79	0.59	0.55	—
	22649c	53.04	21.81	11.35	8.63	1.27	0.50	1.26	0.98	0.54	0.61	—
	22649d	52.19	21.89	11.66	9.67	1.33	0.39	0.84	0.77	0.59	0.67	—
	22649e	53.36	17.45	11.02	12.95	1.39	0.82	1.28	0.71	0.49	0.54	—
374В-290 нов	22648a	54.31	20.25	12.33	10.22	0.94	—	0.51	0.94	0.50	—	—
	22648b	55.84	18.03	11.01	13.13	0.71	—	0.55	0.73	—	—	—
	22648c	57.09	17.68	10.46	11.67	0.89	0.40	0.56	0.85	0.41	—	—
	22648d	55.58	17.51	10.5	14.28	0.61	0.38	0.41	0.72	—	—	—
	22648e*	56.28	18.38	10.79	11.09	0.82	0.36	0.58	0.69	0.41	—	—
374В-303 нов	22651a	54.05	22.32	9.67	8.25	1.86	0.59	1.40	0.75	0.25	0.85	—
	22651b	54.52	22.67	10.66	8.79	0.99	0.51	0.74	0.76	0.36	—	—
	22651c	54.95	22.81	10.66	8.49	0.98	0.35	0.67	0.77	0.32	—	—
	22651d	54.62	25.82	10.44	5.75	1.06	0.29	0.78	0.96	0.27	—	—
	22651e	53.08	22.24	13.24	8.46	0.78	0.22	0.58	1.13	—	—	0.29
374В-314	22650a	61.78	18.14	8.77	6.91	1.17	0.35	1.72	0.66	0.50	—	—
	22650b	55.63	18.74	11.20	8.05	1.63	0.86	1.88	0.92	1.08	—	—
	22650c	56.99	18.07	8.92	9.75	1.40	0.69	2.13	0.89	1.14	—	—
	22650d	67.63	12.88	6.86	7.69	1.16	0.46	1.30	1.42	0.59	—	—
	22650e	56.99	16.49	10.12	11.38	1.27	0.68	1.54	0.80	0.72	—	—
Ошлаковка на керамике												
374В-290 нов	22648f	52.56	18.05	8.79	6.45	5.64	1.52	4.55	0.99	—	1.27	0.18
Блюдо												
374В-346	22380r**	53.74	16.95	10.80	14.07	0.74	0.66	0.80	1.30	0.49	—	—
Металлургический шлак на блюде												
374В-346-3	22419f***	51.20	18.69	9.07	7.04	2.16	0.78	7.09	1.45	—	0.86	0.36

Примечание. В составе присутствует (мас. %): *Cr₂O₃ — 0.6; **Cr₂O₃ — 0.25; ***CuO — 1.3.

против их выплавки в расположенных в постройках очагах. Экспериментальные исследования исключают возможность сульфидных плавков в закрытом помещении ввиду резкого запаха серного газа и дыма (Григорьев, 2013. С. 47).

Наибольшие затруднения вызвало определение назначения керамики со следами воздействия высоких температур. Блюдо могло являться полифункциональным изделием, поскольку содержит как шлак от выплавки чистой меди, так и следы олова на поверхности, выявленные РФА. Последние указывают скорее на перелав или отливку бронзы, поскольку на месторождении олово отсутствует. Таким образом, блюдо могло использоваться как плавильная чаша для передела руды (тигель), так и в качестве изложницы для от-

ливки бронзового слитка. Совместная плавка медной и оловянной руды в данном случае маловероятна, поскольку, как было сказано выше, шлаки Воровской ямы содержали включения чистой меди. Похожие изделия, функциональное назначение которых связывается с плавкой руды, найдены на поселении Архангельский Прииск II (Григорьев, 2013. С. 432. Рис. 11–29).

Ошлаковка на остальных керамических изделиях могла образоваться в разных случаях: при выплавке металла из руды (например, Кирюшин и др., 2013), при переплаве уже готовых изделий (например, Луньков, 2004. С. 74, 75; Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili, 2015), при использовании в футеровке печи (например, Rehren, Leshta-

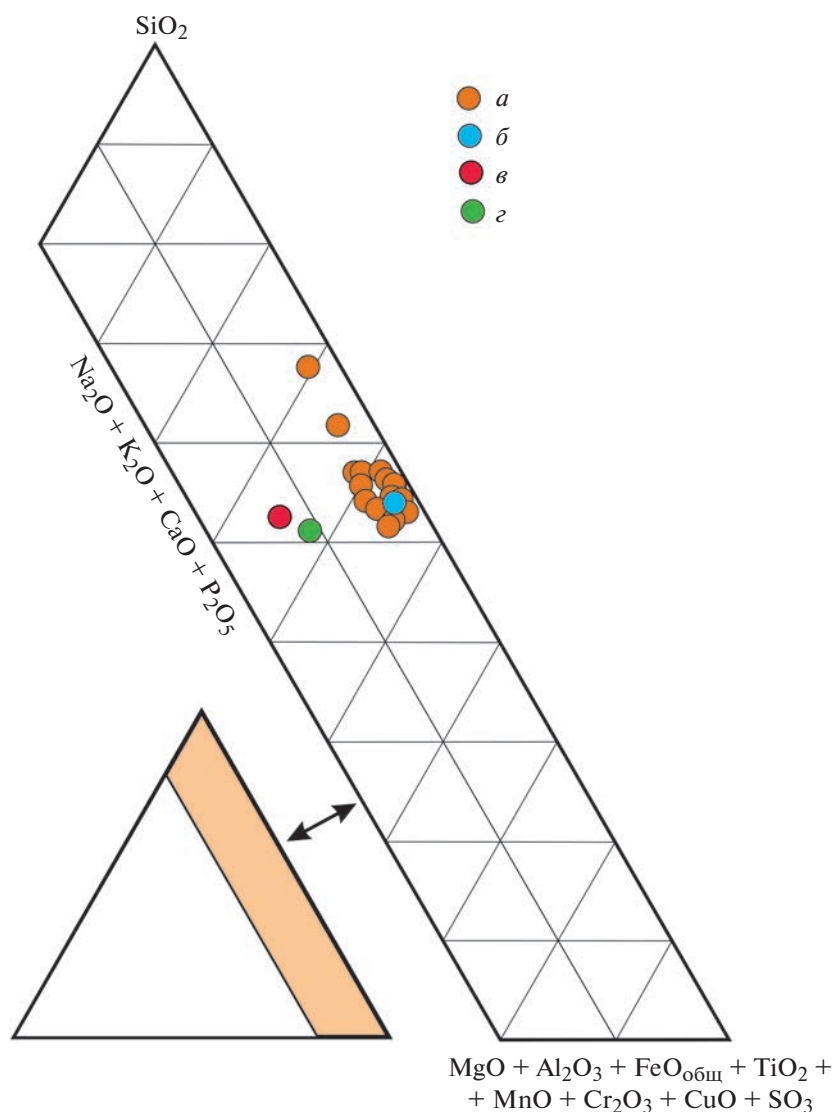


Рис. 6. Соотношение основных компонентов состава керамики, ошлаковки на керамике и металлургического шлака на блюде с древнего рудника Воровская Яма. Условные обозначения: а – фрагменты керамики, б – блюдо, в – ошлаковка керамики, г – шлак на блюде.

Fig. 6. The ratio of the main components in the ceramic composition, slag on ceramics and metallurgical slag on a dish from the ancient mine of Vorovskaya Yama

kov, Penkova, 2016), а также в результате случайного попадания битой посуды в горн.

Последние два варианта были исключены по следующим причинам. Во-первых, прослеживалась закономерность в локализации ошлакованного слоя (на внутренней поверхности). Во-вторых, натеки отсутствовали на поверхности излома сосудов, а значит, они образовались до того, как горшки были разбиты. Следовательно, требовалось выяснить, в каких процессах были задействованы сосуды – в металлургических или металлообрабатывающих.

Для этого мы определили отдельно валовый состав керамики и ошлаковки методом электронной микроскопии с растра размером около 1 мкм^2 .

Состав всех керамических фрагментов, включая блюдо, является сходным, они были изготовлены из одного сырья (табл. 3). В ошлаковке керамики и шлаке на поверхности блюда содержится значительно больше Na_2O , K_2O , CaO и P_2O_5 – компонентов, приуроченных к древесному углю и золе (Калгаро и др., 2021) (рис. 6). Количество других компонентов сходно, поэтому привнос сторонних добавок (флюсов) не предполагается. Значимым отличием ошлаковки на фрагментированной керамике и шлака на поверхности блюда является присутствие в последнем капель меди и высокое содержание Cu в шлаке (1.3 мас. %).

Включения металлического железа, экзотических Fe-Ni-Co-Mn фаз, новообразованных

кристаллов оливина фаялит-форстеритового ряда и вюстита в ошлакованной части объясняется воздействием высоких температур и восстановительной атмосферы на керамическую массу, в большом количестве содержащую тальк, хромшпинелиды, оксиды и гидроксиды железа. Это подтверждается также находками никелистого железа, новообразованного оливина и вюстита в пустотах тальковой дресвы в керамике, вблизи зоны ошлакования (рис. 4, 8). Следовательно, ошлаковка на керамике могла являться косвенным продуктом внутритигельного переплава металла в восстановительной атмосфере, контролируемой угольной засыпкой (Д.С. Агапов, С.А. Агапов, 2021). На это указывают также минералого-геохимические характеристики капли меди, обнаруженной на образце 290. ЛА-ИСП-МС анализ медной капли на венчике керамического сосуда показал низкое содержание характерных для ультрабазитов маркирующих примесей Fe, Ni, Co и As. При этом некоторые аналитические линии показывают повышенные содержания коррелирующих друг с другом Sn, Sb, Pb и Bi, что наряду с неоднородностью элементов-примесей в объеме капли свидетельствует о переплаве различного металлического лома, часть из которого была легирована оловосодержащей медью. При этом повышенные содержания подвижных элементов S и Zn свидетельствуют об ограниченном количестве (вероятно, одноразовом) переплавах. В целом минералого-химические исследования и морфологические особенности этой группы керамики Воровской Ямы находят свои параллели со II категорией плавильных чаш, выделенной на поселении Горный-1 Каргалинского ГМЦ. В нее входят бытовые сосуды небольших размеров (до 1500 см³) с ошлакованной поверхностью, которые использовались в металлообрабатывающем производстве при отливке изделий небольшой металлоемкости (Луньков, 2004. С. 73–75).

Таким образом, исследование свидетельств металлопроизводства из алакульского слоя рудника Воровская Яма позволило получить новые данные о технологических процессах, происходящих на медном месторождении.

1) Вблизи выработок происходила выплавка металла с использованием смешанных окисленно-сульфидных или сульфидных руд. Масштабы этих процессов пока невозможно реконструировать ввиду единичного характера находок, но очевидно, что они были вынесены за пределы исследованных участков построек.

2) В самих постройках отмечены свидетельства металлообработки в виде фрагментов тиглей и теплотехнических сооружений со следами меди и олова в грунте. В роли тиглей могли выступать сосуды, близкие по морфологии к бытовым. Они использовались в том числе для неоднократ-

ного переплава изделий из меди и оловянной бронзы.

Несмотря на присутствие на памятнике признаков всех стадий металлургического процесса, пока по имеющимся данным складывается картина об ограниченных масштабах этого производства. Небольшой объем связанных с ним находок позволяет предположить, что оно было связано с нуждами и потребностями самих горняков, в частности, в изготовлении горнодобывающих орудий труда. Это косвенно подтверждается находкой литейной формы горнопроходческого орудия на другом памятнике этого периода – руднике Новотемирский (Ankusheva et al., 2021). Перспективы проверки этой гипотезы лежат в дальнейшем расширении источникового фонда, аналитических исследований в области организации хозяйства алакульского периода как на рудниках, так и на металлопроизводящих поселениях позднего бронзового века.

Обработка полевых материалов выполнена в рамках бюджетной темы ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН № 122062100023-5. Аналитические исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ и ННФИ в рамках научного проекта № 20-59-56007.

Авторы благодарят А.Д. Дегтяреву за комментарии по металлографии включений меди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов Д.С., Агапов С.А. Модели плавки цветных металлов в древности (по результатам экспериментальных работ Самарской археометаллургической группы) // Аналитические исследования лабораторией естественнонаучных методов. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2021. С. 70–78.
DOI 10.25681/IARAS.2021.978-5-906045-24-9.70-77
- Анкушева П.С. Отчет об археологических раскопках рудника Воровская Яма в Кизильском районе Челябинской области в 2021 году // Архив Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 110. 2 т. (187 + 194 с.)
- Анкушева П.С., Анкушев М.Н., Алаева И.П., Фомичев А.В., Блинов И.А., Артемьев Д.А. Медеплавильный горн на древнем руднике Новотемирский // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 34–48.
DOI 10.24852/ра2022.1.39.34.48
- Анкушева П.С., Юминов А.М., Молчанов И.В., Алаева И.П., Анкушев М.Н. Функциональное назначение построек на руднике бронзового века Воровская яма (по материалам раскопа 2021 года) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2022. Т. 9. С. 140–147.
- Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Циперо, 2013. 660 с.
- Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Воровская яма – новый рудник бронзового века // Археологический источник и моделирование древних технологий:

- труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. С. 112–130.
- Калгаро И., Веронези У., Ермолаева А.С., Радивоевич М. Технология производства меди на поселении Талдысай (Центральный Казахстан) в эпоху поздней бронзы и его роль в общей системе металлургии Евразии // Геоархеология и археологическая минералогия. 2021. Т. 8. С. 145–149.
- Каргалы. Т. II. Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шайхутдинов В.М. Особенности металлургического производства елунинской культуры (по материалам изучения ошлакованной керамики с поселения Павловка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013. Т. 7. № 1. С. 103–111.
DOI 10.14258/tpai(2013)1(7).-06
- Луньков В.Ю. Керамический комплекс // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 22–75.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Ткачев В.В. Концепция культурного ландшафта в ретроспективе эпохи поздней первобытности (по материалам позднего бронзового века Южного Урала) // Stratum plus. 2021. № 2. С. 53–67.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 185 с.
- Ankushev M.N., Yuminov A.M., Zaykov V.V., Noskevich V.V. Ancient copper mines in the southern Trans-Urals (Russia) // The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy / Eds. L. Koryakova, R. Krause. Bonn: Habelt, 2021 (Frankfurt Archaeological Studies; 43). P. 399–414.
- Ankusheva P.S., Alaeva I.P., Ankushev M.N., Fomichev A.V., Zazovskaya E.P., Blinov I.A. From Ore to Metal: Exploitation of the Novotemirsky Mine, Southern Trans-Urals, in the Second Millennium BC // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2021. V. 49. № 1. P. 30–38.
DOI 10.17746/1563-0110.2021.49.1.030-038
- Ankusheva P.S., Zazovskaya E.P., Yuminov A.M., Ankushev M.N., Alaeva I.P., Epimakhov A.V. Radiocarbon Chronology of Bronze Age Mines in the Southern Trans-Urals: First Results // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. V. 14. P. 218.
DOI 10.1007/s12520-022-01681-5
- Erb-Satullo N.L., Gilmour B.J.J., Khakhutaishvili N. Crucible technologies in the Late Bronze–Early Iron Age South Caucasus: copper processing, tin bronze production, and the possibility of local tin ores // Journal of Archaeological Science. 2015. V. 61. P. 260–276.
DOI 10.1016/j.jas.2015.05.010
- Rehren T., Leshtakov P., Penkova P. Reconstructing Chalcolithic copper smelting at Akladi cheiri, Chernomorets, Bulgaria // Der Schwarzmeerraum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.) / Eds. V. Nikolov, W. Schier. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2016. P. 205–214.
- Zaykov V.V., Yuminov A.M., Dunaev A.Y., Zdanovich G.B., Grigoriev S.A. Geologo-Mineralogical Studies of ancient Copper mines in the Southern Urals // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2005. № 4 (24). P. 101–114.

MINERALOGICAL AND GEOCHEMICAL RESEARCH ON EVIDENCE OF ALAKUL METAL PRODUCTION AT THE VOROVSKAYA YAMA MINE (SOUTHERN TRANS-URALS)

Polina S. Ankusheva^{a,b,#}, Maksim N. Ankushev^b, Ivan A. Blinov^b,
Dmitry A. Artemyev^b, Irina P. Alaeva^{a,c}

^aSouth Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

^bSouth Ural Federal Research Centre for Mineralogy and Geoecology, Ural Branch RAS, Miass, Russia

^cThe Institute of History and Archaeology, Ural branch RAS, Yekaterinburg, Russia

[#]E-mail: polenke@yandex.ru

The article discusses the processes of Alakul metal production at the Vorovskaya Yama copper mine (Southern Trans-Urals, middle of the 2nd millennium BC). The study sources are the materials of the 2021 excavation site including ruined remains of heating facilities, metallurgical slag and slagged ceramics. The research employed optical and electron microscopy, XRF and LA-ICP-MS methods. It was established that technological operations at the deposit were not limited to the extraction of copper ore and its primary enrichment. In addition, metal was smelted from sulfide or oxidized-sulfide ores in the immediate vicinity of the mine entry; however, it was done outside the studied areas of the structures. Secondary remelting of copper and tin bronze products was performed in ceramic crucibles using heating facilities inside structures.

Keywords: the Late Bronze Age, metal production, the Southern Trans-Urals, the Alakul culture, mine, slagged ceramics, metallurgical slag, crucible.

REFERENCES

- Agapov D.S., Agapov S.A., 2021. Models of smelting non-ferrous metals in antiquity (based on experimental results of the Samara archeometallurgical team). *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of the Laboratory of Natural Science Methods]*, 5. E.N. Chernykh, V.I. Zav'yalov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 70–78.
DOI 10.25681/IARAS.2021.978-5-906045-24-9.70-77. (In Russ.)
- Ankushev M.N., Yuminov A.M., Zaykov V.V., Noskevich V.V., 2021. Ancient copper mines in the southern Trans-Urals (Russia). *The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy*. L. Koryakova, R. Krause, eds. Bonn: Habelt, pp. 399–414. (Frankfurt Archaeological Studies, 43).
- Ankusheva P.S. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh rudnika Vorovskaya Yama v Kizil'skom rayone Chelyabinskoy oblasti v 2021 godu [Report on the archaeological excavations at the Vorovskaya Yama mine in Kizil'skoye district of Chelyabinsk Region in 2021]. *Arkhiv Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [Archive of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University]*, № 110. 2 vols. (187 + 194 p.)
- Ankusheva P.S., Alaeva I.P., Ankushev M.N., Fomichev A.V., Zazovskaya E.P., Blinov I.A., 2021. From Ore to Metal: Exploitation of the Novotemirsky Mine, Southern Trans-Urals, in the Second Millennium BC [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 40, no. 1, pp. 30–38.
DOI 10.17746/1563-0110.2021.49.1.030-038
- Ankusheva P.S., Ankushev M.N., Alaeva I.P., Fomichev A.V., Blinov I.A., Artem'ev D.A., 2022. Copper smelting furnace at the ancient Novotemirsky mine. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 1 (39), pp. 34–48.
DOI 10.17746/1563-0110.2021.49.1.030-038 (In Russ.)
- Ankusheva P.S., Yuminov A.M., Molchanov I.V., Alaeva I.P., Ankushev M.N., 2022. Function of structures at the Bronze Age mine Vorovskaya Yama (based on excavation materials of 2021). *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya [Geoarchaeology and archaeological mineralogy]*, 9, pp. 140–147. (In Russ.)
- Ankusheva P.S., Zazovskaya E.P., Yuminov A.M., Ankushev M.N., Alaeva I.P., Epimakhov A.V., 2022. Radiocarbon Chronology of Bronze Age Mines in the Southern Trans-Urals: First Results. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 14. 218.
DOI 10.1007/s12520-022-01681-5
- Chernykh E.N., 1970. Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya [Earliest metallurgy of the Urals and the Volga region], Moscow: Nauka. 185 p.
- Erb-Satullo N.L., Gilmour B.J.J., Khakhutaishvili N., 2015. Crucible technologies in the Late Bronze–Early Iron Age South Caucasus: copper processing, tin bronze production, and the possibility of local tin ores. *Journal of Archaeological Science*, 61, pp. 260–276.
DOI 10.1016/j.jas.2015.05.010
- Grigor'ev S.A., 2013. Metallurgicheskoe proizvodstvo v Severnoy Evrazii v epokhu bronzy [Metal production in Northern Eurasia during the Bronze Age]. Chelyabinsk: Tsitsero. 660 p.
- Kalgaro I., Veronezi U., Ermolaeva A.S., Radivoevich M., 2021. Copper production technology at the Taldysai settlement (Central Kazakhstan) in the Late Bronze Age and its role in the general system of Eurasian metallurgy. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya [Geoarchaeology and archaeological mineralogy]*, 8, pp. 145–149. (In Russ.)
- Kargaly [Kargaly], II. Gornyy – poselenie epokhi pozdney bronzy. Topografiya, litologiya, stratografiya. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniya. Otnositel'naya i absolyutnaya khronologiya [Gorny – a Late Bronze Age settlement. Topography, lithology, stratigraphy. Industrial, household and sacral structures. Relative and absolute chronology]. E.N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 184 p.
- Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Grushin S.P., Kiryushin K.Yu., Shaykhutdinov V.M., 2013. Features of the metallurgical production of the Elunino culture (based on the study of slag pottery from the settlement of Pavlovka-I). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research]*, vol. 7, no. 1, pp. 103–111.
DOI 10.14258/tpai(2013)1(7).-06 (In Russ.)
- Lun'kov V.Yu., 2004. Ceramic complex. *Kargaly [Kargaly], III. Selishche Gornyy: arkheologicheskie materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheologicheskie issledovaniya [The settlement of Gorny: archaeological materials, technology of mining and metal production, archaeological research]*. E.N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 22–75. (In Russ.)
- Potemkina T.M., 1985. Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ya [The Bronze Age of the forest-steppe Tobol region]. Moscow: Nauka. 376 p.
- Rehren T., Leshtakov P., Penkova P., 2016. Reconstructing Chalcolithic copper smelting at Akladi cheiri, Chernomorets, Bulgaria. *Der Schwarzmeerraum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.)*. V. Nikolov, W. Schier, eds. Rahden: Verlag Marie Leidorf, pp. 205–214.
- Tkachev V.V., 2021. The concept of cultural landscape in retrospective of the the late prehistoric period (based on materials from the late Bronze Age of the Southern Urals). *Stratum plus*, 2, pp. 53–67. (In Russ.)
- Zaykov V.V., Yuminov A.M., Dunaev A.Y., Zdanovich G.B., Grigoriev S.A., 2005. Geologo-Mineralogical Studies of ancient Copper mines in the Southern Urals. [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 4 (24), pp. 101–114.
- Zaykov V.V., Zdanovich G.B., Yuminov A.M., 2000. Vorovskaya Yama – a new Bronze Age mine. *Arkheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy: trudy muzeya-zapovednika Arkaim [Archaeological source and simulation of ancient technologies: Works of the Arkaim Museum-Reserve]*. Chelyabinsk, pp. 112–130. (In Russ.)

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

© 2023 г. Т. А. Марьенкина^{1,*}, Р. А. Мимоход^{1,**}, О. В. Зеленцова^{1,***}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: marjenkina.tanya@yandex.ru

**E-mail: mimokhod@gmail.com

***E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.12.2022 г.

После доработки 21.12.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье представлены результаты радиоуглеродного датирования поздняковской культуры. В базу данных включены 22 корректные даты по образцам из четырех памятников, сделанных по разным углеродсодержащим материалам. Изложены принципы определения относительной корректности радиоуглеродных датировок. Анализ ¹⁴C данных показывает, что даже для этой серии в силу объективных причин требуется критический подход. В силу пока ограниченного количества дат радиоуглеродный диапазон поздняковской культуры является подвижным, но имеет выраженную тенденцию к стабилизации. Суммирование радиоуглеродных дат позволяет предварительно датировать поздняковские памятники в пределах 1750–1250 CalBC.

Ключевые слова: поздняковская культура, эпоха поздней бронзы, волго-окский регион, радиоуглеродное датирование, керамика, калиброванные интервалы дат.

DOI: 10.31857/S0869606323030157, **EDN:** ZBZMDK

Изучение проблем бронзового века лесной полосы России является одной из важных задач отечественной археологии. Так получилось, что по целому ряду объективных обстоятельств эта территория занимает периферийное положение в фокусе исследований специалистов по эпохе бронзы. Традиционно в приоритете оказываются памятники степи-лесостепи. И если относительная хронология памятников лесной зоны имеет обоснованную структуру, но требует дальнейшей разработки, то абсолютная хронология, которая здесь может строиться только на ¹⁴C данных, по темпам своего становления серьезно отстает от таковой у южных культур. Более или менее благополучно обстоит дело с базой радиоуглеродных дат средневожской абашевской культуры (19 определений) (Кузнецов, 2003. С. 87; Добровольская, Медникова, 2011. Табл. 4; Ахметов, Луньков, Лунькова, 2013. Табл. 2; Кренке, 2014, С. 30; Кузьминых, Мимоход, 2016. Табл. 1–3; Энговатова и др., 2021. Табл. 1) и шагарской культуры (23 анализа) (Черных и др., 2011. Табл. 7–b). Фатьяновская культура имеет 14 датировок (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 11-b; Кренке, 2019. С. 111). Есть также небольшая серия дат для культуры текстильной керамики (Сулержицкий,

Фоломеев, 1993а, С. 25; 1993б. Табл. 1; Воронин, 2013. С. 334; Азаров, 2014. Рис. 7; 2017. Рис. 9).

Поздняковская культура также эпизодически оказывалась в фокусе радиоуглеродного датирования (Сулержицкий, Фоломеев, 1993б. С. 45; Воронин, 2013. С. 328). Констатировался “некоторый разброс” в ее датировках (Сулержицкий, Фоломеев, 1993б. С. 45). Охранные археологические раскопки в волго-окском регионе привели к существенному расширению базы ¹⁴C данных для поздняковских древностей. На сегодняшний день по образцам с памятников этой культуры имеется 36 дат. Однако в силу того, что большая часть из них происходит из поселений, у которых всегда существуют проблемы с закрытостью комплексов, эта серия нуждается в отборе корректных датировок.

Методика формирования базы ¹⁴C данных следующая. База составляется по критериям относительной достоверности. В нее не включались даты, у которых доверительный интервал составляет более 100 лет. Даты с такими диапазонами мало полезны. В базу данных не включены некорректные датировки. Нет смысла выяснять в рамках этой работы причины их несоответствия реальному возрасту комплекса, но принципы, на которых даты считаются корректными или некорректными

Радиоуглеродные даты поздняяковской культуры
Radiocarbon dates of the Pozdnyakovo culture

№ п/п	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	CalBC Вероятность 1σ
1	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, яма 375	Ki-14879	Уголь	3070 ± 80	1430–1210
2	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, кв.к16А, яма 408	Ki-14882	Уголь	3090 ± 90	1460–1250
3	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, кв.И16а, развал 317, яма 351	Ki-14914	Фрагмент керамики	3590 ± 80	2040–1810
4	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, кв.Д10а/Д9в, развал 303	Ki-14915	—“—	3610 ± 80	2140–1880
5	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, пласт 1, кв.П24г, сосуд 380	Ki-14917	—“—	3510 ± 60	1910–1740
6	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, кв.И16а, слой 317, яма 351	Ki-14918	—“—	3210 ± 80	1610–1410
7	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, пласт 1, кв.П24г, сосуд 380	Ki-14920	—“—	3570 ± 90	2040–1770
8	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, кв.Д10а/Д9в, сосуд 303	Ki-14921	—“—	3560 ± 80	2020–1770
9	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, кв.И16а, яма 351, сосуд 317	Ki-14922	—“—	3280 ± 90	1670–1450
10	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, кв.Д10а/Д9в,	Ki-14923	—“—	3260 ± 80	1630–1440
11	Поселение Дмитриевская Слобода II, траншея 2, северный борт, слой 11, 180-213	Ki-14949	Уголь	3240 ± 100	1630–1410
12	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, пл.5, кв.М15б, сооружение 4,	Ki-14950	Дерево	3380 ± 70	1760–1530
13	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, пл.3, кв.М14г, сооружение 4	Ki-14951	Уголь	3330 ± 100	1740–1500
14	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, М15б, сооружение 4(2)	Ki-14953	—“—	3280 ± 80	1640–1450
15	Поселение Дмитриевская Слобода II, раскоп 3, яма 139	Ki-14954	—“—	3170 ± 90	1540–1310
16	Поселение Дмитриевская Слобода II, траншея 2, южная стенка (Е)	Ki-14551	—“—	2950 ± 90	1300–1020
17	Поселение Дмитриевская Слобода II, траншея 2, южная стенка (А1)	Ki-14552	—“—	3640 ± 90	2140–1890
18	Мог-к Березовый Рог, погр. 12	ГИН-6528	—“—	2910 ± 100	1270–970
19	Мог-к Березовый Рог, погр. 20	Poz-106315	Шерсть	3175 ± 30	1495–1420
20	Мог-к Березовый Рог, погр. 6	ГИН-6228	Уголь	3270 ± 50	1620–1490
21	Мог-к Борисоглебский, погр. 2	Poz-106316	Дерево	3640 ± 30	2040–1950
22	Поселение Щербинино, объект 5 (структура 18) (постройка 1), очаг	IGAN _{AMS} -5649	Желудь	3270 ± 25	1610–1500

1–17 – даты по (Saprykina, Zelentsova, Voronin, 2010); 3–5, 7 – даты по (Воронин, 2013. С. 330); 19, 21 – даты по (Шишлина и др., 2020. С. 675); 18, 20 – даты по (Сулержицкий, Фоломеев, 1993б. С. 50). 22 – публикуется впервые.

ми, необходимо обозначить. Дело в том, что сейчас мы уже неплохо представляем основные интервалы существования культур средней—поздней бронзы, и сместиться они в какую-либо сторону больше, чем на 200 лет даже теоретически не смогут. Однако, чтобы избежать угрозы оперирования только “правильными” с точки зрения авторов датами и допускать возможность корректировки существующих диапазонов, предлагается следующий принцип определения некорректности ^{14}C данных. Если крайние рубежи (нижний и верхний) калиброванной в одну сигму даты отстоят от определяемого интервала существования культуры более, чем 200 лет, дату следует признать не соответствующей реальному возрасту комплекса. Таким образом, создается люфт в 400 лет для возможной корректировки диапазона культур, чего более чем достаточно, и при этом отсекаются некорректные датировки, выходящие за него, которые могут негативно влиять на статистические выкладки, в частности, результаты суммирования. В дальнейшем будет производиться оперирование датами с вероятностью в одну сигму, причем, из нее будет исключен интервал, который дает вероятность менее 5%. Калибровка и суммирование (sum_probability) производится в программе OxCal v3.10. Она представляется более удобной для осуществления функции суммирования (Черных, Орловская, 2015. С. 8). Сравнение калиброванных интервалов дат, обработанных в версии OxCal v3.10 и в более современной версии OxCal v4.3.2, показывает, что расхождение интервалов не превышает 10 лет, а в большинстве случаев он еще меньше — 5–8 лет, что с точки зрения радиоуглеродного анализа не имеет никакого значения.

В результате выборка, составленная по вышеприведенным критериям, включает 22 даты (таблица)¹. Они получены по образцам из четырех памятников поздняяковской культуры (рис. 1). Кратко их охарактеризуем.

Поселение Дмитриевская Слобода II, для которого сделано большинство датировок, находится на берегу старичного озера, расположенного на левом берегу р. Ока, у поселка Дмитриевская слобода на северной окраине г. Муром (рис. 1). В результате работ 2006–2007 гг. на поселении были зафиксированы три жилища со столбовой конструкцией. Рядом с поселением, к северу от него, исследован связанный с ним могильник поздняяковского времени, (Воронин, 2013. С. 330). Массовый материал на памятнике представлен фрагментами лепной керамики горшковидных и баночных форм из теста с примесью песка и шамота. Большинство сосудов орнаментированы

традиционным для поздняяковской культуры орнаментом: рядами ямок “жемчужин” в верхней части тулова, линиями, зигзагами, сеткой, нанесенными мелкозубчатым штампом, отпечатками шнура. Памятник относится к развитому этапу поздняяковской культуры.

Борисоглебский курганный могильник расположен на левом берегу р. Ушна, в 3 км к северо-западу от с. Борисо-Глебское Муромского района Владимирской области (рис. 1). Курганный группа насчитывала 18 курганов, которые были исследованы в 1963–1965 гг. В погребениях обнаружен разнообразный инвентарь, представленный бронзовыми ножами, браслетами со спиралевидными окончаниями, широкими браслетами, бляшками с пуансонным орнаментом, пышно орнаментированными сосудами. На основе материалов из погребений могильник можно отнести к ранним памятникам поздняяковской культуры (Попова, 1965. С. 9).

Могильник Березовый Рог располагается на песчаном останце первой надпойменной террасы левого берега р. Ока, в 7 км к востоку от с. Лакаш, в 2 км к югу от Кордона Красный Холм Спасского района Рязанской области (рис. 1). Раскопки могильника производились в 1990-е и в самом начале 2000-х годов. Было вскрыто 39 погребений и остатки 6 объектов, вероятно, ритуального назначения. Захоронения совершены в погребальных сооружениях трех видов: яма, яма с углистым контуром и “деревянный ящик”, которые могут быть разновременными (Азаров, 2014. С. 355).

Поселение Щербинино находится на левом берегу р. Клязьма, на территории Орехо-Зуевского р-на Московской обл. (рис. 1). В результате работ 2012 г. на поселении исследовано жилище подпрямоугольной формы, слабо углубленное, вероятно, каркасной конструкции. На территории поселения обнаружены три погребения, инвентарь из которых аналогичен находкам из культурного слоя. По керамическому материалу поселение и захоронения могут быть отнесены к позднему этапу поздняяковской культуры (Кравцов и др., 2015).

На сегодняшний день поздняяковская культура — лидер “радиоуглеродной гонки” для памятников эпохи бронзы в лесной полосе Восточной Европы². Ее серия из 22 датировок, как будет дальше показано, нуждается в критическом разборе. Определения получены по углю, дереву, шерсти, желудю и керамике.

Даты сделаны в пяти лабораториях (Ki, ГИН, ИГАН, IGAN_{AMS}, Poz). Очевидным недостатком

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность А.Е. Кравцову за возможность публикации даты для поселения Щербинино.

² Если подойти с нашими критериями к шагарской серии из 23 дат (Черных и др., 2011. Табл. 7-b), то в ней останется 18 дат, и она займет третье место в радиоуглеродном рейтинге после поздняяковской и средневожской абашевской культур.

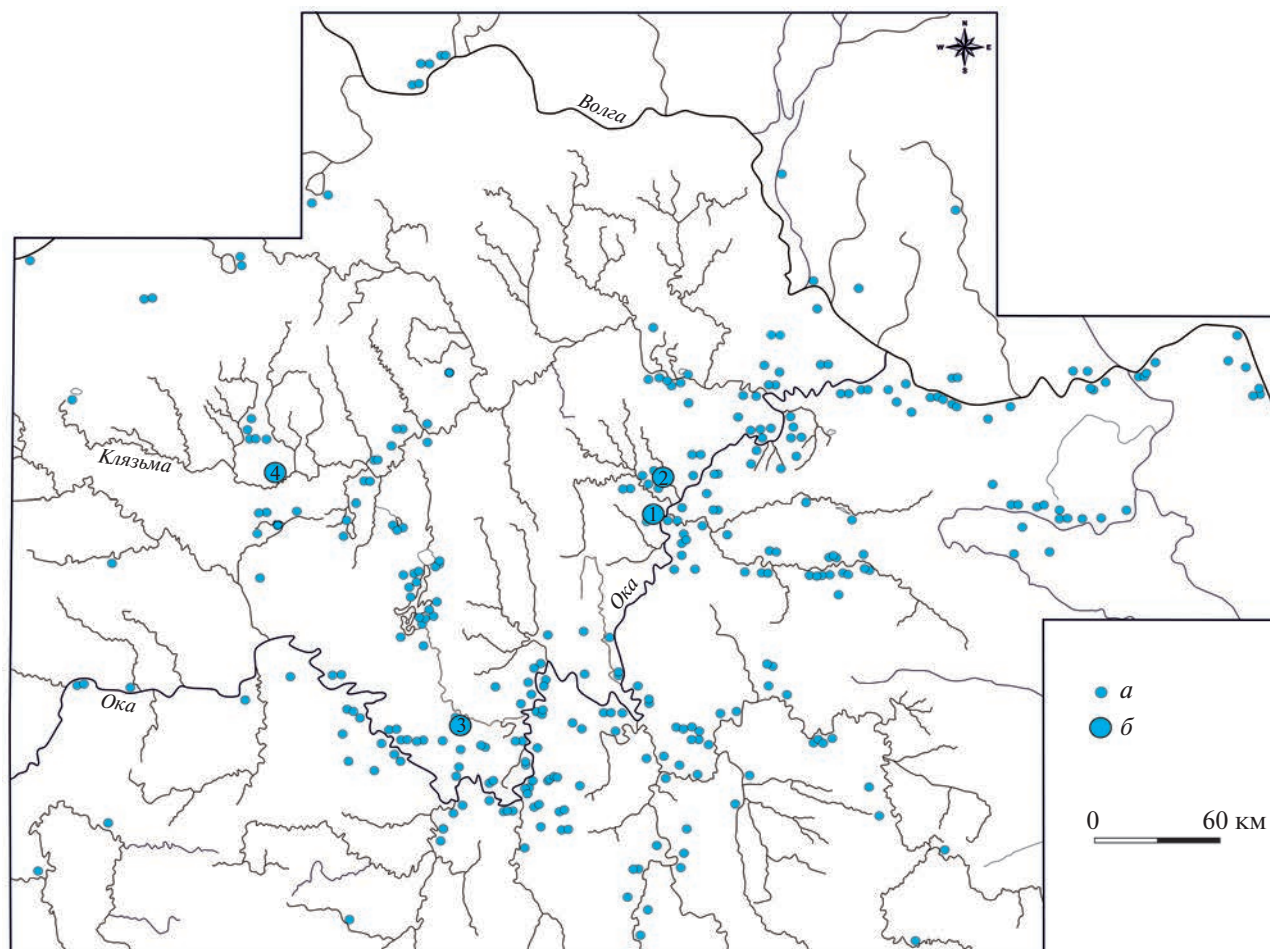


Рис. 1. Карта памятников поздняковской культуры Волго-Окского региона с ^{14}C данными: *a* – памятники поздняковской культуры; *б* – комплексы поздняковской культуры с ^{14}C данными: 1 – поселение Дмитриевская Слобода II; 2 – Борисоглебский могильник; 3 – могильник Березовый рог; 4 – поселение Щербинино.

Fig. 1. Map of the Pozdnyakovo culture sites with ^{14}C data in the Volga-Oka region: *a* – sites of the Pozdnyakovo culture; *b* – complexes of the Pozdnyakovo culture with ^{14}C data: 1 – the settlement of Dmitrievskaya Sloboda II; 2 – the Borisogleb burial ground; 3 – the Berezovyi Rog burial ground; 4 – the settlement of Shcherbinino

серии является то, что подавляющее большинство в ней – это LSC-даты (таблица, № 1–18, 20), AMS-датировок всего три (таблица, № 19, 21, 22), что составляет лишь 13% от выборки. Суммирование всех 22 двух определений дает интервал 2050–1350 CalBC. При этом очевидно, что график распадается на два пика. Один из них, старший с меньшей вероятностью, располагается в пределах 2050–1750 CalBC, второй, младший с большей вероятностью, находится в отрезке 1700–1350 CalBC (рис. 2, 1). Эта ситуация легко объясняется. Если вернуться к нашей таблице, то несложно заметить, что удревненные датировки конца III – самого начала II тыс. до н.э., получены главным образом по такому специфическому углеродосодержащему материалу, как органика из керамики (таблица, № 3–5, 7, 8). Проблема того, что даты по керамике зачастую дают удревненный интер-

вал по отношению к реальному возрасту образца, не раз обсуждалась в литературе. В частности, это хорошо было показано на материалах ямной и репинской культур (Кузнецов, 2013). Похоже, что поздняковская культура тоже не исключение.

Если изъять из процедуры суммирования все даты по керамике, которые дают сомнительный органический материал для датирования, то мы получим интервал 1700–1100 CalBC (рис. 2, 2). Этот диапазон уже в общих чертах соответствует хронологии поздняковской культуры, которая, как известно, в целом синхронна срубной культурно-исторической общности, основное тело графика радиоуглеродного возраста которой находится в этом же отрезке (обзор см.: Мимоход, 2018. С. 115, 116, 121, 122). При этом очевидно, что полученный интервал для поздняковских древностей выглядит растянутым, а его верхняя гра-

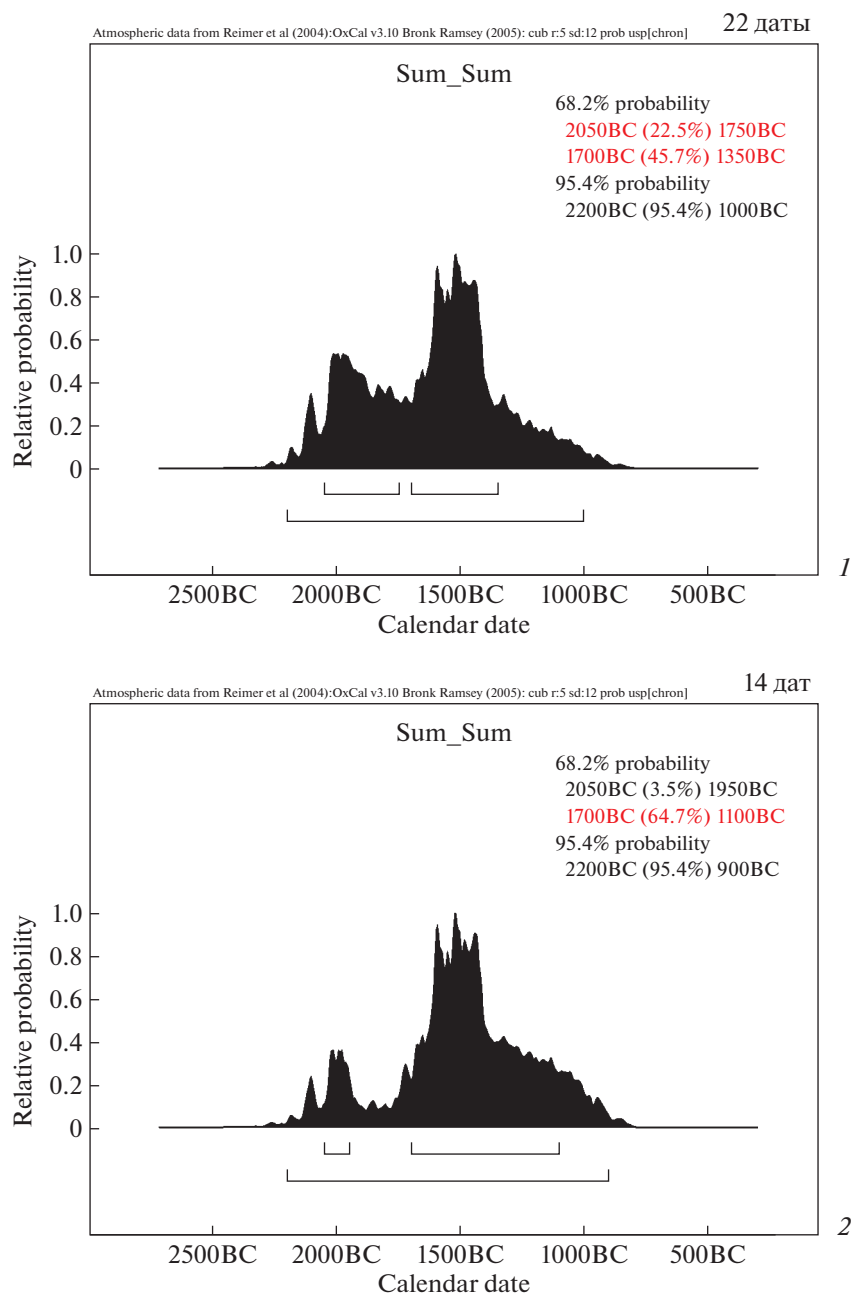


Рис. 2. Результаты суммирования дат поздняковской культуры с учетом предложенных критериев отбора: 1 – все даты; 2 – без учета дат по керамике.

Fig. 2. The results of summing the dates of the Pozdnyakovo culture based on the proposed selection criteria: 1 – all dates; 2 – excluding dates for pottery

ница уходит в финал бронзы и выглядит сомнительной.

Еще одним недостатком рассматриваемой серии дат является то, что из 22 дат 17 сделаны по одному памятнику – поселению Дмитриевская Слобода II (таблица, № 1–17). Это плохо для базы данных, но очень хорошо для самого поселения. Материалы Дмитриевской слободы II датируются

развитым этапом, поэтому имеет смысл проанализировать ее серию отдельно от других дат.

Суммирование всех ^{14}C данных этого памятника дает интервал 2050–1350 CalBC (рис. 3, 1), т.е. такой же, как и для всей культуры. Различаются только вероятностные характеристики. В отличие от результатов суммирования всей поздняковской серии, которая демонстрирует два

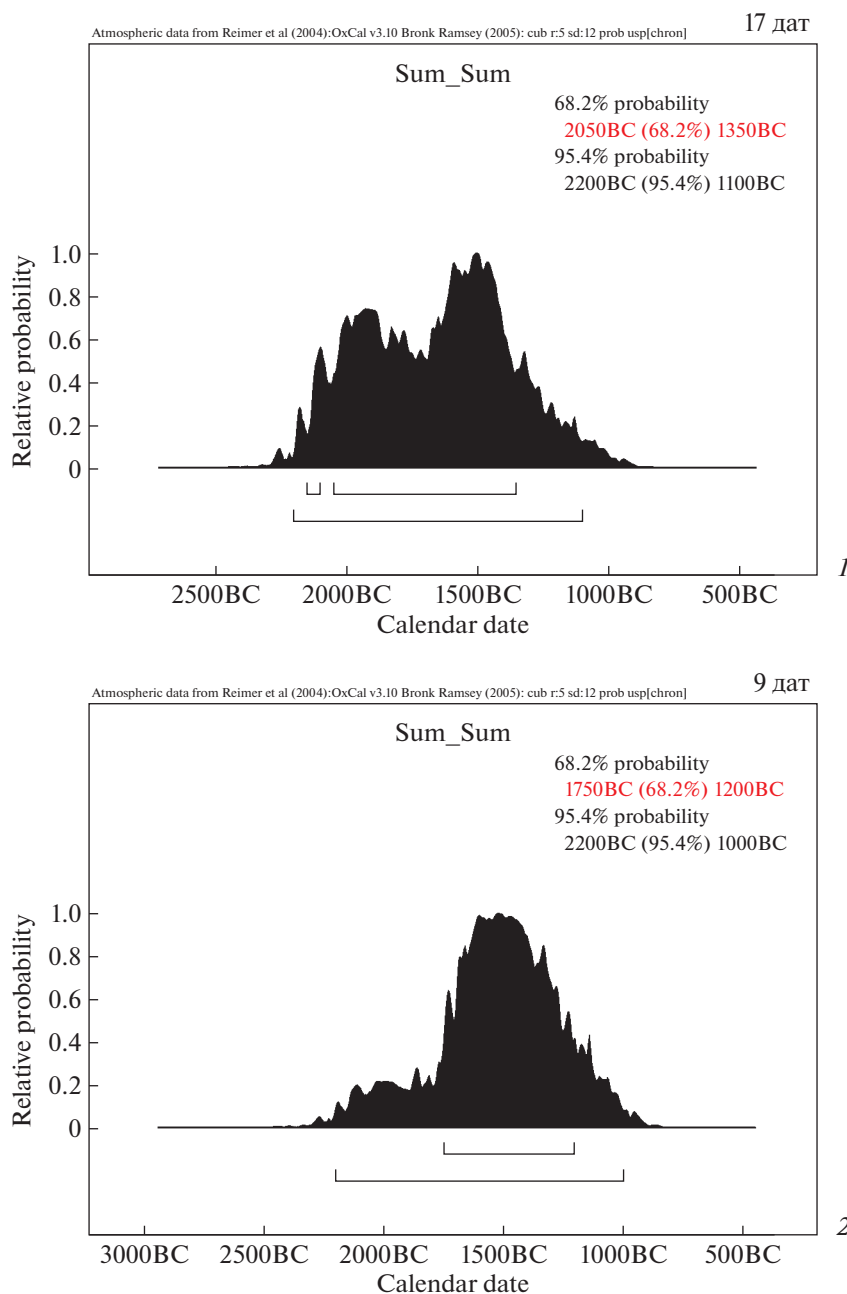


Рис. 3. Результаты суммирования дат поселения Дмитриевская Слобода II: 1 — все даты; 2 — без учета дат по керамике.
Fig. 3. The results of summing the dates of the Dmitrievskaya Sloboda II settlement: 1 — all dates; 2 — excluding dates for pottery

пика (рис. 2, 1), дмитриевская выборка их фактически не показывает (рис. 3, 1). Этому есть простое объяснение. Дело в том, что удрененных дат по керамике в процентном отношении для Дмитриевской слободы II оказывается больше, чем для всей серии. Все датировки по керамике происходят именно из этого памятника. В результате даты плотно группируются в пределах вероятности 68.2%, но при этом сохраняется явное удренение нижней границы.

В такой ситуации для Дмитриевской слободы II нужно провести ту же процедуру, что и для всей серии, т.е. исключить из суммирования датировки, полученные по органическим материалам из формовочных масс. Количество анализируемых дат сократилось до 9, и они расположились в диапазоне 1750–1200 CalBC. Ожидаемо интервал одного памятника (рис. 3, 2) оказался уже интервала всей культуры (рис. 2, 2), хотя и не настолько коротче, как хотелось бы.

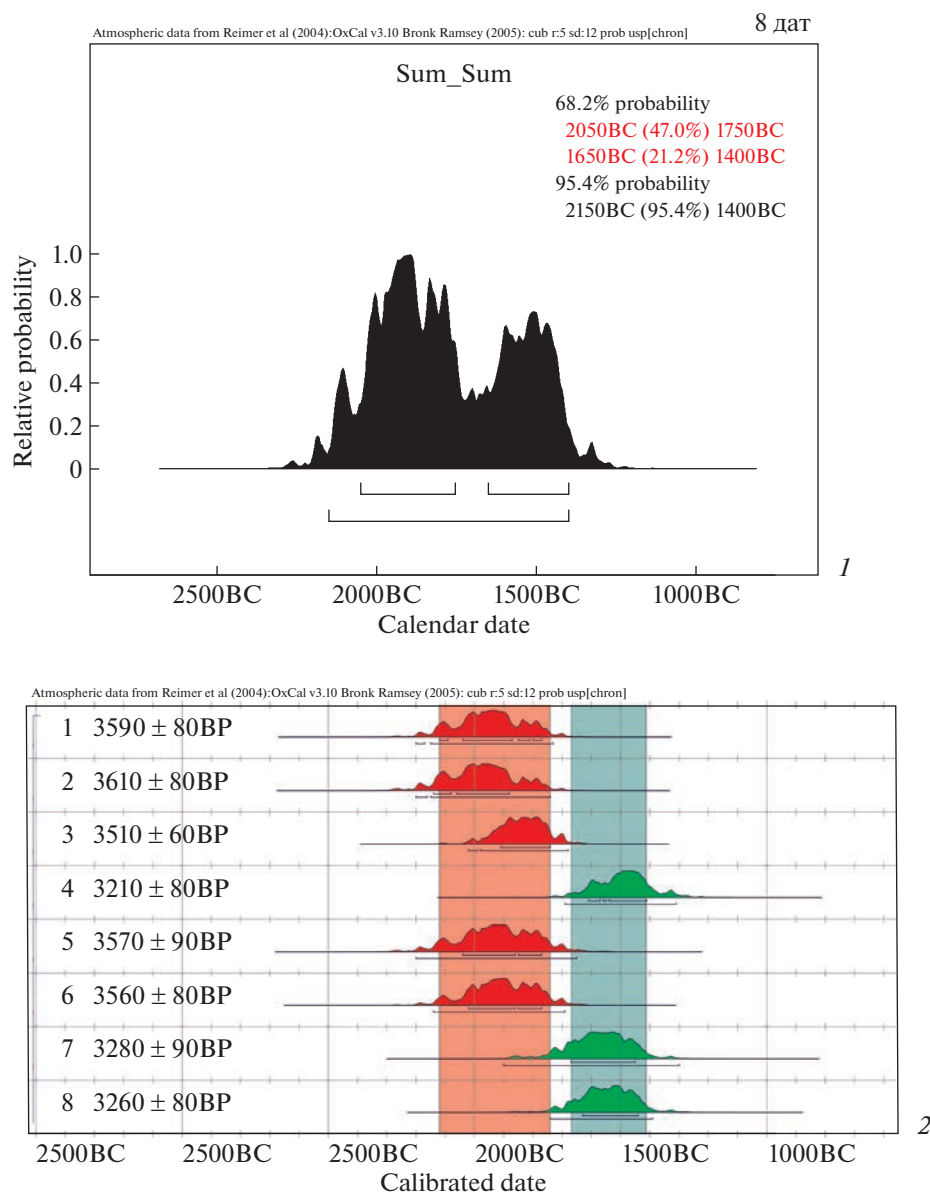


Рис. 4. Радиоуглеродные даты, полученные по органическим материалам из формовочных масс посуды поселения Дмитриевская Слобода II: 1 – результаты суммирования; 2 – индивидуальные графики дат.

Fig. 4. Radiocarbon dates obtained from organic materials of the pottery paste from the Dmitrievskaya Sloboda II settlement: 1 – results of summation; 2 – individual date charts

Выше мы полностью отказались от дат по керамике, но правильно ли мы поступили? Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть отдельно серию “керамических” дат, тем более что они составляют 40% от всей выборки (9 датировок). Суммирование только этих ^{14}C данных дает интервал 2050–1400 CalBC (рис. 4, 1). Однако следует обратить внимание, что этот интервал четко распадется на два пика. Один, старший с большей вероятностью, располагается в пределах 2050–1750 CalBC, второй, младший с меньшей вероятностью, находится в диапазоне 1650–

1450 CalBC. Причем интересно, что диапазоны этих групп дат даже не пересекаются, между ними разница в 100 лет (рис. 4, 2). Столь четкое разделение говорит о том, что в серии “керамических” датировок мы все-таки имеем определения, которые могут соответствовать реальному возрасту позднязковской культуры. Речь, конечно, идет о трех зеленых молодых датировках (рис. 4, 2), которые необходимо включить в список корректных дат. Почему даты по керамике распались на эти две группы, сказать сложно. Мы не знаем, какая именно органика датировалась. Возможно, в

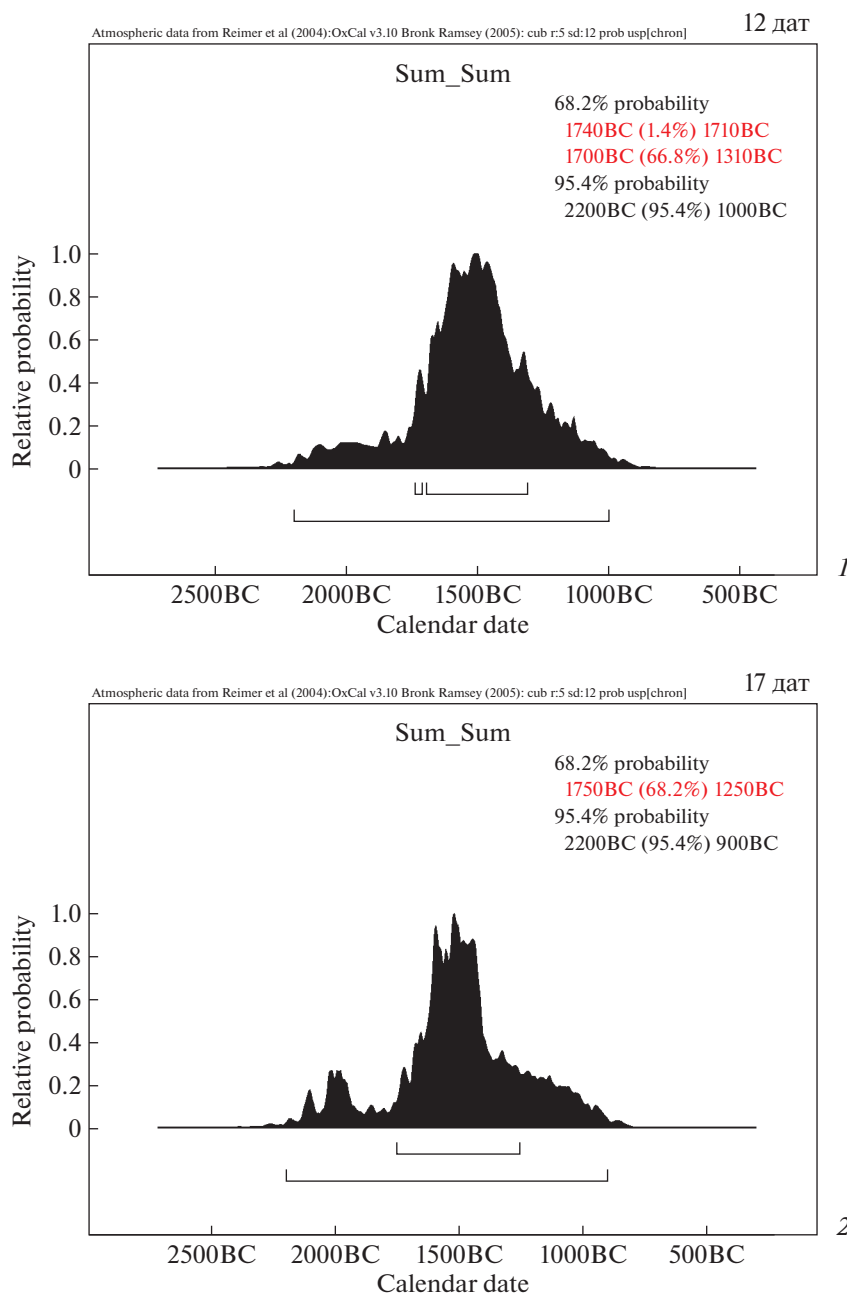


Рис. 5. Результаты суммирования всех корректных дат с учетом образцов по керамике: 1 – поселение Дмитриевская слобода II; 2 – поздняковская культура.

Fig. 5. The results of summing all the correct dates including the pottery samples: 1 – the settlement of Dmitrievskaya Sloboda II; 2 – the Pozdnyakovo culture

одном случае она была обременена какими-то удревняющими эффектами типа резервуарного, а в другом – нет. В качестве примера можно привести две датировки по сосуду 380, они фактически совпали, и обе оказались удревненными (таблица, № 5, 7).

Включение в сводку трех корректных “керамических” дат (таблица, № 6, 9, 10) корректирует

картину радиоуглеродной хронологии в лучшую сторону. Суммирование только датировок поселения Дмитриевская слобода II дает интервал 1700–1310 CalBC (рис. 5, 1). Бросается в глаза, что хронологический интервал для памятника сократился на 160 лет по сравнению с предыдущим суммированием по 9 датировкам (рис. 3, 2). Скорректировалась ситуация и с диапазоном по всей культуре. С учетом корректных дат по керамике

он расположился в пределах 1750–1250 CalBC (рис. 5, 2) и оказался короче на 100 лет по сравнению с суммированием без учета всех “керамических” дат (рис. 2, 2). При этом сравнение диапазона Дмитриевской слободы II (рис. 5, 1) и интервала по всей культуре (рис. 5, 2) демонстрирует уже вполне приемлемую ситуацию, когда интервал памятника оказывается на 110 лет уже интервала самой культуры.

Все вышеприведенные коррективы говорят о том, что база ^{14}C данных поздняяковских древностей пока еще находится в “стадии подвижности”, и она нуждается в дальнейшем накоплении датировок. Сейчас при определении радиоуглеродной хронологии этой культуры следует ориентироваться на наш последний график (рис. 5, 2), который позволяет предварительно датировать поздняяковские памятники в пределах **1750–1250 CalBC**.

Уже в недалеком будущем авторы статьи планируют получить еще одну серию дат для поздняяковской культуры, которая увеличит ее базу данных почти в два раза. Это позволит на новом уровне вернуться к обсуждаемым вопросам. Выразим осторожную надежду, что с получением новых данных мы выйдем для поздняяковской культуры на “стадию застывания” ее радиоуглеродного интервала. И если это произойдет, то тогда актуальным станет определение места поздняяковских памятников в системе восточноевропейской радиоуглеродной хронологии как в синхронном, так и в диахронном планах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаров Е.С. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Археология евразийских степей / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отчество, 2014. С. 352–373.
- Азаров Е.С. К планиграфии поселений культуры “текстильной” керамики эпохи бронзы Поочья. Жилые постройки // Археология евразийских степей / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 63–79.
- Ахмедов И.Р., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В. Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 230. С. 162–181.
- Воронин К.В. Комплексы бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская слобода II // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 329–344.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б. “Медные люди” эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 143–156.
- Кравцов А.Е., Азаров Е.С., Бабкина Е.В., Марьенкина Т.А., Модин Р.Н. Поселение и могильник Щербинино — археологический памятник мезолита — бронзового века и Средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) // Археология Подмосковья. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015. С. 20–75.
- Кренке Н.А. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 29–35.
- Кренке Н.А. Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры // Российская археология. 2019. № 2. С. 110–116.
- Кузнецов П.Ф. К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары, 2003. С. 86–88.
- Кузнецов П.Ф. Датировка памятника у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // Российская археология. 2013. № 1. С. 13–21.
- Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.) / Отв. ред. В.А. Алёшин. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 39–44.
- Мимоход Р.А. Стратифицированные курганы бронзового века на правом берегу Северского Донца. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 23). 288 с.
- Попова Т.Б. Отчет о работе Муромской археологической экспедиции ГИМ в 1965 году. (Муромская экспедиция) // Архив Института археологии РАН. № 3061. 28 с.
- Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1993а. С. 20–34.
- Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Науч.-производств. центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993б. С. 42–53.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–62.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология культур Западной Евразии в Эпоху Раннего Металла // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, Ин-т археологии РАН, 8–11 декабря 2015 г.) / Ред. М.В. Добро-

- вольская, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 8–18.
- Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Хоммель П., Зазовская Э.П., Анкушева П.С., ван дер Плихт Й. Шерстяные ткани бронзового века Северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 671–680.
- Энговатова А.В., Лунькова Ю.В., Луньков В.Ю., Медникова М.В. Новые данные естественнонаучных ис-

следований материалов Старшего Никитинского могильника и его место в хронологии средневожской абашевской культуры // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 3. С. 148–152.

Saprykina I., Zelentsova O., Voronin K. What is it that we date when dating pottery? View of archaeologist // 38th International Symposium on Archaeometry: Program and Abstracts (USA, Florida, Tampa, 2010). 2010.

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE POZDNYAKOVO CULTURE: PRELIMINARY RESULTS

Tatiana A. Maryenkina^{a,#}, Roman A. Mimokhod^{a,##}, Olga V. Zelentsova^{a,###}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: marjenkina.tanya@yandex.ru

^{##}E-mail: mimokhod@gmail.com

^{###}E-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

The article presents the results of radiocarbon dating of the Pozdnyakovo culture. The database includes 22 correct dates for samples from four sites obtained with different carbonaceous materials. The paper outlines principles for determining the relative correctness of radiocarbon dates. The authors' analysis of ¹⁴C data shows that even this series requires a critical approach for some objective reasons. As the number of dates is still limited, the radiocarbon range of the Pozdnyakovo culture is still unstable, but it has a pronounced tendency to stabilize. The summation of radiocarbon dates makes it possible to date the Pozdnyakovo sites tentatively within 1750–1250 CalBC.

Keywords: the Pozdnyakovo culture, the Late Bronze Age, the Volga-Oka region, radiocarbon dating, pottery, calibrated date intervals.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., Lun'kov V.Yu., Lun'kova Yu.V., 2013. Abashevo complexes in the Starshee Nikitino burial ground. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 230, pp. 162–181. (In Russ.)
- Azarov E.S., 2014. Burial sites of the textile ceramics culture in the Oka basin. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*. S.V. Kuz'minykh, A.A. Chizhevskiy, eds. Kazan': Otchestvo, pp. 352–373. (In Russ.)
- Azarov E.S., 2017. To the planigraphy of the settlements of the Bronze Age textile ceramics culture in the Oka River region. Dwelling structures. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*. S.V. Kuz'minykh, A.A. Chizhevskiy, eds. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost', pp. 63–79. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B., 2011. Metalliferous cultures of the forest zone outside the Circumpontian province: Problems of radiocarbon chronology of the 4th–3rd millennium BC. *Analitycheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of the Laboratory of Natural Science Methods]*. E.N. Chernykh, ed. Moscow: IA RAN, pp. 24–62. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Orlovskaya L.B., 2015. Radiocarbon chronology of West Eurasian cultures in the Early Metal Age. *Estestvennonauchnye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Natural science methods of research and the paradigm of modern archaeology: Proceedings of the All-Russian scientific conference]*. M.V. Dobrovol'skaya, E.N. Chernykh, eds. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 8–18. (In Russ.)
- Dobrovol'skaya M.V., Mednikova M.B., 2011. "Copper people" of the Bronze Age: Reconstruction of health and social status. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]*, 2 (46), pp. 143–156. (In Russ.)
- Engovatova A.V., Lun'kova Yu.V., Lun'kov V.Yu., Mednikova M.V., 2021. New data from natural science research on materials from the Starshee Nikitino burial ground and its place in the chronology of the Middle Volga Abashevo culture. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, vol. 10, no. 3, pp. 148–152. (In Russ.)
- Kravtsov A.E., Azarov E.S., Babkina E.V., Mar'enkina T.A., Modin R.N., 2015. The settlement and cemetery of Shcherbinino — an archaeological site of the Mesolithic — Bronze Age and the Middle Ages in Meshchera region near Moscow (some results of studying the cultural layer). *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]*, 11. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 20–75. (In Russ.)
- Krenke N.A., 2014. An Abashevo find in the Moskva River valley. *Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Mos-*

- cow region], 10. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 29–35. (In Russ.)
- Krenke N.A., 2019. Radiocarbon chronology of the Fatyanovo culture. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 110–116. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Mimokhod R.A., 2016. Radiocarbon dates of the Pepkino mound and some questions of the chronology of the Middle Volga Abashevo culture. *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.): kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu so dnya rozhdeniya S.N. Bratchenko [External and internal relations of the steppe (pastoral) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and the Bronze Age (5th–2nd millennia BC): a round table to the 80th anniversary of S.N. Bratchenko]*. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 39–44. (In Russ.)
- Kuznetsov P.F., 2003. To the chronology of the Abashevo culture. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitiye, nasledie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Abashevo cultural and historical community: origins, development, heritage: Proceedings of the International scientific conference]*. V.S. Bochkarev, ed. Cheboksary, pp. 86–88. (In Russ.)
- Kuznetsov P.F., 2013. Dating of the site at Repin Khutor and chronology of culturally related materials from the East European steppe zone of the Early Bronze Age. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 13–21. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2018. Stratifitsirovannyye kurgany bronzovogo veka na pravoberezh'e Severskogo Dontsa [Stratified burial mounds of the Bronze Age on the right bank of the Seversky Donets]. Moscow: IA RAN. 288 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 23).
- Popova T.B. Otchet o rabote Muromskoy arkheologicheskoy ekspeditsii GIM v 1965 godu. (Muromskaya ekspeditsiya) [Report on the work of the Murom archaeological expedition of the State Historical Museum in 1965. (Murom expedition)]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, № 3061. 28 p.
- Saprykina I., Zelentsova O., Voronin K., 2010. What is it that we date when dating pottery? View of archaeologist. *38th International Symposium on Archaeometry: Program and Abstracts* (USA, Florida, Tampa, 2010).
- Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Khommel' P., Zazovskaya E.P., Ankusheva P.S., van der Plikht Y., 2020. Bronze Age wool textile of Northern Eurasia: new radiocarbon data. *Rossiyskie nanotekhnologii [Nanotechnology Reports]*, vol. 15, no. 5, pp. 671–680. (In Russ.)
- Sulerzhitskiy L.D., Folomeev B.A., 1993a. Radiocarbon chronology of sites with textile-imprinted ceramics in the middle Oka region. *Finno-ugry Rossii [Finno-Ugrians of Russia]*, 1. *Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy [Sites with pitted and threaded ceramics]*. V.S. Patrushev, ed. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet, pp. 20–34. (In Russ.)
- Sulerzhitskiy L.D., Folomeev B.A., 1993b. Radiocarbon dates of archaeological sites in the Middle Oka basin. *Drevnie pamyatniki okskogo basseyna [Ancient sites of the Oka basin]*. V.P. Chelyapov, ed. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 42–53. (In Russ.)
- Voronin K.V., 2013. Bronze Age complexes of the settlements of Pesochnoye-1 and Dmitrievskaya Sloboda II. *Tverskoy arkheologicheskiiy sbornik [Tver archaeological collection of articles]*, 9. Tver', pp. 329–344. (In Russ.)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАСКОПОК НА ИОАСАФОВСКОМ УЧАСТКЕ (ИЕРИХОН) НА ФОТОГРАФИИ 1880–1890-х ГОДОВ

© 2023 г. Л. А. Беляев^{1,*}, Л. А. Голофаст^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2023 г.

После доработки 03.04.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В конце XIX в. одним из русских фотографов были сняты предметы, собранные на участке, купленном отцом Иоасафом в 1883 г. Позже участок был передан Императорскому православному Палестинскому обществу (ИППО). Сейчас на нем располагается Музейно-парковый комплекс Российской Федерации. Анализ предметов из керамики на одной из фотографий был представлен ранее. В данной статье рассматривается второй снимок, на котором собраны предметы из бронзы и железа. Их анализ позволил определить литургический характер значительной части вещей: кандильницы на цепях, высоких подставок — канделябра для масляных светильников (3 экз.) и одного такого светильника; фрагмента сосуда для возлияний в виде собаки. Один показанный на фотографии предмет остался без атрибуции, несмотря на многочисленные консультации. В целом состав находок поддерживает нашу оценку участка как принадлежавшего христианской общине, возможно, монастыря или паломнического приюта.

Ключевые слова: археология, Сиро-Палестинский регион, литургические сосуды, Византия, Россия в Святой Земле.

DOI: 10.31857/S0869606323030066, **EDN:** UBHZHX

Настоящая статья посвящена атрибуции предметов, представленных на одной из двух фотографий “Палестинской коллекции” Государственного музея истории религии (ГМИР), инв. № П-1684 и П-1685 (см. Коллекция фотографий ИППО в ГМИР [Электронный ресурс]; Федотов, 2015). Она продолжает опубликованную ранее статью (Голофаст, Федотов, 2021), где представлена подробная история обеих фотографий, поэтому здесь на ней не останавливаемся. Скажем лишь, что находки собраны при работах на Иоасафовском участке еще в 1883–1884 гг. или получены Яковом Смирновым в 1891 г. при раскопках экспедиции Н.П. Кондакова. Съемка велась и в 1880-х годах (о. Антонин упоминал о привлеченном специалисте (“Сэм”) для фотографирования древностей в Иерихоне на русских участках); за фотосъемку раскопок 1891 г. отвечал известнейший фотограф памятников старины И.Ф. Баршевский. Наиболее вероятно, однако, что эти снимки сделаны по требованию Д.Д. Смышляева после завершения всех работ и в чаянии новых.

В предыдущей статье детально рассмотрен керамический материал на одной из двух фотогра-

фий. Вторая, где показаны находки из металла, была только представлена, но атрибуцию вещей мы отложили, чтобы закончить их проработку.

Сейчас актуальность статьи увеличена тем, что в 2022 г. эти металлические предметы выложили для обозрения на Александровском подворье в Иерусалиме. При этом их этикетки содержат неверные сведения о происхождении вещей: они отнесены к хорошо известным раскопкам, проводившимся на Подворье во второй половине XIX в. (см. о раскопках: Беляев и др., 2022). Эти металлические предметы мы видели в шкафах на Подворье в 2000-е годы, а в статье 2021 г. отметили, что их в наосе храма больше нет. Теперь они вновь выставлены и могут быть осмотрены любым посещающим Подворье. Ясно, что предотвратить введение в научный оборот ложных сведений о предметах — наша прямая обязанность.

На фотографии представлено 18 предметов, среди которых наиболее выделяются следующие: кандильница (рис. 1, 1), три подставки для масляных светильников (рис. 1, 2–4), круглый плоский предмет с ручкой для подвешивания (напоминает бронзовое зеркало) (рис. 1, 5), масляный светильник (рис. 1, 17), дверное кольцо с львиной маской



Рис. 1. Металлические предметы на фотографии “Иерихон. Сад Палестинского общества. Вещи, найденные на раскопках” (Гос. музей истории религии (ГМИР), № П-1684).

Fig. 1. Metal objects in the photograph “Jericho. The garden of the Palestinian Society. Items found during excavations”. (The State Museum of the History of Religions)

(рис. 1, 18), а также явно позднесредневековая гарда от сабли (рис. 1, 12). Большинство предметов бронзовые или медные, но гарда, конечно, из кованого железа.

Идентифицируем наиболее интересные предметы в соответствии с номерами, расставленными нами на фотографии.

Кадильница (рис. 1, 1) с полусферическим туловом, украшенным вертикальным рифлением, и тремя литыми петлями по краю относится к самому раннему типу предметов подобного рода. Курение ладана, которое ассоциировалось у ранних христиан с язычеством, в христианской Церкви разрешили только после *Pax Constantiniana*, когда христианство было признано официальной религией Римской империи. Самые ранние источники (датируются концом IV в.), в которых кадило упоминается, — проповедь Иоанна Хризостома (около 347–407 гг.) об Евангелии от Матфея и письмо монахини Эгерии (Этерии, Сильвии) о паломничестве в Святую землю в 381–384 гг., где описана литургия в церкви Св. Воскресения в Иерусалиме: “...в пещеру Воскресения вносятся кадильницы, так что вся базилика Воскресения наполняется благоуханием ладана” (Подвижники благочестия..., 1994). Однако описанные обоими авторами предметы, скорее

всего, были настольными кадильницами, а не кадилами на цепях, которые появляются в Восточном Средиземноморье не ранее VI в. Именно этим временем датируются самые ранние комплексы с такими кадилами и мозаики с их изображениями.

Ранневизантийские кадила на цепях, найденные в Восточном Средиземноморье, как правило, небольшие, без декора или очень просто декорированные полусферические и шестигранные чаши на низком кольцевом поддоне или на ножке, но без крышки. Кадила, аналогичные попавшему на фотографию, не очень многочисленны. Большая их часть происходит с памятников, расположенных к западу от р. Иордан (Иерусалим, Иерихон, Бейт Шеан, Хорбат Бата (Carmiel) (Israeli, Mevorah, 2000. Р. 98, 102; Vitto, 2016. Р. 120), хотя их находки известны и на другом берегу Иордана, например, в Иппос/Суссите, где такое кадило обнаружено в слое разрушения 749 г. (Burdajewicz, Młynarczyk, 2006. С. 31, 33. Fig. 17C; Vitto, 2016. Р. 120). Похожие экземпляры представлены также в коллекциях музеев Каира, Вены, Берлина, Парижа и Санкт-Петербурга, где местом их происхождения называют Египет (Vitto, 2016. Р. 120). Аналогичное кадило, хотя и несколько более вытянутое по вертикали пропорций, было найдено на некрополе Сиракуз-Гроттичелли с византий-



Рис. 2. Кадило из коллекции архимандрита А. Капустина, хранящейся в монастыре Вознесения на Масличной горе в Иерусалиме.

Fig. 2. An incense burner from the collection of Archimandrite A. Kapustin kept in the Monastery of the Ascension on the Mount of Olives in Jerusalem

скими монетами 613 и 654 г. (Beghelli, Pinar Gil, 2013. S. 705. Fig. 3, 4). Точная аналогия капустинскому экземпляру происходит из Царчейской крепости на юге Абхазии (Khrushkova, 2018. P. 63, 64. Fig. 9, 10).

Отметим, что в коллекции А. Капустина было два кадила рассматриваемого типа. Одно из них, лучше сохранившееся, хранится в монастыре Вознесения на Масличной горе в Иерусалиме (рис. 2). От представленного на фотографии его отличают более глубокое рифление и наличие трех держателей, каждый из которых состоит из двух отрезков круглой в сечении проволоки, соединенных друг с другом звеньями в форме восьмерки. Не исключено, что вверху они крепились к трехлопастному держателю с петлей для цепи в верхней части и ушками для цепочек, за которые подвешивались лампы, под каждой лопастью, аналогичному изображенному на фотографии (рис. 1, 10). Подобные держатели хорошо известны по раскопкам многих центров византийского мира, в частности в Херсонесе (Белов, Якобсон, 1953. Рис. 31а; Голофаст и др., 1991. С. 33, 210. № 18, 225; Залеская, 2006. С. 139, 140. № 267). В.Н. Залеская относит подобные изделия к Восточному Средиземноморью и датирует VI в. В Палестине после VII в. они неизвестны (см. Tchekhanovets, 2018. P. 226–233), однако в Причерноморье присутствуют в комплексах вплоть до XIII в. включительно (Белов, Якобсон, 1953. С. 139; Голофаст и др., 1991. С. 210), что говорит об их долгом бытовании.

Меньше всего вопросов вызывают **подставки для светильников** со стержнем для установки лампы, хорошо известные в античной, а затем и в ви-

зантийской традиции. На фотографии мы видим три подставки (рис. 1, 2–4) с разной профилировкой высоких ножек, разным устройством трипода, а также несколько отличающиеся по высоте и толщине (на фотографии нет масштаба, поэтому предложить размеры в сантиметрах трудно). Самым высоким и толстым выглядит штوك подставки № 3, поменьше — № 2, самый грацильный и несколько уступающий по высоте — № 4. Профилировка всех трех близка к точеной балясине: у № 2 расширение ножки оплывшее, а перехваты не симметричные; внизу широкая “юбочка”, прикрывающая верх трипода; у № 3 расширение и перехваты (по три внизу и вверху) почти симметричны; у № 4 штук уже, перехваты согнаны к его концам, а верх оформлен не площадкой, а воронкой. Ножки трипода у № 3 и 4 декорированы выступающими на поверхности украшениями.

Несмотря на то что за последнюю четверть века такие подставки-канделябры и неразрывно связанные с ними (функционально и художественно) лампы стали предметом множества исследований и музейных каталогов, причем довольно часто они происходят из хорошо изученных коптских могильников (прежде всего в Нижнем Египте), детальной хронологии пока нет. В образцовом и очень полном для своего времени каталоге Марии Ксантипулу господствуют широкие даты в пределах от одного до трех веков (что, конечно, шаг вперед по сравнению с туманным определением “коптское время” многих публикаций XIX–XX вв.). Согласно этому каталогу аналоги наших канделябров датируются V–VI вв., некоторые имеют прямые соответствия в середине V в., но это не значит, что границы бытования не захватывают и последующее столетие или даже столетия (ср. типы, родственные LA 3/170; часть класса CD 1 (002–007) и, фактически, весь класс CD 2 по Ксантипулу: Xanthopoulou, 2010. P. 232–278). Не исключено, что некоторые плохо различимые на фото предметы (рис. 1, 7–10) представляют собой фрагменты крышек ламп или ножек-подставок канделябров.

Кстати напомнить здесь о лампе из раскопок 2010 г. с огромным резервуаром (300 г масла) и развитой спиралевидной литой ручкой (Беляев, 2016. С. 293, 295; там же литература). Ее тип (LA 3. 196–201) каталог Ксантипулу относит к V–VI вв., также датируя некоторые экземпляры чуть раньше — V в. (Xanthopoulou, 2010. P. 12. Fig. 23–25, 142–147 и др.).

На изучаемом фото мы видим еще один **бронзовый светильник** явно гораздо меньшего размера (рис. 1, 17), с высокой ручкой. К сожалению, он развернут так, что ручка видна в профиль, поэтому ее форма не определяется. Как правило, подобные ручки оформляли в виде креста, меноры или листика. Датируют их, как правило,



Рис. 3. Бронзовые сосуды с фигурками животных. 1 — бутылочка из клада VI—VII вв., найденного в одной из церквей в Негеве (по: Golan et al., 2017. Fig. 7); 2 — ручки кувшинов из Бургильо (Испания) и Будакалас (Венгрия) (по: Beghelli, Pinar Gil, 2019. Fig. 10, 3, 4); 3 — деталь кувшина из клада бронзовых изделий, найденного в Морбелло (провинция Алессандрия, северо-запад Италии). VIII в. (по: Beghelli, Pinar Gil, 2019. Fig. 6, 1).

Fig. 3. Bronze vessels with animal figurines

VI—VII вв. (Menzel, 1954. P. 106, 112. Abb. 92, 4; Baily, 1996. P. 76. Pl. 88, 3824) или V—VII вв. (тип LA 3 по Ксантопулу: Xanthopoulou, 2010. P. 6).

Кроме светильника, кадилницы и подставок под лампы на фотографии можно идентифицировать, несмотря на ее размытость, и часть ручки кувшина — **литую фигурку** существа на четырех лапах (рис. 1, 13). Ее очертания напоминают изображения животных, украшавших ручки бронзовых кувшинов VIII—первой половины IX в. (рис. 3, 2, 3) (Beghelli, Pinar Gil, 2019. P. 276, 280. Fig. 6, 1). Они могли и сами служить ручками, как на небольшой бронзовой бутылочке из клада VI—VII вв., найденного в одной из церквей в Негеве (рис. 3, 1) (Golan et al., 2017. P. 124. Fig. 7). Отметим, что такие сосуды использовали в ходе литургии.

Как правило, производство кувшинов с подобного рода ручками приписывают египетским мастерским (Beghelli, Pinar Gil, 2019. P. 285). Но исследователи отмечали, что их могли производить не только в Египте, но и на Балканах (Schwartz, 1958), в Италии (Périn, 2005) и Леванте (Mundell Mango, 2001. P. 93—95; 2009. P. 230, 231). Предлагается использовать применительно к ним и более общий термин “византийские”. Датируются такие кувшины концом VII — началом IX в. (Beghelli, Pinar Gil, 2019. P. 285).

Дугообразные ручки (рис. 1, 15, 16), скорее всего, принадлежали открытым сосудам. Литые сплошные горизонтальные ручки разных размеров (31 экз.) найдены между сосудами в кладе металлических изделий фатимидского времени в Твери (Khamis, 2013. P. 91, 92). Как правило, они округлые в сечении, реже полигональные, имеют окончания в форме листьев, концы которых на-

правлены в противоположные стороны. По фотографии трудно определить сечение ручек, но они производят впечатление уплощенных прямоугольных в сечении. На одной из них, видимо, сохранилось листовидное основание (рис. 1, 16). Как правило, такие ручки находят отдельно, поскольку тонкие стенки сосудов сохраняются гораздо хуже сплошного литья. На нижней поверхности некоторых экземпляров из упомянутого фатимидского клада имеются следы пайки. Закрытых сосудов с аналогичными следами там нет, что заставило автора сделать вывод о том, что ручки принадлежали открытым сосудам типа подносов, блюд или кухонных горшков. Похожие ручки имела хорошо известная тарелка Александра из Северного Ирана, датирующаяся первой половиной XII в. По мнению Э. Хамиса, такие ручки продолжают линию античных ручек с основаниями в форме листа аканфа, головы лебедя или змеи, резе руки или простого диска. Форма таких ручек традиционна и мало менялась с течением времени. Их используют до сих пор (обширный список находок аналогичных ручек, включающий Цезарею Приморскую, Йокнеам, Нишапур, Хаму, Коринф, см. Khamis, 2013. P. 92).

“Дверное кольцо” с львиной маской (рис. 1, 18) кажется сравнительно легко определить функционально, поскольку подобные изделия широко распространены по всему Средиземноморью и, позже, вообще в Европе. Они восходят к античной традиции, сохраненной в средние века и активизированной Ренессансом (см. Meyer, 1964; Kurz, 1972). Львиные маски на дверях появились в Древней Греции (Kurz, 1972. P. 23, 41; Weber, 1989. P. 57–60; Künzl, 2003. P. 308), унаследованы римской культурой и сохранилась у христиан (см. работы У. Менде, известного специалиста по убранству дверей в Европе: Mende, 1981. P. 134–136; 2003; сюжет недавно заново разобран Ренатой Розенталь-Хегинботтом, см. Rosenthal-Heginbottom, 2022).

Символика львиной маски с оскаленными зубами ярко демонстрировала защитный магический характер и распространилась столь широко, что стала полиэтнической и внеконфессиональной. Останавливаться на этом не имеет смысла.

Но словосочетание “дверное кольцо” взято нами в кавычки не случайно. Такие кольца использовали в античный и средневековый периоды, в том числе как ручки каменных дверей гробниц и реальных деревянных гробов, изображения таких ручек известны на саркофагах и ваннах, на светильниках из глины и бронзы и на других предметах. Позже они войдут в ассортимент дверных молотков, поэтому в ранней европейской литературе встречается и такая, явно ошибочная по отношению к периодам до эпохи Модерна, дефиниция.

Определить тип и сузить дату изделия достаточно сложно. В пространстве Палестины известны как маски-ручки античного периода (маска с кольцом из Музея Израиля датирована II в. н.э. и действительно доносит отголоски классического реализма), так и византийские. Последние происходят из несомненно христианских комплексов, где попадаются в близком соседстве с ручками в виде крестов. В Бейт-Шеане/Скифополе еще в 1920-х годах был собран именно такой комплекс V–VI вв., в состав которого входили как три ручки со львами, так и кольца с крестообразными подкладками. Следовательно, мотив усвоили христиане Леванта; он зафиксирован наряду с мотивом креста в Медве (Мадабе), Иерусалиме, монастыре Св. Екатерины на Синае (Rosenthal-Heginbottom, 2022).

Следует отметить, что дверное кольцо № 18 не похоже ни на один из приведенных примеров. Его отличает, во-первых, такой очевидный признак, как обрамление круга, составленное из довольно крупных и рельефных “жемчужин” (наиболее распространенные приемы другие — гладкие или профилированные, иногда изобразительные и геометрические мотивы, лучи и т.п.). Во-вторых — упрощенная, но сильно артикулированная грива, напоминающая лепестки подсолнуха. Затем глаза в виде небольших выпуклых точек с отверствием в центре. Остальные элементы выражены в рельефе слабее, но каждый акцентирован.

В стилевом отношении маскарон отличается от позднеантичных образцов VI–VII вв. н.э. (примером могут служить названные выше ручки II в. н.э. из Музея Израиля, V–VII вв. из Бейт-Шеана и ручка VI в. из Херсонеса (Голофаст и др., 1991. С. 34. № 19; Яшаева и др., 2011. С. 248, 537). Ручки дверей эпохи средневековья в Европе отличаются от восточных еще больше (хорошая серия приведена в статье о ручках из Лувра, происходящих из Сен-Жермен де Пре XI–XII вв., см. Geboritz-Chopin, 1999. № 3). По-видимому, ручка из Иерихона сделана не в новое время и не в позднее средневековье, но это и не античная вещь. Скорее ее следует отнести к местным версиям VI–VIII вв.

Загадкой для нас остается предмет в виде круга (вероятно, не менее 30 см) с линией “жемчужин” по краю, большой (более двух третей диаметра), но неглубокой емкостью в центральной части, который соединен с плоской и широкой ручкой, расширяющейся от круга (она видна в сильном ракурсе, и установить истинную пропорцию трудно), на конце которой — кольцо, вероятно, для подвешивания (рис. 1, 5). Сейчас предмет выставлен уже разломанным на части, в составе других вещей на Александровском подворье в Иерусалиме. Это позволяет оценить его общий диаметр близким к 40–45 см. Нам неизвестны ни его дата, ни функция. Попытки отождествить объект

с римским зеркалом или патерой результата не дали — так же, как обращение за консультацией к ряду известных специалистов по римскому и византийскому прикладному искусству. Надеемся, публикация этой статьи продвинет работу.

В целом, однако, разбор фотографии существенно обогатил и уточнил наши представления об археологическом контексте участка Музейно-паркового комплекса в Иерихоне — вернее, той его части, которая связана со статусными постройками. Кадильница, подставки-канделябры, светильник, фрагмент литургического сосуда-кувшинчика, а возможно, и менее ясно входящие в состав церковных сосудов изделия упрочили нашу оценку участка как не просто христианского, но храмового и, вероятно, монастырского, паломнического комплекса. Увереннее звучит и дата его постройки — конец V—VI в. (то, что комплекс жил достаточно долго и мог погибнуть через одно-два столетия, дела не меняет). Дальнейший анализ собранных материалов и возможное развитие раскопок, конечно, дадут новые аргументы — так же, как их предложит общее развитие знаний о мире вещей византийского периода в Палестине.

Исследование выполнено по НИОКТР 122071100011-4 “Древности “русских участков” на Святой Земле: история исследований и современная археология” (Л. А. Беляев).

Работа выполнена в рамках темы “Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций” (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4) (Л.А. Голофаст).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // Археологические памятники юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / Отв. ред. Е.Ч. Скржинская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 34). С. 109—159.
- Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. 500 с.
- Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М.: Индрик, 2022. 868 с.
- Голофаст Л.А., Романчук А.И., Рыжов С.Г., Антонова И.А. Византийский Херсон: каталог выставки. М.: Наука, 1991. 256 с.
- Голофаст Л.А., Федотов П.В. Внутри старой фотографии: находки в Иерихоне на снимках 1880—1890-х годов // Российская археология. 2021. № 3. С. 130—140.
- Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV—VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
- Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского Общества из собрания Государственного музея истории религии: альбом. М.: Вече, 2017. 191 с.: ил.
- Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой: письма паломницы IV в. / Пер. и коммент. Н.С. Марковой-Помазанской. М.: Паломник, 1994. 220 с.
- Федотов П.В. Ближний Восток в снимках конца XIX — начала XX века: обзор фотографий из “Палестинской коллекции” ГМИР // Иерусалимский православный семинар. 2015. Вып. 6. С. 177—200.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин: Телескоп, 2011. 702 с.
- Bailey D.B. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. London: British Museum Press, 1996. 192 p.
- Beghelli M., Pinar Gil J. Corredo e arredo liturgico nelle chiese tra VIII e IX secolo. Suppellettili antiche e moderne, locali e importate tra archeologia, fonti scritte e fonti iconografiche // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2013. 60. S. 697—762.
- Beghelli M., Pinar Gil J. Cast Bronze Vessels in the 6th—9th Centuries: Remarks on an Assemblage of Liturgical Implements Found at Morbollo (Prov. Alessandria, Piedmont / I) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2019. Jahrgang 49, Heft 2. S. 275—295.
- Burdajewicz M., Młynarczyk J. Elements of the Liturgical Furniture in an 8th—Century Church (NWC) in Hippos (Susita), Israel // Series Byzantina. 2006. 4. P. 9—37.
- Geborit-Chopin D. Le marteau de porte de Saint-Germain-des-Preis // Revue du Louvre. La revue des musées de France. 1999. № 3. P. 46—58.
- Golan K., Goldfus H., Mevorah D. Why Hide? — Hoarding in Late Antiquity in View of a Byzantine Hoard from Israel // Israel Museum Studies in Archaeology. 2017. V. 8 (2016—2017). P. 117—171.
- Israeli Y., Mevorah D. Cradle of Christianity. Jerusalem: Israel Museum, 2000. 232 p.
- Khamis E. The Fatimid Metalwork Hoard from Tiberias. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem, 2013 (Tiberias: Excavations in the House of the Bronzes: Final Report; vol. II) (Qedem; vol. 55). 440 p.
- Khrushkova L.G. Unpublished and Little-Known Late Antique and Byzantine Artifacts from the Easter Black Sea Region // Archaeologia Bulgarica. 2018. XXII, 2. P. 61—102.
- Künzl S. Löwen und Seeleopardinnen. Türzieher und Türgriffe von Ladenburg // Das römische Prunkportal von Ladenburg / Hrsg. E. Künzl, S. Künzl. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2003. P. 201—222.
- Kurz O. Lion-masks with Rings in the West and in the East // Scripta Hierosolymitana. 1972. 24. P. 22—41.
- Mende U. Die Türzieher des Mittelalters. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1981. 344 S.
- Mende U. Antikentradition mittelalterlicher Türen und Türbeschläge // Das römische Prunkportal von Ladenburg / Hrsg. E. Künzl, S. Künzl. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2003 (Forschungen und Berichte zur Vor-

- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg; 94). S. 315–373.
- Meyer E. Antike Türzieher // Festschrift Eugen v. Mercklin / Hrsg. E. HomannWedeking, B. Segall. Waldsassen: Stiftland Verlag, 1964. S. 80–89.
- Menzel H. Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 1954. 119 S.
- Mundell Mango M. Beyond the amphora: non-ceramic evidence for Late Antique industry and trade // Economy and exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity / Eds. S. Kingsley, M. Decker. Oxford: Oxford, 2001. P. 87–106.
- Mundell Mango M. Tracking Byzantine silver and copper metalware, 4th–12th centuries // Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange / Ed. M. Mundell Mango. Farnham: Ashgate, 2009 (Publications of the Society for the Promotion of Byzantine Studies; 14). P. 221–236.
- Périn P. La vaisselle de bronze dite “copte” dans les royaumes romano-germaniques d’Occident. État de la question // Antiquité Tardive. 2005. V. 13. P. 85–97.
- Rosenthal-Heginbottom R. Swinging Handles / ‘Door Knockers’ from Nysa-Scythopolis // Cities, Monuments and Objects in the Roman and Byzantine Levant. Oxford: Archaeopress, 2022. P. 59–69.
- Schwartz J. À propos d’ustensiles “coptes” trouvés en Europe occidentale // Bulletin de la Société d’Archéologie Copte. 1958. XIV (1950–1957). P. 51–58.
- Tchekhanovets Y. Recycling the Glory of Byzantium. New Archaeological Evidence of Byzantine-Islamic Transition in Jerusalem // Studies in Late Antiquity. Summer. 2018. P. 215–237.
- Vitto F. Swinging Thuribles in Early Byzantine Churches in the Holy Land // Восточнохристианское искусство. 2016. V. 6. С. 119–123.
- Weber T. Syrisch-römische Sarkophagbeschläge. Orientalische Bronzewerkstätten in römischer Zeit Mainz: Philipp von Zabern, 1989 (Damaszener Forschungen; 2). 86 S.
- Xanthopoulou M. Les lampes en bronze à l’époque paléochrétienne. Turnhout: Brepols, 2010 (Bibliothèque de l’antiquité tardive; 16). 320 p.

METAL OBJECTS FROM EXCAVATIONS AT THE JOASAPH SITE (JERICHO) IN A PHOTOGRAPH OF THE 1880–1890s

Leonid A. Belyaev^{a, #}, Larisa A. Golofast^{a, ##}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: labeliaev@bk.ru

^{##}E-mail: larisa_golofast@mail.ru

At the end of the 19th century, one of the Russian photographers took pictures of items collected on the site which Father Joasaph bought in 1883. Later, the area was transferred to the Imperial Orthodox Palestine Society. Now it houses the Museum and Park Complex that belongs to the Russian Federation. An analysis of ceramic objects in one of the photographs was published earlier. This article discusses the second picture, which contains objects made of bronze and iron. Their analysis made it possible to identify the liturgical function of a significant part of the objects: an incense burner on chains, high stands – candelabra for oil lamps (3 items) and one such lamp; a fragment of a libation vessel shaped as a dog. One item shown in the photo remained unattributed despite numerous consultations. In general, the composition of the finds supports the authors’ assessment of the site as belonging to a Christian community, possibly a monastery or a pilgrimage home.

Keywords: archaeology, Syro-Palestine, liturgical vessels, Byzantium, Russia in the Holy Land.

REFERENCES

- Bailey D.B., 1996. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. London: British Museum Press. 192 p.
- Beghelli M., Pinar Gil J., 2013. Corredo e arredo liturgico nelle chiese tra VIII e IX secolo. Suppellettili antiche e moderne, locali e importate tra archeologia, fonti scritte e fonti iconografiche. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 60, pp. 697–762.
- Beghelli M., Pinar Gil J., 2019. Cast Bronze Vessels in the 6th–9th Centuries: Remarks on an Assemblage of Liturgical Implements Found at Morbollo (Prov. Alessandria, Piedmont / I). *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 49, iss. 2, pp. 275–295.
- Belov G.D., Yakobson A.L., 1953. Quarter XVII (excavations in 1940). *Arkheologicheskie pamyatniki yugo-zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup) [Archaeological sites of the Southwestern Crimea (Chersonesos, Mangup)]*. E.Ch. Skrzhinskaya. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 109–159. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 34). (In Russ.)
- Belyaev L.A., 2016. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations after a century]. Moscow: Indrik. 500 p.
- Belyaev L.A., Vakh K.A., Tchekhanovets Ya., 2022. Russkie raskopki u khrama Voskreseniya v Ierusalime: istochniki, diskussii, sovremennaya interpretatsiya [Russian excavations near the Resurrection Church in Jerusalem:

- sources, discussions, modern interpretation]. Moscow: Indrik. 868 p.
- Burdajewicz M., Młynarczyk J., 2006. Elements of the Liturgical Furniture in an 8th–Century Church (NWC) in Hippos (Susita), Israel. *Series Byzantina*, 4, pp. 9–37.
- Fedotov P.V., 2015. The Near East in images of the late 19th – early 20th century: a review of photographs from the “Palestinian Collection” of the State Museum of the History of Religion. *Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar [Jerusalem Orthodox seminar]*, 6, pp. 177–200. (In Russ.)
- Geborit-Chopin D., 1999. Le marteau de porte de Saint-Germain-des-Preis. *Revue du Louvre. La revue des musées de France*, 3. P. 46–58.
- Golan K., Goldfus H., Mevorah D., 2017. Why Hide? – Hoarding in Late Antiquity in View of a Byzantine Hoard from Israel. *Israel Museum Studies in Archaeology*, 8 (2016–2017), pp. 117–171.
- Golofast L.A., Fedotov P.V., 2021. Inside an old photo: Jericho finds on photographs of the 1880s–1890s. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 130–140. (In Russ.)
- Golofast L.A., Romanchuk A.I., Ryzhov S.G., Antonova I.A., 1991. Vizantiyskiy Kherson: katalog vystavki [Byzantine Chersonesos: Exhibition catalogue]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Israeli Y., Mevorah D., 2000. Cradle of Christianity. Jerusalem: Israel Museum. 232 p.
- Khamis E., 2013. The Fatimid Metalwork Hoard from Tiberias. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. 440 p. (Tiberias: Excavations in the House of the Bronzes: Final Report, II) (*Qedem*, 55).
- Khrushkova L.G., 2018. Unpublished and Little-Known Late Antique and Byzantine Artifacts from the Eastern Black Sea Region. *Archaeologia Bulgarica*, XXII, 2, pp. 61–102.
- Kollektsiya fotografiy Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya istorii religii: al'bom [Collection of photographs of the Imperial Orthodox Palestinian Society from the collection of the State Museum of the History of Religion: Album]. Moscow: Veche, 2017. 191 p.: ill.
- Künzl S., 2003. Löwen und Seeleopardinnen. Türzieher und Türgriffe von Ladenburg. *Das römische Prunkportal von Ladenburg*. E. Künzl, S. Künzl, eds. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, pp. 201–222.
- Kurz O., 1972. Lion-masks with Rings in the West and in the East. *Scripta Hierosolymitana*, 24, pp. 22–41.
- Mende U., 1981. Die Türzieher des Mittelalters. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft. 344 p.
- Mende U., 2003. Antikentradition mittelalterlicher Türen und Türbeschläge. *Das römische Prunkportal von Ladenburg*. E. Künzl, S. Künzl, eds. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, pp. 315–373. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg, 94).
- Menzel H., 1954. Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 119 p.
- Meyer E., 1964. Antike Türzieher. *Festschrift Eugen v. Mercklin*. E. HomannWedeking, B. Segall, eds. Waldsassen: Stiftland Verlag, pp. 80–89.
- Mundell Mango M., 2001. Beyond the amphora: non-ceramic evidence for Late Antique industry and trade. *Economy and exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity*. S. Kingsley, M. Decker, eds. Oxford: Oxford, pp. 87–106.
- Mundell Mango M., 2009. Tracking Byzantine silver and copper metalware, 4th–12th centuries. *Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange*. M. Mundell Mango, ed. Farnham: Ashgate, pp. 221–236. (Publications of the Society for the Promotion of Byzantine Studies, 14).
- Périn P., 2005. La vaisselle de bronze dite “copte” dans les royaumes romano-germaniques d’Occident. État de la question. *Antiquité Tardive*, 13, pp. 85–97.
- Podvizhniki blagochestiya, protsvetavshie na Sinayskoy gore i v ee okrestnostyakh. K istochniku vody zhivoy: pis'ma palomnitsy IV v. [Devotees of piety who flourished on Mount Sinai and its environs. To the source of living water: letters of a pilgrim of the 4th century AD]. N.S. Markova-Pomazanskaya, ed., transl. Moscow: Palomnik, 1994. 220 p.
- Rosenthal-Heginbottom R., 2022. Swinging Handles / ‘Door Knockers’ from Nysa-Scythopolis. *Cities, Monuments and Objects in the Roman and Byzantine Levant*. Oxford: Archaeopress, pp. 59–69.
- Schwartz J., 1958. À propos d’ustensiles “coptes” trouvés en Europe occidentale. *Bulletin de la Société d’Archéologie Copte*, XIV (1950–1957), pp. 51–58.
- Tchekhanovets Y., 2018. Recycling the Glory of Byzantium. New Archaeological Evidence of Byzantine-Islamic Transition in Jerusalem. *Studies in Late Antiquity*, Summer, pp. 215–237.
- Vitto F., 2016. Swinging Thuribles in Early Byzantine Churches in the Holy Land. *Vostochnokhristianskoe iskusstvo [East Christian Art]*, 6, pp. 119–123.
- Weber T., 1989. Syrisch-römische Sarkophagbeschläge. Orientalische Bronzwerkstätten in römischer Zeit Mainz: Philipp von Zabern. 86 p. (Damaszener Forschungen, 2).
- Xanthopoulou M., 2010. Les lampes en bronze à l’époque paléochrétienne. Turnhout: Brepols. 320 p. (Bibliothèque de l’antiquité tardive, 16).
- Yashaeva T., Denisova E., Gin'kut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D., 2011. Nasledie vizantiyskogo Khersona [Heritage of Byzantine Chersonesos]. Sevastopol'; Ostin: Tele-skop. 702 p.
- Zalesskaya V.N., 2006. Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii [Monuments of Byzantine applied art of the 4th–7th centuries AD: Collection catalogue]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 272 p.

ИНДИВИД ВОЛЫНЦЕВСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРИЛОВКИ: ПЕРВЫЕ АРХЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

© 2023 г. Т. В. Андреева^{1,2,3,*}, А. Б. Малярчук^{2,3,**}, В. Е. Родинкова^{4,***}, А. Д. Сошкина^{2,3,****},
Е. В. Рождественских^{1,*****}, М. В. Добровольская^{4,*****}, Е. И. Рогаев^{1,3,5,*****}

¹Центр генетики и наук о жизни, Университет “Сириус”, Сочи, Россия

²Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

³Центр генетики и генетических технологий, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

⁴Институт археологии РАН, Москва, Россия

⁵Медицинская школа Чан Массачусетского университета, департамент психиатрии, Шрусбери, США

*E-mail: an_tati@mail.ru

**E-mail sasha-m98@mail.ru

***E-mail vlasta2004@mail.ru

****E-mail anna.soshkina91@gmail.com

*****E-mail l.i.r.o@mail.ru

*****E-mail mk_pa@mail.ru

*****E-mail rogaev.ei@talantiuspeh.ru

Поступила в редакцию 11.06.2022 г.

После доработки 11.06.2022 г.

Принята к публикации 11.10.2022 г.

Несмотря на достижения последних лет в области палеогеномных исследований, генетические особенности и разнообразие раннеславянского населения остаются неисследованными в связи с распространением у древних славянских племен обрядом трупосожжения. Поэтому ценна каждая находка антропологического материала из раннеславянских памятников. Таким уникальным объектом является череп из жилища, отнесенного к волынцевской культуре, памятника Куриловка 2 (Курская обл.), который датируется концом VII – первой половиной/серединой VIII в. Из зуба была выделена ДНК и использована для проведения генетического анализа. Мы реконструировали полную последовательность митохондриальной ДНК и определили, что она принадлежит к европейской гаплогруппе H1b. Результаты филогенетического анализа свидетельствуют об общих материнских линиях индивида из Куриловки со средневековыми и современными европейскими образцами и позволяют предположить общность раннеславянских и северо-западных европейских митохондриальных линий.

Ключевые слова: древняя ДНК, митохондриальная ДНК (мтДНК), гаплогруппа, волынцевская культура, ранние славяне.

DOI: 10.31857/S0869606323030030, **EDN:** KGTTIT

История возникновения и расселения славянских народов продолжает оставаться актуальным дискуссионным вопросом, несмотря на результаты анализа археологических, исторических, палеоантропологических и лингвистических источников. Достижения последних лет в области палеогеномики свидетельствуют об эффективности новых методов в исследовании происхождения и миграций древних народов, однако генетические особенности раннеславянского населения остаются практически не известны. Основная проблема палеогенетического изучения славян до X в. связана с распространением обряда трупосо-

жжения. В ряде работ было показано, что непродолжительное воздействие высоких температур не приводит к полной деградации ДНК (Rogaev et al., 2009; Grela et al., 2021; Ottoni et al., 2009), однако погребальные традиции в культурах славян предполагали долговременное высокотемпературное горение (Клещенко, Решетова, 2019; Сыроватко, Клещенко, 2017), поэтому обнаружить не поврежденные огнем скелеты можно крайне редко. Любые скелетные останки, происходящие из раннеславянских памятников, имеют большую ценность. Таким уникальным объектом является череп человека из жилища волынцевской

археологической культуры многослойного памятника Куриловка 2.

Современная палеогеномика вводит в научный оборот сотни образцов. Особое внимание предлагается уделять формированию выборки для палеогеномного исследования (принадлежность к одному памятнику, единой или разным культурно-хронологическим периодам его существования и пр.), выявлению кровных связей, поскольку открытые структуры отражают самые разные стороны жизни социумов (Kristiansen, 2022). Но насколько информативен может быть анализ индивида? Обладает ли он самодостаточной информативностью? Этот вопрос актуален для ситуаций, которые по ряду причин (погребальный обряд, природно-климатические условия) не сулят надежды на получение больших серий образцов.

Поселение Куриловка 2 расположено в Суджанском р-не Курской обл., в северной части Днепроовского лесостепного Левобережья, в месте впадения р. Суджа в р. Псел. Здесь выявлены несколько горизонтов заселения, связанных с носителями прото- и раннеславянских традиций. Наиболее поздний из них соотносится с волынцевской культурой.

Памятники волынцевского типа датируются в целом концом VII — VIII (началом IX) в. (Гавриутхин, Щеглова, 1996; Комар, 2012. С. 140–151) и распространены на территории лесостепной и южной части лесной зон от Среднего Поднепровья (включая примыкающую к реке полосу правого берега) до поречья Северского Донца и от Верхнего Подесенья до бассейна Средней и Нижней Ворсклы. В северной части ареала они сменяют колочинскую культуру, в южной — пеньковскую, финал которых на данной территории приходится на вторую половину/третью четверть VII в. (Родинкова, 1996).

Исследователями высказывались различные мнения о происхождении волынцевских древностей. Все они сводятся к двум основным позициям. Согласно первой, волынцевская культура — результат трансформации колочинской и пеньковской раннеславянских общностей, существовавших на Днепроовском Левобережье в третьей четверти I тыс. н.э. (Этнокультурная карта..., 1985. С. 121–124; и др.). В соответствии с другой точкой зрения, наиболее ранние волынцевские памятники по характеру керамики и особенностям домостроительства (в частности, по наличию в жилищах глинобитных печей) сближаются с так называемыми памятниками типа Сахновки в Поросье и появляются в результате миграции с правого на левый берег Днепра наследников пражских традиций. На Днепроовском Левобережье переселенцы вступают во взаимодействие с местным колочинским и пеньковским населением,

формируя “сахновско-волынцевский” горизонт волынцевской культуры, который датируется концом VII — первой половиной/серединой VIII в. (Обломский, Щеглова, 1996; Гавриутхин, Щеглова, 1996; и др.).

Именно к этому горизонту принадлежит жилище 13 из раскопа 3 поселения Куриловка 2, в котором выявлены человеческие останки. От жилища сохранился четырехугольный котлован полуземлянки размерами 3.8×4.7 м, углубленный в материк на 0.09–0.40 м, и серия выкопанных внутри котлована и рядом с ним ям. В северном углу постройки исследована печь, сложенная из глиняных “вальков” или “конусов”. Из жилища происходят фрагменты характерных сосудов с бугристой от обильной примеси шамота поверхностью, расширением в верхней трети тулова, с отогнутыми и украшенными пальцевыми вдавлениями венчиками. Имеются также обломки лощеной посуды с вертикальными венчиками, подражающей волынцевской гончарной керамике, и слабопрофилированные формы, показательные для колочинской культуры. Материал в целом многочислен, особенно в нижней части заполнения: здесь найдены всего 14 фрагментов керамики из 176, собранных в сооружении в целом. В процессе археологизации в придонном слое откладываются, как правило, предметы, оставшиеся во внутреннем пространстве помещения после того, как оно перестало функционировать и начало разрушаться. Отмеченное распределение находок свидетельствует, что жилище 13 было покинуто не внезапно, а в “штатном режиме”, люди ушли из него, забрав все, что считали ценным.

Обнаруженные в жилище антропологические останки представлены костями черепа: лобная кость — полностью, парные теменные — во фрагментах, парные верхнечелюстные с зубами в альвеолярном сочленении; парные скуловые, фрагментированная затылочная, клиновидная (рис. 1). Нижняя челюсть, а также кости посткраниального скелета отсутствовали.

Останки зафиксированы на высоте 0.1–0.2 м над дном котлована, т.е. в нижней, практически лишенной находок части заполнения, формирование которой связано с разрушением самой полуземлянки и ее интерьера. Костные фрагменты образовывали два скопления на расстоянии 0.6–1.0 м к югу от устья печи. Еще несколько фрагментов этого же черепа найдены за пределами постройки, в культурном слое, на расстоянии около 4 м к северу от скоплений. Вероятно, они оказались перемещены в связи с деятельностью землероев, следы которых на памятнике весьма многочисленны.

Сохранность костной ткани хорошая, поверхностный слой практически не поврежден. Как правило, поверхность костной ткани скеле-



Рис. 1. Фрагменты черепа ребенка из жилища на селище Куриловка.

Fig. 1. Fragments of a child's skull from a dwelling in Kurilovka

тов из грунтовых погребений характеризуется различного рода нарушениями (шероховатости, отслаивания поверхностного слоя ткани, повреждения мелкими корнями растений и пр.), которых мы в данном случае не фиксируем. Заметны нарушения в виде разломов костей свода черепа. Все повреждения, судя по характеру разломов, были получены, когда кость утратила значительную часть органических соединений и влагу.

Это значит, что был разрушен скелетированный череп, а не тело человека. Таким образом, сочетание сохранности и комплектности останков позволяют предполагать, что мы имеем дело с депонированием в пространстве дома черепа без нижней челюсти.

Возрастное определение может быть выполнено по оценке прорезывания и формирования зу-



Рис. 2. Зубы ребенка из жилища на селище Куриловка: *А* — рентгенограмма зубов верхней челюсти (данные использованы для определения возраста ребенка); *Б* — зуб, использованный для выделения ДНК и проведения генетического анализа.

Fig. 2. Teeth of a child from a dwelling in Kurilovka

бов молочной и основной генерации. Осмотр позволяет оценить возраст как около 3–4 лет. Рентгеновское изображение подтверждает это возрастное определение по состоянию молочных зубов и закладок основной генерации, зубы без выраженных патологий (рис. 2). Определение пола методами физической антропологии не может быть выполнено для ребенка этого возраста.

Экспериментальные работы проводили в специальных лабораторных помещениях, предназначенных для работы с древней ДНК. Фрагмент корня зуба весом около 90 мг (рис. 2, *Б*) после механической очистки от загрязнений измельчали в порошок и использовали для выделения ДНК по описанной ранее методологии (Andreeva et al., 2022). Геномную ДНК использовали для приготовления фрагментных геномных библиотек (Gansauge et al., 2017), которые секвенировали на платформе NovoSeq 6000 (Illumina). Для реконструкции последовательности митохондриальной ДНК (мтДНК) полученные прочтения после удаления адаптеров (Schubert, Lindgreen, Orlando, 2016) были картированы на референсную последовательность мтДНК человека (rCRS, NC_012920.1) и на референсный геном человека (сборка GRCh37) с использованием BWA (Li, Durbin, 2009). Аутентичность картированных на мтДНК последовательностей оценивали с помощью MapDamage (Jónsson et al., 2013). Для проведения дальнейшего анализа использовали только короткие прочтения, длиной до 50 пар нуклеотидов, чтобы исключить

контаминацию фрагментами современной ДНК. Участки поли-С трактов в позициях 303–315 и 16183–16193 мтДНК проверяли визуально с использованием IGV (Robinson, Zemo jtcl, 2018). Митохондриальную гаплогруппу определяли с использованием Haplogrep 2 (Weissensteiner et al., 2016), филогенетический анализ проводили с помощью программных пакетов mtPhyl (Eltsov.org) и MEGA X (Kumar et al., 2018) с использованием последовательностей полных митохондриальных геномов из баз данных GenBank и AmtDB. Для построения филогенетических деревьев использовали полные последовательности мтДНК, которые выравнивали друг относительно друга с помощью MAFFT (Katoh, Standley, 2013), в качестве аутгруппы использовали последовательность мтДНК шимпанзе (NC001643). Полученные выравнивания использовали для эволюционного анализа методами минимальной эволюции (Minimum evolution) и метода присоединения ближайшего соседа (Neighbor joining) с поддержкой узлов бутстрепом с 2000 повторов в программе MEGAX (Katoh, Standley 2013).

Тотальная геномная ДНК была выделена из фрагмента зуба и использована для приготовления фрагментных геномных библиотек. В результате их секвенирования было получено более 8 млрд прочтений, 3.79% которых картируются на геном человека, остальные представлены геномами почвенных микроорганизмов. Только 1631 прочтение было картировано на референс-

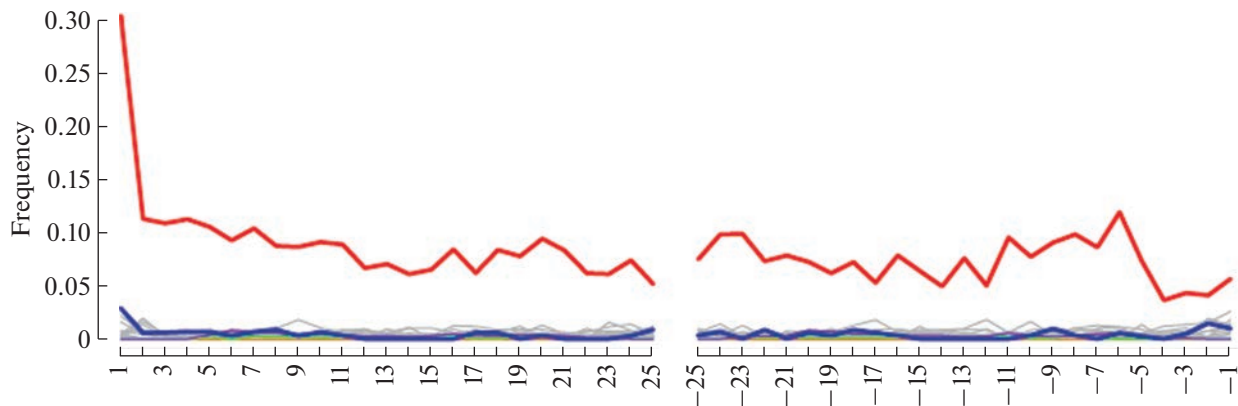


Рис. 3. Профиль нуклеотидных замен, полученный с использованием программы mapDamage 2.0 (Jónsson et al. 2013) для прочтений, картированных на мтДНК человека. Наблюдаются повышенный уровень замен С > Т (красный) по всей длине фрагментов, а также значительное увеличение частоты таких замен на концах фрагментов, специфичное для древней ДНК и обусловленное постмортальными модификациями ДНК, что подтверждает подлинность древней ДНК, выделенной из зуба.

Fig. 3. Profile of nucleotide substitutions obtained using the mapDamage 2.0 software (Jónsson et al., 2013) for reads mapped to human mtDNA

ную последовательность мтДНК, что позволило реконструировать полную последовательность митохондриальной ДНК со средним покрытием $\times 3.8$. Профиль замен на концах фрагментов, картированных на мтДНК, соответствовал древней ДНК, так как имеет повышенную частоту замен цитозина на тимин (рис. 3).

Полученная последовательность мтДНК относится к гаплогруппе H1b, выявленные отличия ее от референсной последовательности мтДНК человека представлены в табл. 1.

Гаплогруппа H1b представляет собой одну из 60 ветвей предковой гаплогруппы H1, которая, в свою очередь, принадлежит к самой распространенной в современной Европе гаплогруппе H (PhyloTree – mtDNA tree Build 17). Возникновение гаплогруппы H1b связано с тремя последовательными заменами в корневой гаплогруппе H. Первая из них (G3010A) сформировала подкладу H1, далее замены T16189C и T16356C привели к появлению ветви, соответствующей гаплогруппе H1b, к которой принадлежит образец из Кури-

Таблица 1. Варианты, выявленные в последовательности мтДНК исследованного образца
Table 1. Variants identified in the mtDNA sequence of the studied sample

Координата (rCRS)	Референсный аллель	Вариант, выявленный в исследованном образце	Число прочтений, содержащих альтернативный аллель	Частота в современных популяциях (по базе данных GnomAD)
263	A	G	9	0.991
315.1	—	C	2	—*
750	A	G	3	0.983
1438	A	G	7	0.956
3010	G	A	4	0.163
4769	A	G	3	0.984
8860	A	G	7	0.984
15326	A	G	6	0.993
16183	A	C	3	0.005
16189	T	C	2	0.249
16356	T	C	3	0.032
16519	T	C	5	0.657

* Вариант 315.1C, распространенный в популяциях человека, не представлен в базе данных GnomAD.

ловки. При этом замена T16189C расположена в поли-С тракте и характеризуется высокой частотой спорадических мутаций, обусловленных ошибками репликации в повторяющемся участке, поэтому только вариант T16365C является маркером гаплогруппы H1b (Van Oven, Kayser, 2009).

Базальная гаплогруппа H является самой распространенной (более 50% в некоторых популяциях) митохондриальной гаплогруппой в Европе. Примерно половина носителей гаплогруппы H (и до 27% от всех митохондриальных гаплогрупп) принадлежит ее дочерней ветви H1 (Roostalu et al., 2007), которая наиболее часто встречается в современных популяциях Иберийского полуострова, откуда эта материнская линия, вероятно, начала свое распространение по всей Европе (Ottoni et al., 2010). Ее клада H1b, к которой принадлежит образец из Куриловки, встречается во всех европейских популяциях и достигает максимальной частоты у населения современной Финляндии и Эстонии — до 7% от всех носителей гаплогруппы H (Loogväli et al., 2004).

Для более детального анализа мы провели прямое сравнение митохондриальной последовательности образца из Куриловки с полными митохондриальными геномами, представленными в открытых информационных источниках. Используемые для поиска базы данных включают в себя образцы как современных, так и древних индивидов (GenBank; AmtDB; Ian Logan — mtDNA; YFull — MTree 1.02). Из них для анализа были отобраны все митохондриальные последовательности, принадлежащие гаплогруппе H1b, для которых указано географическое происхождение или этническая принадлежность. Также в анализ были включены три последовательности мтДНК древних образцов с территории России, принадлежащие гаплогруппе H1b, из собственной базы митохондриальных геномных последовательностей (лаборатории эволюционной геномики ИОГен РАН и НТУ “Сириус”), включающей более 400 образцов от палеолита до начала XX в.: из могильника Репная балка (среднедонская катакомбная культура, середина III тыс. до н.э., Воронежская обл.), из кургана “Чайка” (культура раннего железного века, Крым) и из захоронения Ксизово 17Б (гуннский период, Липецкая обл.). Кроме того, с использованием сервиса BLAST и полной митохондриальной последовательности образца из Куриловки был проведен поиск дополнительных последовательностей, присутствующих в GenBank, наиболее сходных с этим образцом, независимо от их принадлежности к митохондриальной гаплогруппе. По результатам отбора в анализ были включены все найденные с помощью BLAST последовательности мтДНК, отвечающие следующим критериям: Query cover — 100%; Percent Identity — не менее

99.99%. Так как не все митохондриальные последовательности, представленные в научных публикациях, размещаются в указанных выше базах данных, дополнительно мы провели анализ литературных источников, посвященным генетическим исследованиям древних образцов и отобрали образцы, для которых была показана принадлежность к гаплогруппе H1b. Несмотря на то что в литературе присутствует информация о носителях этой гаплогруппы у представителей различных древних культур с территории Европы, включая, например, фатьяновскую (Saag et al., 2021) и трипольскую культуры (Nikitin et al., 2017), алеманнов (O’Sullivan et al., 2018) и др., генетический анализ в этих исследованиях был проведен с использованием отдельных участков мтДНК или только гипервариабельного региона, а принадлежность к гаплогруппе H1b определялась по наличию единственной замены T16365C. Полные митохондриальные последовательности носителей гаплогруппы H1b по результатам анализа литературных данных были реконструированы для двух индивидов: венгерского короля Бела III (Olasz et al., 2019) и индивида из захоронения раннего болгарского периода (VIII–IX вв.) с территории Волго-Камского региона (Szeifert et al., 2022).

Таким образом, для проведения сравнительного анализа с мтДНК индивида из Куриловки были отобраны 58 полных митохондриальных последовательностей, включая 36 современных и 22 древних митогенома (табл. 2). С использованием последней версии дерева митохондриальных гаплогрупп (PhyloTree — mtDNA tree Build 17) были определены митохондриальные гаплогруппы для всех включенных в анализ образцов. Помимо гаплогруппы H1b, к которому принадлежит образец из Куриловки, а также другие 35 включенные в анализ образцы, у оставшихся 23 были выявлены митохондриальные гаплогруппы H1, H1b1, H1b5, H1b3, H1ba, H1bs, H1bm, которые в соответствии с филогенетическим деревом www.phylotree.org отличаются от гаплогруппы H1b одной-тремя нуклеотидными заменами.

Сравнение с современными индивидами позволило обнаружить полное совпадение митохондриальной геномной последовательности образца из Куриловки с современным индивидом датского происхождения (JX153524). Это свидетельствует об относительно недавнем (не ранее, чем I тыс. н.э.) существовании общего предка по материнской линии современных европейцев, носителей гаплогруппы H1b, и индивида из Куриловки. Наименьшее число отличий (1 нуклеотидная замена) было выявлено при сравнении полной последовательности мтДНК образца из Куриловки с последовательностями современных жителей Испании (включая басков), Дании, Финляндии и северо-западных регионов России (Псков и Новгород).

Таблица 2. Полные митохондриальные последовательности, использованные для филогенетического анализа
Table 2. Complete mitochondrial sequences used for phylogenetic analysis

Обозначение	Происхождение, период	Гаплогруппа	Число отличий от образца из Куриловки (нт)*	Источник
JX153524	Дания	H1b	0	GenBank
BelaIII	Венгрия, венгерский король Бела III (1148–1196 гг. н.э.)	H1b	0	Wang et al., 2021
MN540478	Финляндия, эпоха викингов, VII–XIII вв. н.э.	H1+16189	1	Översti et al., 2019
JQ324755	Испания	H1b	1	GenBank
JQ324850	Испания (баск)	H1b	1	—“—
JQ324924	Испания (баск)	H1b	1	—“—
JX152783	Финляндия	H1+16189	1	—“—
JX152798	Дания	H1b5	1	—“—
JX153758	Дания	H1b	1	—“—
JX154058	Финляндия	H1+16189	1	—“—
KF161163	Дания	H1b	1	—“—
KF162082	Дания	H1b	1	—“—
KF162092	Дания	H1b	1	—“—
KF162415	Дания	H1b	1	—“—
KF162418	Дания	H1b	1	—“—
KY670892	Россия (Псков)	H1b	1	—“—
KY671082	Россия (Новгород)	H1+16189	1	—“—
MG595757	Финляндия	H1+16189	1	—“—
MN046452	Испания	H1b	1	—“—
MN411324	Болгария	H1b	1	—“—
VK18	Россия, Ладога, эпоха викингов, X–XII вв. н.э.	H1b1	2	Margaryan et al., 2020
DS77	Россия, Репная балка, среднедонская катакомбная культура, середина III тыс. до н.э.	H1b	2	Собственные данные
MF114211	Польша, неолит, культура шаровидных амфор, 3400–2800 гг. до н.э.	H1	2	Tassi et al., 2017
RC13	Волго-Камский регион, ранний булгарский период, IX–X вв. н.э.	H1b	2	Szeifert et al., 2022
JQ324649	Испания (баск)	H1b	2	GenBank
JX153618	Финляндия	H1+152+16189	2	—“—
JX171107	Финляндия	H1+16189	2	—“—
KF161561	Дания	H1b	2	—“—
KF162046	Дания	H1b	2	—“—
KF162968	Дания	H1b	2	—“—
KJ856753	Россия (бурят)	H1b3	2	—“—
KU867602	Испания	H1b	2	—“—
KY496879	Финляндия	H1+16189	2	—“—
KY670910	Россия	H1b	2	—“—
KY671008	Россия (Владимир)	H1b5	2	—“—
MK059536	Дания	H1b	2	—“—

Таблица 2. Окончание
Table 2. Ending

Обозначение	Происхождение, период	Гаплогруппа	Число отличий от образца из Куриловки (нт)*	Источник
MN516591	Финляндия	H1b	2	—“—
MZ920537	Испания	H1b	2	—“—
MZ920740	Испания	H1+16189	2	—“—
KS6	Россия, Ксизово 17Б, гуннское время	H1b	3	Собственные данные
VK313	Дания, эпоха викингов, 850–900 гг. н.э.	H1b	3	Margaryan et al., 2020
VK495	Эстония, ранние викинги, VIII в. н.э.	H1b	3	Margaryan et al., 2020
KF161743	Дания	H1b	3	GenBank
MH120522	Польша	H1b	3	—“—
MZ921145	Испания (баск)	H1b	3	—“—
MF114216	Польша, бронзовый век, культура шаровидных амфор, ок. III тыс. до н.э.	H1b	4	Tassi et al., 2017
MN540478 (PCA0090)	Польша, готы, 200–400 гг. н.э.	H1cg	4	Stolarek et al., 2019
MF114217	Польша, неолит	H1b	4	Tassi et al., 2017
VK398	Швеция, викинги, X–XII вв. н.э.	H1b1	4	Margaryan et al., 2020
OBKR79 (MF498711)	Германия, бронзовый век	H1ba	4	Knipper et al., 2017
MT588290	Польша, неолит	H1b	4	Juras et al., 2021
I5836	Германия, медный век	H1b1+16362	5	Olalde et al., 2018
I2618	Англия, бронзовый век	H1bs	8	Olalde et al., 2018
AS16	Крым, ранний железный век	H1b	8	Собственные данные
DA199**	Венгрия, средние века	H1ba	9	De Barros Damgaard et al., 2018
Val107	Испания, бронзовый век	H1bm	9	González-Fortes et al., 2019
Val145	Испания, бронзовый век	H1bm	9	—“—
Val146	Испания, бронзовый век	H1bm	9	—“—

Примечание. Серым цветом выделены древние образцы ДНК.

*При анализе не учитывались позиции, в которых не определен нуклеотид (обозначен N в доступной последовательности из GenBank).

**Образец DA199 исключен из филогенетического анализа в связи с большим количеством позиций в нем с неопределенными нуклеотидами.

Сравнение с древними образцами показало полное совпадение мтДНК последовательности индивида из Куриловки с митохондриальной последовательностью венгерского короля Бела III (Olasz et al., 2019; Wang et al., 2021), матерью которого была Ефросинья Мстиславовна, дочь великого киевского князя Мстислава Владимировича.

Представитель эпохи викингов из захоронения с территории Финляндии (Луистари, 600–1200 гг. н.э.) отличается от образца из Куриловки одной нуклеотидной заменой в последовательности мтДНК. Следует отметить, что мтДНК этого образца из Финляндии содержит 12 позиций с неопределенными нуклеотидами, поэтому общее

число различий с последовательностью мтДНК образца из Куриловки может быть больше, чем одно. Различия в две нуклеотидных замены выявлены между образцом из Куриловки и последовательностями мтДНК трех древних индивидов: представителем культуры шаровидных амфор с территории Польши (MF114211), среднедонской катакомбной культуры Воронежской области (DS77) и ранне-булгарского захоронения VIII–IX вв. Волго-Камского региона (RC13).

Дальнейший анализ полной последовательности мтДНК мы проводили с помощью построения филогенетических деревьев. Такой анализ позволяет найти вероятное положение последо-

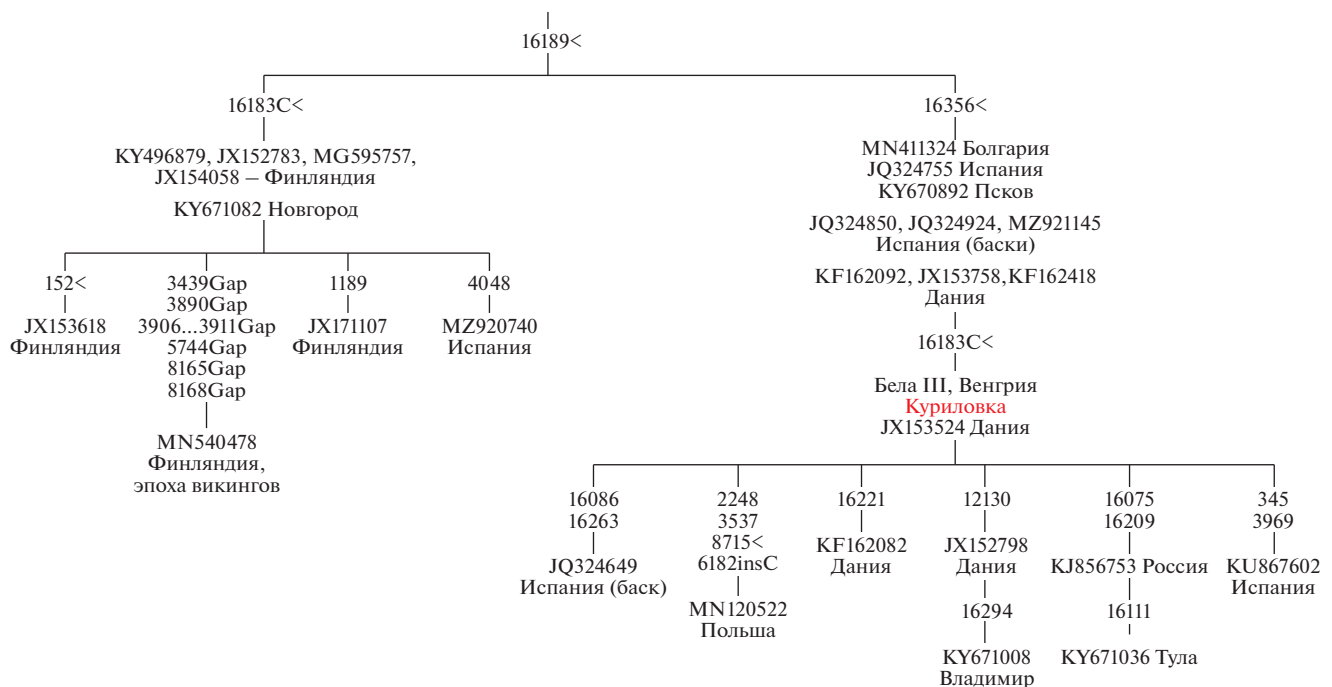


Рис. 4. Фрагмент филогенетического дерева гаплогруппы H1b, построенного с использованием программного пакета mtPhyl. Мутации на ветвях указаны относительно референсной последовательности мтДНК (rCRS); для транзиссий указан только номер нуклеотидной позиции, для трансверсий приводится нуклеотидная замена; символом < обозначены позиции повторяющихся мутаций: Gap — неопределенные позиции в мтДНК. Для каждого образца указан его номер в GenBank и место его происхождения.

Fig. 4. A fragment of the phylogenetic tree of haplogroup H1b constructed with the mtPhyl software package

вательностей ДНК на филогенетическом дереве и определить возможное родство близких, но различающихся митотипов. Для определения положения ДНК индивида из Куриловки на дереве митохондриальных гаплогрупп мы провели филогенетический анализ полных последовательностей мтДНК всех отобранных по базам данных образцов 53 образцов и образца из Куриловки с использованием программы mtPhyl, в которой реализован метод максимальной экономии (Maximum parsimony) с учетом митохондриальных гаплогрупп человека. Анализ показал объединение мтДНК из Куриловки с современными жителями Испании, Дании, Польши и Северо-запада России (рис. 4).

Дополнительный филогенетический анализ полных митохондриальных последовательностей был проведен с использованием метода минимальной эволюции (Minimum evolution) и метода присоединения ближайшего соседа (Neighbor joining). Топология полученных в результате анализа филогенетических деревьев, построенных двумя методами, оказалась сходной для ветвей, включающих образец из Куриловки (см. рис. 4). Было показано, что он имеет наибольшее сходство с современными образцами из Испании, Дании, Финляндии и России (рис. 5). Ближайшие к

нему древние митотипы выявлены у древних жителей Центрального и Волго-Камского регионов Европейской равнины DS77 (среднедонская катакомбная культура) и RC13 (булгарский период, IX–X вв. н.э., Поволжье).

Следует отметить, что по результатам проведенного анализа (табл. 2 и рис. 5) митотип образца из Куриловки имеет максимальное сходство с митотипом венгерского короля Бэлы III (1148–1196). Митохондриальный геном он получил от матери — Ефросиньи Мстиславовны (1130–1193), которая в свою очередь унаследовала свой митохондриальный геном от Любавы Дмитриевны — дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича (годы правления 1117–1118).

Митотип образца из Куриловки имеет большее сходство с современными и средневековыми (индивид эпоха викингов и венгерский король) европейскими образцами, а также с древними жителями восточной части Европы, включая Россию, чем с более древним населением неолита и бронзового века Западной Европы (Испания, Англия и Германия). Таким образом, возможны следующие сценарии происхождения данного митотипа индивида из жилища сахновского этапа волынцевской культуры.

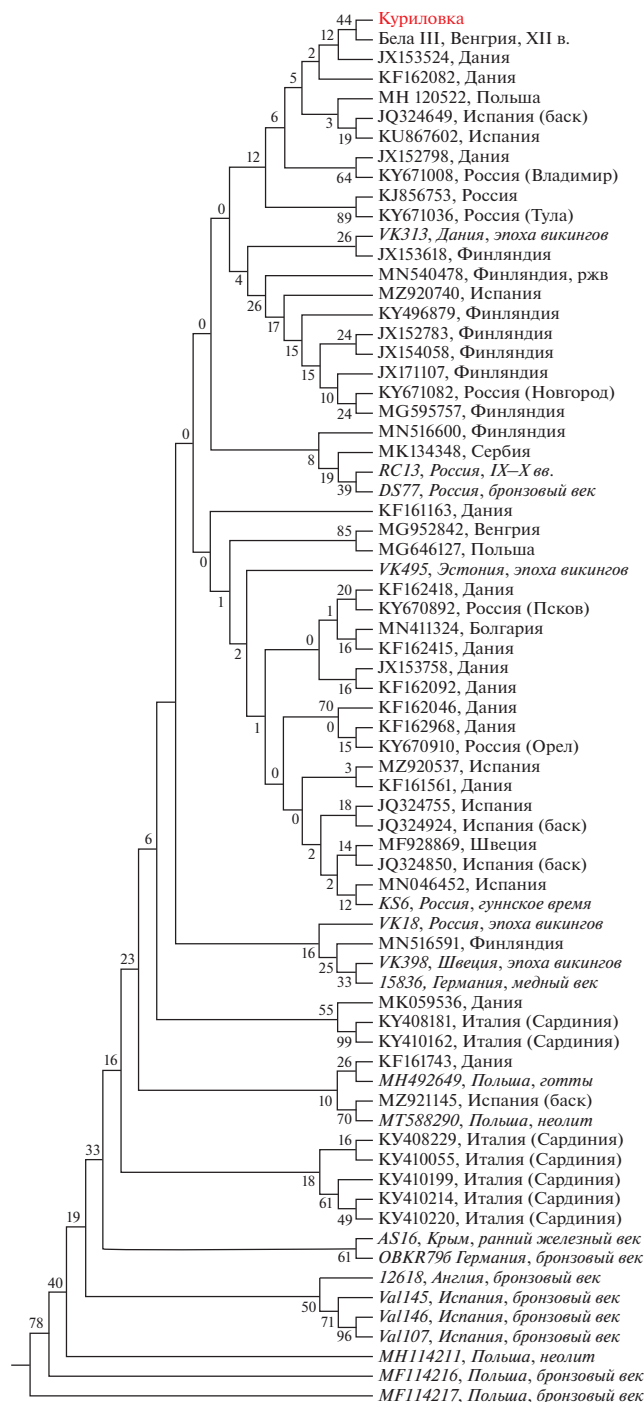


Рис. 5. Филогенетическое дерево гаплогруппы H1b, построенное методом минимальной эволюции. Эволюционный анализ проведен с использованием MEGAX (Kumar et al., 2018). Все неоднозначные позиции были удалены для каждой пары анализируемых последовательностей. Консенсусное дерево получено с поддержкой узлов бутстрепом с 2000 повторов. Древние митогеномы отмечены курсивом.

Fig. 5. Phylogenetic tree of haplogroup H1b constructed by the minimum-evolution method. Evolutionary analysis was conducted with MEGAX (Kumar et al., 2018)

Ранний этап волынцевской культуры связан с традициями пражской раннеславянской общности, которая существует в середине IV – VII в. Ее отличительная черта – высокая территориальная динамичность, экспансионистский характер на всех этапах развития. Уже в период формирования культуры ее носители осуществляют первые миграции из региона, где известны наиболее ранние памятники – бассейна Припяти, Центрального Полесья – в Южное Побужье и Поднепровье. В V в. они проникают в верховья Западного Буга и Вислы, бассейн Одера, Восточное Прикарпатье. В VII в. ареал пражской культуры охватывает огромную территорию от Эльбы до Днестра и от Южной Прибалтики до Подунавья и Балканского полуострова (Гавритухин, 1997).

Многочисленные исследования показывают, что пражское население вступало в активное взаимодействие с представителями окружающих культур и народов – лангобардами, гепидами, аварами, византийским населением дунайского лимеса и др. В частности, в низовьях Эльбы, где носители пражских традиций появились не позднее конца VII в., они встретились с саксами, плотные контакты с которыми привели к тому, что в ряде случаев трудно различить лепную керамику этих двух общностей (Шнеевайс, 2017).

Дальнейшее развитие пражских культурных традиций привело к формированию ряда славянских общностей последней четверти I тыс. н.э., таких, как культура Луки-Райковецкой на Правобережье Днестра и памятники сахновско-волынцевского типа, составляющие ранний горизонт волынцевской культуры, на Левобережье Днестра.

Сходство с современными северными европейскими индивидами (датчанами) и с представителями средневекового населения Пскова и Новгорода может отражать корни происхождения и миграции славянского компонента из западной части Восточной Европы. Следует, однако, отметить, что при сравнении с более древними образцами бронзового века и неолита мы обнаружили наибольшее совпадение индивида из Куриловки с индивидом из Репной Балки (~3000 лет до н.э.) из той же географической местности, а не с древними западноевропейскими образцами. Кроме того, полное совпадение с современным образцом датчанина свидетельствует об их общем ближайшем предке по материнской линии периода средневековья. Таким образом, возможным является и сценарий о генетическом потоке, по крайней мере данной материнской и предковой ей линии, от автохтонного населения с территории России на северо-запад Европы. Интересным также представляется сходство данного митотипа с гаплогруппой, встречающейся у современных басков, что может отражать определенные исторические и миграционные события при фор-

мировании населения Европы в период железного века и раннего средневековья.

Разумеется, однозначные выводы не могут быть сделаны на основе анализа единичного образца. Кроме того, низкое качество древней ДНК, сохранившейся в исследованном зубе, не позволяет провести анализ ядерных генетических маркеров. Исследования других костных фрагментов могут быть более перспективны для полногеномного анализа, необходимого для определения вероятной популяционной принадлежности данного индивида.

Палеогеномные исследования позволяют составить новую базу фактов, характеризующих происхождение людей из памятников ранних славянских культур. Впервые выполнен геномный анализ и определена полная последовательность митохондриального генома уникального образца, из памятника раннеславянской культуры VII–VIII вв. Полученные в результате палеогенетического анализа результаты показали принадлежность митохондриальной последовательности индивида из Куриловки европейской гаплогруппе H1b. Обнаружено полное сходство с митогеном образца, представляющего венгерского короля Бэлу III. Этот митогеном унаследован им от матери Ефросиньи Мстиславовны, происхождение которой связано со средой новгородского боярства. Минимальное количества замен в мтДНК, по которым отличается образец из Куриловки от современных жителей Севера Европы, включая Северо-западный регион России, предполагает близкое родство материнских линий этих индивидов и свидетельствует о связи раннеславянских и северо-западных европейских митохондриальных линий.

Работа выполнена по проекту Минобрнауки России, системный номер No 075-10-2020-116 (No 13.1902.21.0023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3 / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1997. С. 39–52.
- Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Хронология начальных фаз памятников волынцевского типа // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 3). С. 133–135.
- Клещенко Е.А., Решетова И.К. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2019. 224 с.
- Обломский А.М., Щеглова О.А. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 3). С. 131–133.
- Комар А.В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 г. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 128–191.
- Родинкова В.Е. Раннеславянские памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датированными находками // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 3). С. 155–162.
- Сыроватко А.С., Клещенко Е.А. Грунтовые погребения-кремации XII века: новые исследования курганного могильника Кремень // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 45–56.
- Шнеевайс Й. Керамика как свидетельство идентичности и культурного трансфера? Саксонская и славянская керамика VIII–X вв. в Нижнем Поэльбье // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; вып. 19). С. 90–102.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1985. 184 с.
- AmtDB [Электронный ресурс]. URL: <https://amtdb.org/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Andreeva T.V., Manakhov A.D., Gusev F.E. et al. Genomic Analysis of a Novel Neanderthal from Mezmaiskaya Cave Provides Insights into the Genetic Relationships of Middle Palaeolithic Populations // Scientific Reports. 2022. 12. 13016. DOI 10.1038/s41598-022-16164-9
- De Barros Damgaard P., Marchi N., Rasmussen S. et al. 137 Ancient Human Genomes from across the Eurasian Steppes // Nature. 2018. V. 557. № 7705. P. 369–374. DOI 10.1038/s41586-018-0094-2
- BLAST [Электронный ресурс]. URL: <https://blast.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 15.05.2023).
- Eltsov.org [Электронный ресурс]. URL: <http://eltsov.org> (дата обращения: 17.01.1922).
- Gansauge M.T., Gerber T., Glocke I et al. Single-Stranded DNA Library Preparation from Highly Degraded DNA Using T4 DNA Ligase // Nucleic Acids Research. 2017. V. 45. Iss. 10. P. e79. DOI 10.1093/nar/gkx033
- GenBank [Электронный ресурс]. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/genbank/ (дата обращения: 15.05.2023).

- González-Fortes G., Tassi F., Trucchi E. et al. A Western Route of Prehistoric Human Migration from Africa into the Iberian Peninsula // *Proceedings of the Royal Society. B: Biological Sciences*. 2019. V. 286. Iss. 1895. 20182288.
DOI 10.1098/rspb.2018.2288
- Grela M., Jakubczak A., Kowalczyk M., Listos P., Gryzińska M. Effectiveness of Various Methods of DNA Isolation from Bones and Teeth of Animals Exposed to High Temperature // *Journal of Forensic and Legal Medicine*. 2021. V. 78. 102131.
DOI 10.1016/j.jflm.2021.102131
- Ian Logan — mtDNA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ianlogan.co.uk> (дата обращения: 15.05.2023).
- Jónsson H., Ginolhac A., Schubert M., Johnson P.L.F., Orlando L. MapDamage2.0: Fast Approximate Bayesian Estimates of Ancient DNA Damage Parameters // *Bioinformatics*. 2013. 29. P. 1682–1684.
DOI 10.1093/bioinformatics/btt193
- Juras A., Ehler E., Chyleński M. et al. Maternal Genetic Origin of the Late and Final Neolithic Human Populations from Present-Day Poland // *American Journal of Physical Anthropology*. 2021. V. 176. Iss. 2. P. 223–36.
DOI 10.1002/ajpa.24372
- Katoh K., Standley D.M. MAFFT Multiple Sequence Alignment Software Version 7: Improvements in Performance and Usability // *Molecular Biology and Evolution*. 2013. V. 30. Iss. 4. P. 772–780.
DOI 10.1093/molbev/mst010
- Knipper C., Mitnik A., Massy K. et al. Female Exogamy and Gene Pool Diversification at the Transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in Central Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2017. V. 114. № 38. P. 10083–10088.
DOI 10.1073/pnas.1706355114
- Kristiansen K. Archaeology and the genetic revolution in European prehistory. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 76 p.
- Kumar S., Stecher G., Li M., Knyaz Ch., Tamura K. MEGA X: Molecular Evolutionary Genetics Analysis across Computing Platforms // *Molecular Biology and Evolution*. 2018. V. 35. Iss. 6. P. 1547–1549.
DOI 10.1093/molbev/msy096
- Li H., Durbin R. Fast and Accurate Short Read Alignment with Burrows-Wheeler Transform // *Bioinformatics*. 2009. V. 25. Iss. 14. P. 1754–1760.
DOI 10.1093/bioinformatics/btp324
- Loogväli E.-L., Roostalu U., Malyarchuk B.A. et al. Disuniting Uniformity: A Pied Cladistic Canvas of MtDNA Haplogroup H in Eurasia // *Molecular Biology and Evolution*. 2004. V. 21. Iss. 11. P. 2012–2021.
DOI 10.1093/molbev/msh209
- Margaryan A., Lawson D.J., Sikora M. et al. Population Genomics of the Viking World // *Nature*. 2020. V. 585. № 7825. P. 390–396.
DOI 10.1038/s41586-020-2688-8
- Nikitin A.G., Potekhina I., Rohland N. et al. Mitochondrial DNA Analysis of Eneolithic Trypillians from Ukraine Reveals Neolithic Farming Genetic Roots // *PLOS ONE*. 2017. V. 12. № 2. P. e0172952.
DOI 10.1371/journal.pone.0172952
- O'Sullivan N., Posth C., Coia V. et al. Ancient Genome-Wide Analyses Infer Kinship Structure in an Early Medieval Alemannic Graveyard // *Science Advances*. 2018. V. 4. № 9. P. 1262.
DOI 10.1126/sciadv.aao1262
- Olalde I., Brace S., Allentoft M.E. et al. The Beaker Phenomenon and the Genomic Transformation of North-west Europe // *Nature*. 2018. V. 555. № 7695. P. 190–196.
DOI 10.1038/nature25738
- Olasz J., Seidenberg V., Hummel S. et al. DNA Profiling of Hungarian King Béla III and Other Skeletal Remains Originating from the Royal Basilica of Székesfehérvár // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. V. 11. № 4. P. 1345–1357.
DOI 10.1007/s12520-018-0609-7
- Otoni C., Koon H.E.C., Collins M.J. et al. Preservation of Ancient DNA in Thermally Damaged Archaeological Bone // *Naturwissenschaften*. 2009. V. 96. № 2. P. 267–278.
DOI 10.1007/s00114-008-0478-5
- Otoni C., Primativo G., Kashani B.H. et al. Mitochondrial Haplogroup H1 in North Africa: An Early Holocene Arrival from Iberia // *PLOS ONE*. 2010. V. 5. № 10. P. e13378.
DOI 10.1371/journal.pone.0013378
- Översti S., Majander K., Salmela E. et al. Human Mitochondrial DNA Lineages in Iron-Age Fennoscandia Suggest Incipient Admixture and Eastern Introduction of Farming-Related Maternal Ancestry // *Scientific Reports*. 2019. 9. 16883.
DOI 10.1038/s41598-019-51045-8
- PhyloTree — mtDNA tree Build [Электронный ресурс]. URL: <http://www.phylotree.org> (дата обращения: 15.05.2023).
- Robinson P., Zemo jtel T. Integrative Genomics Viewer (IGV): Visualizing Alignments and Variants // *In Computational Exome and Genome Analysis*. New York, 2018. P. 233–245.
DOI 10.1201/9781315154770-17
- Rogaev E.I., Grigorenko A.P., Moliaka Y.K. et al. Genomic Identification in the Historical Case of the Nicholas II Royal Family // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. V. 106. № 13. P. 5258–5263.
DOI 10.1073/pnas.0811190106
- Roostalu U., Kutuev I., Loogväli E.L. et al. Origin and Expansion of Haplogroup H, the Dominant Human Mitochondrial DNA Lineage in West Eurasia: The Near Eastern and Caucasian Perspective // *Molecular Biology and Evolution*. 2007. V. 24. Iss. 2. P. 436–448.
DOI 10.1093/molbev/msl173
- Saag L., Vasilyev S.V., Varul L. et al. Genetic Ancestry Changes in Stone to Bronze Age Transition in the East European Plain // *Science Advances*. 2021. V. 7. № 4. P. 6535.
DOI 10.1126/sciadv.abd6535

- Schubert M., Lindgreen S., Orlando L. AdapterRemoval v2: Rapid Adapter Trimming, Identification, and Read Merging // BMC Research Notes (BioMed Central Research Notes). 2016. V. 9. P. 88.
DOI 10.1186/s13104-016-1900-2
- Stolarek I., Handschuh L., Juras A. et al. Goth Migration Induced Changes in the Matrilineal Genetic Structure of the Central-East European Population // Scientific Reports. 2019. V. 9. P. 6737.
DOI 10.1038/s41598-019-43183-w
- Szeifert B., Gerber D., Csáky V. et al. Tracing Genetic Connections of Ancient Hungarians to the 6th–14th Century Populations of the Volga-Ural Region // Human Molecular Genetics. 2022. V. 31. № 19. P. 3266–3280.
DOI 10.1093/hmg/ddac106
- Tassi F., Vai S., Ghirotto S. et al. Genome Diversity in the Neolithic Globular Amphorae Culture and the Spread of Indo-European Languages // Proceedings of the Royal Society. B: Biological Sciences. 2017. V. 284. Iss. 1867. P. 20171540.
DOI 10.1098/rspb.2017.1540
- Van Oven M., Kayser M. Updated Comprehensive Phylogenetic Tree of Global Human Mitochondrial DNA Variation // Human Mutation. 2009. V. 30. № 2. P. e386–e394.
DOI 10.1002/humu.20921
- Wang Ch.Ch., Posth C., Furtwängler A. et al. Genome-Wide Autosomal, MtDNA, and Y Chromosome Analysis of King Bela III of the Hungarian Arpad Dynasty // Scientific Reports. 2021. V. 11. P. 19210.
DOI 10.1038/s41598-021-98796-x
- Weissensteiner H., Pacher D., Kloss-Brandstätter A. et al. HaploGrep 2: Mitochondrial Haplogroup Classification in the Era of High-Throughput Sequencing // Nucleic Acids Research. 2016. V. 44. № W1. P. W58–W63.
DOI 10.1093/nar/gkw233
- YFull – MTree 1.02 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yfull.com/mtree/> (дата обращения: 15.05.2023).

AN INDIVIDUAL OF THE VOLINTSEVO PERIOD FROM KURILOVKA: THE FIRST ARCHAEOGENETIC DATA

**Tatiana V. Andreeva^{a,b,c,#}, Alexandra B. Malyarchuk^{b,c,##}, Vlasta E. Rodinkova^{d,###},
Anna D. Soshkina^{b,c,####}, Elizaveta V. Rozhdestvenskikh^{a,#####},
Maria V. Dobrovolskaya^{d,#####}, Evgeny I. Rogaev^{a,c,e,#####}**

^aCentre for Genetics and Life Sciences, Sirius University, Sochi, Russia

^bVavilov Institute of General Genetics RAS, Moscow, Russia

^cCentre for Genetics and Genetic Technologies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^dInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^eUniversity of Massachusetts Chan Medical School, Department of Psychiatry, Shrewsbury, USA

[#]E-mail: an_tati@mail.ru

^{##}E-mail: sasha-m98@mail.ru

^{###}E-mail: vlasta2004@mail.ru

^{####}E-mail: anna.soshkina91@gmail.com

^{#####}E-mail: l.i.r.o@mail.ru

^{#####}E-mail: mk_pa@mail.ru

^{#####}E-mail: rogaev.ei@talantiuspeh.ru

Despite the achievements of recent years of palaeogenomic research, the genetic features and diversity of the early Slavic population remain unexplored due to the cremation ritual common in the ancient Slavic tribes. Therefore, each find of an Early Slavic site is an important material. Such a unique Early Slavic object is an individual whose remains were found in a dwelling attributed to the Volintsevo culture from the Kurilovka 2 site in Kursk Region, which dates back to the end of the 7th – first half/middle of the 8th century AD. We extracted DNA from the tooth and used it for genetic analysis. We reconstructed the complete mitochondrial DNA sequence and determined that it belongs to the European haplogroup H1b. The results of the phylogenetic analysis testify the common maternal lineages of the individual from Kurilovka with Medieval and modern European samples and suggest a commonality of the early Slavic and northwestern European mitochondrial lineages.

Keywords: ancient DNA, mitochondrial DNA (mtDNA), haplogroup, the Volintsevo culture, early Slavs.

REFERENCES

- AmtDB (Electronic resource). URL: <https://amtdb.org/>.
- Andreeva T.V., Manakhov A.D., Gusev F.E. et al., 2022. Genomic Analysis of a Novel Neanderthal from Mezmaiskaya Cave Provides Insights into the Genetic Relationships of Middle Palaeolithic Populations. *Scientific Reports*, 12, 13016.
DOI 10.1038/s41598-022-16164-9

- De Barros Damgaard P., Marchi N., Rasmussen S. et al., 2018. 137 Ancient Human Genomes from across the Eurasian Steppes. *Nature*, 557, 7705, pp. 369–374. DOI 10.1038/s41586-018-0094-2
- BLAST (Electronic resource). URL: <https://blast.ncbi.nlm.nih.gov>
- Etnokul'turnaya karta territorii Ukrainskoy SSR v I tys. n.e. [Europe from La Tene to the Middle Ages: the barbarian world and the birth of Slavic cultures]. V.D. Baran, ed. Kiev: Naukova dumka, 1985. 184 p.
- Gansauge M.T., Gerber T., Glocke I. et al., 2017. Single-Stranded DNA Library Preparation from Highly Degraded DNA Using T4 DNA Ligase. *Nucleic Acids Research*, vol. 45, iss. 10, pp. e79. DOI 10.1093/nar/gkx033
- Gavritukhin I.O., 1997. Chronology of the Prague culture. *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii [Works of the VI International congress of Slavic archaeology]*, 3. V.V. Sedov, ed. Moscow, pp. 39–52. (In Russ.)
- Gavritukhin I.O., Shcheglova O.A., 1996. Chronology of the initial phases of the Volintsevo type sites. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [The Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 133–135. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 3). (In Russ.) GenBank (Electronic resource). URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/genbank/.
- González-Fortes G., Tassi F., Trucchi E. et al., 2019. A Western Route of Prehistoric Human Migration from Africa into the Iberian Peninsula. *Proceedings of the Royal Society. B: Biological Sciences*, vol. 286, iss. 1895, 20182288. DOI 10.1098/rspb.2018.2288
- Grela M., Jakubczak A., Kowalczyk M., Listos P., Gryzińska M., 2021. Effectiveness of Various Methods of DNA Isolation from Bones and Teeth of Animals Exposed to High Temperature. *Journal of Forensic and Legal Medicine*, 78, 102131. DOI 10.1016/j.jflm.2021.102131
- Ian Logan – mtDNA (Electronic resource). URL: <http://www.ianlogan.co.uk>.
- Jónsson H., Ginolhac A., Schubert M., Johnson P.L.F., Orlando L., 2013. MapDamage2.0: Fast Approximate Bayesian Estimates of Ancient DNA Damage Parameters. *Bioinformatics*, 29, pp. 1682–1684. DOI 10.1093/bioinformatics/btt193
- Juras A., Ehler E., Chyleński M. et al., 2021. Maternal Genetic Origin of the Late and Final Neolithic Human Populations from Present-Day Poland. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 176, iss. 2, pp. 223–36. DOI 10.1002/ajpa.24372
- Katoh K., Standley D.M., 2013. MAFFT Multiple Sequence Alignment Software Version 7: Improvements in Performance and Usability. *Molecular Biology and Evolution*, vol. 30, iss. 4, pp. 772–780. DOI 10.1093/molbev/mst010
- Kleshchenko E.A., Reshetova I.K., 2019. Paleoantropologicheskie materialy v rekonstruktsiyakh obraza zhizni i pogrebal'noy obryadnosti rannesrednevekovogo naseleeniya Vostochnoy Evropy [Palaeoanthropological materials in reconstructions of the lifestyle and funeral rites of East European early medieval population]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 224 p.
- Knipper C., Mittnik A., Massy K. et al., 2017. Female Exogamy and Gene Pool Diversification at the Transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in Central Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 114, 38, pp. 10083–10088. DOI 10.1073/pnas.1706355114
- Komar A.V., 2012. Polyans and Severians. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 2010. *Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Prerequisites and ways of the Rus state formation]*. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, pp. 128–191. (In Russ.)
- Kristiansen K., 2022. Archaeology and the genetic revolution in European prehistory. Cambridge: Cambridge University Press. 76 p.
- Kumar S., Stecher G., Li M., Knyaz Ch., Tamura K., 2018. MEGA X: Molecular Evolutionary Genetics Analysis across Computing Platforms. *Molecular Biology and Evolution*, vol. 35, iss. 6, pp. 1547–1549. DOI 10.1093/molbev/msy096
- Li H., Durbin R., 2009. Fast and Accurate Short Read Alignment with Burrows-Wheeler Transform. *Bioinformatics*, vol. 25, iss. 14, pp. 1754–1760. DOI 10.1093/bioinformatics/btp324
- Loogväli E.-L., Roostalu U., Malyarchuk B.A. et al., 2004. Disuniting Uniformity: A Pied Cladistic Canvas of MtDNA Haplogroup H in Eurasia. *Molecular Biology and Evolution*, vol. 21, iss. 11, pp. 2012–2021. DOI 10.1093/molbev/msh209
- Margaryan A., Lawson D.J., Sikora M. et al., 2020. Population Genomics of the Viking World. *Nature*, 585, 7825, pp. 390–396. DOI 10.1038/s41586-020-2688-8
- Nikitin A.G., Potekhina I., Rohland N. et al., 2017. Mitochondrial DNA Analysis of Eneolithic Trypillians from Ukraine Reveals Neolithic Farming Genetic Roots. *PLOS ONE*, 12, 2, e0172952. DOI 10.1371/journal.pone.0172952
- O'Sullivan N., Posth C., Coia V. et al., 2018. Ancient Genome-Wide Analyses Infer Kinship Structure in an Early Medieval Alemannic Graveyard. *Science Advances*, vol. 4, 9, 1262. DOI 10.1126/sciadv.aao1262
- Oblomskiy A.M., Shcheglova O.A., 1996. Some features of the culture of Volintsevo type sites and controversies of their origin. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [The Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 131–133. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 3). (In Russ.)
- Olalde I., Brace S., Allentoft M.E. et al., 2018. The Beaker Phenomenon and the Genomic Transformation of Northwest Europe. *Nature*, 555, 7695, pp. 190–196. DOI 10.1038/nature25738
- Olasz J., Seidenberg V., Hummel S. et al., 2019. DNA Profiling of Hungarian King Béla III and Other Skeletal Remains Originating from the Royal Basilica of Székesfehérvár. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 11, 4, pp. 1345–1357. DOI 10.1007/s12520-018-0609-7

- Ottoni C., Koon H.E.C., Collins M.J. et al., 2009. Preservation of Ancient DNA in Thermally Damaged Archaeological Bone. *Naturwissenschaften*, 96, 2, pp. 267–278. DOI 10.1007/s00114-008-0478-5
- Ottoni C., Primativo G., Kashani B.H. et al., 2010. Mitochondrial Haplogroup H1 in North Africa: An Early Holocene Arrival from Iberia. *PLOS ONE*, 5 (10), e13378. DOI 10.1371/journal.pone.0013378
- Översti S., Majander K., Salmela E. et al., 2019. Human Mitochondrial DNA Lineages in Iron-Age Fennoscandia Suggest Incipient Admixture and Eastern Introduction of Farming-Related Maternal Ancestry. *Scientific Reports*, 9, 16883. DOI 10.1038/s41598-019-51045-8
- PhyloTree – mtDNA tree Build (Electronic resource). URL: <http://www.phyloree.org>.
- Robinson P., Zemojtel T., 2018. Integrative Genomics Viewer (IGV): Visualizing Alignments and Variants. In *Computational Exome and Genome Analysis*. New York, pp. 233–245. DOI 10.1201/9781315154770-17
- Rodinkova V.E., 1996. Early Slavic sites of the Middle Dnieper and the Dnieper Left Bank with dating finds. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst [The Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 155–162. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 3). (In Russ.)
- Rogaev E.I., Grigorenko A.P., Moliaka Y.K. et al., 2009. Genomic Identification in the Historical Case of the Nicholas II Royal Family. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 106, 13, pp. 5258–5263. DOI 10.1073/pnas.0811190106
- Roostalu U., Kutuev I., Loogväli E. L. et al., 2007. Origin and Expansion of Haplogroup H, the Dominant Human Mitochondrial DNA Lineage in West Eurasia: The Near Eastern and Caucasian Perspective. *Molecular Biology and Evolution*, vol. 24, iss. 2, pp. 436–448. DOI 10.1093/molbev/msl173
- Saag L., Vasilyev S.V., Varul L. et al., 2021. Genetic Ancestry Changes in Stone to Bronze Age Transition in the East European Plain. *Science Advances*, vol. 7, 4. 6535. DOI 10.1126/sciadv.abd6535
- Schubert M., Lindgreen S., Orlando L., 2016. AdapterRemoval v2: Rapid Adapter Trimming, Identification, and Read Merging. *BMC Research Notes*, 9, 88. DOI 10.1186/s13104-016-1900-2
- Shneevays Y., 2017. Ceramics as evidence of identity and cultural transfer? Saxon and Slavic pottery of the 8th–10th centuries AD in the Lower Elba region. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur*. [Europe from La Tene to the Middle Ages: the barbarian world and the birth of Slavic cultures]. V.E. Rodinkova, O.S. Rummyantseva, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 90–102. (Ranneslavyanskiy mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei, 19). (In Russ.)
- Stolarek I., Handschuh L., Juras A. et al., 2019. Goth Migration Induced Changes in the Matrilinal Genetic Structure of the Central-East European Population. *Scientific Reports*, 9, 6737. DOI 10.1038/s41598-019-43183-w
- Syrovatko A.S., Kleshchenko E.A., 2017. Burials of cremated remains of the 12th century AD: new research in the Kremenye mound cemetery. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*, 13. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 45–56. (In Russ.)
- Szeifert B., Gerber D., Csáky V. et al., 2022. Tracing Genetic Connections of Ancient Hungarians to the 6th–14th Century Populations of the Volga-Ural Region. *Human Molecular Genetics*, 31, 19, pp. 3266–3280. DOI 10.1093/hmg/ddac106
- Tassi F., Vai S., Ghirrotto S. et al., 2017. Genome Diversity in the Neolithic Globular Amphorae Culture and the Spread of Indo-European Languages. *Proceedings of the Royal Society. B: Biological Sciences*, vol. 284, iss. 1867, 20171540. DOI 10.1098/rspb.2017.1540
- Van Oven M., Kayser M., 2009. Updated Comprehensive Phylogenetic Tree of Global Human Mitochondrial DNA Variation. *Human Mutation*, vol. 30, no. 2, pp. e386–e394. DOI 10.1002/humu.20921
- Wang Ch.Ch., Posth C., Furtwängler A. et al., 2021. Genome-Wide Autosomal, MtDNA, and Y Chromosome Analysis of King Bela III of the Hungarian Arpad Dynasty. *Scientific Reports*, 11, 19210. DOI 10.1038/s41598-021-98796-x
- Weissensteiner H., Pacher D., Kloss-Brandstätter A. et al., 2016. HaploGrep 2: Mitochondrial Haplogroup Classification in the Era of High-Throughput Sequencing. *Nucleic Acids Research*, 44, W1, pp. W58–W63. DOI 10.1093/nar/gkw233
- YFull – MTree 1.02 (Electronic resource). URL: <https://www.yfull.com/mtree/>.

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА ПО РАСКОПКАМ 2006–2021 гг.

© 2023 г. В. С. Флёров*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: valerij-flyorov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2023 г.

После доработки 23.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

Правобережное Цимлянское городище — белокаменная крепость, обреченная на уничтожение Цимлянским водохранилищем. По расчетам специалистов по переработке его берегов, крепость исчезнет за ближайшие 75 лет, а стабилизация берега произойдет за 200 и даже более лет. Представлены итоги раскопок 2006–2021 гг. на протяжении 56 м восточной крепостной стены и башни IV, возведенных из блоков белого известняка, уложенных на основание из плит ракушечника и песчаника. Деревянных столбиков, как и на южном углу крепости, под стеной не оказалось. Местоположение башни соответствует плану 1743 г. И. Сацыперова. Предложены два варианта ее реконструкции. Уникальная особенность многих блоков — декор в виде прямой и косой сетки. Обнаружен ряд строительных материалов византийского происхождения, в том числе керамида и калиптеры, керамическая плитка. Открыто очередное типичное для крепости юртообразное жилище № 50. Принципиальное значение имеет его примыкание к внутреннему фасу крепостной стены. Ранее у внутреннего фаса найдены еще два жилища, но ни одного под стеной. Данное обстоятельство ставит под сомнение не поддержанную М.И. Артамоновым гипотезу С.А. Плетнёвой о существовании на месте крепости более раннего поселения.

Ключевые слова: Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, Нижний Дон, крепости, юртообразные жилища.

DOI: 10.31857/S0869606323030108, **EDN:** PVFCJY

В 1996 г. в журнале “Российская археология” появилась обобщающая статья о проблемах изучения Правобережного Цимлянского городища (Флёров, 1996). Ранее были изданы результаты его раскопок в 1987, 1988, 1990 гг. (Флёров, 1994). То были первые раскопки после работ на городище С.А. Плетнёвой в 1958, 1959 гг. Тогда процесс разрушения восточной стороны городища Цимлянским водохранилищем (заполнено в 1952 г.) только начинался. Опасений за дальнейшую судьбу городища еще не возникало. Не высказывала его и Плетнёва, рассеявшая свои раскопы во всей площади памятника, кроме как у берегового обрыва (рис. 1). Вероятно, и создатели водохранилища не задавались вопросом о перспективах переработки его берегов. Сегодня установлено, что водохранилище полностью уничтожит выдающийся памятник археологии минимум за 70 лет. Предотвратить его гибель невозможно, так как становление постоянных берегов прогнозируется лет через 200 (Флёров, 2020. С. 342, 345–351).

В 2003 г. автор данной статьи приступил к мерам скорости продвижения кромки обрыва.

Было установлено, что средняя годовая скорость обрушения равна 0.60 м.

Как бы ни хотелось вслед за И.И. Ляпушкиным (1940. С. 58–62) и С.А. Плетнёвой продолжать работы внутри городища, но к 2005 г. пришло осознание необходимости сменить стратегию раскопок. Отныне их следовало сосредоточить исключительно вдоль обрушающейся восточной стороны городища протяженностью около 175 м (рис. 2, 1).

Проблемой стал выбор места раскопа. Его определили показавшиеся в обрыве несколько плит основания крепостной стены. Позднее оказалось, что плиты принадлежали уже наполовину рухнувшему в обрыв основанию башни IV.

Раскопки начались в 2006 г. Понимая, что опередить процесс обрушения немыслимо, было принято решение вести их без спешки с соблюдением действующих норм методики раскопок.

Работы в крепости уже отражены в полутора десятках тематических публикаций об истории ее исследований, периодизации и хронологии, реконструкции плана, керамидах и т.д. (из недавних: Флёров, 2020; 2021a; б; 2022). В ежегоднике

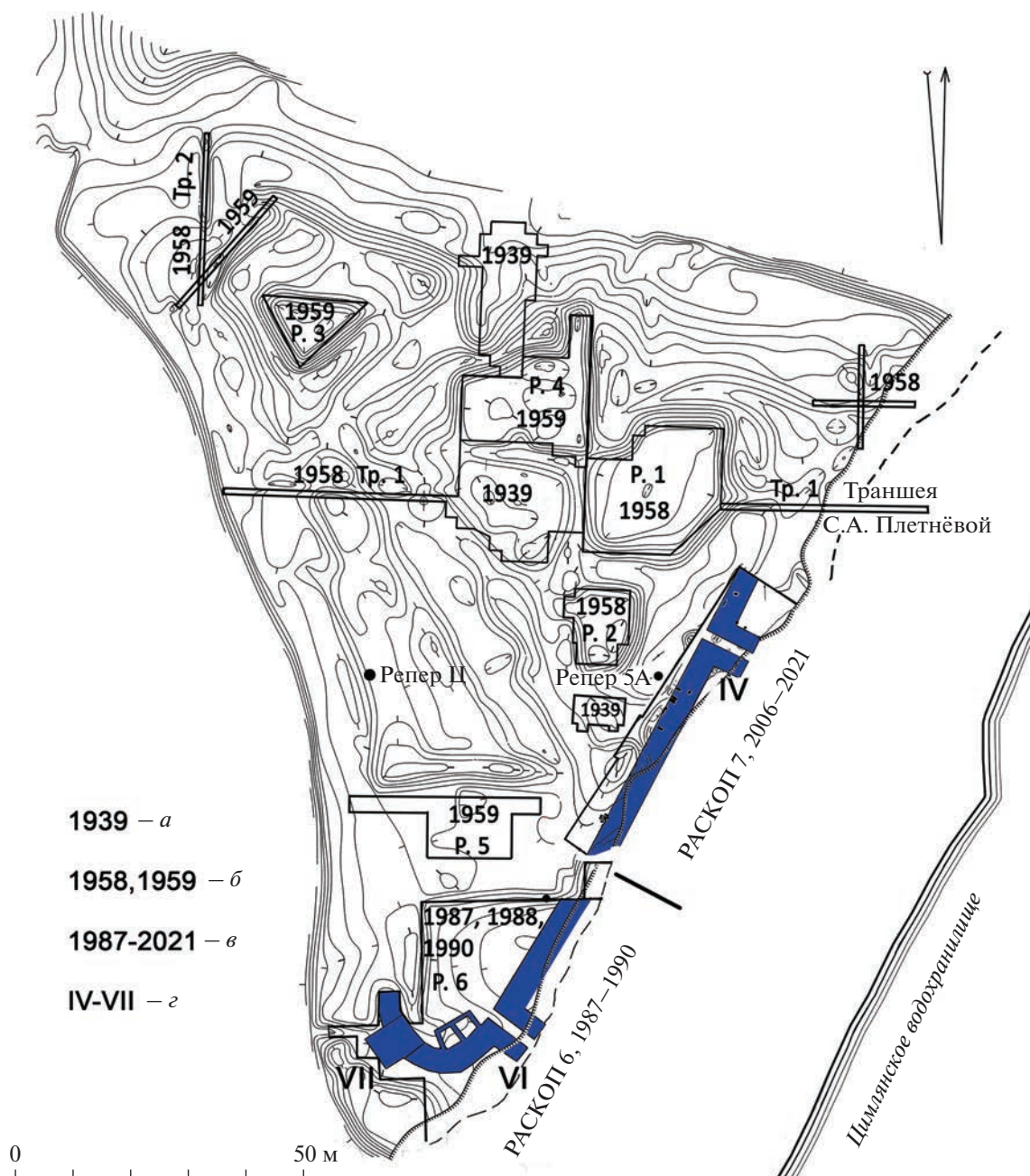


Рис. 1. Правобережная Цимлянская крепость. Синим тонирована реконструкция стен и башен по раскопкам до 2022 г. Условные обозначения: а — раскопы И.И. Ляпушкина; б — раскопы С.А. Плетневой; в — раскопы В.С. Флёрова; г — башни).

Fig. 1. The right-bank Tsimlyansk fortress. The reconstruction of walls and towers based on excavations conducted before 2022 is tinted in blue. Symbols: а — excavations by I.I. Lyapushkin; б — excavations by S.A. Pletneva; в — excavations by V.S. Flerov; г — towers

“Хазарский альманах” с 2020 г. появилась рубрика “Исследования Правобережного Цимлянского городища”.

Ниже кратко излагаются результаты раскопок с 2006 по 2021 г. на новом раскопе 7. Их объектом стал участок основания восточной стены протя-

женностью 32 м и башни IV (рис. 2, 2). Основание сохранилось фрагментарно и только в кв. 8 — на всю ширину. В кв. 6, 7 оно обрушилось наполовину, южнее — полностью. Но и при такой сохранности направление стены реконструировано с большой точностью. От кладки стены сохранились лишь несколько блоков.

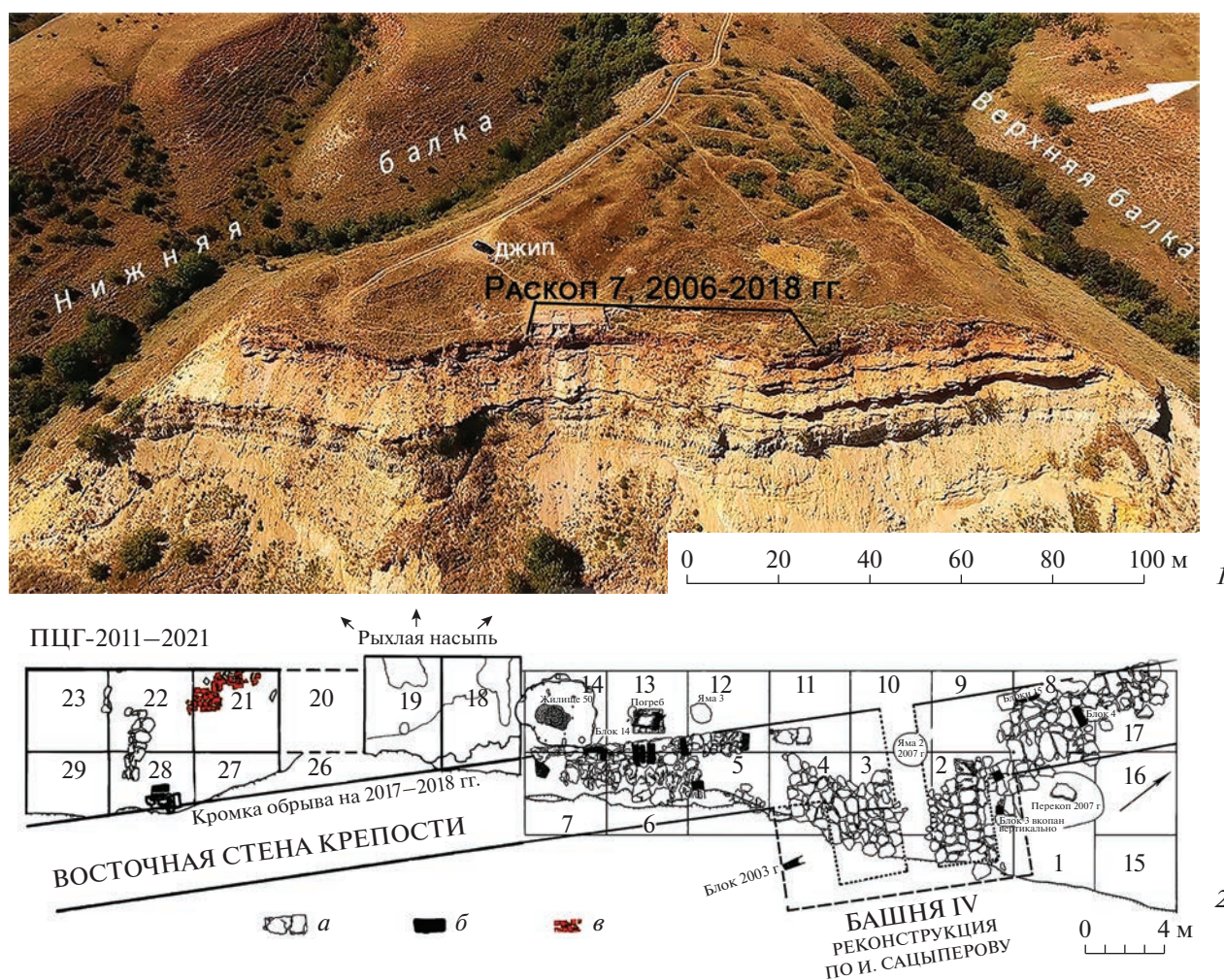


Рис. 2. Правобережная Цимлянская крепость. 1 — вид со стороны Цимлянского водохранилища; 2 — раскоп 7. Условные обозначения: а — плиты основания стены; б — блоки; в — кирпичи.

Fig. 2. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 — view from the Tsimlyansk reservoir; 2 — excavation site 7. Symbols: a — slabs of the wall base; б — blocks; в — bricks

Конструкция стен. Крепость возведена не на освобожденном от дерна глинистом “материке”, как можно было ожидать и как было в Саркеле (Раппопорт, 1959. С. 21. Рис. 14), а на рыхлом, песчаном слое поселения бронзового века. Осторожно предположу, что это обстоятельство привело к решению поставить стены и башни крепости на основание из плит песчаника и ракушечника (рис. 3, 1). Не исключено, что эта технология принесена со стороны. Плиты укладывались в заранее подготовленное ложе, соответствующее толщине стен — 4.20 м. По данным И.И. Ляпушкина их толщина стен от 4.0 до 4.8 м (1940. С. 62). Мощные пласты песчаника обнаружены в балке в 100 м севернее городища. Стоит обратить внимание на то, что основание из плит не является фундаментом, который предполагает заглубление в подстилающий грунт. На отсут-

ствии фундаментов под стенами и одной из башен крепости указывал еще И.И. Ляпушкин (1940). В целом в Хазарском каганате фундаменты не обнаружены ни под крепостными стенами и башнями, ни под иными сооружениями. Плиты размерами в поперечнике от 0.30 до 1.00–1.20 м доставлялись на место строительства в том же бесформенном виде, в каком добывались и не подвергались ни малейшей дополнительной обработке. Толщина плит от 10 до 30 см. Все-таки старались подбирать в кладке соседящие плиты близкой толщины.

Различие в толщине компенсировалось тем, что под тонкие плиты подсыпали крошево того же ракушечника и песчаника. Под толстыми — ложе углубляли. Но для полной стабилизации кладки этого было недостаточно. Если же учесть, что плиты лежат на едва подчищенной поверхности рыхлого подстилающего слоя, то положение



Рис. 3. Правобережная Цимлянская крепость. 1 — плиты основания крепостной стены, вид с севера, кв. 9, 10, 2009 г.; 2 — мелкие камни-вставки между плитами (помечены белыми точками), 2007 г.

Fig. 3. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 — slabs of the base of the fortress wall, the north view, sq. 9, 10, 2009; 2 — small stones-inserts between the slabs (marked with white dots), 2007

каждой, а в целом и всего основания, получалось весьма шатким.

Решение проблемы создания устойчивого основания нашли в простом строительном приеме. Все стыки и швы между плитами самым тщательным образом заполнялись вставкой мелких обломков песчаника и ракушечника, щели забивали крошечным тех же пород и белого известняка, оставшимися при обработке блоков. Вставки тщательно подбирали по размерам и форме. Для узких щелей шли узкие, для треугольных — треугольные. Часто результат достигался заполнением большой лакуны между плитами несколькими вставками-камнями (рис. 3, 2).

Наконец, вставные камни и камешки были не просто положены или брошены между плитами, но буквально вбиты, заклиниваясь между плитами и между собой, а по всей сети швов произведена самая тщательная трамбовка. В итоге основание стен превращалось в монолит. Становится

понятным, почему не тратили время на придание плитам правильной формы. Намного рациональнее дополнить их вставками с последующей трамбовкой. По нивелировочным отметкам установлено, что различия в залегании плит составляли от 1 до 3 см, изредка — до 4–5 см. Окончательно же горизонтальность кладки плит достигалась еще одним приемом: поверхность готового основания засыпалась известняковым (белым) крошечным, которое окончательно заполняло все оставшиеся впадины над слишком низко лежащими плитами. Таким образом, основание стен и башен крепости было весьма продуманным, а не столь примитивным и ненадежным, как может показаться при беглом взгляде на него.

Башня IV. Участок основания восточной крепостной стены, к которому она примыкала, не сохранился (рис. 4, 1). Из двух стен башни в лучшем состоянии основание северной боковой, сооруженное двумя типами кладки, разделенными продольным строго прямым “швом” (рис. 4, 2).

Плиты к северу от шва из красноватого песчаника относительно ровные, выделяются большими размерами: 125 × 75; 110 × 75; 90 × 65; 85 × 70; 70 × 75; 75 × 50; 75 × 40; 65 × 60; 65 × 50 см. В следующем за ними к северу ряду преобладают узкие плиты, перекрывающие швы между большими. Далее к северу на стыке северной стены башни с основанием крепостной стены кладка уже иррегулярная, но заметно стремление подгонять плиты по конфигурации.

Противолежащая стена башни, к югу от шва, сохранилась хуже (рис. 4, 1). Здесь картина иная. Во-первых, изменился материал плит, преобладают плиты из ракушечника. Во-вторых, использованы плиты, значительно меньшие по размеру. Крупными размерами выделяется лишь одна — 110 × 45 см. Прочие не превышают в поперечнике 50–70 см. Подогнаны друг к другу менее тщательно, что, впрочем, компенсировалось вставками между ними мелких камешков.

Реконструкция основания башни IV. Между северной и южной группами плит имелось свободное пространство в виде продольного корытообразного углубления в 20 см и шириною до 1.5 м. Был ли это проход, вымощенный плитами, которые были извлечены казаками в XVIII в., сказать трудно. Для сравнения — башня VI имела выложенный блоками ракушечника проход почти такой же ширины, и эти блоки также исчезли, за исключением нескольких на выходе из нее (Флёров, 1994. С. 493. Рис. 2, 2). Мало того, в настиле прохода использовали обработанные плиты черного сланца. Не такими же блоками был выложен проход в башне IV? Объективных данных для убедительного ответа нет, но в предлагаемых ниже двух вариантах реконструкции плана башни возможность существования в ней прохода учтена.

ПЦГ-2006–2010 г.

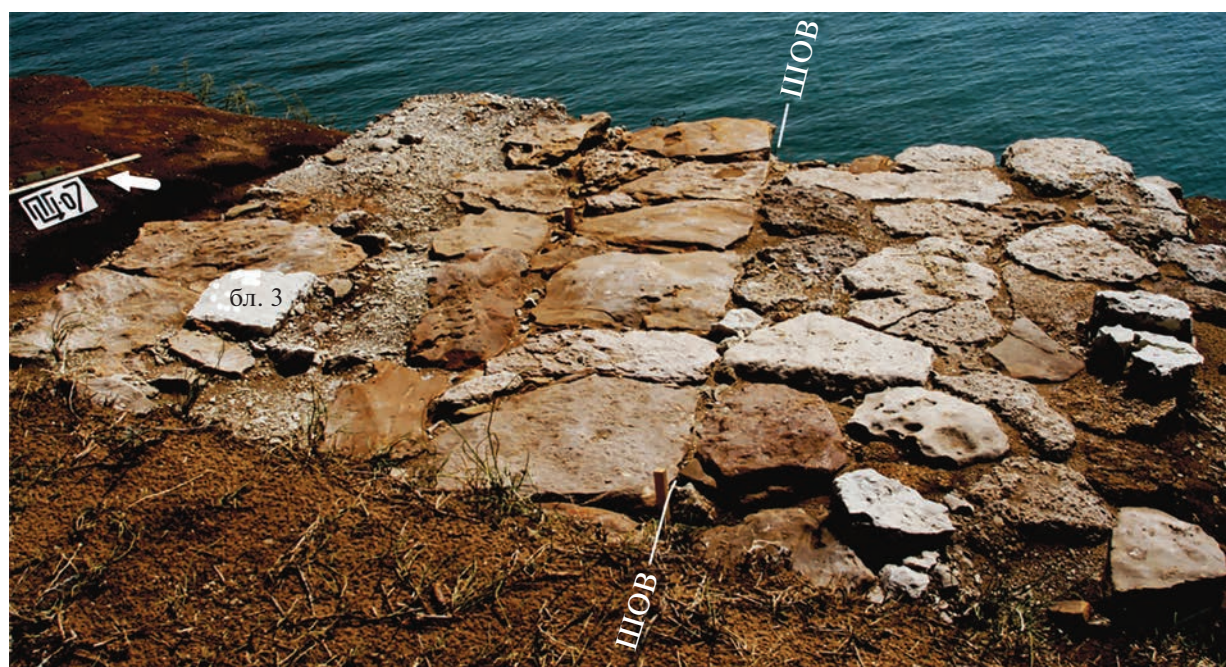
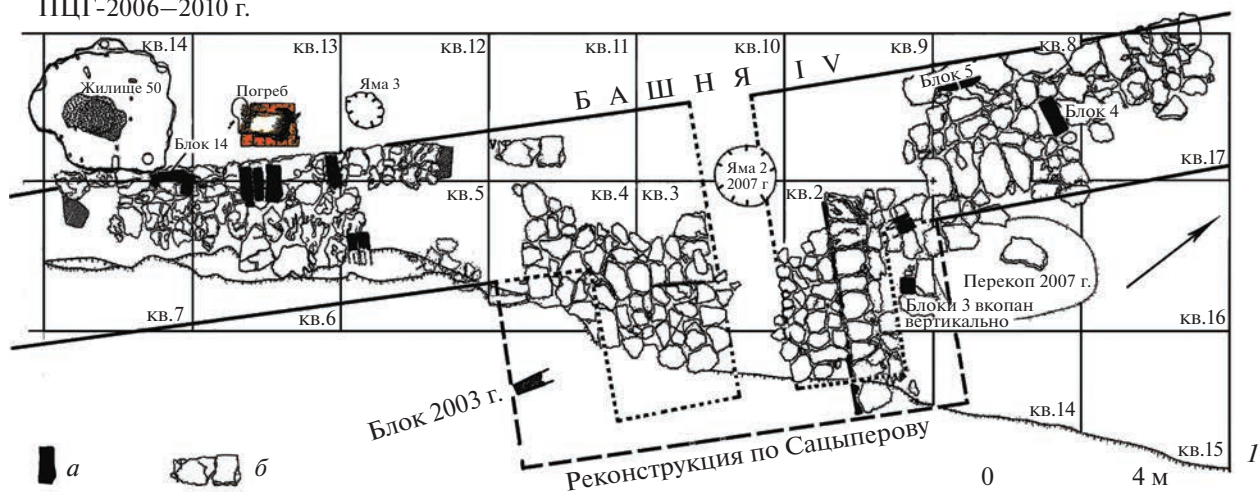


Рис. 4. Правобережная Цимлянская крепость. 1 – башня IV и два варианта ее реконструкции. В кв. 13, 14 юртообразное жилище № 50 и погребок с облицовкой сырцовыми кирпичами. Условные обозначения: а – блоки, б – плиты основания стены; 2 – северная стена башни, два вида кладки разделены продольным “швом”, вид с востока (крепостная стены заслонена бортом раскопа).

Fig. 4. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 – tower IV and two variants of its reconstruction. In sq. 13, 14, yurt dwelling No. 50 and a cellar lined with mud bricks are located. Symbols: a – blocks, б – slabs of the wall base; 2 – northern wall of the tower, two types of masonry are separated by a longitudinal “seam”, the east view (the fortress wall is obscured by the excavation site wall)

В первый вариант, малый (изображен точками на рис. 4, 1), включены плиты, которые с полной уверенностью относятся к основанию башни. При этом за пределами башни оказывались плиты и два блока в углу между башней и крепостной стеною, в том числе блок № 3 (на рис. 4, 1 тонирован красным). За пределами реконструкции оставался и блок 2003 г. с южной стороны башни.

Второй, большой вариант реконструкции (изображен прерывистыми линиями), охватил указанные плиты и блоки, в результате чего башня получила другие очертания – значительно расширилась. В первом варианте реконструкции размеры башни – длина не менее 10 м, ширина вдоль крепостной стены 8.5 м. По второму варианту длина не менее 10 м, ширина 12.5 м. Ширина

прохода, если он существовал, в обоих вариантах примерно 1.5 м.

Более реалистичным представляется большой вариант. Не слишком надежными, но дополнительными аргументами в его пользу, являются пропорции и размеры башни IV на плане И. Сацыперова (Флёров, 1994. С. 492. Рис. 1, 1)

С раскопками башни IV выявлена вся череда сохранившихся башен на восточной стене крепости и на ее южном овале (Рис. 1). Местоположение угловой северо-восточной башни III, также указанной на плане И. Сацыперова, вроде бы определила С.А. Плётнева раскопом в форме креста (1994. С. 277). Не исключено, что остатки этой башни уже обрушились. Обозначенная на плане И. Сацыперова башня V, располагавшаяся на отрезке стены между башнями IV и VI, не сохранилась к началу раскопок на городище в 1987 г., она также рухнула в обрыв. Предположительно стояла против квадратов 27–29 (рис. 2, 2). К ней примыкала стена какой-то постройки, от которой остались два блока в кв. 28. Совершенно не обследованной остается западная стена крепости. Это дело далекого будущего.

Блоки. В отличие от южного угла крепости, где найдены даже кладки блоков (Флёров, 1994. С. 493–497. Рис. 2–6), на раскопе 7 оказалось всего 14 блоков разной сохранности (рис. 4, 1). Полностью сохранился один – блок 4 в кв. 8, некоторые целые растрескались и рассыпались после расчистки. От других дошли обломки *in situ*. Замеры блоков из раскопок 2006–2009 гг.:

Блок № 1/2007 – длина более 53, высота 33, ширина 22.5 см.

Блок № 2/2007 – сохранился плохо, примерно равен блоку №1.

Блок № 3/2007 – сечение 42×38.5 см (о нем см. ниже).

Блок № 4/2008 – $100 \times 38 \times 36$ см (самый большой на раскопе 7).

Блок № 7/2009 – длина более 50, высота 39–41, ширина 30 см.

Блок № 8/2009 – длина более 50, высота 41, ширина 28 см.

Блок № 9/2009 – длина более 50, высота 37–39, ширина 38 см.

Блок № 11/2009 – длина более 70, высота 42, ширина 35 см.

Блок № 12/2009 – длина более 60, высота 40, ширина 30 см.

Блок № 13/2009 – длина более 60, высота 40 см, ширина 28 см.

Перечисленные форматы блоков типичны для Правобережной крепости.

Уникален по расположению блок 3, вмонтированный вертикально между плитами под их общий уровень на северной стороне башни IV в кв. 2 (рис. 4, 1, 2). Его сечение 42×38.5 см. Как глубоко он уходил вниз, осталось неизвестным. Извлечь его не удалось. При очередном обрушении в межсезонье раскопок блок 3 вместе с соседними плитами рухнул с обрыва.

О назначении столь необычно расположенного блока судить трудно, нужны аналогии в более понятных обстоятельствах. Во всяком случае, в основаниях башен VI, VII и куртин на южном углу крепости такого не было.

Врезной декор на блоках. Впервые обнаружен в крепости И.И. Ляпушкиным, не придавшим своему открытию какого-либо значения и издавшим его рисунки в разделе “Обработка камня”. Из найденных видов, по его выражению – “орнаментов”, он назвал “ромбы, квадраты и т.п.” (Ляпушкин, 1958. С. 134. Рис. 24). Правильнее говорить о сетках с косыми и прямыми ячейками.

Значение открытия И.И. Ляпушкина возросло с обнаружением в ходе наших раскопок нескольких десятков фрагментов блоков с аналогичным декором (типичные образцы на рис. 5).

Поиски аналогий привели к следующему. Сплошного нанесения на одну их сторон блоков декора правобережно-цимлянского типа, теперь его можно называть так, не оказалось ни в одной из каменных крепостей Хазарского каганата, кроме расположенной в километре от Правобережной крепости Камышино. На берегу водохранилища у ее подножья был поднят фрагмент блока с “сеткой” из прямоугольных ячеек, аналогичных правобережному декору.

Блоки Маяцкой крепости несут на себе множество врезных изображений животных и сюжетных сенок, знаков строителей¹ (Плётнева, 1984. С. 57–94; Нахапетян, 1988. С. 91–105; 1990, С. 41–91).

Много врезных изображений и целых сюжетных панно на блоках открыто в Первом Болгарском царстве, особенно в Плиске (Шкорпил, 1905. С. 260; Михайлов, 1985. С. 49, 58–60, 63, 116, 117; Аспарухов, 1984. С. 129; Балабанов, 1985. Обр. 20; Лисицов, 1985. С. 200–206; Михайлова, 1985. С. 79–113; Овчаров, 1997. С. 19–35).

В крепости Хумара декорирования блоков врезными сетками нет, нет и врезных фигурок людей и животных. Репертуар изображений в Ху-

¹ Перед началом раскопок Правобережной крепости сотрудники и рабочие экспедиции были ориентированы на поиски изображений и знаков именно маяцких типов. Просматривались буквально все обломки блоков. В итоге и было установлено, что нет никаких иных изображений, кроме врезного декора. Не оказалось и процарапанных рунических надписей.

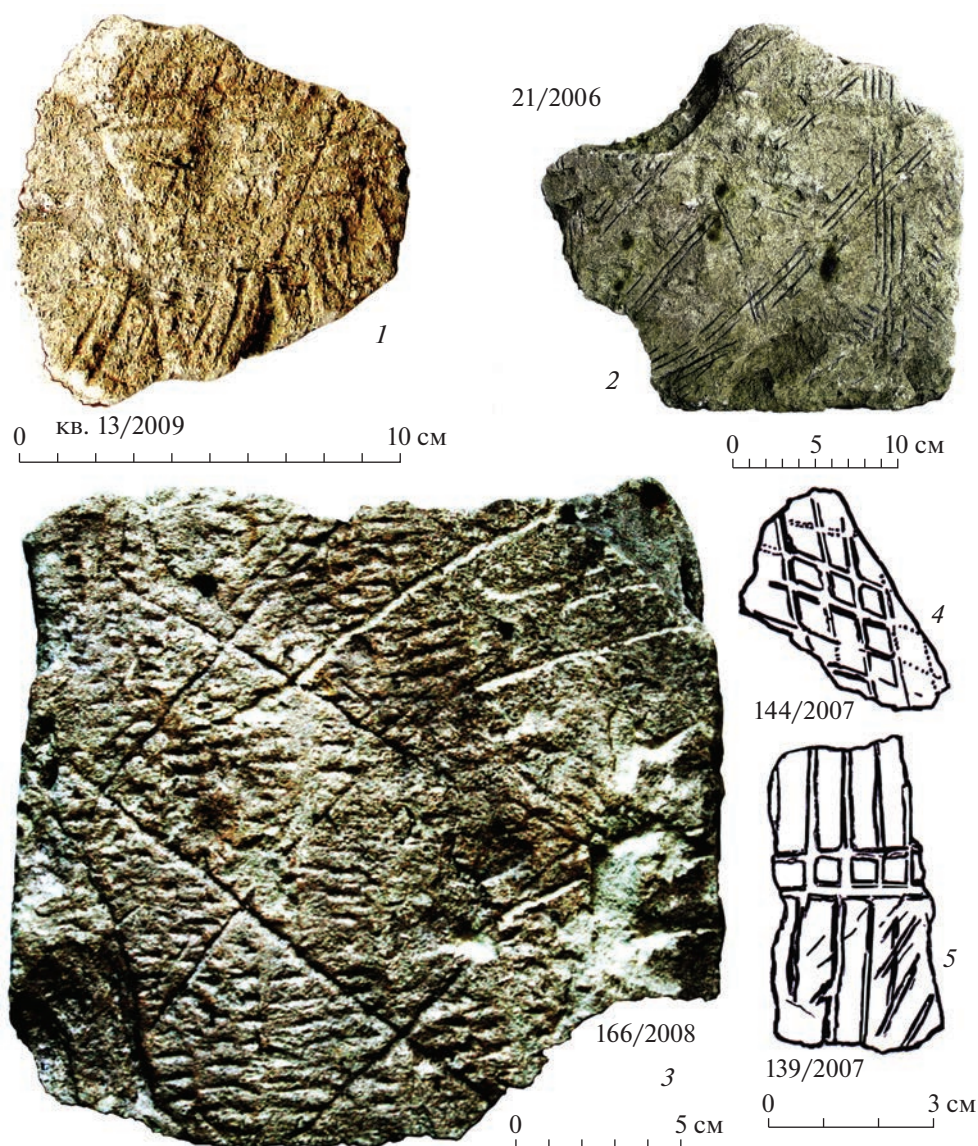


Рис. 5. Основные виды врезного декора на блоках Правобережной Цимлянской крепости.

Fig. 5. The main types of incised décor on the blocks of the right-bank Tsimlyansk fortress

маре скуден, преобладают двузубцы и трезубцы (Биджиев, 1983. С. 83–93. Рис. 51).

Не известны врезные изображения и в крепостях Северского Донца².

Сплошной врезной декор стал отличительным признаком ниже-донской каменной фортификации, представленной двумя соседними крепостями — Правобережной Цимлянской и Камышиной. Единообразие декора подтвердило их синхронность.

² Благодарю за консультацию коллегу из г. Харькова Геннадия Евгеньевича Свистуна.

Юртообразное жилище № 50 — одно из важнейших открытий на раск. 7. Расположено в кв. 14 вплотную к основанию восточной крепостной стены (рис. 6; 7, 1). Размеры его котлована по верхней кромке: СЮ — 3.30 м, ВЗ — 3.40 м. Глубина от уровня обнаружения более 40 см. Котлован можно было бы формально назвать круглым, если бы не ломаная линия плана, что связано с тем, что он выкопан в мягком слое эпохи бронзы. Его контур мог терять правильные очертания уже при использовании жилища.

Пол жилища ровный, без обмазки, с натоптанным темным слоем толщиной до 3 см.

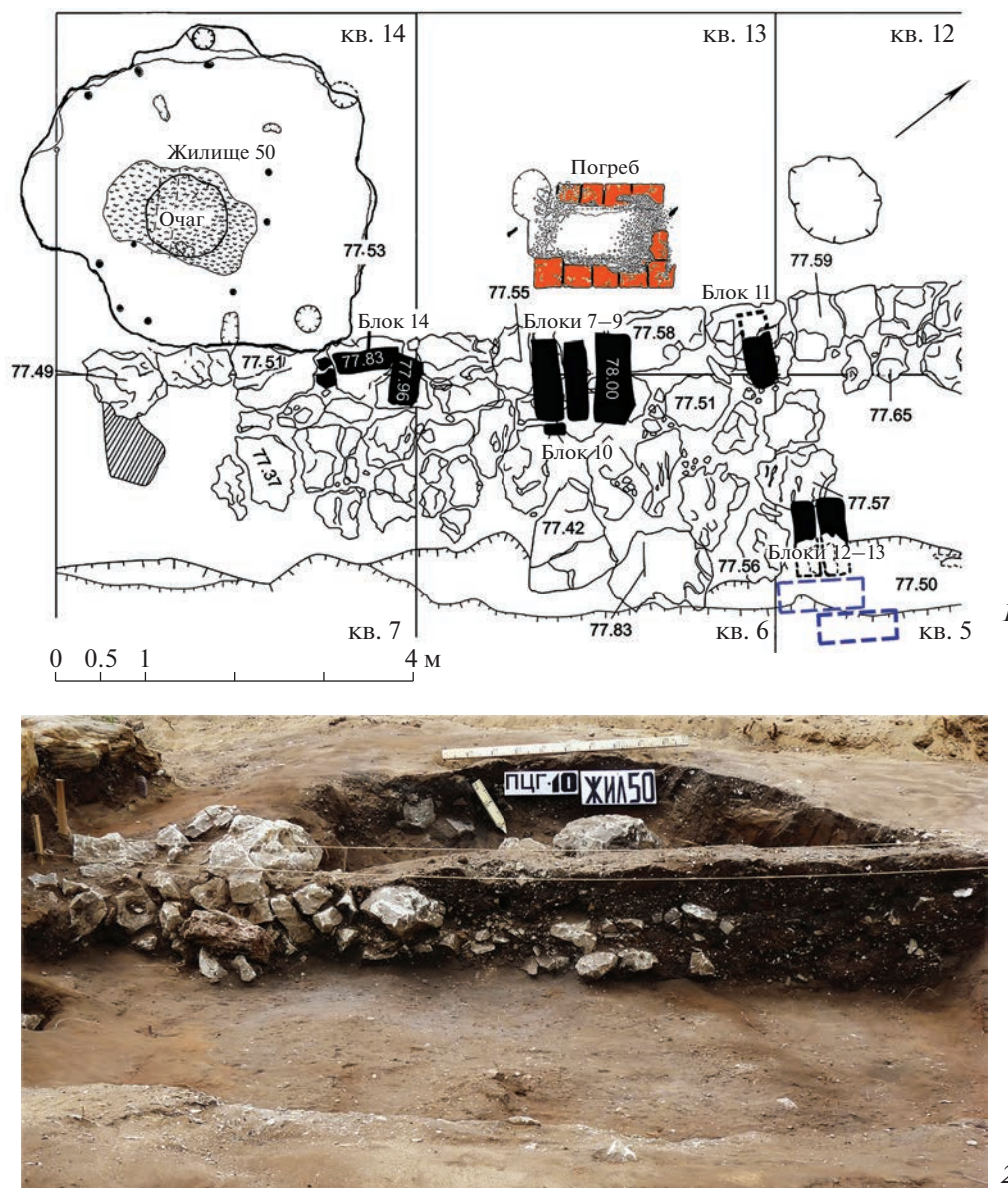


Рис. 6. Юртообразное жилище № 50 и погребок с облицовкой сырцовыми кирпичами. 1 — фрагмент плана раскопа 7; 2 — стратиграфия заполнения жилища.

Fig. 6. Yurt dwelling No. 50 and a cellar lined with mud bricks. 1 — a fragment of excavation site 7 plan; 2 — stratigraphy of the filling from the dwelling

В центре очаг-“тарелка” диаметром 90 см, глубиной 13 см. Его дно и прилегающее пространство прокалены до красно-оранжевого цвета. Заполнен серебристо-серой золою, распространившейся и вокруг очага.

Вход-спуск в жилище находился на южной стороне. Его пологий пандус хорошо выделяется на разрезе АБ (рис. 7, 1), при том, что стенки котлована, хотя и не вертикальные, но довольно крутые. Вход не мог располагаться с востока — здесь крепостная стена. Северная стенка особенно кру-

тая, а размещению входа с западной стороны мешали столб диаметром 18 см и жердь, от которой осталась лунка диаметром 10 см.

Лунки каркаса по размещению и размерам составляют функциональные группы (рис. 7, 1). Основная — семь лунок вдоль стен, круглые или эллипсовидные, диаметром до 10 см и глубинами от 5 до 16 см. Необъяснимо отсутствие таких лунок у северной стенки котлована. Не исключено, что они пока не найдены. Нет объяснения и тому, что лунки опор данного жилища, как и всех прочих в

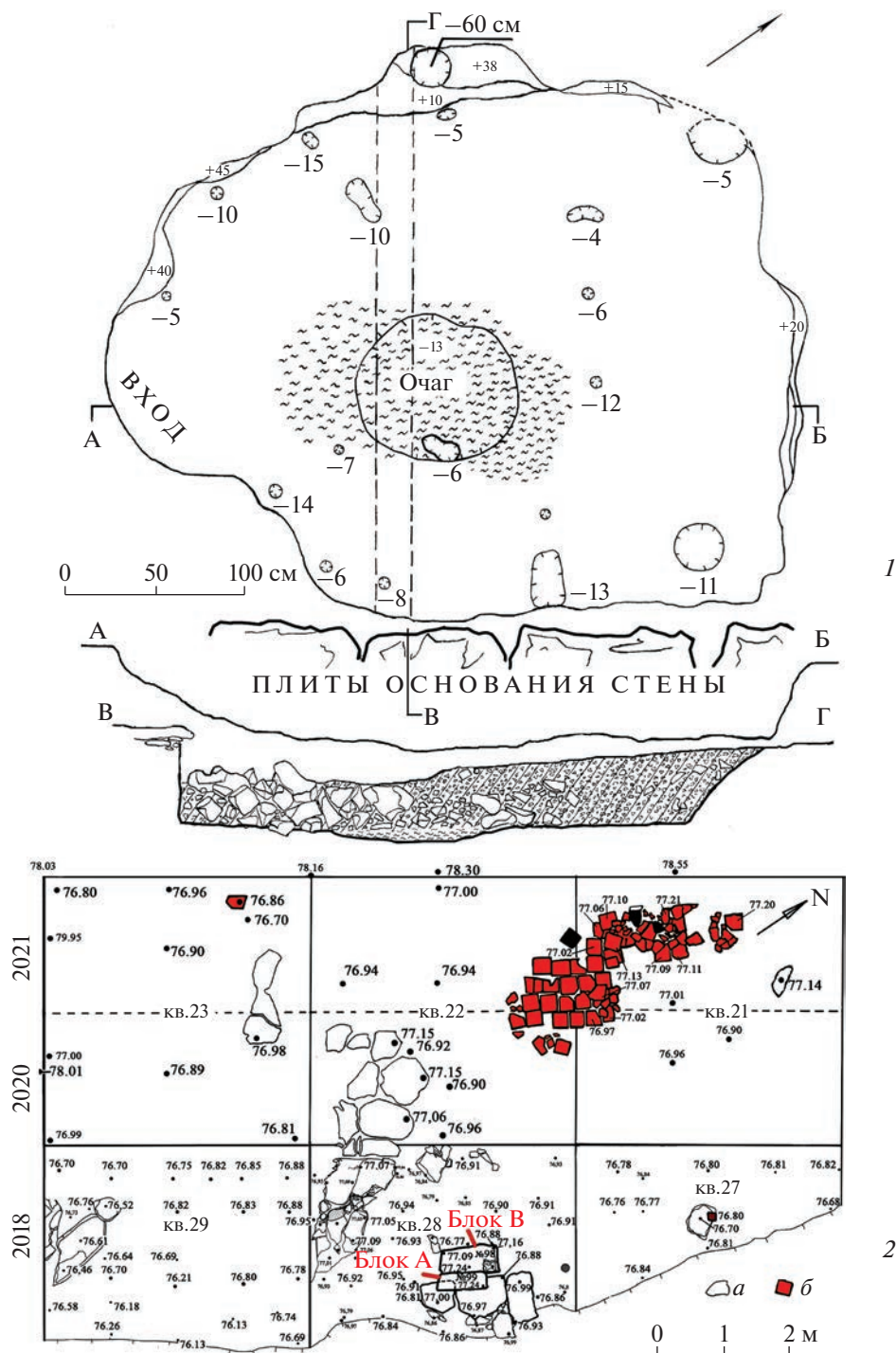


Рис 7. Правобережная Цимлянская крепость. 1 – юртообразное жилище № 50; 2 – кирпичная вымостка жилища, 2011 г. Условные обозначения: а – плиты; б – кирпичи.

Fig. 7. The right-bank Tsimlyansk fortress. 1 – yurt dwelling No. 50; 2 – brick paving of the dwelling, 2011. Symbols: а – slabs; б – bricks

крепости, очень мелкие. Глубина лунки в 60 см от столба, стоявшего за северным контуром жилища, – редкое исключение.

Следует сказать о методике поиска и расчистки лунки. Основная трудность – в неумении отличать лунки по степени наклона и заполнению

от ходов мелких землеройных животных³. Их ходы, как правило, наклонные и уходят на большую глубину. Лунки вертикальны, чаще не более 20 см в глубину. К результатам расчистки следует относиться критично. Так очевидно, что при раскопках С.А. Плетнёвой в ряде жилищ за лунки было принято множество ходов животных. На чертежах этих жилищ невозможно разобрать какие лунки настоящие, какие — результат ошибок при раскопках (Плетнёва, 1994. Рис. 15, 2; 18; 21–25).

Заметно выделяются у стен три крупные лунки диаметром до 30 см. Две из них, круглые, глубиной 5 и 11 см, находились на северо-западе и северо-востоке. Возможно, они поддерживали северный сектор стен жилища, исключая тем самым необходимость здесь тонких опор. Внимания заслуживает круглая лунка на западе котлована — самая глубокая из всех — не менее 60 см глубиной, единственная уходящая под стенку котлована чуть наклонно. На противоположной стороне котлована подпрямоугольная лунка сечением 18 × 30 см при глубине всего в 13 см. Возможно, они образуют функциональную пару.

Следующая группа из четырех маленьких лунок с глубинами 6, 12, 5 и 7 см со стенами жилища не связана. Они охватывали очаг с востока. Возможно, в их число следует включить и лунку с очертаниями боба глубиной в 4 см.

Более крупная удлинённая в плане лунка 10 × 25 см при глубине 10 см находилась к западу от очага. Аналогичная глубиной 6 см оказалась непосредственно на восточном краю очага в области горения. Вероятнее всего она зачем-то была необходима до устройства очага. Такой же временной была самая маленькая лунка в 20 см к югу от очага около золистого пятна. Ее глубина 7 см.

О конструкции стен и крыши. Находок, содержащих информацию об этом, не найдено. Следует отметить, что рассчитывать на находки деревянных деталей (если они не обгорели; ср.: Плётнева, 1994. С. 287) не приходится — органические и растительные материалы на городище сохраняются плохо. Нет следов пожара. Не исключено, что детали каркаса жилища были увезены. Реконструировать жилище по оставшимся лункам невозможно.

Заполнение котлована жилища. Его исследование было уделено особое внимание с учетом опыта моих первых не очень совершенных раскопок жилищ в 1988 г. на южном раскопе 6. Основной состав заполнения в жилище № 50 — супесь. Обломки блоков распространены по всему объему котлована, но более концентрировано в половине, примыкавшей к внутреннему фасу крепостной стены. Перпенди-

кулярно основанию крепостной стены была оставлена стратиграфическая бровка (рис. 6, 2; 7, 1 — разрез ВГ).

Важно отметить, что между массивом обломков блоков, среди которых были и очень крупные, и полом жилища все-таки была тонкая, в пределах нескольких сантиметров, прослойка супеси. Непосредственно пола касались лишь немногие обломки. Иначе говоря, они не падали с большой высоты в процессе одновременного разрушения стены. Целых же блоков, как и их половинок, вообще в заполнении не было. Создается впечатление, что куски блоков попадали в котлован не при одноактном обрушении стены, но позже, полежав некоторое время на стороне. И, может быть, не все сразу, что подтверждается и тем, что между обломками блоков на всех уровнях встречались, но не скоплениями, а порознь, кости *домашних животных и рыб*. Здесь не было того сплошного толстого пласта чешуи, который фиксировался на северном участке раскопа 6 (раскопки 1987, 1988, 1990 гг.). Изредка в заполнении попадаются маленькие древесные угольки. Помимо кухонных остатков и также порознь среди фрагментов блоков залежали обломки кирпичей, калиптеров и керамид, плиток, из которых не удалось собрать ни одного целого экземпляра. В котлован они попадали явно в качестве мусора вместе с костями. Тут же фрагменты горшков, не в полном составе обломки серолощеного кувшина и красноглиняного сосуда, обломки амфоры. Ясно, что и они попали сюда в качестве мусора. Кутвари жилища они не имели отношения. Впервые на раскопе 7 попались две уже известные в крепости железные пластинки с заклепками. На полу не оказалось ни одного предмета, который принадлежал бы самим обитателям жилища. Вероятно, перед уходом они собрали буквально все имущество. Не имеют грубых повреждений ни стенки котлована, ни пол.

В целом юртообразное жилище № 50 ничем не отличается от других в крепости, кроме одной особенности: оно примыкает к внутреннему фасу восточной крепостной стены и лежит на одном с ним уровне. Это можно было бы принять за случайность, но в таком же положении — вплотную к внутреннему фасу той стены — сооружены еще два жилища (№ 43, 44 на раскопе 6) (Флёров, 1994. С. 493. Рис. 2, 2). Три жилища в указанном положении — уже не случайность и позволяют вернуться к версии автора статьи о том, что они принадлежат населению крепости, а не жителям более раннего поселения, якобы существовавшего на ее месте, что предполагала в последний период своего научного творчества С.А. Плетнёва (1996). Окончательно проблема раннего поселения, возможно, решится раскопками с внешней стороны восточной стены крепости на северо-во-

³ Слепыши и в настоящее время живут на городище. Автор сам наблюдал, как они выталкивают грунт на поверхность из предназначенного для этого наклонного хода.

стоке городища, если и эта часть городища к тому времени не обрушится.

Погребок из сырцовых кирпичей находится в кв. 13, менее чем в 2 м к ССВ от жилища № 50 и менее чем в 0.5 м от внутреннего фаса восточной крепостной стены, длинной осью почти параллельно ей (рис. 6, 1). Данные обстоятельства позволяют предполагать (не более) одновременность погребка и жилища или незначительность hiatusа между ними, что подтверждается и идентичным составом находок в заполнении.

Первоначально была выкопана прямоугольная яма размерами 1.80 × 1.30 м и глубиной 1.35 м от зафиксированного края, а от подошвы основания крепостной стены около 1.50 м. Затем три ее стенки тщательно обложили плотными сырцовыми кирпичами на грязевом растворе. Южная короткая стенка осталась без облицовки. В итоге внутреннее пространство сократилось до 1.20 × 0.65 м, объем — до 1 м³.

Пол суглинистый, так как яма прорезала слой эпохи бронзы и вышла на этот подстилающий его массив. Сверху в западном углу погребка округлая выемка 45 × 60 см в плане, полого спускающаяся на глубину 35 см. Вероятное ее назначение — место спуска и подъема из погребка, вход.

Верхние кирпичи лежали ниже основания плит крепостной стены примерно на 25 см. Остается полагать, что кирпичная кладка до самого верха погребка не доходила. В целом же стратиграфическая увязка основания крепостной стены и погребка осталась не совсем ясной.

Сырцовые кирпичи чрезвычайно плотные, темные, зеленоватые, без растительной примеси. Думаю, их формовали из так называемой синей глины, пласты которой видны в основании обрыва на берегу водохранилища. Зафиксированы размеры кирпичей: 36 × 36; 36 × 28—27; 36—35 × 36—35 × 9—7 и его полуформатные — 36—35 × 18—17 × 8 см. Толщина горизонтальных швов из грязи достигала 3 см. Интересно, что в раствор дополнительно подсыпалась сухая ярко-красная глина.

Основа заполнения погребка сверху до пола — темная супесь, становящаяся все плотнее по мере углубления. Массив белого крошева блоков едва проникал в заполнение погребка в виде отдельных частиц. В отличие от жилища здесь совершенно не было крупных и даже мелких обломков блоков. Создается впечатление, что погребок заполнился в иных обстоятельствах, нежели жилище, при том, что они расположены в непосредственной близости (в пределах 2 м).

При различии в составе заполнения жилища и погребка находки в них одинаковы: обломки керамики, калиптеров, плитки, штукатурки, “кирпич” из известкового раствора с полосой охристого декора. Кости животных единичны. Не было костей рыб.

Сравнение состава находок в жилище № 50 и в погребке показывает, что заполнение в них формировалось одновременно, но в силу неясных обстоятельств оказалось по составу грунта разным.

У противоположных сторон погребка лежали половинки нижней челюсти овцы. Тщательная облицовка сырцовыми кирпичами, малый объем погребка говорят о его специфичном назначении (ср.: Плетнёва, 1994. С. 305).

Вымостка из кирпича и периодизация жилищ. Открытие в 2021 г. остатков наземного жилища в виде бесформенной вымостки из лежавших в один-два слоя обожженных кирпичей никак не предполагалось (рис. 7, 2). Неожиданным было встретить остатки жилища на кирпичной вымостке в одном горизонте с типичным для крепости юртообразным жилищем № 50. Возникшая проблема состоит в следующем. В первой же своей публикации о крепости И.И. Ляпушкин поставил вопрос о ее стратиграфии и соответственно периодизации крепости. В выделении им самого позднего этапа вымостки сыграли едва ли не ведущую роль: “Есть ли основание полагать, что после разрушения поселения третьего периода жизнь на городище не возобновлялась? Некоторые данные раскопок дают право заключить, что была сделана попытка вновь заселить городище. К числу их нужно отнести прежде всего наличие фрагментов различных вымосток из бывшего в употреблении кирпича, сложенных “насухо”, которые, безусловно, не могут быть отнесены ко второму периоду. Не вяжутся они с постройками третьего периода, так как есть случай перекрытия последних первыми” (Ляпушкин, 1940. С. 62). Разумеется, Ляпушкин не мог предполагать, что стратиграфические ситуации на разных участках крепости отличаются. Наш случай показал, что жилища юртообразные и с кирпичным основанием могут сосуществовать. В итоге возникала необходимость пересмотра не только периодизации жилищ по Ляпушкину, но и всех объектов в крепости. Тем не менее надо отдать должное пятистраничной работе И.И. Ляпушкина, поскольку в ней обозначены все те проблемы, которые придется решать еще не одному поколению исследователей крепости.

Строительные материалы и технологии византийского происхождения, обнаруженные в Правобережной Цимлянской крепости, а также Семикаракорской крепости и Саркеле уже рассматривались мною во всей их совокупности: калиптеры и керамида, кирпичики фигурные из раствора известняка, краска, штукатурка, *opus mixtum* (Флёров, 2013. С. 474—502). Ниже краткие дополнения к той статье.

Технология изготовления *керамид* Правобережной крепости детально изучена Д.А. Моисеевым (2017. С. 146—165), но типология все еще нуж-

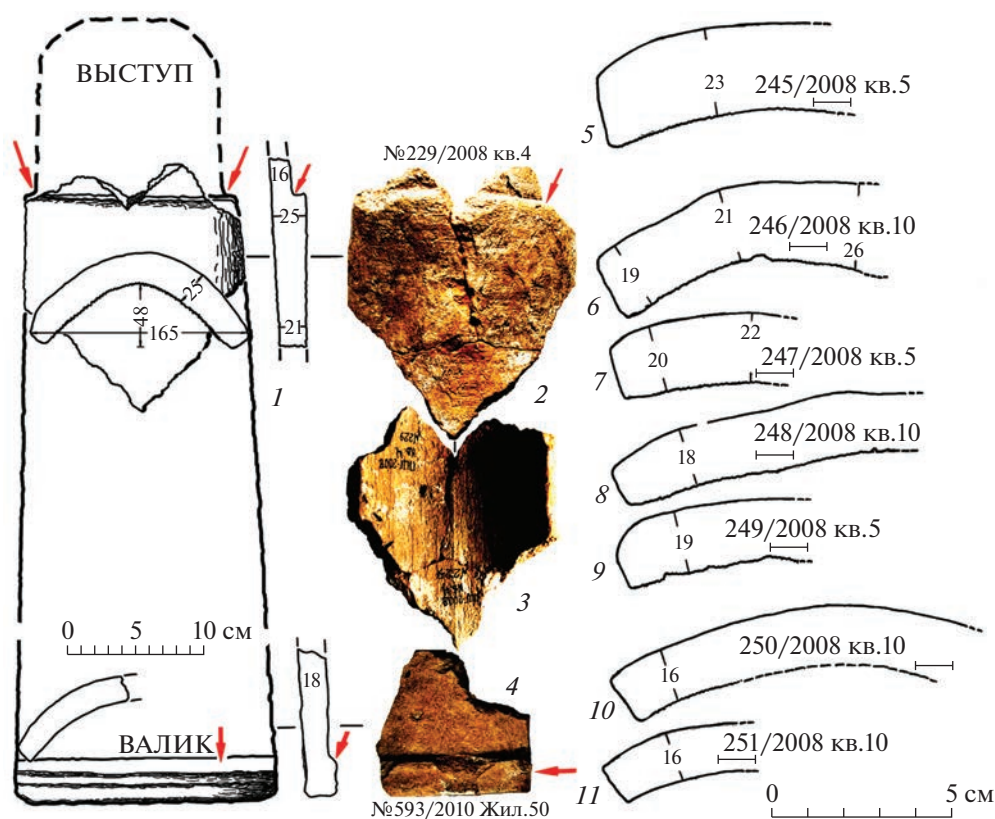


Рис. 8. Калиптеры Правобережной Цимлянской крепости.

Fig. 8. Kalypters of the right-Bank Tsimlyansk Fortress

дается в уточнении. Представление о полных ниже-донских формах керамид дают три почти целых экземпляра и две половинки из Семикаракорской крепости (Моисеев, 2015. С. 170–174. Рис. 1–6). Отличительный признак семикаракоро-правобережных керамид – отсутствие водосливных валиков, какие имели крымские керамиды этого времени.

Целые экземпляры *калиптеров* не найдены. Сделана попытка их реконструкции на основе трех фрагментов (рис. 8, 1–4). Особого внимания требует характерная особенность правобережных калиптеров, указывающая на несовершенство их изготовления – нескончаемое разнообразие поперечных профилей и колебание толщины (рис. 8, 5–11).

Недавно опубликованы аналогии ниже-донским керамидам и калиптерам, происходящие из городища “Бударка” в окрестностях г. Ставрополя в бассейне р. Егорлык (Ларенок, Завершинская, 2017. С. 153, 157). Не имея возможности увидеть их в оригинале, трудно судить, в какой мере они близки донским по технологическим признакам. Привезены ли из Семикаракорской или

Правобережной крепостей или изготовлены на месте?

С учетом работ 1987–1990 гг. вскрыто две трети восточной крепостной стены (рис. 1). Тем самым закончено исследование разрушаемого на наших глазах ее участка протяженностью, включая башню VI, около 95 м. Не следует, однако, забывать, что теперь процесс разрушения перекинулся на внутреннюю территорию крепости. Только по случайности мы успели раскопать жилище № 50 с соседним погребком и кирпичную вымостку. Что скрывается за длинной стенкой раскопа 7? Имеются в виду не только жилища, но весь комплекс керамики и вещей, в том числе датирующие и монеты.

К счастью, оставшейся северной трети восточной крепостной стены в ближайшие 10–15 лет разрушение не угрожает, но обрыв уничтожит этот ценнейший участок с внешней стороны ее самого северного отрезка. Результаты его раскопок могут ответить на вопрос о заселенности берегового склона, некогда полого спускавшегося к Дону, но уже несуществующего. Тем самым подойти к решению проблемы существования, отрицавшегося М.И. Артамоновым (теперь и авто-

ром статьи) предшествующего крепости поселения. Даже если жилищ за крепостной стеной не окажется, то могут быть найдены культурные отложения.

Обнаружение кирпичной вымостки в одном горизонте с жилищем № 50 открыло перспективу пересмотра периодизации жилищ. Но большое расстояние между ними, 15 м, оставляет некоторые сомнения в их полной синхронности. Следует дожидаться появления более четких стратиграфических ситуаций, в которых постройки будут накладываться одна на другую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аспарухов М.* Средневековни графити от Северозапад на България. София: Национален археологически институт с музей — Българска академия на науките, 1984 (Интердисциплинарни изследвания; XI—XII). 314 с.
- Балабанов Т.* Разкопки на северната и източната крепостна стена в Плиска (1977—1978) // Плиска — Преслав. Т. 4. София, 1985. С. 117—131.
- Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1983. 168 с.: ил.
- Ларенок П.А., Завершинская М.П.* Городище “Бударка” // VII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар: Краснодарский музей-заповедник, 2017. С. 153—157.
- Лисицов С.* Графитни изображения и знаци върху източната крепостна куртина на Велики Преслав // Плиска — Преслав. Т. 4. София, 1985. С. 200—206.
- Ляпушкин И.И.* Раскопки Правобережного Цимлянского городища // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. Вып. IV. С. 58—62.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 62). С. 85—150.
- Михайлов С.* Археологически материали от Плиска (1948—1951 г.) // Известия на Археологически институт. Кн. XX. София, 1955. С. 49—182.
- Михайлова Т.* Рисунки по западната крепостна стена, сектор Север, Плиска // Плиска — Преслав. Т. 4. София, 1985. С. 79—90.
- Моисеев Д.А.* Технология производства строительной керамики из раскопок Семикаракорского городища (конец VIII — начало IX вв.) // Хазарский альманах. Т. 13. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. С. 156—179.
- Моисеев Д.А.* Морфология керамид Правобережного Цимлянского городища: к вопросу о связи с крымским и таманским производством черепицы // Хазарский альманах. Т. 15. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 146—165.
- Нахапетян (Флёрова) В.Е.* Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // Советская археология. 1988. № 3. С. 91—105.
- Нахапетян (Флёрова) В.Е.* Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс: материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 41—91.
- Овчаров Д.* Змията в сакралната символика на прабългарите // Проблеми на прабългарската история и култура. 3. Четвърта среща по прабългарската археология и история (Шумен, 17—19 септември 1996 г.). Шумен, 1997. С. 19—35.
- Плетнёва С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище: труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984. С. 57—94.
- Плетнёва С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958—1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 271—396.
- Плетнёва С.А.* История одного хазарского поселения // Российская археология. 1996. № 2. С. 48—69.
- Раппопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 75). С. 9—39.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987—1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 441—516.
- Флёров В.С.* Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // Российская археология. 1996. № 1. С. 100—113.
- Флёров В.С.* Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // *Ρωμαϊσμός: сб. ст. к 60-летию проф. С.Б. Сорокана. Харьков: Майдан, 2013 (Нартекс. Byzantina Ucrainensis; т. 2). С. 474—502.
- Флёров В.С.* Работы на Правобережном Цимлянском городище в 2003—2006 гг. и процессы его разрушения // Хазарский альманах. Т. 17. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 100—113.
- Флёров В.С.* Плиты и колья в основании стен Правобережной Цимлянской крепости и экскурс по крепостям Первого Болгарского царства на Нижнем Дунае // Мир средневековья: познавая прошлое. М.: ИА РАН, 2021а. С. 217—234.
- Флёров В.С.* Ранние описания Правобережного Цимлянского городища // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника “Дивногорье”. Вып. 8. Воронеж, 2021б. С. 159—176.
- Флёров В.С.* Керамическая плитка Правобережной Цимлянской крепости и ее происхождение // Хазарский альманах. Т. 18. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021—2022. С. 210—224.
- Шкорпил К.* Знаки на строительном материале // Материалы для болгарских древностей. Абоба — Плиска. София: Державна печатница, 1905 (Известия Русского Археологического института в Константинополе; т. X). С. 250—271.

THE RIGHT-BANK TSIMLYANSK FORTRESS OF THE KHAZAR KAGANATE BASED ON THE 2006–2021 EXCAVATIONS

Valery S. Flerov^{a, #}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: valerij-flyorov@yandex.ru*

The right-bank Tsimlyansk settlement is a white-stone fortress doomed to destruction by the construction of the Tsimlyansk reservoir. The estimates of experts in bank transformation show that the fortress will disappear in the next 75 years, while the bank stabilization will take 200 years or longer. The paper presents the results of the 2006–2021 excavations along more than 56 m of the eastern fortress wall and in tower IV which were built from white limestone blocks laid on a base of shell rock and sandstone slabs. No wooden posts under the wall were found, as in the case of the southern corner of the fortress. The location of the tower corresponds to the 1743 plan by I. Satsyperov. Two options for its reconstruction are proposed. A unique feature of many blocks is the decoration in the shape of a straight and oblique grid. A number of building materials of Byzantine origin were found, including roof tiles and kalypers, as well as ceramic tiles. Another yurt dwelling (structure no. 50) typical for the fortress was uncovered. It is of fundamental importance that the dwelling adjoins the inner face of the fortress wall. Earlier, two more dwellings were found near the inner facade, but none has been found under the wall. This circumstance casts doubt on S.A. Pletneva's hypothesis unsupported by M.I. Artamonov about the existence of an earlier settlement on the site of the fortress.

Keywords: Khazar Khaganate, the Saltovo-Mayaki culture, the Lower Don, fortresses, yurt dwellings.

REFERENCES

- Asparukhov M., 1984. Srednevekovni grafiti ot Severozapadna B'lgariya [Medieval graffiti from Northwestern Bulgaria]. Sofiya: Natsionalen arheologicheski institut s muzey – B'lgarska akademiya na naukite. 314 p. (Interdisciplinarni izsledvaniya, XI–XII).
- Balabanov T., 1985. Excavations on the northern and eastern fortress walls in Plyska (1977–1978). *Pliska – Preslav [Pliska – Preslav]*, 4. Sofiya, pp. 117–131. (In Bulgarian).
- Bidzhiev Kh.Kh., 1983. Khumarinskoe gorodishche [The Khumarinskoye fortified settlement]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie. 168 p.: ill.
- Flerov V.S., 1994. The right bank Tsimlyansk fortified settlement in the light of excavations in 1987–1988, 1990. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history and ethnography of Taurica]*, IV. Simferopol', pp. 441–516. (In Russ.)
- Flerov V.S., 1996. The right bank Tsimlyansk fortress (problems of planigraphy and stratigraphy). *Rossiyskaya arkhologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 100–113. (In Russ.)
- Flerov V.S., 2013. Byzantine features in the Lower Don fortresses of the Khazar Khaganate. *Ῥωμαϊσμός: sbornik stat'ey k 60-letiyu professora S.B. Sorochana [Ῥωμαϊσμός: Collected articles to the 60th anniversary of Professor S.B. Sorochan]*. Khar'kov: Maydan, pp. 474–502. (Narteks. Byzantina Ucrainensis, 2). (In Russ.)
- Flerov V.S., 2020. Activities in the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement in 2003–2006 and the processes of its destruction. *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 17. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 100–113. (In Russ.)
- Flerov V.S., 2021–2022. Ceramic tiles of the Right Bank Tsimlyansk fortress and its origin. *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 18. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 210–224. (In Russ.)
- Flerov V.S., 2021a. Slabs and stakes at the foundations of walls in the Right Bank Tsimlyansk fortress and an overview of fortresses of the First Bulgarian Empire in the Lower Danube region. *Mir srednevekov'ya: poznavaya proshloe [World of the middle ages: learning the past]*. Moscow: Institut arkhologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 217–234. (In Russ.)
- Flerov V.S., 2021b. Early descriptions of the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika "Divnogor'e" [Divnogorye collection: Transactions of the "Divnogorye" Museum-Reserve]*, 8. Voronezh, pp. 159–176. (In Russ.)
- Larenok P.A., Zavershinskaya M.P., 2017. The "Budarka" fortified settlement. VII Anfimovskie chteniya po arkhologii Zapadnogo Kavkaza [VII Anfimov readings on the archaeology of the West Caucasus]. Krasnodar: Krasnodarskiy muzey-zapovednik, pp. 153–157. (In Russ.)
- Lisitsov S., 1985. Graffito images and signs on the eastern fortress curtain at Veliki Preslav. *Pliska – Preslav [Pliska – Preslav]*, 4. Sofiya, pp. 200–206. (In Bulgarian).
- Lyapushkin I.I., 1940. Excavations in the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, IV, pp. 58–62. (In Russ.)
- Lyapushkin I.I., 1958. The Saltovo-Mayaki sites in the Don River region. *Trudy Volgo-Donskoy arkhologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Volga-Don archaeological expedition]*, 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 85–150. (Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR, 62). (In Russ.)
- Mikhaylov S., 1955. Archaeological materials from Plyska (1948–1951). *Izvestiya na Arkheologicheskiy institut [Bulletin of the Archaeological Institute]*, XX. Sofiya, pp. 49–182. (In Bulgarian).

- Mikhaylova T., 1985. Drawings of the western fortress wall, northern sector, Plyska. *Pliska – Preslav [Pliska – Preslav]*, 4. Sofiya, pp. 79–90. (In Bulgarian).
- Moiseev D.A., 2015. Production technology of construction ceramics from the excavations of the Semikarakorsk fortified settlement (the late 8th – early 9th century AD). *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 13. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 156–179. (In Russ.)
- Moiseev D.A., 2017. Morphology of roof tiles from the Right Bank Tsimlyansk fortified settlement: to the connection with the Crimean and Taman tile production. *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 15. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 146–165. (In Russ.)
- Nakhapetyan (Flerova) V.E., 1988. Signs of builders on the stones of the Mayaki fortified settlement. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 3, pp. 91–105. (In Russ.)
- Nakhapetyan (Flerova) V.E., 1990. Graffito of the Mayaki fortified settlement. *Mayatskiy arkheologicheskiy kompleks: materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii [The Mayaki archaeological complex: Proceedings of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]*. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk SSSR, pp. 41–91. (In Russ.)
- Ovcharov D., 1997. Snake in the sacral symbolism of early Bulgarians. *Problemi na prab"lgarskata istoriya i kultura [Issues of early Bulgarian history and culture]*, 3. *Chetv"rta sreshcha po prab"lgarskata arkheologiya i istoriya (1996 g.) [Fourth Symposium on the early Bulgarian archaeology and history (1996)]*. Shumen, pp. 19–35. (In Bulgarian).
- Pletneva S.A., 1984. Murals of the Mayaki fortified settlement. *Mayatskoe gorodishche: trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii [The Mayaki fortified settlement: Proceedings of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition]*. Moscow: Nauka, pp. 57–94. (In Russ.)
- Pletneva S.A., 1994. The Right Bank Tsimlyansk fortified settlement. Excavations of 1958–1959. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history and ethnography of Taurica]*, IV. Simferopol', pp. 271–396. (In Russ.)
- Pletneva S.A., 1996. History of one Khazar settlement. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 48–69. (In Russ.)
- Rappoport P.A., 1959. Fortification structures of Sarkel. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of the Volga-Don archeological expedition]*, II. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 9–39 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 75). (In Russ.)
- Shkorpil K., 1905. Signs on construction material. *Materialy dlya bolgarskikh drevnostey. Aboba – Pliska [Materials for Bulgarian antiquities. Aboba – Plyska]*. Sofiya: Derzhavna pechatnitsa, pp. 250–271. (Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole, X). (In Russ.)

РОГОВЫЕ ЛОЖКИ X–XI вв. С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМ ПЛЕТЕННЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ РАСКОПОК В НОВГОРОДЕ (по материалам Неревского и Троицкого раскопок)

© 2023 г. А. М. Гринев^{1,*}, Н. Н. Точилова^{2,**}

¹Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

²Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: amgrinev@mail.ru

**E-mail: arhivolt@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.10.2022 г.

После доработки 12.10.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье представлено комплексное исследование четырех роговых резных ложек, обнаруженных в ранних напластованиях Троицкого и Неревского раскопов в Великом Новгороде. Основной особенностью, позволяющей выделять эти находки на фоне остальных, является высокохудожественный плетеный геометризированный орнамент, который ранее глубоко не изучался и не отражен в литературе на русском языке. Одновременное применение методов искусствоведческого и археологического анализа позволило интерпретировать происхождение плетеного орнамента, вписав его при этом археологический контекст. Ближайшие аналогии этим ложкам обнаружены в городских центрах Средней Швеции, которые находились на стыке скандинавской и саамской культур. В результате исследования выдвинута гипотеза о североευропейском происхождении данных предметов в культурном слое Новгорода. Декор этой категории предметов представляет собой одно из направлений скандинавского искусства, испытавшего саамское влияние.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Сигтуна, Бирка, роговые ложки, геометрический плетеный орнамент, скандинавское искусство, саамское искусство, культурное пограничье.

DOI: 10.31857/S0869606323020101, EDN: RFRPHS

Формирование и развитие прикладного искусства древнего Новгорода домонгольского периода проходило под воздействием византийского, романского и скандинавского влияний. Результат соприкосновения изобразительных традиций может быть отмечен во всех сферах развития материальной культуры Новгорода от драгоценной церковной утвари до бытовых предметов. Одновременное сосуществование нескольких стилевых направлений приводит к появлению гибридных форм, включающих взаимодействие византийского и романского искусства, как, например, в Большом и Малом сионах из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, далее НГОМЗ (Покровский, 1911. С. 7; Стерлигова, 1996. С. 53), или в предметах, созданных под влиянием скандинавской традиции (Мусин, Тарабардина, 2019).

Наряду с произведениями, стилистическая принадлежность которых определяется достаточно точно, существуют изделия, декор которых нельзя с полной уверенностью отнести к одному

из трех перечисленных выше направлений. К ним относятся четыре ложки из лосиного рога (Смирнова, 1998. С. 44, 130. Рис. 18), украшенные сложным плетеным геометрическим орнаментом, основу композиции которого составляет сетка из пересекающихся под косым углом широких и узких лент. Широкие элементы орнамента имеют дополнение в виде небольших насечек, которые можно разделить на конструктивные — часть композиции, и декоративные.

Три ложки происходят с территории Троицкого раскопа. Древнейшая из них найдена на усадьбе “П” внутри постройки X-30-149, относящейся к ярусу застройки 930–940-х годов (Фараджева и др., 2014. С. 150). От этой ложки (рис. 1, 3) сохранился только треугольный в сечении черенок длиной 13 см, шириной 1.3 со слегка сужающимися к основанию сторонами. Переход от рукояти к лопасти осуществлялся через небольшую ромбовидную перемычку, по краю которой предмет был обломан в древности, что затрудняет реконструкцию целой формы изделия. Однако харак-

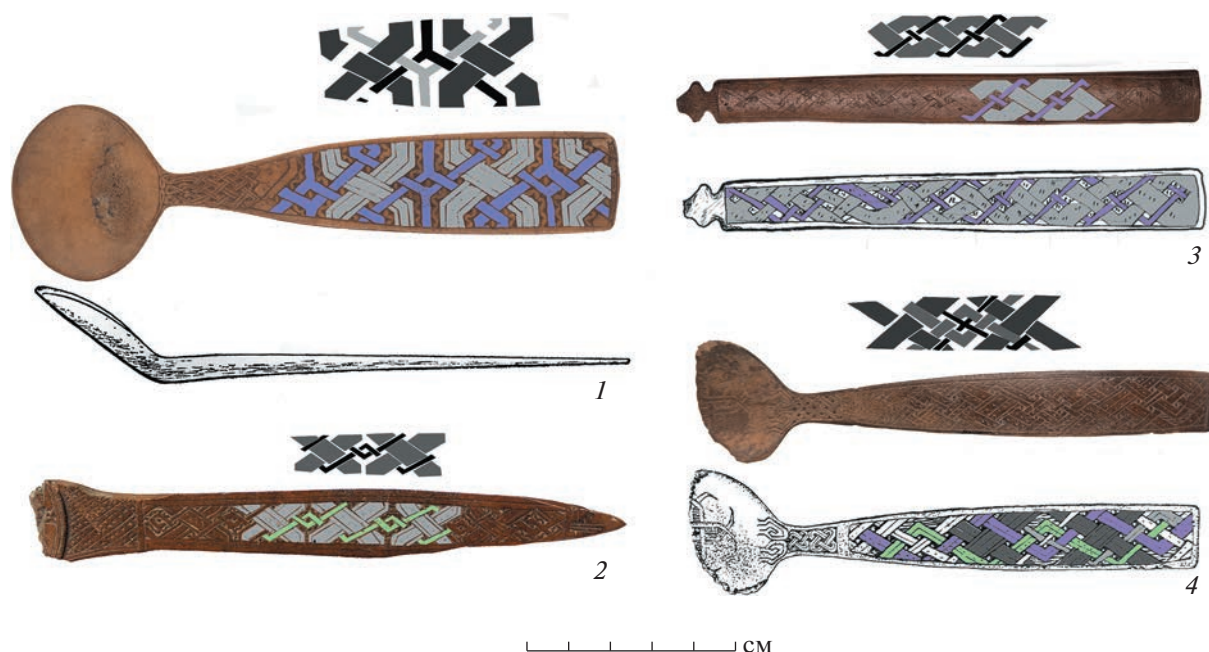


Рис. 1. Роговые ложки X–XI вв. (целая и фрагменты) из раскопок в Великом Новгороде. 1 – Троицкий VIII (рис. из описи), 18-733-87, НГОМЗ; 2 – Неревский XV, 30-1119-4, Государственный Эрмитаж (ГЭ); 3 – Троицкий X (рис. из описи), 18-1127-94, НГОМЗ; 4 – Троицкий VII (рис. из описи Н-85), 16-624-13, НГОМЗ. Фото А.М. Гринева, прорись Н.Н. Точиловой.

Fig. 1. Horn spoons of the 10th–11th centuries (a whole object and fragments) from excavations in Veliky Novgorod. Photo by A.M. Grinev, drawing by N.N. Tochilova

тер слома свидетельствует, что лопасть располагалась в одной плоскости с черенком и не имела резкого перегиба. Поверхность рукояти украшена резной цепочкой, состоящей из двух пар перевитых широких и узких лент, образующих ромбовидные звенья со скошенными углами. Звенья из широких лент по всей длине на равном расстоянии дополнены небольшими заглабленными. Также заглаблено пространство между широкими и узкими лентами, что позволило создать едва читаемый рельеф резьбы. Важная особенность этого орнамента – нарушение регулярности в повторении его элементов: если ближе к концу рукояти звенья цепочки имеют ритм и симметрию, то у места облома цепочка становится сложной и спутанной.

Вторая ложка найдена на территории усадьбы “Г” в юго-западной части постройки VIII-24-121, относящейся к ярусу застройки 10–20-х годов XI в. (Фараджеева и др., 2021. С. 139–142. Рис. 1). Ложка отличается очень хорошей сохранностью (рис. 1, 1). Она имеет круглую лопасть диаметром 4.3 см и уплощенный длинный черенок с широкой (2.5 см) частью на конце и плавно сужающейся к основанию сторонами. При переходе к лопасти ширина черенка достигает 0.8 см и его сечение сменяется на овальное. В этом месте наблюдается резкий перегиб, так что лопасть располагается относительно рукояти под углом 148°.

Черенок украшен орнаментом, основу композиции которого составляют Х-образные элементы широких лент с двойным контуром, дополненные Y-образными элементами, образующими ромбические переплетения. Свободное пространство между всеми элементами хорошо проработанной зигзагообразной линией.

Шейка черенка ложки покрыта плетенкой из симметрично пересекающихся двойных лент. Орнамент имеет замкнутый характер и завершается округлыми и заостренными петлями с двух сторон. На другом конце черенка изображена тонкая полоска в виде меандра.

Третья ложка происходит с территории усадьбы “Ж” Троицкого раскопа (рис. 1, 4). Она обнаружена в комплексе находок сруба VII-23/24-68, который соотносится с ярусом застройки 20–начала 40-х годов XI в. Данный предмет имеет плоский черенок длиной 13.5 см, шириной 1.5, плавно сужающийся до 0.8 см у шейки. Лопасть ложки располагается в одной плоскости с черенком, имеет округлую форму диаметром около 3.5 см, но сохранилась только наполовину. Орнамент рукояти состоит из пересекающихся узких и широких двойных лент, дополненных контуром и двойными рядами точек. Основные элементы этого орнамента с некоторой долей условности можно свести к двум мотивам: Х-образному пере-

сечению широких лент, которые дополняются продольными переплетениями тонких лент.

Еще одна ложка с плетеным геометрическим орнаментом происходит с Неревского раскопа (рис. 1, 2). Она относится к комплексу находок сруба Д26А усадьбы “Д”, который стратиграфически принадлежит к ярусу застройки последней четверти X в. (970–990-е годы) (Гринев, 2019. С. 156–161). От ложки сохранилась только рукоять, заточенная на одном из концов, и, вероятно, использовавшаяся вторично в качестве проколки. Длина черенка составляет 15 см, он имеет вытянутую форму с плавно изгибающимися сторонами и расширяющейся к лопасти шейкой. Сечение рукояти треугольное, ширина в средней части составляет 1,8 см. Лицевая сторона предмета украшена орнаментом из X-образных элементов, состоящих из отрезков широких лент с двойным контуром, и ромбообразно переплетенной тонкой ленты. X-образные элементы расположены перпендикулярно оси рукояти, не связаны с друг с другом и композиционно ограничены бордюром изобразительного поля, т.е. имеют незаконченный характер. Цепочка, образованная тонкой лентой, имеет петлеобразное завершение с одной стороны и, следовательно, может рассматриваться как единый композиционный элемент. Расстояние между широкими и узкими лентами заполняет тонкая зигзагообразная лента.

На исследованных памятниках Восточной Европы X–XI вв. роговые ложки не частая находка. Помимо Новгорода, где обнаружено большинство подобных предметов, морфологически близкие ложки известны по материалам раскопок в Старой Ладог (Давидан, 1966. С. 111), Белоозере (Голубева, 1973. С. 172, 173. Рис. 62), на поселении Октябрьский мост (Кудряшов, 2006. С. 64, 160. Рис. 15, 7) и в Киеве (Каргер, 1958. Табл. XXVII; Сергеева, 2011. С. 35, 128). Эти предметы объединяет сходство форм, что выражается в сочетании вытянутой подпрямоугольной рукояти и круглой лопасти, но их декор и используемые орнаментальные мотивы заметно варьируются.

Другой регион, где в X–XI вв. массово фиксируются роговые ложки, — Прикамье, однако здесь их форма значительно отличается от Северо-Запада Руси. Характерная черта этих предметов — короткая и широкая рукоять, часто имеющая отверстие для подвешивания, и лопасть, форма которой может изменяться от округлой до округло-треугольной (Крыласова, 2007. С. 58–66. Рис. 24–27). На городище Иднакар, где найдено большое число разнообразных столовых приборов, чаще всего встречаются короткие ложечки с подтреугольной лопастью, плавно переходящей в короткую рукоять с отверстием (Иванова, 1998. С. 171. Рис. 73–76).

За пределами Восточной Европы ближайшие аналогии новгородским ложкам происходят из

Скандинавии, где известно наибольшее число столовых приборов, украшенных сложным плетеным орнаментом. Самые ранние из них найдены в могильнике и на поселении Бирки. Из девяти роговых ложек, обнаруженных в погребениях Хемладена, четыре имеют рукояти с плетеным геометрическим орнаментом (Arbman, 1940. Taf. 151: 3,5,6; 166:2). Все они происходят из кремаций (Bj. 11A, Bj. 129, Bj. 154, Bj. 817) и поэтому сильно фрагментированы, и только одна ложка с лопастью в виде лопатки и плетенкой на рукояти (Bj. 129) сохранилась относительно полностью. Эти погребения относятся к позднему периоду существования этого памятника (JBS) и широко датируются 890–975 гг. (Lindeberg, 1989).

В культурном слое поселения в “Черной земле” во время раскопок 1871–1878 и 1969–1973 гг. обнаружено еще 10 роговых ложек с круглыми лопастями и длинными, плавно сужающимися черенками. Рукояти четырех из них были украшены сложным плетеным геометрическим орнаментом, близким к орнаменту новгородских находок (Sörling, 2018. S. 184, 185. Fig. 550–553). Поскольку информация об археологическом контексте предметов из раскопок “Черной земли” XIX в. отсутствует, эти вещи сложно подпадают хронологической привязке, но их бытование вряд ли выходит за верхнюю границу функционирования поселения, датированную 970-ми годами.

Второй центр Скандинавии, где известны роговые ложки с плетеным геометрическим орнаментом, — Сигтуна. Из более чем 30 роговых ложек, обнаруженных за все время археологических исследований этого города, 26 украшены орнаментом из переплетающихся лент. Целых изделий найдено всего девять, еще девять экземпляров представлены лопастями с небольшими обломками рукоятей, и восемь ложек известны по обломкам черенков.

Коллекция ложек Сигтуны дает большое разнообразие форм предметов, среди которых отчетливо выделяются три группы: ложки с уплощенной длинной рукоятью и круглой лопастью, ложки с уплощенной длинной рукоятью и лопастью в форме лопаточки и ложки с короткой круглой в сечении рукоятью и круглой лопастью. Из-за фрагментарности большинства находок распределить их все по выделенным группам не представляется возможным, однако общий взгляд на коллекцию позволяет сделать определенные выводы. Среди 12 типологически определимых изделий 9 относятся к первой группе, 2 — ко второй, причем у одной из ложек трапециевидная лопаточка была переделана из круглой лопасти, и 1 — к третьей. Таким образом, в материалах Сигтуны наибольший процент ложек с плетеным геометрическим орнаментом составляют ложки с длинной плоской ручкой и круглой лопастью.

О широком распространении в Сигтуне декорированных столовых приборов из плотного рога свидетельствует также их топография. Ложки с геометрическим орнаментом обнаружены на раскопах в разных частях города, в том числе и на хорошо стратифицированных участках, позволяющих надежно установить датировку культурных отложений благодаря дендрохронологии. Распределение данных ложек в культурном слое свидетельствует об их бытовании на протяжении всей истории средневековой Сигтуны с конца X до середины XIII в. (Lundberg, 1942. S. 38, 39. Fig. 14; Bäck, Carlsson, 1994. S. 67. Fig. 52; Ros, 2009. S. 113–125; Söderberg, 2011; Heimer et al., 2021. S. 128), при этом более половины датированных находок приходится на XI в.¹

Рассматривая плетеный геометрический орнамент, которым были украшены ложки из Сигтуны и Бирки, исследователи неоднократно отмечали, что по материалам этнографии такой декор получил наибольшее распространение в культуре саамов (Skandfer, 1997. S. 4–10, 41; Zachrisson, 1997. S. 209, 210; Zachrisson, 2020. S. 11–18). Многие предметы кочевых народов Лапландии, Тромсё и Финнмарка, такие как молотки шаманских бубнов, рамочные замки от плетеных и кожаных сумок, рукояти ножей, фляги и роговые ложки были декорированы плетеной из пересекающихся под углом лент разной ширины (Moberg et al., 2006. Ill. 158, 159, 169, 173, 197).

У саамов ложки появляются еще в эпоху средневековья, о чем свидетельствуют отдельные их находки в погребениях Северной Норвегии (Skandfer, 1997. S. 43–45). Ряд исследователей полагают, что широкое распространение этих предметов связано здесь с постепенным переходом от кочевого рыболовецкого характера хозяйства к полуоседлому оленеводству, когда у этих народов существенным образом изменилась культура питания (Itkonen, 1948. P. 303, 304; Skandfer, 1997. S. 81, 82; Immonen, 2006. P. 47, 48). Важно отметить, что среди материалов средневековых саамских памятников ложки с плетеным орнаментом практически неизвестны. Однако большинство исследователей, обращавшихся к этой проблеме, отмечали очевидное сходство декора ложек из Бирки и Сигтуны с декором бытовых предметов кочевых народов Северной Скандинавии, что неизбежно поставило вопрос о происхождении плетеного геометрического орнамента как такового.

Эта проблема изучается уже более 100 лет и за это время накопила весьма обширную историографию (Zachrisson, 2020. S. 6–13). О декоративно

прикладном искусстве саамов I тыс. н.э. известно сравнительно немного. И. Захриссон в своих работах по материальной культуре этих племен отмечал, что разного рода плетения из расположенных под углом друг к другу лент и полос распространены на предметах в саамскихкладах металлических украшений, и предполагала, что они являются “культурной консервацией” плетенок более раннего времени (Zachrisson, 1984. S. 109). Впоследствии эта точка зрения была подвергнута критике (Skandfer, 1997. S. 7, 8).

Новую информацию о происхождении сложного геометрического орнамента позволило получить обращение к резьбе деревянных лыж Северной Европы. На территории Фенноскандии обнаружено около 200 деревянных лыж, относящихся к раннему железному веку — средневековью, из которых около 30 украшены различными плетениями (Serning, 1960. S. 276–281. Pl. 46–48; Manker, 1971. S. 77–79). Один из основных элементов их орнамента — геометризированный замкнутый узел с четырьмя петлями, где общий абрис и каждый элемент узла выполнены в форме ромба (рис. 2, 5). Радиоуглеродные даты, полученные с 28 предметов, позволили установить, что наиболее ранние образцы с таким орнаментом могут быть датированы 700–850-ми годами, что стало важным аргументом для доказательства саамских корней подобного декора (Zachrisson, 2020. S. 16, 17).

Наряду с ложками и лыжами сложный плетеный геометрический орнамент в эпоху викингов украшает также роговые гребни (Ambrosiani, 1984. S. 162–164, 172; Zachrisson, 2020. S. 6–11), рамочные замки сумок (Zachrisson, 2015. S. 323–328), разные рукояти и берестяную посуду (Christophersen, 1987. P. 50, 51, 88, 89). При этом важно подчеркнуть, что все эти изделия происходят из городов, находящихся на стыке саамской и скандинавской культур (Zachrisson, 2008. S. 32–37). Бирка, Сигтуна, а также Тронхейм известны как торгово-ремесленные центры, в которых сосредотачивались различные продукты обмена, в том числе рога северного оленя и шкуры пушных зверей, поставляемые саамами (Zachrisson, 2020. S. 18–20). По всей видимости, резные роговые изделия со сложным плетеным узором изготавливались здесь профессиональными городскими мастерами-косторезами под определенным влиянием художественных традиций Северной Скандинавии.

Влияние саамского искусства на скандинавское не было односторонним, и в ряде примеров можно проследить гибридный орнамент, свидетельствующий и об обратной связи. Одним из таких примеров служит шаманский молоток (рис. 2, 7) из Нордсет, Норвегия (1160–1260), декор которого сочетает узел с тремя заостренными ромбическими петлями и рапорты растительного

¹ Надежно к XI в. можно отнести ложки из раскопов Trädgårdsmästaren 9 и 10 (№ 10583, 11134, 24725, 27197), Humlegården 10–11 1976 (№ 996/997), Urmakaren 1 (№ 4620), Professorn 1/1999–2000 (№ 14584), S:ta Gertrud 3 (№ 114), Storgatan 1941/Palmeska tomten.



Рис. 2. Плетеный орнамент в средневековом искусстве саамов. 1 – молоточек от шаманского бубна (?), В. Новгород, Власьевский II раскоп (по: Новгородский [Электронный ресурс]); 2 – роговая ложка, Троицкий VIII (опись Н-87), 18-733-87; 3 – обломок роговой ложки, Неревский XV, 30-1119-4, ГЭ; 4 – обломок роговой ложки, Троицкий VII (опись Н-85), 16-624-13; 5 – фрагмент лыжи; 6 – фрагмент лыжи, Пурну, провинция Норрботтен, Швеция (5, 6 – по: Serning, 1960. Pl. 47); 7 – молоточек от шаманского бубна, Нордсет, округ Иннландет, Норвегия (по: Zachrisson, 2020. S. 15). 2–4 – фото А.М. Гринева, прорись Н.Н. Точиловой. Без масштаба.

Fig. 2. Interlaced ornament in the medieval art of the Sami. 2–4 – photo by A.M. Grinev, drawing by N.N. Tochilova. Not to scale

орнамента, имеющие стилистические аналогии в позднем искусстве эпохи викингов (Zachrisson, 2020. S. 15). Другим вариантом взаимодействия художественных традиций может быть орнаментальный мотив (рис. 2, 6) на лыже из Пурну, Швеция (Serning, 1960. S. 287, Pl. 47). По сравнению с традиционным саамским декором, широко распространенным в украшении данной категории предметов, орнамент лыжи из Пурну представляет сложное неупорядоченное плетение, логика построения которого близка мотиву на новгородской ложке с усадьбы “П” Троицкого X раскопа.

Интересная стилистическая аналогия такому плетению обнаруживается на шестигранной костяной рукоятке (рис. 3, 2) меча из кургана 19 Сунд Стенхаген на Аландских островах (Kivikoski, 1973. S. 75. Taf. 56). Один из элементов декора рукоятки – цепочка, которая близка мотиву на новгородской ложке с Троицкого X раскопа (рис. 3, 1). Эта цепочка имеет законченную композицию с характерными петлями на конце, что широко

распространено среди декора костяных и деревянных предметов Пруссии эпохи викингов (рис. 3, 4) и Новгорода (рис. 3, 5) X–XII вв. (Кулаков, 2019. С. 6; Точилова, 2020. С. 212). Происхождение подобного рода мотива можно связывать с процессом ассимиляции и упрощения цепочек стиля борре, известного на территориях, контактировавших со скандинавской культурой. Декор рукоятки из Сунд Стенхаген позволяет проследить геометризацию таких цепочек, что стилистически сближает его с орнаментами скандинавских и древнерусских ложек.

Другим вариантом попытки подражания цепочке может служить декор предмета из рога, обнаруженного в 2011 г. в Новгороде на Власьевском II раскопе, который по предварительной атрибуции является молоточком шаманского бубна (рис. 2, 1). Декор лопасти молоточка представляет сложный рисунок спутанных изломанных линий, образованных в результате переплетения двойных цепочек с ромбообразными звеньями, сре-

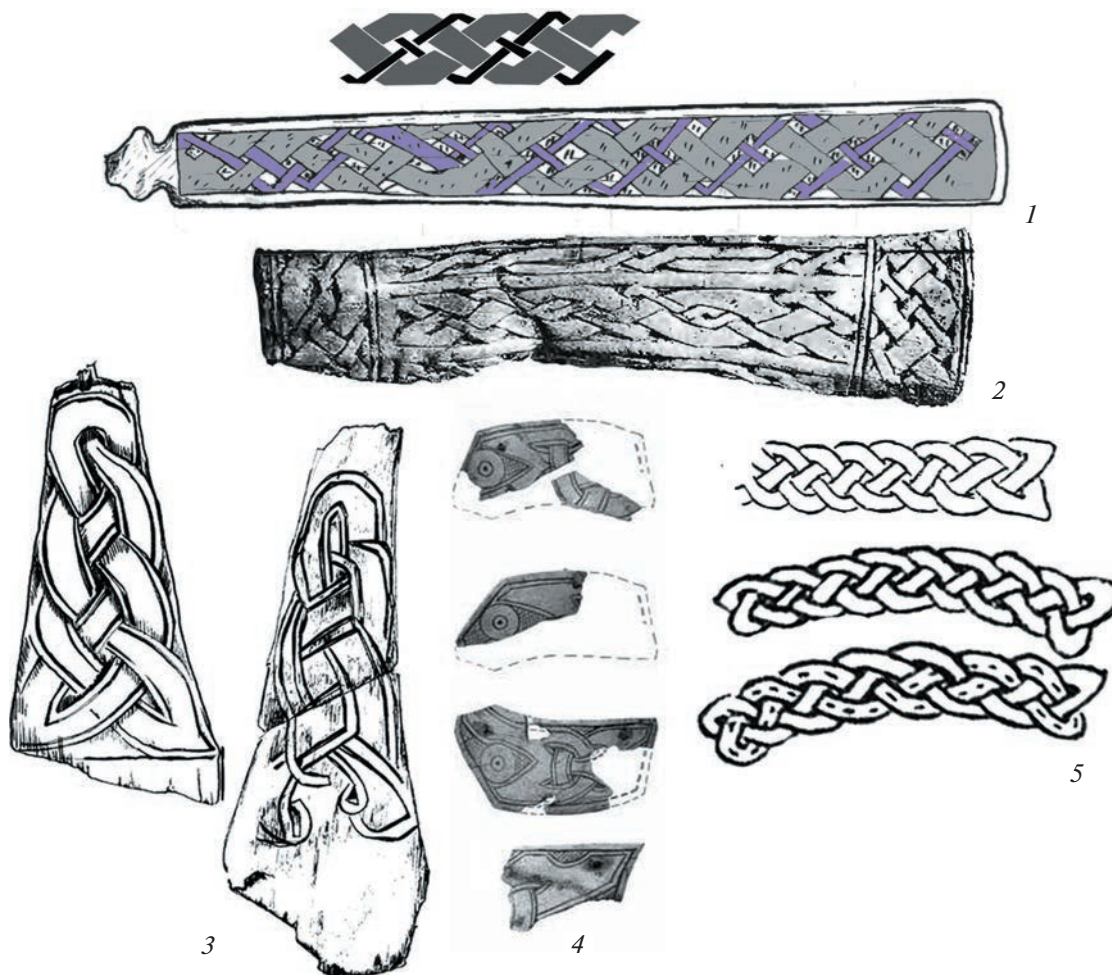


Рис. 3. Развитие плетеного орнамента на территориях контактов со скандинавской культурой. 1 — обломок роговой ложки, Троицкий Х, 18-1127-94, НГОМЗ (опись Н-94, Троицкий Х); 2 — обломок роговой рукояти, Аландские острова (по: Kivikoski, 1973. Taf. 56, 513c); 3 — санные копылы, Троицкий VIII, 13-северная траншея (опись Н-86); Троицкий I-II, 25 ярус (опись Н-74); 4 — костяные накладки, Малый Кауп (по: Кулаков, 2019. Рис. 7); 5 — мотивы цепочек в декоре каменных крестов с о. Мэн (по: Kermodé, 1994. Fig. 22). Без масштаба.

Fig. 3. Development of interlaced patterns in the territories of contacts with the Scandinavian culture. Not to scale

занными по краям. Именно этот эффект дает возможность прочесть весь мотив как сочетание Хробразных элементов. В этом же контексте можно интерпретировать X-Y-образные мотивы, представленные на ложках с усадьб “Г”, “Ж” Троицкого раскопа и усадьбы “Д” Неревского раскопа (рис. 2, 2—4).

Стилизованную цепочку борре с различными вариациями можно увидеть также на рукоятках ложек из Бирки (рис. 4, 5) и Сигтуны (рис. 4, 6, 7). Морфология орнамента из Бирки близка новгородскому варианту, однако в данном случае широкие ленты становятся еще больше благодаря наличию полей. Линии, разделяющие ленты на составные части, имеют засечки, которые в ряде случаев несут конструктивную нагрузку, обозначая точку изменения направления линий, и декоративную, если расположены посередине отрезка.

Другой упрощенный вариант цепочки можно увидеть на ложке из Сигтуны (рис. 4, 6). Здесь мотив цепочки сведен к изображению ряда самостоятельных ромбических элементов, но сохраняется общая идея композиции, основанная на пересечении тонкой и широкой лент. Так же, как и на рукоятке ложки из Бирки, орнамент имеет просверленные точки (засечки), имеющие конструктивный и декоративный характер.

Этот орнамент известен и в декоре древнерусских находок, причем его вариативность и качество исполнения могут значительно различаться. Например, фактически полную аналогию цепочке новгородской ложки с усадьбы “П” Троицкого раскопа можно найти в орнаменте одностороннего наборного гребня, обнаруженного на Троицком VIII раскопе (рис. 4, 4). Единственное отличие этих орнаментов — заполнение ромбических



Рис. 4. Плетеный орнамент в декоре археологических предметов средней Швеции и северо-запада Древней Руси. 1 – обломок ложки, Троицкий X (рис. из описи Н-94), 18-1127-94, НГОМЗ; 2 – обломок ложки, Старая Ладога, 16/4760, ГЭ; 3 – обломок ложки, Старая Ладога, 67/687, ГЭ; 4 – обломок гребня, Троицкий VIII, 21-645-407, НГОМЗ; 5 – обломок ложки, Бирка, “Черная земля”, № 5208: 552, Шведский исторический музей (Swedish History Museum, SHM), Стокгольм; 6 – обломки ложки, Сигтуна, раскоп Professorn 1, № 14584, музей Сигтуны (Sigtuna museum); 7 – обломки ложки, Сигтуна, № 17510: 2, SHM. 1–3, 5–7 – рог; 4 – кость. 2, 3 – фото А.М. Гринева; прорись Н.Н. Точиловой; 4–6 – фото А.М. Гринева; 7 – фото SHM. 3, 7 – без масштаба.

Fig. 4. Interlaced ornament in the decor of archaeological objects from middle Sweden and the north-west of Rus. 2, 3 – photo by A.M. Grinev; drawing by N.N. Tochilova; 4–6 – photo by A.M. Grinev; 7 – photo of SHM. 3, 7 are not to scale

фигур, образованных пересечением широких и узких лент: на гребне они представлены зигзагообразными линиями и жемчужинами. Такие же жемчужинки расположены в углах тонких лент. Противопоставить этим художественным изделиям можно фрагменты ложек из Старой Ладоги, чьи рукояти либо декорированы очень простым вариантом цепочки (рис. 4, 3), либо цепочка имеет большое количество неточностей в исполнении (рис. 4, 2).

Таким образом, можно сделать предположение, что мотив подобного рода цепочки – один из вариантов борре, прошедшего длительный путь стилизации и геометризации. Косвенным образом об этом свидетельствует нарушение ритма орнамента на новгородской ложке с усадьбы “П”. Такая ошибка дает возможность рассматривать создание орнамента от сложного изображения к простому образу, что вероятно в том случае, когда художник не вполне понимал изначальный композиционный замысел.

Роговые ложки с плетеным геометрическим орнаментом – исключительное явление в материальной культуре Новгорода. Художественное оформление этих предметов заметно выделяется из общего ряда образов, характеризующих декоративно-прикладное искусство Северо-Запада Руси в X–XI вв. Данные находки в культурном

слое Новгорода характеризуют, прежде всего, одно из направлений скандинавского искусства резьбы по кости, при этом материалы из раскопок североевропейских городов позволяют сузить этот регион до Средней Швеции. В самих Бирке и Сигтуне подобные вещи связывают с саамскими художественными традициями. При этом признается специфический городской и профессиональный характер изготовления этих изделий (Zachrisson, 2020. S. 18–20). Отчасти это подтверждается использованием орнаментальных элементов, характерных для скандинавского искусства эпохи викингов.

В раннем Новгороде данные ложки, по меньшей мере, маркируют контакты его жителей с выходцами из центров Средней Швеции, а вероятнее всего свидетельствуют о непосредственном присутствии скандинавов в жизни молодого города. Художественная резьба по кости и рогу, по видимому, выполнялась профессиональными косторезами на заказ. Об этом можно судить по большому объему труда, вложенного в каждый предмет, и индивидуальному характеру ложек, так как двух одинаковых изделий до сих пор не найдено. Вероятно, эти приборы выполняли более значимую функцию, чем просто столовые принадлежности. Этнографическими исследованиями традиционных саамских обществ установ-

лено, что орнаментированные роговые ложки ассоциировались со своими владельцами и их декор мог, с одной стороны, подчеркивать индивидуальность и принадлежность предмета собственнику, а с другой стороны — его отношение к определенному роду (Skandfer, 1997. S. 75–79; Immonen, 2006. P. 47–49).

В этой связи видится маловероятным, что рассмотренные в статье роговые ложки могли выступать в Новгороде предметами торговли или обмена, хотя нельзя исключать, что за пределами Скандинавского полуострова такая связь вещи и владельца могла заметно ослабнуть. О принадлежности резных ложек с плетеным геометрическим орнаментом выходцам из Северной Европы косвенно свидетельствует и планиграфия находок. Как было показано исследованиями по пространственному распределению предметов скандинавского круга древностей в культурном слое Новгорода, все рассмотренные роговые ложки происходят с усадеб, где скандинавское присутствие усматривалось в комплексе других бытовых принадлежностей (Гринев, 2019. С. 176–178; Мусин, Тарабардина, 2019. С. 767–777).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 212 с.
- Гринев А.М. Усадьбы Неревского конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Неревского раскопа): дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т. М., 2019. 271 с.
- Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. Л.: Советский художник, 1966 (Археологический сборник Гос. Эрмитажа; вып. 8). С. 103–115.
- Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 1998. 294 с.
- Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 684 с.
- Крыласова Н.Б. Археология повседневности: Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2007. 352 с.
- Кудряшов А.В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2006. 197 с.
- Кулаков В.И. Плетеный орнамент в древностях пруссов // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 4 (22). С. 1–9.
- Мусин А.Е., Тарабардина О.А. Скандинавы среди переселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785.
- Новгородский музей заповедник. Коллекции онлайн. Рукоять. XI в. [Электронный ресурс]. URL: <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/296427?query=КП%2047924-347&fund=11&index=0> (дата обращения: 01.02.2023).
- Покровский Н.В. Иерусалимы или сионы Софийской ризницы в Новгороде. СПб.: Синод. тип., 1911. 71 с.
- Сергеева М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Киев: КНТ, 2011. 251 с.
- Смирнова Л.И. Косторезное ремесло средневекового Новгорода: дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т. М., 1998. 152 с.
- Стерлигова И.А. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV веков. М.: Наука, 1996. С. 26–69.
- Точилова Н.Н. Новгородские резные копылы X–XII вв.: типология и происхождение декора // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы XXXIII науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения В.Л. Янина. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2020. С. 208–213.
- Фараджеева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–159.
- Фараджеева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Планировка и застройка одного из кварталов Людина конца Новгорода в XI в. (по материалам северо-западных усадеб Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 34. Материалы XXXIV научной конференции, посвящ. памяти Е.Н. Носова. Великий Новгород, 2021. С. 135–149.
- Ambrosiani K. Kämme // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1984. S. 161–176.
- Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1940. 282 Taf.
- Bäck M., Carlsson M. Kvarteret S:ta Gertrud 3: stadsgårdar och gravar i Sigtuna ca 970–1100: Uppland Sigtuna RAÄ 195: arkeologisk undersökning. Stockholm: Riksantikvarieämbetet, 1994. 180 s.
- Christophersen A. Trondheim — en by i middelalderen. Trondheim: Riksantikvarens utgravningskontor, 1987. 107 s.
- Heimer O., Runer J., Söderberg A. Fas-, tomt- och husbeskrivningar // Hos Herr Niklas och annat skrivkunnigt folk. Arkeologisk undersökning i kvarteret Profesorn 1, Sigtuna, 1999–2000. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2021. S. 51–400.
- Immonen V. Sami spoons as artefacts of ethnicity: archaeological reflections on an ethnographic artefact group // People, material culture and environment in the north: proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference, University of Oulu, 18–23 August 2004. Oulu: University of Oulu, 2006. P. 42–51.

- Itkonen T.* Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Osa 1. Porvoo: WSOY (Werner Söderström), 1948. 589 s.
- Kermode P.M.S.* Manx Crosses. Balgavies, Angus: Pinkfoot Press, 1994. 216 p., LXVI pl.
- Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Söderström, 1973. 150 S., 147 Taf.
- Lindeberg I.* Löffel // Birka II:3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1989. S. 135–136.
- Lundberg E.* Från Palmeska tomten. En grundgrävning 1941 // Situne Dei. Sigtuna fornhems årsbok. 1. Sigtuna: Sigtuna Boktryckeri, 1942. S. 25–40.
- Manker E.* Fennoskandias fornskidor: preliminär rapport från en inventering // Fornvännen. 1971. № 66. S. 77–91.
- Moberg T., Jorn A., Rosing J., Franceschi G.* Sami Folk Art. Ten Thousand Years of Folk Art in the North. Köln: König, 2006. 312 p.
- Ros J.* Stad och gård. Sigtuna under sen vikingatid och tidig medeltid. Uppsala: Uppsala universitet, 2009 (Occasional papers in archaeology; 45). 288 s.
- Serning I.* Övre Norrlands Järnålder. Umeå: Tryckeriaktiebolaget city, 1960. 289 s.
- Skandfer M.* Čoarverbasttet: Samiske hornskjeer fra middelalder til moderne tid. Hovedfagsoppgave arkeologi. Tromsø: Universitetet Tromsø, 1997. 208 s.
- Söderberg A.* Fas-, tomt- och husbeskrivningar // Fem stadsgårdar – arkeologisk undersökning i kv. Trädgårds-mästaren 9 & 10 i Sigtuna 1988–90. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2011. S. 31–140.
- Sörling E.* Fynden från “Svarta Jorden” på Björkö från Hjalmar Stolpes undersökningar: katalog. Uppsala: Institutionen för arkeologi och antik historia vid Uppsala universitet, 2018. 390 s.
- Zachrisson I.* De samiska metalldepåerna år 1000–1350 i ljuset av fyndet från Mörtträsket, Lappland. Umeå: University of Umeå, 1984. 141 s.
- Zachrisson I.* The Sami and their interaction with the Nordic peoples // The Viking world. London; New York: Routledge, 2008. P. 32–39.
- Zachrisson I.* Samiska väskor på svenska örlogsskepp // Tjop tjop! Vänbok till Christer Westerdahl med anledning av hans 70-årsdag den 13. November 2015. Skärhamn: Båtdokgruppen, 2015. S. 321–330.
- Zachrisson I.* Samer i Sigtuna? Om flätbandsornamentik i äldre tid // Situne Dei: Årsskrift för Sigtunaforskning och historisk arkeologi 2020. Sigtuna: Sigtuna Museum, 2020. S. 6–23.
- Zachrisson I., Alexandersen V., Gollwitzer M., Iregren E., Konigsson L.-K., Siven C.-H., Strade N., Sundstrom J.* Moten i gransland. Samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm: Statens historiska museum, 1997. 272 s.

HORN SPOONS OF THE 10th–11th CENTURIES WITH GEOMETRIC INTERLACED ORNAMENT FROM EXCAVATIONS IN NOVGOROD (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEREVSKY AND TROITSKY EXCAVATIONS)

Andrey M. Grinev^{a, #}, Nadezhda N. Tochilova^{b, ##}

^aYaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

^bSt. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia

[#]E-mail: amgrinev@mail.ru

^{##}E-mail: arhivolt@yandex.ru

The article deals with comprehensive study of four horn spoons from the early strata of Troitsky and Nerevsky excavation sites from Veliky Novgorod. The main hallmark distinguishing these artefacts among analogies is highly artistic geometric interlaced ornament, which has not been studied fully and is not discussed in Russian historiography. The complex use of archaeological and artistic analysis made it possible to interpret the origins of interlaced ornament in archaeological contexts. The closest typological and stylistic analogies were found in the medieval urban centres of Middle Sweden, on the boundaries of the Scandinavian and Sami cultures. The research prompted an assumption about the North European origin of these spoons from the Novgorod cultural deposit. The ornaments of these artefacts can be regarded as one of the areas of Scandinavian art influenced by Sami tradition.

Keywords: medieval Novgorod, Sigtuna, Birka, horn spoons, geometric interlaced ornament, Scandinavian art, Sami art, cultural frontier.

REFERENCES

- Ambrosiani K.*, 1984. Kämme. Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, pp. 161–176.
- Arbman H.*, 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Almquist & Wiksell. 282 tabl.
- Bäck M., Carlsson M.*, 1994. Kvarteret S: ta Gertrud 3: stadsgårdar och gravar i Sigtuna ca 970–1100: Uppland Sigtuna RAÄ 195: arkeologisk undersökning. Stockholm: Riksantikvarieämbetet. 180 p.
- Christophersen A.*, 1987. Trondheim – en by i middelalderen. Trondheim: Riksantikvarens utgravningskontor. 107 p.

- Davidan O.I., 1966. Old Ladoga products made of bone and horn (based on the excavations of the Old Ladoga expedition of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences). *Epokha bronzy i rannego zheleza. Slavyane [Bronze Age and Early Iron Age. Slavs]*. Leningrad: Sovetskiy khudozhnik, pp. 103–115. (Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha, 8). (In Russ.)
- Faradzheva N.N., Tarabardina O.A., Gaydukov P.G., 2014. Estates of Yarysheva street in Lyudin district of medieval Novgorod in the 10th century AD (based on the materials from the Troitsky excavation site). *Rus' v IX–XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries AD: society, state, culture]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 134–159. (In Russ.)
- Faradzheva N.N., Tarabardina O.A., Gaydukov P.G., 2021. The layout and structures of a quarter in Lyudin district of Novgorod during the 11th century AD (based on the materials from the northwestern estates of the Troitsky excavation site). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 34. *Materialy XXXIV nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati E.N. Nosova [Materials of the XXXIV Scientific conference in memory of E.N. Nosov]*. Velikiy Novgorod, pp. 135–149. (In Russ.)
- Golubeva L.A., 1973. Ves' i slavyane na Belom ozere X–XIII vv. [The Ves and the Slavs on Lake Beloye in the 10th–13th centuries AD]. Moscow: Nauka. 212 p.
- Grinev A.M., 2019. Usad'by Nerevskogo kontsa srednevekovogo Novgoroda v X v. (po materialam Nerevskogo raskopa): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Estates of the Nerevsky district of medieval Novgorod in the 10th century AD (based on the materials from the Nerevsky excavation site): a thesis for the Doctoral Degree in history]. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. Moscow. 271 p.
- Heimer O., Runer J., Söderberg A., 2021. Fas-, tomt- och husbeskrivningar. *Hos Herr Niklas och annat skrivkunnigt folk. Arkeologisk undersökning i kvarteret Professorn 1, Sigtuna, 1999–2000*. Sigtuna: Sigtuna Museum, pp. 51–400.
- Immonen V., 2006. Sami spoons as artefacts of ethnicity: archaeological reflections on an ethnographic artefact group. *People, material culture and environment in the north: proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference, University of Oulu, 18–23 August 2004*. Oulu: University of Oulu, pp. 42–51.
- Itkonen T., 1948. Suomen lappalaiset vuoteen 1945, part 1. Porvoo: WSOY (Werner Söderström). 589 p.
- Ivanova M.G., 1998. Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar: Ancient Udmurt fortified settlement of the 9th–13th centuries AD]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 294 p.
- Karger M.K., 1958. Drevniy Kiev. Ocherki po istorii material'noy kul'tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev. Studies on the history of the material culture of the Rus town], 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 684 p.
- Kermode P.M.S., 1994. Manx Crosses. Balgavies, Angus: Pinkfoot Press. 216 p., LXVI pl.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Söderström. 150 p., 147 tabl.
- Krylasova N.B., 2007. Arkheologiya povsednevnosti: Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Archaeology of everyday life: Material culture of the medieval Cis-Urals]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 352 p.
- Kudryashov A.V., 2006. Drevnosti Sredney Sheksny X–XIV vv. [Antiquities of the Middle Sheksna of the 10th–14th centuries AD]. Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet. 197 p.
- Kulakov V.I., 2019. Interlaced ornament in Prussian antiquities. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo [Memoirs of Novgorod State University]*, 4 (22), pp. 1–9. (In Russ.)
- Lindeberg I., 1989. Löffel. *Birka II:3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, pp. 135–136.
- Lundberg E., 1942. Från Palmeska tomten. En grundgrävning 1941. *Situne Dei. Sigtuna fornheims årsbok*, 1. Sigtuna: Sigtuna Boktryckeri, pp. 25–40.
- Manker E., 1971. Fennoskandias fornsidor: preliminär rapport från en inventering. *Fornvännen*, 66, pp. 77–91.
- Moberg T., Jorn A., Rosing J., Franceschi G., 2006. Sami Folk Art. Ten Thousand Years of Folk Art in the North. Köln: König. 312 p.
- Musin A.E., Tarabardina O.A., 2019. Scandinavians among the first settlers of Novgorod based on archaeological evidence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg State University. History]*, vol. 64, iss. 2, pp. 762–785. (In Russ.)
- Novgorodskiy muzey zapovednik. Kollektzii onlayn. Ru-koyat'. XI v. (Elektronnyy resurs) [Novgorod Museum Reserve. Collections online. Handle. 11th century AD (Electronic resource)]. URL: <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/296427?query=КП%2047924-347&fund=11&index=0>.
- Pokrovskiy N.V., 1911. Ierusalimy ili siony Sofiyskoy riznitsy v Novgorode [“Jerusalem” or “Zion” structures of the St. Sophia sacristy in Novgorod]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. 71 p.
- Ros J., 2009. Stad och gård. Sigtuna under sen vikingatid och tidig medeltid. Uppsala: Uppsala universitet. 288 p. (Occasional papers in archaeology, 45).
- Sergeeva M.S., 2011. Kostorizna sprava u Starodavn'omu Kievu [Bone-carving craft of old Kiev]. Kiev: KNT. 251 p.
- Serning I., 1960. Övre Norrlands Järnålder. Umeå: Tryckeriaktiebolaget city. 289 p.
- Skandfer M., 1997. Čoarverbasttet: Samiske hornskjeer fra middelalder til moderne tid. Hovedfagsoppgave arkeologi. Tromsø: Universitetet Tromsø. 208 p.
- Smirnova L.I., 1998. Kostoreznoe remeslo srednevekovogo Novgoroda: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Bone-carving craft of medieval Novgorod: a thesis for Doctoral Degree in history]. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. Moscow. 152 p.
- Söderberg A., 2011. Fas-, tomt- och husbeskrivningar. *Fem stadsgårdar – arkeologisk undersökning i kv. Trädgårds-mästaren 9 & 10 i Sigtuna 1988–90*. Sigtuna: Sigtuna Museum, pp. 31–140.

- Sörling E., 2018. Fynden från "Svarta Jorden" på Björkö från Hjalmar Stolpes undersökningar: katalog. Uppsala: Institutionen för arkeologi och antik historia vid Uppsala universitet. 390 p.
- Sterligova I.A., 1996. Monuments of silver- and goldwork art in Novgorod of the 11th–12th centuries AD. *Dekrativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Khudozhestvennyy metall XI–XV vekov [Decorative and applied art of Veliky Novgorod. Artistic metal of the 11th–15th centuries AD]*. Moscow: Nauka, pp. 26–69. (In Russ.)
- Tochilova N.N., 2020. Novgorod carved sled runner support bars of the 10th–12th centuries AD: typology and origin of décor. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy XXXIII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.L. Yanina [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology: Proceedings of the XXXIII Scientific conference to the 90th anniversary of V.L. Yanin]*. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 208–213. (In Russ.)
- Zachrisson I., 1984. De samiska metalldepåerna år 1000–1350 i ljuset av fyndet från Mörtträsket, Lappland. Umeå: University of Umeå. 141 p.
- Zachrisson I., 2008. The Sami and their interaction with the Nordic peoples. *The Viking world*. London; New York: Routledge, pp. 32–39.
- Zachrisson I., 2015. Samiska väskor på svenska örlogsskepp. *Tjop tjop! Vänbok till Christer Westerdahl med anledning av hans 70-årsdag den 13. November 2015*. Skärhamn: Båtdokgruppen, pp. 321–330.
- Zachrisson I., 2020. Samer i Sigtuna? Om flätbandsornamentik i äldre tid. *Situne Dei: Årsskrift för Sigtunaforskning och historisk arkeologi 2020*. Sigtuna: Sigtuna Museum, pp. 6–23.
- Zachrisson I., Alexandersen V., Gollwitzer M., Iregren E., Konigsson L.-K., Siven C.-H., Strade N., Sundstrom J., 1997. Moten i gransland. Samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm: Statens historiska museum. 272 p.

СТРАТИГРАФИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019–2021 гг.

© 2023 г. В. Ю. Коваль^{1,*}, Р. Н. Модин^{1,**}, Н. А. Макаров^{1,***}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: kovaloka@mail.ru

**E-mail: modin.roman@mail.ru

***E-mail: nmakarov10@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.03.2023 г.

После доработки 31.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В 2019–2021 гг. Институтом археологии РАН проведены раскопки в Большом сквере Московского Кремля, к востоку от Архангельского собора, где в XVI–XVII вв. размещались Приказы – органы центрального управления Русского государства. В толще отложений, общая мощность которых достигала 6 м, удалось выделить несколько слоев, часть из которых включала в себя строительный мусор от возведения зданий Старых (1591 г.) и Новых (1675–1682 гг.) Приказов. Фундаменты приказных зданий прорезали более ранние отложения второй половины XII–XVI в., среди которых особо выделялся слой с остатками мощных пожаров конца XV в., уничтоживших деревянную застройку усадьбы, принадлежавшей, вероятно, потомкам князя Владимира Андреевича Храброго. Выделяется и слой XIV в., насыщенный разнообразными импортами, который допустимо связывать с частью территории двора самого Владимира Андреевича.

Ключевые слова: археология, средневековый город, стратиграфия, культурный слой, хронология.

DOI: 10.31857/S0869606323030133, **EDN:** PVPBPA

Стратиграфия культурного слоя – первый и главный предмет изучения любого поселенческого памятника как основа для разработки его общей хронологии и хронологической привязки размещающихся в нем остатков монументальных, фортификационных, жилых и хозяйственных построек. Поэтому стратиграфия Московского Кремля находилась в центре внимания всех археологов, занимавшихся исследованиями этого выдающегося памятника древности.

Первый опыт стратиграфического членения культурного слоя центральных районов Москвы, включая Кремль, был предпринят более 50 лет назад М.Г. Рабиновичем, выделившим последовательные слои: первый был датирован XVII–XX вв., второй – XIV–XVII вв., третий – XI–XIV вв. (Рабинович, 1971). Но сегодня стратиграфическая шкала М.Г. Рабиновича уже не может удовлетворять требованиям науки: благодаря работам Института археологии РАН в Московском Кремле, на Красной площади, в Зарядье, на участках крупнейших монастырей, удалось получить принципиально новые данные о культурном слое Москвы.

Первые выводы о стратиграфии участка к востоку от Архангельского собора в Большом

Кремлевском сквере (рис. 1, А) нашли отражение в предварительной публикации результатов исследований (Макаров и др., 2020. С. 99–102. Рис. 3, Б), однако без обоснования предлагаемых датировок и характеристик самих слоев. К тому же тогда были допущены небольшие ошибки в разделении слоев на опубликованном профиле раскопа. Непосредственно в ходе раскопок формировалась и стратиграфическая шкала, хронологическое членение которой основывалось на идентификации прослоек строительного мусора, связанных с возведением известных по письменным источникам каменных зданий (Старых и Новых Приказов), на распределении монетных и других датирующих находок во вскрывавшихся контекстах, на структуре массового керамического материала и радиоуглеродном датировании прослоек пожаров. Выделявшиеся слои нумеровались по мере продвижения сверху вниз, причем к слоям, получившим цифровую нумерацию, добавлялись “промежуточные”, у которых к цифровому номеру в ряде случаев добавлялся буквенный маркер “а”. Такие случаи возникали, когда обнаруживались прослойки, предположительно связанные с какими-то крупными событиями (строительство, пожар),



Рис. 1. Размещение раскопа в Большом сквере (А) и стратиграфия юго-западного борта раскопа (Б). А — на схеме южной части Московского Кремля (Р — раскоп). Б — нижняя часть профиля фиксировалась отдельно от верхней, их совмещение проведено искусственно. Цифрами обозначены номера слоев, ВГ — верхний горизонт.

Fig. 1. The location of the excavation site in the Great Garden (А) and the stratigraphy of the southwestern wall of the excavation site (Б)

датировка которых в процессе раскопок могла еще только предполагаться, но уже требовалось отделить материал этой прослойки от более ранних и более поздних.

Несмотря на наличие в раскопе остатков деревянных построек, получить серию дендрохронологических дат и использовать их как основу для датирования отдельных слоев не удалось. Боль-

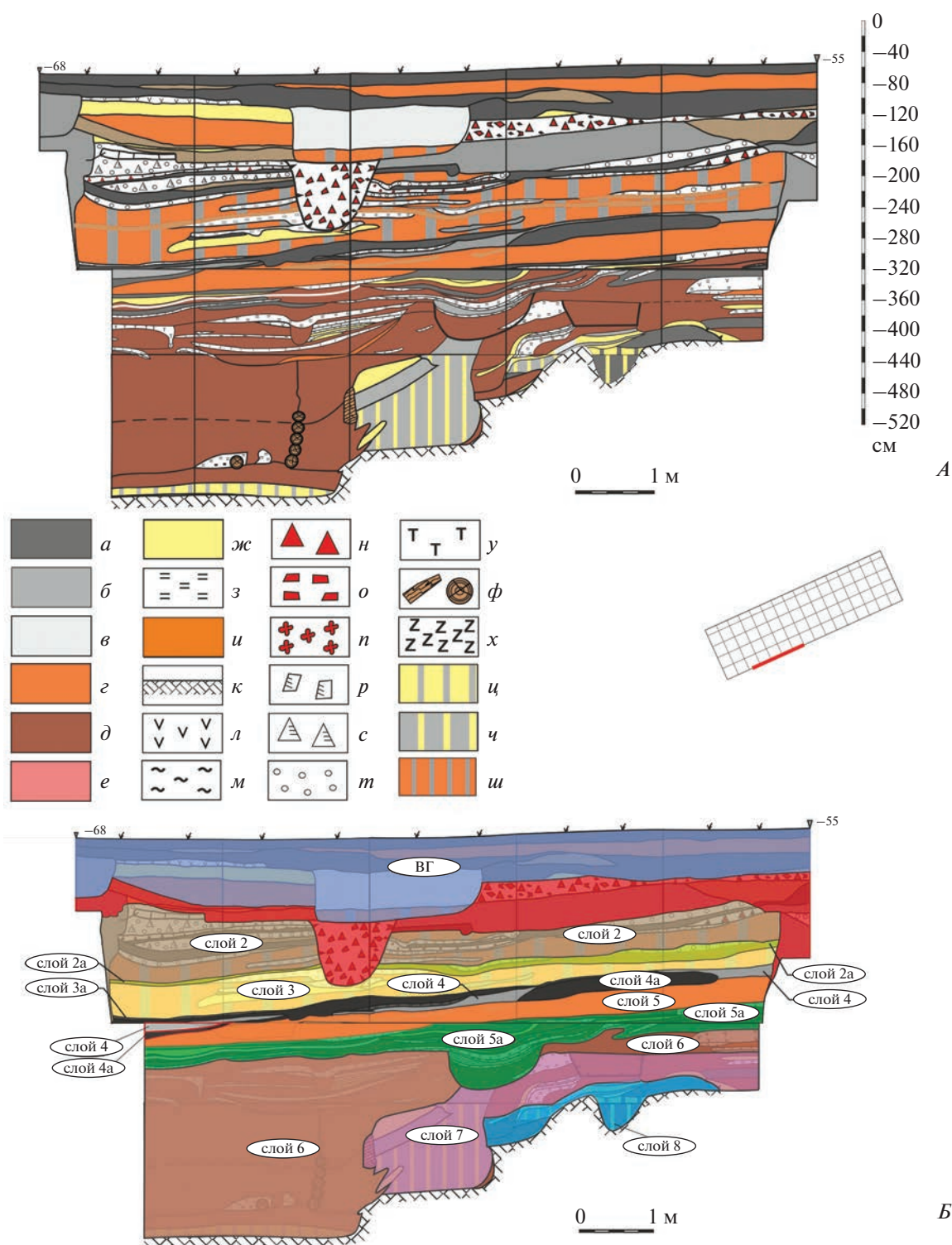


Рис. 2. Стратиграфия юго-восточного борта раскопа. *А* – чертеж профиля; *Б* – схема размещения слоев. Условные обозначения: *а* – темно-серая супесь; *б* – серая супесь; *в* – светло-серая супесь; *г* – коричневая супесь; *д* – темно-коричневая супесь; *е* – рыжий суглинок; *ж* – песок; *з* – сырая глина; *и* – обожженная глина (печина); *к* – материк; *л* – уголь; *м* – зола; *н* – кирпичная крошка; *о* – битый кирпич; *п* – мелкие куски печины; *р* – обломки известняка; *с* – белокаменная крошка; *т* – известь; *у* – древесный тлен; *ф* – дерево; *х* – щепа; *ц* – супеси серых оттенков с включениями песка; *ш* – серо-коричневая супесь.

Fig. 2. The stratigraphy of the southeastern wall of the excavation site

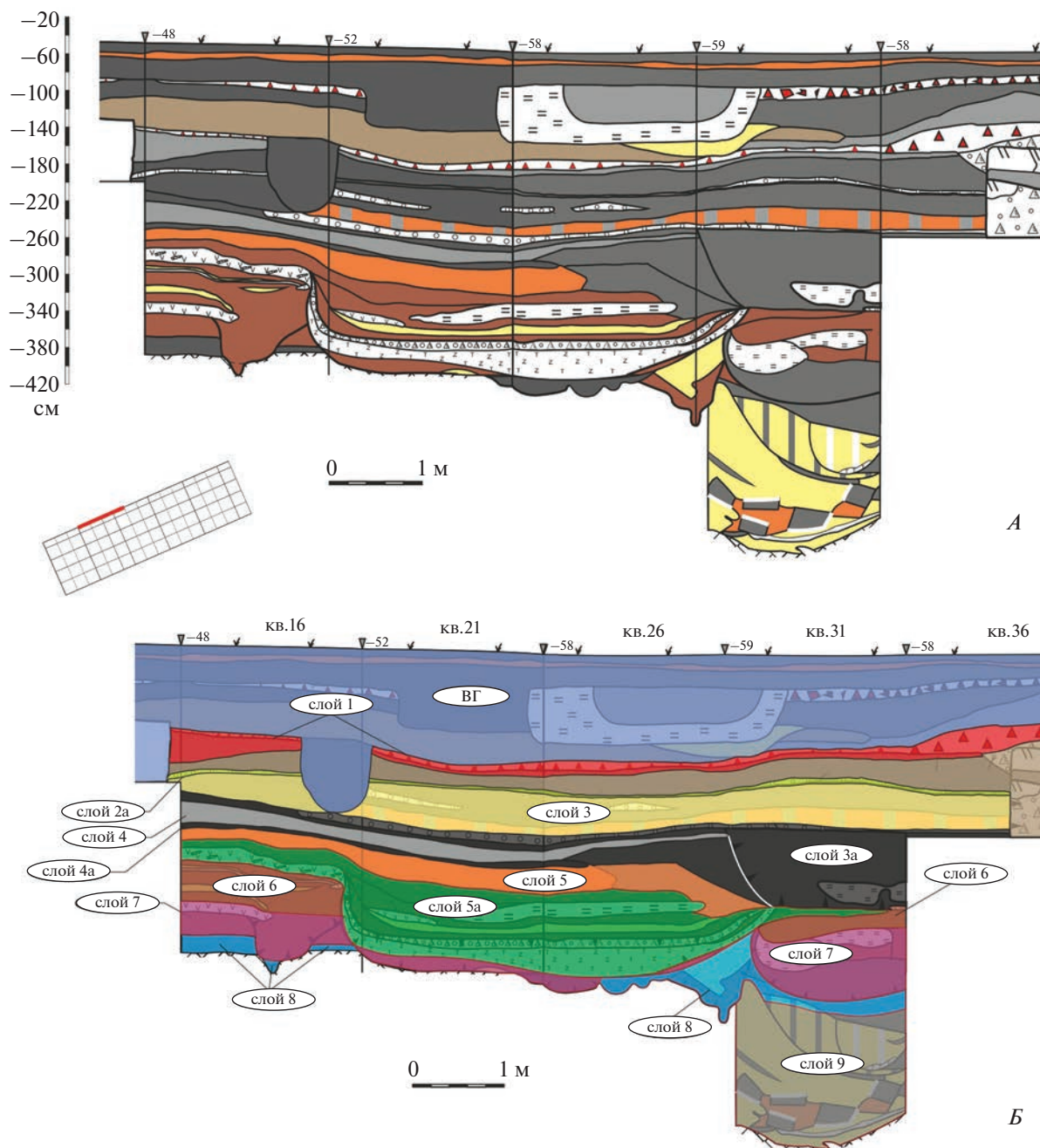


Рис. 3. Стратиграфия северо-западного борта раскопа. А — чертеж профиля; Б — схема размещения слоев. Условные обозначения см. на рис. 2.

Fig. 3. The stratigraphy of the northwestern wall of the excavation site

шинство срубных построек, открытых в раскопе, оказались сложены из дубовых бревен либо из хвойных пород молодого возраста (до 80 лет), что не позволило получить достоверные даты ни по одному из срубов. В Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН А.А. Карпухиным получены даты только для трех спилов со строительных деталей, оказавшихся в качестве мусора в заполнениях разрушенных погребов. В этих условиях особенную

важность для хронологизации культурных слоев приобрели нумизматические находки (317 экз.) (таблица)¹ и массовый керамический материал, статистическая фиксация которого демонстрировала существенные изменения в составе разно-

¹ Все монеты из раскопа определены чл.-корр. РАН, доктором исторических наук П.Г. Гайдуковым, которому выражаем глубокую благодарность за проделанную работу.

Распределение монетных находок по слоям, эмитентам и хронологии выпуска
Distribution of coin finds by layers, issuers and issue chronology

	Слой раскопа										
	ВГ	1	2	2а	3	3а	4	4а	5	5а	6
Всего монет	30	80	72	6	87	17	2	3	11	7	2
В том числе по периодам и эмитентам											
Конец XVIII–XIX в.	11 _м	2 _м	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XVIII в. (без уточнения)	1 _м	48 _м	3 _м	—	—	—	—	—	—	—	—
Екатерина II	2 _м	3 _м	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Елизавета Петровна	4 _м	9 _м	3 _м	—	—	—	—	—	—	—	—
Анна Иоанновна	5 _м	32 _м	17 _м	—	—	—	—	—	—	—	—
Петр I	2 _м	12 _м + 2 _с	10 _м + 3 _с	—	—	—	—	—	—	—	—
Иван и Федор Алексеевичи	—	1 _с	1 _с	—	—	—	—	—	—	—	—
XVII в. (без уточнения)	—	—	5 _м + 4 _с	—	2 _м + 7 _с	—	—	—	—	—	—
Алексей Михайлович	2 _м	1 _м + 4 _с	10 _м + 2 _с	2 _м	20 _м + 5 _с	1 _м	—	—	—	2 _м	—
Михаил Федорович	1 _с	2 _с	10 _с	3 _с	24 _с	—	—	—	—	—	—
Владислав Жигимонтович	—	—	—	—	2 _с	—	—	—	—	—	—
Борис Годунов	—	—	—	—	1 _с	—	—	—	—	—	—
XVI—первая половина XVII в.	—	—	—	—	1 _с	—	—	—	—	—	—
Иван IV	—	—	1 _с	—	2 _м + 14 _с	8 _м + 4 _с	2 _с	2 _с	3 _м + 3 _с	—	1 _с
Иван III или Василий III	—	—	—	—	—	2 _м	—	—	—	—	—
Конец XV — начало XVI в. (пула)	1 _м	—	—	1 _м	2 _м	2 _м	—	—	2 _м	3 _м	1 _м
Василий I	—	—	—	—	—	—	—	—	1 _с	1 _м	—
Не определенные	—	2 _м + 1 _с	3 _м	—	4 _м + 2 _с	—	—	1 _м	2 _м	2 _м	—
Иноземные	1 _м	1 _с	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание. ВГ — верхний горизонт; м (в нижнем регистре) — медь; с (в нижнем регистре) — серебро. Серым выделены ячейки с обозначением находок, явно связанных с перекопами и перемещением монет по вертикали.

видностей керамики, что давал весомые основания для хронологических построений.

На раскопе в Большом сквере мощность культурных отложений составляла от 3 до 6 м (в заглубленных в материк погребках — до 9 м). В ходе 3-летних работ выделено и изучено 14 слоев, из них 9 имели нумерацию от 1 до 9, а еще 4 — маркер “а” (2а, 3а, 4а, 5а), кроме того, один слой не имел номера, поскольку составлял современные отложения (он был назван “верхним горизонтом”). Эта нумерация отражена в отчетах о раскопках и в ходе работ не менялась. Наиболее хронологически узкими были слои с маркерами “а”, основная прослойка которых представляла собой либо строительный горизонт, либо горизонт пожара. Мощность слоев варьировала в широких пределах — от 0.1 до 2 м, в зависимости от того, как они формировались. Наибольшую толщину имели те слои, которые представляли собой засыпку погребов или иные нивелирующие насыпи.

К сожалению, ни в одном из профилей раскопа не нашли отражение все его стратиграфические слои, поэтому ниже представлены наиболее информативные участки профилей (рис. 1–3). Из-за многолетнего характера раскопок и необходимости укрепления бортов раскопа (забуривания свай и шпунтовой обшивки) невозможно было провести фотофиксацию каждого профиля целиком — от дневной поверхности до материка.

Ниже дана краткая характеристика каждого из 14 слоев раскопа в последовательности сверху вниз, т.е. в порядке их открытия, нумерации и изучения.

Верхний горизонт (рис. 1–3) представлял собой отложения XIX–XX вв.: привозной газонный грунт и принесенная со стороны земля светлых оттенков, насыщенная кирпичной крошкой и известью от разрушенных зданий. Значительную часть этого грунта составляло заполнение подквадратных в плане котлованов размерами до 3 × 3 м и глубиной до 1 м, которые вырывались

для посадки деревьев сквера и засыпались привозным грунтом. Мощность этого горизонта составляла от 0.4 до 1.2 м. В этом слое 1/3 составляли монеты XIX в., остальные были переотложены, более ранними (таблица).

Слой 1 (рис. 1–3) представлял собой строительный мусор, образовавшийся после 1769 г. при разрушении построек зданий Новых Приказов в связи с подготовкой площадки для планировавшегося строительства дворца по проекту В. И. Баженова, а также при последующих планировочных работах. Он состоял из битого кирпича, камней, кирпичной и белокаменной крошки, светло-коричневой и серой супеси. Мощность слоя — от 0.1 до 1.3 м. Совершенно очевидно, что на площадке раскопа сохранилась лишь очень небольшая часть остатков зданий Приказов: вероятно, этот мусор вывозился на другие участки Кремля для выравнивания поверхности. К верхней части этого слоя относились обильные находки разнообразных вещей, утилизированных в ходе расчистки Кремля после его оставления Великой армией Наполеона (Кузина и др., 2020; Макаров и др., 2020. С. 99, 105, 106). Среди найденных монет тут преобладали отчеканенные на протяжении XVIII в. (таблица), что не противоречит датировке слоя 1 в интервале 1769–1812 гг.

Слой 2 (рис. 1–3) сформировался в ходе функционирования комплекса административных зданий Новых Приказов (1680–1769 гг.). Эта дата подтверждается нумизматическим материалом, в котором преобладали выпуски Анны Иоанновны, Петра I, Алексея Михайловича и Михаила Федоровича, а самыми поздними были три монеты, отчеканенные при Елизавете Петровне (таблица). Этот слой состоял из супеси серых и коричневатых оттенков с включениями белокаменной крошки, извести, битого кирпича и рыжей глины. Он имел мощность от 0.1 до 1 м, залегал по всей площади раскопа, а также составлял заполнение белокаменной камеры, встроенной в фундамент Новых Приказов, сформировавшееся в начале XVIII в. (Гакель и др., 2021). Количество находок в этом слое было невелико, однако среди них имелись серии печных изразцов последней четверти XVII и XVIII в. (безрамочных зеленых и полихромных), происходивших из декора приказных печей (Макаров и др., 2020. Табл. 1), предметы приказного быта (обломки поливных керамических чернильниц, развалы чернолощенных кувшинов). Отличительной чертой слоя 2 было изобилие железных сапожных подковок (около 90 шт.), среди которых доминировали изделия “комбинированного” типа, крепившиеся шипами и гвоздями (Осипов и др., 2022. Табл. 1). По соотношению кухонной и столовой посуды этот слой выделяется очень заметно — обломков горшков в нем в 2–3 раза меньше, чем всех остальных форм посуды. Такая диспропорция объясня-

ется тем, что в Приказах не готовили пищу — ее сюда приносили готовой.

Слой 2а (рис. 1–3) представлял собой горизонт разборки Старых и строительства Новых Приказов в 1675–1680 гг. Он состоял из прослоек извести с белокаменной крошкой и супесей серо-коричневых оттенков, насыщенной битым кирпичом. На основной площади раскопа этот слой имел толщину 5–12 см, но там, где сохранились остатки разрушенных стен Старых Приказов, его мощность возрастала до 80 см. Слой непосредственно примыкал к фундаментам Новых Приказов, отмечая тем самым дневную поверхность времени их строительства (рис. 1, Б).

Слой 3 (рис. 1–3) состоял в основном из серо-коричневой и коричневой супеси с обломками кирпичей, комками рыжей глины, древесным тленом, углем, желтым песком, в нем также выделялись линзы белокаменной и кирпичной крошки. Мощность слоя достигала 60 см. Слой изобилует вещевыми находками, но включал небольшое количество керамики, которая была измельчена (растоптана). В вещевом комплексе, как и в слое 2, преобладали железные сапожные подковки, но уже иного типа — врезные плоские (Осипов и др., 2022. С. 265). Массовыми были также находки красных рамочных изразцов, украшавших печи в здании Старых Приказов (Смирнов и др., 2020). К более ранним постройкам эпохи Ивана Грозного следует относить белоглиняные поливные изразцы, единичные находки которых указывают на перенос европейской традиции в Москву (Беляев и др., 2020). Следует указать на то, что слой 3 включал максимальное число монет (87 шт. или половину всех монет ручного чекана XV–XVII вв., найденных за время раскопок), причем самыми массовыми были выпуски царей Михаила Федоровича (24 шт., исключительно серебро) и Алексея Михайловича (25 шт.) (таблица). Все перечисленные признаки не оставляют сомнений в том, что слой 3 отложился в период функционирования Старых Приказов, т.е. он формировался с конца XVI в. до 1675 г.

Слой 3а (рис. 1–3) включал фиксировавшуюся на всей площади раскопа прослойку белокаменных отесков и извести мощностью от 2 до 10 см, а также локальные прослойки темно-серой супеси с включениями рыжей глины, песка, древесного тлена и угля мощностью до 12 см. Его можно с полной уверенностью связывать со строительством комплекса зданий Старых Приказов, начатым в 1591 г. (Полное собрание..., 1978. С. 196). В этом слое продолжали массово фиксироваться врезные железные сапожные подковки, а среди монет преобладали чеканенные в царствование Ивана IV при том, что остальные монеты относились к более ранним периодам XV–XVI вв. Единственная монета Алексея Михайловича явно по-

пала в этот слой по микроперекопу (таблица). Керамический комплекс слоя включал заметное количество керамики XIV–XV вв. и более раннего времени, которая в лежащих выше слоях практически отсутствовала, что может свидетельствовать о больших земляных строительных работах, переместивших наверх материал из более древних слоев.

Слой 4 (рис. 1–3) включал прослойки серой, светло-серой и коричневой супеси с линзами желтого песка, тлена, угля, темно-серой супеси, изредка с небольшими обломками кирпичей XVI в. (высотой 4–7,5 см, шириной 11–14). На большей части раскопа толщина отложений слоя 4 была невелика и составляла от 5 до 25 см. Здесь по-прежнему среди находок – врезные сапожные подковки; найдены также две монеты чеканки Ивана IV (таблица), а среди посуды доминировала (около половины керамического сбора) гжельская белоглиняная, достигшая такого широкого распространения в Москве только в последней четверти XVI в. (Коваль, 2001). Именно этим временем (но до 1591 г.) и следует датировать слой 4. Этот слой своим происхождением надо связывать с функционированием тех еще деревянных “изб дичьих”, которые ставились тут, “у Архангела на площади” (Полное собрание..., 1978. С. 196), в промежутке между строительством Посольского приказа в 1565 г. и началом возведения комплекса кирпичных Старых Приказов в 1591 г.

Слой 4а (рис. 1–3) объединял прослойки темно-серой и серой супеси с включениями рыжей глины, угля, древесного тлена, золы, кирпичной крошки общей мощностью до 20 см. По находкам (сапожные подковки, монеты Ивана IV) и керамическому набору этот слой мало отличался от слоя 4, так что их разделение, предпринятое в ходе полевых работ, можно считать излишним, а чуть более ранняя датировка слоя 4а вряд ли выходила за пределы третьей четверти XVI в.

Слой 5 (рис. 1–3) был представлен прослойкой коричневой супеси с включением крупных обломков кирпичей, линз супеси серых тонов, рыжей глины (сырой и обожженной), угля, остатков истлевшего дерева, толщина прослойки колебалась от 10 до 50 см. Главным отличием слоя 5 от лежащих выше было наличие выходившего из него заглубленного погребца очень крупных размеров² (Модин и др., 2023). Значительная часть объема этого погребца оказалась засыпана отесками белого камня – отходами строительства крупного здания. В XVI в. таким зданием могла быть лишь палата Посольского приказа, построенная в

1565 г. (Полное собрание..., 1906. С. 397, 398) и располагавшаяся совсем рядом, в 30 м к западу от раскопа, между Архангельским собором и колокольней Ивана Великого. Ко времени строительства комплекса Старых Приказов в 1591 г. погреб был уже полностью засыпан и участок выровнен. Отсюда следует, что огромный погреб был построен существенно ранее 1565 г. и вполне мог быть связан с деревянным двором Ивана III, существовавшим с 1492 г. “за Архаггелом на Ярославичском месте”³ (Полное собрание..., 1859. С. 225) на время строительства каменно-кирпичного дворца на старом великокняжеском дворе у храма Благовещения, завершившемся в 1508 г., когда “...вшел князь великий... в новой двор кирпичной жити...” (Полное собрание..., 1859. С. 249). Но в любом случае бывшая территория “временного двора” после 1508 г. осталась в великокняжеском владении и уже тогда могла начать использоваться для размещения административных зданий.

Слой 5 стал последним стратиграфическим лоскутом, в котором зафиксированы массовые находки железных сапожных подковок – 52 экз. (Осипов и др., 2022. Табл. 1). Полное отсутствие подковок в более ранних слоях раскопа (ниже слоя 5 найдено только 3 экз. таких вещей, явно связанных с микроперекопами) однозначно указывает на время распространения моды на сапоги с высоким каблуком, подбитым такими подковками (Осипов и др., 2022. С. 267, 268). Датировка слоя 5, кроме самого его стратиграфического положения, опирается еще на 11 находок монет, половина из которых чеканена в период правления Ивана IV, а остальные – в XV–начале XVI в. В керамическом комплексе тут по-прежнему половину составляла гжельская белоглиняная керамика, представленная исключительно обломками кувшинов. Исходя из всех этих данных, датировка слоя определена в интервале второй–третьей четверти XVI в. Таким образом, слои 4, 4а и 5 в целом оказались очень близки по времени формирования.

Слой 5а (рис. 1–3) включал остатки двух разных пожаров, из которых лучше сохранился более ранний (нижний). Мощность этого слоя колебалась в разных частях раскопа от 25 до 115 см. Оба “пожарных” горизонта состояли из угля (включая бревна от сгоревших прослоек), причем

² Сооружение 59 (раскопки 2021 г.). К сожалению, при диаметре сосновых бревен 25–30 см все они оказались, как уже упомянуто выше, принадлежавшими молодым деревьям (до 80 лет), что не позволило получить надежные дендродаты.

³ Летопись говорит здесь о дворе князя Василия Ярославича, внука Владимира Андреевича Храброго, который располагался, согласно духовной грамоте Василия II 1461 г. (Духовные..., 1950. С. 199. № 61) «за архангелом Михайлом», т.е. за Архангельским собором. В великокняжескую казну этот двор перешел после «поймания» Василия Ярославича в 1456 г. По упомянутой духовной грамоте Василия II двор был отдан князю Юрию Дмитровскому, но после смерти последнего в 1472 г. окончательно поступил в великокняжеское владение.

каждый из них был связан с основаниями разрушенных глинобитных (сложенных из сырцовых кирпичей) печек, размещавшихся, очевидно, в сгоревших домах и залежавших строго одна над другой в центре раскопа⁴. Между двумя горизонтами пожаров залежали прослойки коричневой опесчаненной супеси, темно-коричневой супеси с углем, песком и глиной, серой супеси с белокаменной крошкой, желтого песка и белокаменной крошки общей мощностью не более 20 см. К нижнему пожарному горизонту относились остатки бревенчатого сооружения⁵ (одного наземного дома или нескольких разных построек усадьбы?), большая часть которого была уничтожена фундаментом Новых Приказов. Из этого сооружения взяты образцы угля, радиоуглеродный анализ которых дал в одном случае дату 1394–1424 гг. (IGAN-8065), а в другом – 1424–1455 гг. (IGAN-8066)⁶. Сооружение могло сгореть в одном из московских пожаров, происходивших во второй половине XV в. (в 1453, 1458, 1469, 1480, 1485, 1493 гг.). Скорее всего, речь может идти о двух произошедших один за другим пожарах (1480 и 1485 или 1485 и 1493 г.). По-видимому, уже первым из двух пожаров вместе со всеми постройками рассматриваемой усадьбы был уничтожен и крупный погреб (сооружение 57), засыпанный землей, перемешанной с углями и битым кирпичом. Вторым пожаром была уничтожена жилая постройка с глинобитной печью, сменившая предыдущую, после чего на этом месте перестали ставить жилые дома и вырывать новые погреба (рассматривавшийся выше погреб огромных размеров явно предназначался не для хозяйственно-бытовых целей). Это особенно ярко видно на контрасте с теми многочисленными перестройками погребов, которые проводились тут в более раннее время (см. ниже). Таким образом, пожары, уничтожившие жилые и хозяйственные постройки на этой усадьбе, могли произойти либо незадолго до 1492 г., либо сразу после этой даты, когда судьба данного дворовладения окончательно изменилась.

Атрибуция сгоревшей усадьбы, остатки которой составляли слой 5а, опирается на комплекс вещевых находок и керамики, который по своему объему был на порядок больше материалов из лежащих выше слоев. О принадлежности усадьбы

представителю аристократических кругов свидетельствует как изобилие материальных остатков, так и присутствие среди них вещей, связанных с занятиями и повседневным обиходом знати. Речь идет о двух писалах – железном и бронзовом (рис. 4, 1, 2), обгоревшей в пожаре цилиндрической гирьке “восточного” типа, датирующейся XIV–XV вв. (Коваль, 2022. С. 57–59) (рис. 4, 3), части книжной застевки–“кинжальчика” (рис. 4, 4) и развале поливной светлоглиняной елейницы с уникальным штампованным декором (рис. 4, 5), включавшем бородатые личины и изображения зверя, близким орнаментации тверской поливной посуды XIV–XV вв. (Романова, 2009). К этому же ряду статусных предметов надо относить изделия из рога – обломок игровой фишки (рис. 4, 6) и шахматную фигуру (рис. 4, 7).

Таким образом, археологический материал вполне соответствует данным летописного сообщения о размещении “за” Архангельским собором (т.е. к востоку от него) двора Владимира Андреевича Храброго и его наследников. Слой 5а отражает финал жизни на этой усадьбе, завершившийся пожаром. Очевидно, что непосредственно на изученном раскопе участке после пожара не возникло жилых строений “временного двора” Ивана III, однако эта территория, несомненно, входила в границы новообразованного обширного землевладения.

Нумизматический материал, к сожалению, не позволил уточнить датировку слоя: всего тут было найдено семь монет, среди которых преобладали медные пула конца XV – начала XVI в., имелась одна монета Василия Дмитриевича, но обнаружилась и монета царя Алексея Михайловича, явно попавшая в слой по какому-то микроперекопу (небольшой столбовой яме?).

Для датировки слоя 5а важны не только приведенные выше радиоуглеродные даты и анализ данных о московских пожарах, но и массовый керамический материал (более 6 тыс. экз.), в котором абсолютно преобладала московская красноглиняная керамика конца XV – первой половины XVI в. (УТК-11)⁷ при наличии незначительной доли гжельской белоглиняной посуды и полном отсутствии чернолощенной керамики, производство которой началось в Москве не ранее 1515 г., а скорее в 1520-х годах (Коваль, 2019. С. 397, 398)⁸. В керамическом комплексе нижнего пожарного горизонта (4180 обломков керамики) доминировала красноглиняная московская посуда (61%)

⁴ От печи раннего дома остались три скопления глины (сооружения 54, 55, 56 по полевой нумерации), от более поздней – одно обширное пятно глины (сооружение 52). Все они подробно описаны в специальной публикации (Молдин и др., 2023).

⁵ Сооружение 32 (раскопки 2019 г.)

⁶ Датировки калиброванные, по двум сигмам. Исследование образцов проведено в Центре коллективного пользования “Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии” Института географии РАН и Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США).

⁷ УТК – “условный тип керамики”. Терминология и нумерация типов керамики здесь и далее даны по опубликованной типологии (Коваль, 2016).

⁸ В горизонте «верхнего пожара» найдены пять мелких обломков чернолощенных сосудов, однако появление их в этом открытом комплексе надо связывать со случайными причинами (микроперекопы и т.п.).



Рис. 4. Находки из слоя 5а. 1, 2 – писала; 3 – гирька “восточного” типа; 4 – обломок книжной застежки; 5 – глазурованная чаша; 6 – обломок фишки; 7 – шахматная фигура. 1 – железо; 2–4 – медный сплав; 5 – керамика; 6, 7 – рог.

Fig. 4. Finds from layer 5a

при минимальном присутствии (6.6%) ранней гжельской белоглиняной керамики, среди которой 1/3 составляли обломки кувшинов из формовочной массы с песком (УТК-13), а 2/3 – кувшинов из формовочной массы с примесью дресвы (УТК-4). Белоглиняным горшкам тут принадлежало всего 14 венчиков, причем среди них только один относился к классам 4 (вертикальные с заво-

ротом “чернового края наружу”) – форме, ставшей массовой (наряду с родственными классами 39 и 44) во второй половине XVI в., вероятно, в связи с перемещением в Гжельскую волость гончаров из поокского города Любутска, захваченного в ходе русско-литовской войны 1500–1503 гг. (Болдин, 2017. С. 174–176). Этот комплекс можно с уверенностью датировать самым концом XV в.,

а весь слой 5а мог отложиться в конце XV — первой четверти XVI в.

Слой 6 (рис. 1–3) состоял в основном из прослоек супеси коричневых оттенков с включением мелких фракций рыжей глины, угля, местами с включением пачины, тлена, щепы, золы и песка. Важной отличительной особенностью слоя 6 было исчезновение в нем включений отесков белого камня и кусочков извести, т.е. следов каменного строительства. Обломок кирпича тут найден только один. Мощность слоя вне котлованов углубленных объектов составляла 35–65 см. Нижняя граница слоя определялась нечетко, так как более ранний слой 7 сложен аналогичным по цвету грунтом. Из слоя 6 выходили несколько округлых в плане хозяйственных ям и два деревянных сооружения, из которых наиболее важны остатки погребов (сооружение 58), срубное крепление стенок которого было сложено из дуба (Модин и др., 2023). Из засыпи этого погреба происходила значительная часть вещевых и керамических находок слоя 6, а также две деревянные детали, для которых получены дендродаты: 1329 г. (для лестницы-однодеревки) и 1371 г. (для обрубка бревна)⁹. Очевидное расхождение этих дат с хронологией слоя 6 можно объяснить тем, что при засыпке погреба в него были выброшены обломки старых (служивших уже 100–150 лет) деревянных конструкций, ставших негодными для использо-

Слой 6 был последним на раскопе, где зафиксированы монеты (2 шт.) — медное пуло конца XV — начала XVI в. и серебряная денга середины XVI в., которые были явно переотложенными и не могут служить основаниями для датировки данного открытого комплекса. Большие серии составляли также переотложенные, но из более ранних слоев, оплавленные в пожаре обломки золотоордынских кашинных чаш второй половины XIV в., византийских амфор (также со следами пребывания в пожаре) и стеклянных браслетов. Керамический материал тут был весьма обилен (более 4000 обломков), а в его составе 1/4 составляла переотложенная из более ранних слоев керамика, изготовленная из формовочных масс с обильной примесью дресвы. До 9% сбора составляли обломки горшков УТК-36 (так называемая красноглиняная гладкая ранняя посуда), характеризовавшихся минимальной примесью дресвы в тесте. Однако основной массив керамики (60%) составляли обломки красноглиняных “гладких” горшков УТК-11 (из масс с примесью только мелкого песка), причем морфологические разновидности второй половины XV в. (с вертикальными венчиками, в том числе “утопленными” вглубь

сосуда, — типов 2 и 3) заметно уступали отогнутым наружу венчикам (типов 5 и 6), т.е. разновидностям конца XIV — середины XV в. Все это позволяет датировать период формирования слоя 6 в интервале начала—третьей четверти XV в.

Слой 7 (рис. 2, 3) объединял прослойки коричневой супеси разных оттенков и с разными включениями (рыжая глина, уголь, зола, тлен, щепка, песок), среди которых какие-либо следы каменного или кирпичного строительства отсутствовали полностью. Мощность слоя возрастала с юго-запада на северо-восток — от 20 до 140 см, что связано с общим уклоном древней поверхности в направлении размещения крупной ложбины (оврага), рассекавшей Кремлевский холм, по трассе которой впоследствии прокладывались различные дренажные системы, а в XVII в. в здании Новых Приказов были выстроены для спуска воды ворота под церковь Трех Исповедников, которые даже тогда размещались в заметном понижении рельефа (Вдовиченко, 2022. С. 421. Рис. 3).

К слою 7 относились несколько врезанных в материк ям и срубный крепеж двух погребов (Модин и др., 2023). Насыщенность слоя 7 разнообразными находками была максимальной: здесь обнаружены обломки стеклянных сосудов (включая осколок ближневосточного бокала с росписью золотом и цветными эмалями — рис. 5, 1), 40 обломков золотоордынских кашинных чаш (рис. 5, 2–4), 2 фрагмента поливных византийских чаш и 7 — крымских кувшинов, 2 обломка китайских фарфоровых сосудов и 15 — византийских амфор, 27 — стеклянных браслетов, 13 — стеклянных перстней. Наряду с импортными изделиями здесь найдены обгоревший в пожаре медный крест-энколпион (рис. 5, 5), две плитки пола (рис. 5, 6), хотя основную массу находок составляли, конечно, ординарные бытовые вещи (ножи, шилья, пробой, обломки различных инструментов и т.п.). Заметим, что оба самых ранних на площади раскопа погреба содержали в своем заполнении золотоордынскую керамику, т.е. были засыпаны не ранее второй половины XIV в.

В керамическом материале удалось выделить комплекс верхнего горизонта слоя 7, где очень высокую долю (до 20%) составляла “красноглиняная гладкая ранняя” посуда (УТК-36), появившаяся в Москве не ранее последней четверти XIV в. В остальной части слоя такая керамика уже не зафиксирована, а 94% составляли обломки горшков, изготовленных из масс с примесью мелкой дресвы (УТК-3а).

Обилие восточных импортов позволяет надежно датировать слой 7 серединой—второй половиной XIV в., однако нельзя исключать того, что его нижний горизонт начал отлагаться уже во второй половине XIII в.

⁹ Еще одна столь же ранняя дата (1334 г.) получена для крупной доски из засыпки постройки 57, связанной со слоем 5а (см. выше).



Рис. 5. Находки из слоя 7. 1 — стенка бокала; 2–4 — обломки золотоордынских кашинных сосудов; 5 — крест-энколпион; 6 — плитка пола. 1 — стекло; 2–4, 6 — керамика; 5 — медный сплав.

Fig. 5. Finds from layer 7

Слой 8 (рис. 2, 3) состоял в основном из темно-серой и темно-коричневой супесей, местами с включением угля и сырой рыжей глины, а также линз серой и светло-серой супесей, желтого песка, тлена, угля. На большей части площади раскопа этот слой не сохранился, будучи уничтожен перекопами, в других местах он оказался переотложен и фактически не вычленялся из лежавших выше слоев 6 и 7. В основном слой залегал на поверхности материка, но в западной части раскопа он незаметно переходил в более ранний слой 9, так что их отличия фиксировались исключительно

по объему разновременного материала, присутствовавшего в одинаковом по цвету и плотности грунте. Общая мощность слоя 8 в местах его наилучшей сохранности не превышала 30 см. Из слоя выходили (были впущены в материк) 15 небольших по размерам ям и 2 частокола (рис. 6), содержавших незначительное количество керамики и единичные обломки византийских амфор.

В слое 8 зафиксировано всего 34 индивидуальные находки, треть из которых составляли обломки византийских амфор, стеклянные браслеты представлены 7-ю обломками. По перекопам в

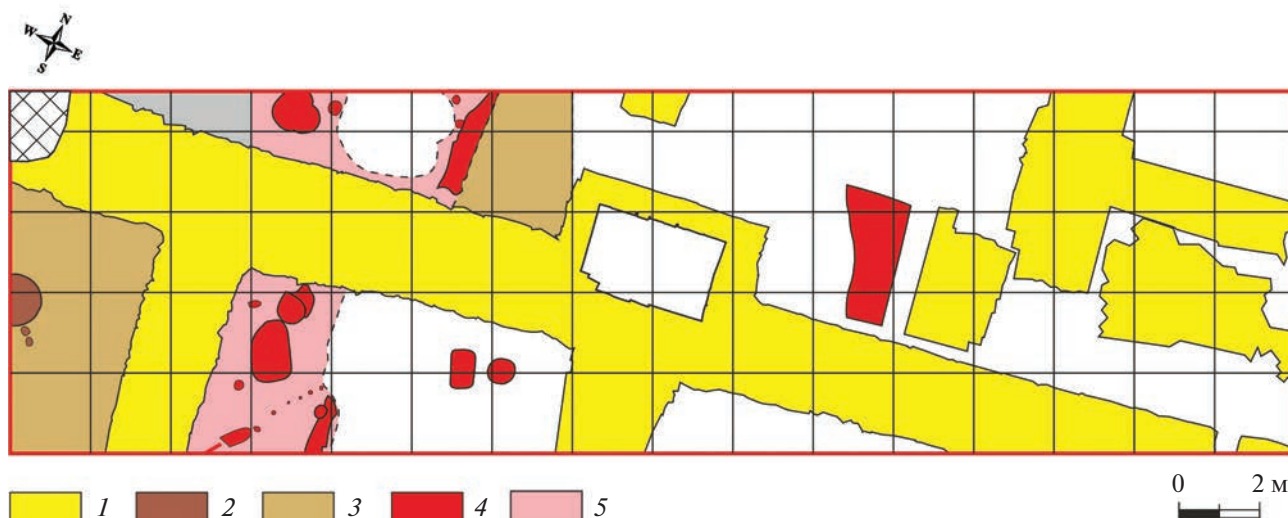


Рис. 6. Схема размещения слоев домонгольского времени (слой 8) и раннего железного века (слой 9). Условные обозначения: *a* — архитектурные остатки зданий Новых и Старых Приказов; *b* — ямы раннего железного века; *в* — участки с сохранившимся слоем раннего железного века; *г* — ямы домонгольского времени; *д* — участки с сохранившимся слоем домонгольского времени.

Fig. 6. The layout of the pre-Mongolian layer (layer 8) and the early Iron Age layer (layer 9)

слой попали два грузика дьякова типа. Керамический комплекс был невелик (217 обломков) и включал большую долю переотложенного материала — 12.5% в нем составляла лепная керамика раннего железного века. Круговая керамика состояла исключительно из обломков горшков, изготовленных из ожелезненной глины с примесью мелкой или крупной дресвы, с венчиками форм домонгольского времени (рис. 7). Таким образом, слой 8 можно уверенно относить к домонгольской эпохе (второй половине XII — первой трети XIII в.), однако мощность этого слоя была невелика, а степень сохранности довольно низка. Резкое сокращение количества и качества находок в слое 8 свидетельствует о том, что в домонгольское время исследованный участок еще не находился во владении аристократии, а был в зоне застройки рядового городского населения.

Слой 9 (рис. 1, 3) фиксировался лишь на двух небольших по площади участках раскопа (рис. 6), причем основная его масса залегала в ложбине, рассекавшей москворецкий склон. Кроме того, он составлял заполнение просадки над котлованом неясного происхождения (овраг? выворотень корневой системы упавшего дерева?), который удалось вскрыть лишь фрагментарно. Слой 9 состоял из темно-серой, местами коричневатой, супеси, переходившей у материка в более светлую, серую, смешанную с желтым материковым песком. На остальной площади раскопа этот слой был срезан или полностью переотложен в древнерусское время.

В слое обнаружены роговая проколка, семь колоколовидных керамических бусин и три грузика дьякова типа (к которым надо добавить две аналогичные находки из слоя 8). Это типичные вещи дьяковской археологической культуры раннего железного века. Керамический комплекс состоял из обломков лепных горшков (более 1000 экз.), к которым следует добавить аналогичный материал из вышележащих средневековых слоев, так что общее количество лепной керамики с небольшой площади раскопа достигало 1266 экз. Анализ этого материала показал присутствие в нем как раннедьяковских (V–II вв. до н.э.), так и позднедьяковских (II–V вв. н.э.) образцов (Лопатина, Коваль, 2022). Таким образом, можно говорить о существовании в центральной части Кремля участка с остатками культурного слоя, формировавшегося на протяжении длительного времени (с середины I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э.), связанного с поселением (вероятно, городищем), локализация которого на месте Соборной площади предложена в свое время Н.А. Кренке (2010).

Таким образом, раскопки в Большом сквере впервые дали возможность исследовать и документировать строение всей толщи культурных отложений в центре Кремлевского холма, представить общую картину и динамику формирования культурного слоя от железного века до новейшего времени и выявить специфику стратиграфических контекстов различных периодов. Надежными хронологическими реперами в этой стратиграфической шкале служат строительные прослойки, оставшиеся после возведения разнообразных зданий и

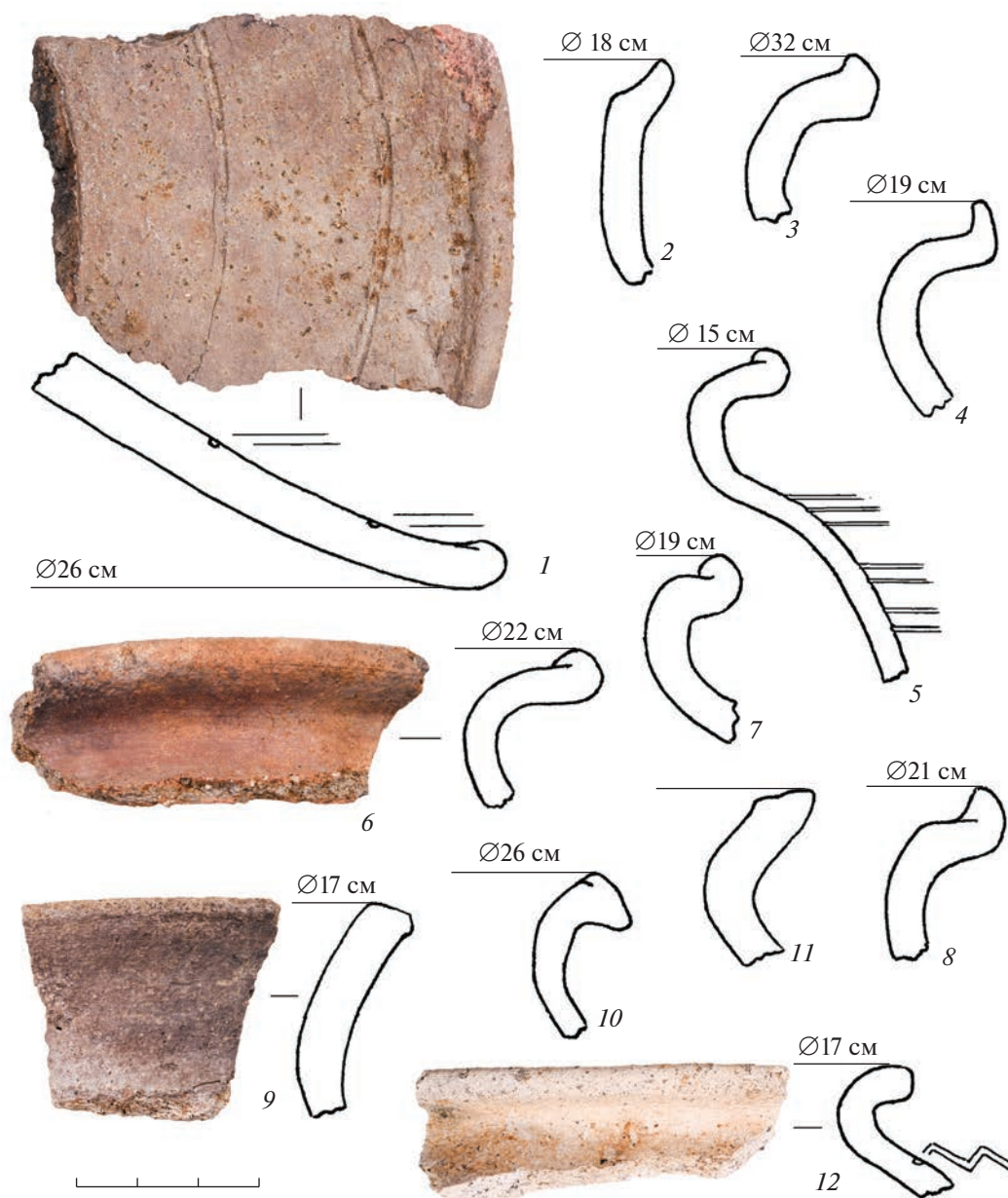


Рис. 7. Керамика (1–12) слоя 8 (домонгольского времени).

Fig. 7. Ceramics (1–12) of layer 8 (pre-Mongolian)

сооружений, дата создания которых известна по летописным данным.

Важный стратиграфический признак — наличие в культурных слоях дисперсного строительного материала (кусочков извести, обломков кирпича), позволяющих в ряде случаев выделять слои, сформировавшиеся после начавшегося в Кремле с середины XIV в. широкого каменно-кирпичного строительства.

Постоянные масштабные земляные работы в Кремле (подрезки и подсыпки грунта) и различ-

ный характер использования и застройки отдельных участков формировали индивидуальные особенности стратиграфии в разных локусах. Тем не менее можно полагать, что стратиграфическая картина, выявленная в Большом сквере, отражает общее строение культурных отложений значительной части Кремлевского холма и специфику Кремля как археологического памятника.

Исследование выполнено в рамках НИР Института археологии РАН “Московский Кремль по материалам новейших археологических исследо-

ваний: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты” (№ НИОКТР 122011100062-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Смирнов А.Н. Изразцы конца XVI — первой половины XVII в. по материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // Российская археология. 2020. № 3. С. 114–124.
- Болдин И.В. Московская белоглиняная керамика. Штрихи к портрету // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ИА РАН: Тверской науч.-исслед. ист.-археол. и реставрац. центр, 2017. С. 170–176.
- Бдовиченко М.В. Источники о сложении архитектурного облика набережных Приказов XVII в. // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 267. С. 419–436.
- Гакель Е.В., Дзвонковский С.Л., Коваль В.Ю. Керамический комплекс последней четверти XVII — начала XVIII веков из раскопок здания Новых приказов в Московском Кремле // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 265. С. 222–229.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. 2001. № 1. С. 98–109.
- Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2016 (Методика полевых археологических исследований; вып. 9). 126 с.
- Коваль В.Ю. Московская чернолощенная посуда // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 383–400.
- Коваль В.Ю. Торговый инвентарь с территории базара // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.). М.: Нестор-История, 2022 (Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса; т. IV). С. 50–65.
- Кренке Н.А. Артефакты бронзового и раннего железного веков на территории Боровицкого холма и его окрестностей // Памятники материальной культуры IV тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.: каталог собрания Гос. ист.-культур. музея-заповедника “Московский Кремль”. М.: Голден-Би, 2010. С. 47–55.
- Кузина И.Н., Курмановский В.С., Соловьев Д.С., Елкина И.И. События 1812 года в Московском Кремле по археологическим данным // Триумф Победы в зеркале искусства: сб. науч. ст. XXVI Царскосельской конф. СПб.: Русская коллекция, 2020. С. 362–375.
- Лопатина О.А., Коваль В.Ю. Новые данные о Боровицком холме Москвы в железном веке (по керамическим материалам) // Российская археология. 2022. № 3. С. 152–167.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Яганов А.В., Модин Р.Н., Панченко К.И. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96–113.
- Модин Р.Н., Коваль В.Ю., Макаров Н.А. Объекты усадебной планировки XIV — первой половины XVI вв. на раскопе I в Большом Кремлевском сквере (по материалам работ ИА РАН в 2019–2021 гг.) // Российская археология. 2023. (В печати).
- Осинов Д.О., Коваль В.Ю., Смирнов А.Н. Обувные подковки из раскопок в Московском Кремле // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 256–272.
- Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13, 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. 303–532 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
- Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 167). С. 9–116.
- Романова Е.А. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2009. С. 310–339.
- Смирнов А.Н., Коваль В.Ю., Глазунова О.Н., Панченко К.И. Красные печные изразцы из раскопок в Большом сквере Московского Кремля // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 261. С. 269–281.

STRATIGRAPHY OF THE CULTURAL LAYER OF THE MOSCOW KREMLIN:
NEW DATA FROM THE 2019–2021 EXCAVATIONS

Vladimir Yu. Koval^{a, #}, Roman N. Modin^{a, ##}, Nikolay A. Makarov^{a, ###}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: kovaloka@mail.ru

^{##}E-mail: modin.roman@mail.ru

^{###}E-mail: nmakarov10@yandex.ru

In 2019–2021, the Institute of Archaeology RAS conducted excavations in the Great Garden of the Moscow Kremlin, east of the Archangel Cathedral, where the buildings of *Prikazes* (central administrative bodies of the Russian state) were located in the 16th–17th centuries AD. In the deposits, whose total thickness reached 6 m, it was possible to identify several layers, a part of which contained debris from the construction of the buildings of the Old (1591) and New (1675–1682) *Prikazes*. The foundations of the administrative buildings cut through earlier deposits of the second half of the 12th–16th century AD, among which a fire layer of the late 15th century stands out. It contains the remains of powerful fires, which destroyed the wooden structures of the estate that probably belonged to the descendants of Prince Vladimir Andreyevich the Bold. Another notable layer is that of the 14th century saturated with various imported artefacts; it is possible to relate it to a part of the area that was occupied by the court of Vladimir Andreyevich himself.

Keywords: archaeology, medieval town, stratigraphy, cultural layer, chronology.

REFERENCES

- Belyaev L.A., Glazunova O.N., Smirnov A.N., 2020. Tiles of the late 16th – first half of the 17th century based on materials from 2019 excavations in the Moscow Kremlin. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 114–124. (In Russ.)
- Boldin I.V., 2017. Moscow white-clay ceramics. Details for the picture. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver Land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 10. Tver': Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk: Tverskoy nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskii i restavratsionnyy tsentr, pp. 170–176. (In Russ.)
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries AD]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 585 p. *Gakel' E.V., Dzvonkovskiy S.L., Koval' V.Yu.*, 2021. The ceramic assemblage dating to the last quarter of the 17th – early 18th century from the excavations of the New Prikazy building in the Moscow Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 265, pp. 222–229. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2001. White-clay ceramics in medieval Moscow. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 98–109. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2016. Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zheleznoogo veka lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Primary recording of frequent ceramic finds on the sites of the Middle Ages and the Early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 126 p. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy, 9).
- Koval V.Yu., 2019. Moscow black burnished ware. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 15. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 383–400. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2022. Trade equipment from the bazaar area. *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarnye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) [The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on excavations in 2011–2019)]*. Moscow: Nestor-Istoriya, pp. 50–65. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Bolgarskogo istoriko-arkhitekturnogo kompleksa, IV). (In Russ.)
- Krenke N.A., 2010. Artefacts of the Bronze and Early Iron Ages on the territory of Borovitsky Hill and its vicinity. *Pamyatniki material'noy kul'tury IV tys. do n.e. – pervoy poloviny I tys. n.e.: katalog sobraniya Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika "Moskovskiy Kreml'" [Monuments of material culture of the 4th millennium BC – the first half of the 1st millennium AD: Catalogue of the collection of the State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin"]*. Moscow: Golden-Bi, pp. 47–55. (In Russ.)
- Kuzina I.N., Kurmanovskiy V.S., Solov'ev D.S., Elkina I.I., 2020. Events of 1812 in the Moscow Kremlin according to archaeological evidence. *Triumf Pobedy v zerkale iskusstva: sbornik nauchnykh statey XXVI Tsarskosel'skoy konferentsii [Triumph of Victory in the mirror of art: Collected papers of the XXVI Tsarskoye Selo conference]*. St. Petersburg: Russkaya kollektsiya, pp. 362–375. (In Russ.)
- Lopatina O.A., Koval V.Yu., 2022. New data on the Borovitsky hill in the Moscow Kremlin in the Iron Age (pottery evidence). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 152–167. (In Russ.)
- Makarov N.A., Koval V.Yu., Yaganov A.V., Modin R.N., Panchenko K.I., 2020. New research in the Moscow Kremlin: excavations of the Prikazy building. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 96–113. (In Russ.)
- Modin R.N., Koval V.Yu., Makarov N.A., 2023. Structures of the estate layout of the 14th – first half of the 16th century at excavation site I in the Great Kremlin Garden (based on the activities of the IA RAS in 2019–2021). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*. (In Russ.) (In print).
- Osipov D.O., Koval V.Yu., Smirnov A.N., 2022. Shoe forgings from excavations in the Moscow Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 268, pp. 256–272. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 8. Prodlazhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Annals on the Resurrection list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 301 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 13, 2. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga [Additions to the Nikon Chronicle. The so-called Royal Book]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906. 303–532 p.

- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscovian and Belsk chronicles]. Moscow: Nauka, 1978. 304 p.
- Rabinovich M.G., 1971. The cultural layer of the central districts of Moscow. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and research on the archaeology of Moscow], IV. Moscow: Nauka, pp. 9–116. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 167). (In Russ.)
- Romanova E.A., 2009. Glazed pottery of the 14th–16th centuries AD from excavations in Tver. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology], 23. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, pp. 310–339. (In Russ.)
- Smirnov A.N., Koval V.Yu., Glazunova O.N., Panchenko K.I., 2020. Red-clay stove tiles from the excavations in the Great Garden of the Moscow Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 261, pp. 269–281. (In Russ.)
- Vdovichenko M.V., 2022. Sources on the development of the Prikaz embankment architectural look in the 17th century. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 267, pp. 419–436. (In Russ.)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЗНЕЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ИЗ ПОДМОСКОВНЫХ СЕЛИЩ XIV–XV вв.

© 2023 г. В. И. Завьялов^{1,*}, Н. Н. Терехова^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: v_zavyalov@list.ru

**E-mail: nnterekhova.33@mail.ru

Поступила в редакцию 22.02.2023 г.

После доработки 22.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В статье рассматриваются результаты археометаллографических исследований железных изделий из Подмосковных селищ Мякинино 1, Мякинино 2 и Настасьино 2 — наиболее крупных археологически исследованных памятников на территории Подмосковья. Выявлены технологические модели изготовления кузнечных изделий из этих памятников. Установлено, что эти модели существенно отличались: для Мякинино 1 и Мякинино 2 характерно преобладание технологических групп I и III, в то время как в Настасьино все три группы представлены равными долями. Технологическая модель, характерная для Мякинино 1 и Мякинино 2, формировалась на основе поступления из двух — городского и сельского — производственных центров. Модель, выделенная по материалам селища Настасьино, имеет много общего с моделью, характеризующую железную продукцию из производственного комплекса Истье 2. На конкретном примере продемонстрировано, что сельские поселения были включены в сложную структуру товарообмена с городскими и сельскими производственными центрами.

Ключевые слова: археометаллография, технологическая группа, технологическая модель, производственный центр, Подмосковье, селище.

DOI: 10.31857/S0869606323030212, **EDN:** VDFISM

В конце XIII в. Москва становится столицей самостоятельного небольшого по размерам княжества. Но уже в XIV в. размеры княжества значительно увеличиваются, и московские князья претендуют на политическое лидерство в Северо-Восточной Руси. Этому способствовал рост экономики, наглядным свидетельством чему стало строительство Дмитрием Ивановичем каменной крепости — одной из первых на Руси в золотоордынский период (Панова, 2013).

Рост экономической мощи княжества в немалой степени был обусловлен развитием кузнечного ремесла, снабжавшего базовыми орудиями труда остальные отрасли экономики. Изучение технологических особенностей кузнечной продукции позволяет говорить об уровне развития этого производства. Возможность решать эту проблему основывается на использовании археологической металлографии. Задача метода — реконструкция процесса изготовления предмета. При этом определяются характер используемого сырья и последовательность технологических операций. В результате выявляется технологическая схема изготовления конкретного артефакта. Обобщение полученных результатов проведен-

ного исследования позволяет представить технологическую модель, характерную для ремесленной деятельности конкретного социума. Под технологической моделью понимается совокупность трех взаимозависимых составляющих, таких как технико-технологический стереотип, производственные традиции и инोकультурные воздействия.

Применительно к аналитическим материалам, полученным по результатам исследования кузнечной продукции из Москвы, выясняется, что именно в XIV в. в технологии производства железных изделий здесь происходят существенные изменения. В это время начинают преобладать сложные технологии, связанные с кузнечной сваркой, которая позволяла улучшать технические свойства изготавливаемых орудий. Сварка была сложной технологической операцией и предполагала знание мастером различных свойств чистого металла (определение сортов стали, температурные режимы, применение флюсов и т.д.). Носителями подобных знаний могли быть появившиеся в XIV в. в Москве высококвалифицированные мастера. Этому способствовала пред-

намеренная политика централизации государства, проводимая московскими князьями: в столицу княжества привлекались лучшие ремесленники и художники (Завьялов и др., 2007. С. 58).

Учитывая, что основную часть народонаселения Древней Руси составляло сельское население, представляет большой интерес выяснить, какого качества кузнечная продукция распространялась на селищах в период возвышения Москвы. До недавнего времени материалам селищ не уделялось должного внимания. Но по мере накопления археологических данных и привлечения аналитических методов исследования железного инвентаря стало возможным ответить на многие вопросы, связанные с технологическими особенностями железных изделий (Завьялов, Терехова, 2020; 2021).

Для решения поставленных задач мы располагаем материалами таких сельских поселений Подмосквы, как Мякинино 1, Мякинино 2 и Настасьино.

Своеобразный Мякининский археологический комплекс занимает особое место в истории развития сельской культуры Подмосквы. Комплекс включает целый ряд разнотипных сельских памятников: два средневековых селища (Мякинино 1 и 2), курганный могильник, четыре селища раннего железного века, остатки позднесредневекового полевого стана и деревню Мякинино (XVII–XXI вв.). Памятники располагаются на правом берегу Москвы-реки к северо-западу от Москвы на границе с Московской областью.

Масштабные археологические исследования комплекса проводились в 1994–1998 гг. Центром археологических исследований г. Москвы (руководитель А.Г. Векслер) и в 2004–2006 гг. Институтом археологии РАН (руководитель А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль). В результате на селищах Мякинино 1 и 2, материалы которых являются объектом нашего исследования, было вскрыто более 20000 м² культурного слоя, что позволяет относить эти памятники к наиболее полно археологически изученным древнерусским сельским поселениям (Энговатова и др., 2018. С. 9, 17, 20).

Установлено, что селище Мякинино 1 возникло в середине XII в. и существовало до конца XV в. В XII–XIII вв. селище играло роль центра небольшой административной единицы. Особенностью поселения является наличие металлургического комплекса, документируемого большим скоплением железных шлаков (общий вес которых составил несколько сотен килограммов). Учитывая, что период расцвета Мякинино 1 приходится на XII–XIII вв., железоделательный комплекс на поселении следует датировать именно этим временем. Немного позднее, в конце XII в., в 1.5–2 км к северу от Мякинино 1 возникает селище Мякинино 2, существовавшее до начала XVII в. Перво-

начально оно заметно уступало по своим масштабам и значению более раннему поселению. Но, динамично развиваясь, к XV в. Мякинино 2 стало не только крупнее Мякинино 1, но и по уровню экономического развития заметно превосходило его (Энговатова, Коваль, 2007. С. 76). В отличие от Мякинино 1 следов металлургического и железообрабатывающего производств на Мякинино 2 не обнаружено.

В результате археологических раскопок на памятниках собрана представительная коллекция индивидуальных находок, значительную часть которых составляют предметы из железа. Это позволило провести полноценное археометаллографическое исследование, задачей которого было выявление технологических особенностей железного инвентаря двух близко расположенных сельских памятников.

Не меньший интерес представляет поселение Настасьино в юго-восточной части Подмосквы. Памятник расположен в 200 м к северу от д. Настасьино (городской округ Коломна Московской области) на левом берегу р. Северки левого притока р. Москвы. Площадь, исследованная раскопками, составила 3634 м² (руководитель А.В. Энговатова). Однако, как отмечает автор раскопок, “наиболее информативно значимая часть поселения осталась вне зоны исследования” (Энговатова, 2004. С. 7). Но уже вскрытая часть селища предоставила многочисленные археологические артефакты, характеризующие материальную культуру местного населения.

Комплекс изделий из черного металла из поселения Настасьино демонстрирует довольно яркую картину преобладания предметов бытового назначения и орудий повседневного труда. Отсутствие узкоспециализированных ремесленных инструментов и незначительное количество сельскохозяйственных орудий (найлены всего один серп и одна коса), возможно, свидетельствуют о не совсем типичном характере хозяйственной жизни на поселении – сельское хозяйство не являлось основным занятием населения селища (Двуреченский, 2004. С. 47). Обращает на себя внимание и богатый комплекс ювелирных украшений: здесь собрано необычайно большое количество перстней и мелкой пластики. Кроме того, в Настасьино найдены изделия из драгоценных металлов и редкие артефакты (ажурная крестовидная привеска, шестиконечный крест-тельник, иконка-образок) (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 65).

Вопрос о существовании местного железопроизводства для поселения Настасьино остается открытым, поскольку значимая часть памятника не исследована.

Распределение исследованных ножей по технологическим схемам
Distribution of studied knives by technological patterns

Памятник	Технологическая группа I		Технологическая группа II		Технологическая группа III		Всего
	Из железа	Из сырцово- й стали	Из цементирован- ной стали	Цементация изделия	Вварка	Наварка	
Мякинино 1	5	15	5	—	1	6	32
Мякинино 2	3	12	2	4	—	11	32
Настасьино	4	9	6	6	1	14	40

Результаты археометаллографических исследований из рассматриваемых селищ частично введены в научный оборот (Завьялов и др., 2007. С. 98–108; Розанова, Терехова, 2004; 2005; 2009а; б). Однако анализы публиковались отдельными сериями в разных изданиях. Для получения целостной картины развития железообработки необходимо вновь обратиться к этим материалам. С этой целью аналитические данные были обобщены и представлены в единой системе. Это позволило говорить об особенностях производства, отражающих различные кузнечные традиции. Что в свою очередь может указывать на источники поступления кузнечной продукции.

С помощью метода археометаллографии изучено 124 предмета из селища Мякинино 1, 105 предметов из селища Мякинино 2 и 40 предметов из селища Настасьино. Поскольку Настасьино существовало в пределах XIV–XV вв., для проведения сравнительного анализа из материалов селищ Мякинино мы отобрали только изделия, датированные этим временем. Таким образом, из Мякинино 1 и Мякинино 2 задействовано по 32 предмета.

Для проведения сравнительного анализа технологических характеристик изделий из Мякинино 1, Мякинино 2 и Настасьино выбрана такая категория, как нож, поскольку именно она представляет одну из наиболее многочисленных групп железного инвентаря (см. таблицу). При изготовлении этого универсального орудия обычно использовался весь известный набор технологических схем. Из указанных селищ выбраны сопоставимые по численности серии, что делает сравнительный анализ более достоверным.

Сравнение результатов аналитического исследования ведется по соотношению технологических схем, сгруппированных по трем группам. Технологическая группа I включает изделия, изготовленные непосредственно из металлургического сырья (железа и сырцово-й стали). Артефакты, объединенные в технологическую группу II, демонстрируют применение химико-термической обработки, которая заключалась в цемен-

тации или готового изделия, или заготовки. В технологическую группу III включены изделия, изготовленные с использованием технологической сварки. Соотношение перечисленных групп является отражением технологической модели, характерной для конкретного поселения. Все три группы представлены в каждом из рассматриваемых памятников. Однако соотношения их различны.

В Мякинино 1 доминирует группа I. Группа II имеет наименьшее значение. Немного превосходит ее группа III.

Близкое к материалам из Мякинино 1 соотношение технологических групп представлено в Мякинино 2. Но здесь технологическая группа III более представительна (рис. 1).

Резко выделяются на этом фоне материалы из Настасьино. Материалы из этого памятника демонстрируют достаточно близкое соотношение

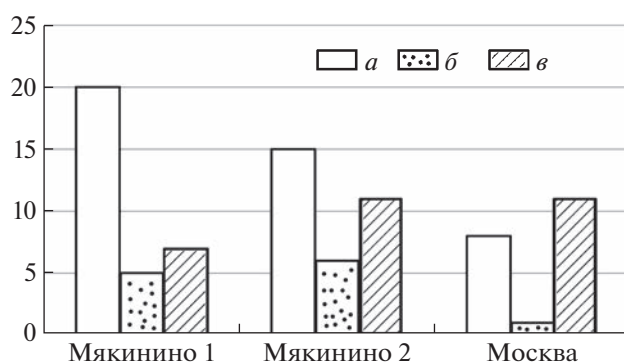


Рис. 1. Соотношение технологических групп изготовления ножей из Мякинино 1, Мякинино 2 и Москвы. Условные обозначения: а – технологическая группа I; б – технологическая группа II; в – технологическая группа III.

Fig. 1. The ratio of technological groups for manufacturing knives from Myakinino 1, Myakinino 2 and Moscow. Symbols: a – technological group I; b – technological group II; v – technological group III

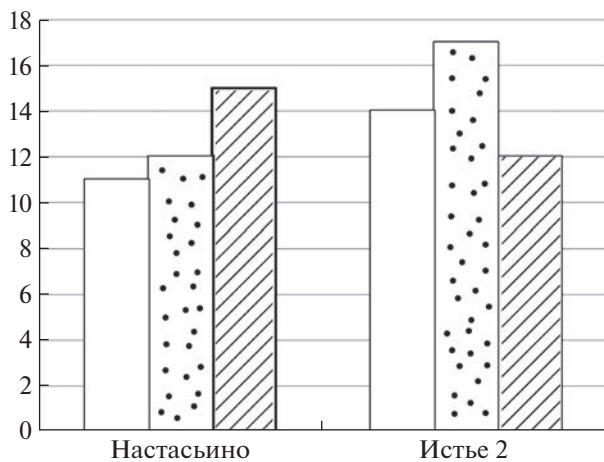


Рис. 2. Соотношение технологических групп изготовления ножей из Настасино и Истье 2. Условные обозначения см. рис. 1.

Fig. 2. The ratio of technological groups for manufacturing knives from Nastasino and Istye 2. For symbols see Fig. 1

технологических групп, ни одна из них не доминирует (рис. 2).

Очень близкие соотношения технологических групп в Мякинино 1 и Мякинино 2 по существу представляют единую технологическую модель. Не исключено, что одним из производственных центров, который поставлял железные изделия в указанные селища, была Москва. Технологическая модель Москвы отличается преобладанием изделий, представляющих группу III (сварные конструкции), что было характерной чертой городского кузнечного ремесла (рис. 1). Соответственно, сравнительно высокая доля таких изделий в Мякинино 1 и Мякинино 2 связана с поступлением продукции из города. Именно в XIV–XV вв., как упоминалось выше, Москва становится крупным политическим и производственным центром, включавшим в свой товарооборот ближайшую округу. С другой стороны, следует обратить внимание на более значительную по сравнению с Москвой долю орудий, представляющих технологическую группу II (цементация). Неоднократно отмечалось, что такой прием, как науглероживание изделий или заготовок, не характерен для древнерусского городского ремесла, но распространен в ремесле сельском (Завьялов, Терехова, 2021). Поэтому нельзя исключать и поступление кузнечной продукции в Мякининский комплекс из какого-то сельского ремесленного центра. Таким образом, технологическая модель, характерная для Мякинино 1 и Мякинино 2, формировалась на основе поступления из двух — городского и сельского — производственных центров.

Другую модель железопроизводства представляют изделия из Настасино. Иным, как можно предполагать, был и источник поступления сюда кузнечной продукции.

Установить этот источник сложнее: в виду неполной исследованности памятника нельзя исключить существование местного производства. В противном случае в качестве источника можно рассматривать наиболее близко расположенный к поселению город — Коломну (к сожалению, аналитические материалы из Коломны еще слишком малочисленны, чтобы можно было сделать обоснованные выводы). Однако существуют письменные свидетельства о тесной связи владельцев Настасино с Коломной (Мазуров, 2004. С. 117). Кроме того, по данным В.Ю. Коваля, керамика из Настасинского поселения имеет общие черты с керамикой коломенской округи и отличается от московской керамики (2004. С. 39).

Накопленная к настоящему времени в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН база аналитических данных по кузнечному производству позволяет обратиться к поискам памятников с близкими технологическими моделями. В этом плане большой интерес представляет производственный комплекс Истье 2 (Рязанское княжество), где технологическая модель, близкая модели, выделенной по материалам Настасино, существовала уже в XII–XIII вв. (Завьялов, Терехова, 2013; 2022). Распределение технологических групп, характеризующих железную продукцию из Истье 2, имеет много общего с моделью, выделенной по материалам Настасино: в частности, здесь также все группы имеют близкое значение (рис. 2). Можно предполагать, что такое совпадение не случайно и объясняется влиянием традиций, сформировавшихся в рязанских землях. В этой связи стоит обратить внимание на историческую ситуацию, сложившуюся в русских княжествах после Батыева нашествия. Учитывая постоянную опасность, которой подвергались рязанские земли в золотоордынское время, местное население вынуждено было искать для переселения более безопасные территории. Таковыми являлись земли Московского княжества. По словам С.М. Соловьева, “... пограничная со степью Рязанская волость часто терпела от татарских нападений, тогда как Москва после 1293 г. до самого Тохтамышева нашествия не слыхала о них” (1988. С. 442, 443). Сохраняя привычный уклад, пришлое население, в составе которого, несомненно, были и ремесленники, продолжало работать в устоявшихся традициях. Наиболее ярко это проявлялось в кузнечном производстве. Вполне возможно, что именно так на территории московских земель появилась модель, представленная в материалах Настасино.

Итак, обобщение и анализ полученных технологических данных позволяют показать, что даже в условиях отсутствия археологических свидетельств о местном железопроизводстве можно реконструировать технологические модели, характерные для продукции конкретного памятника. Это, в свою очередь, дает основание указать на возможные центры, поставившие железные изделия на рассмотренные поселения. Установлено, что для Мякинино 1 и 2 это были городской и сельский центры. С большой долей вероятности в качестве городского центра можно рассматривать Москву. Технологическая модель, выявленная на основании материалов из Настасьино, в корне отличается от материалов Мякининского комплекса. В то же время, как свидетельствуют аналитические данные, она близка модели, выявленной по материалам производственного комплекса Истье 2. К сожалению, нет достаточных оснований говорить о поставках в Настасьино кузнечной продукции из Коломны, хотя связь этих памятников подтверждается многочисленными материалами.

Таким образом, на конкретном примере продемонстрировано, что сельские поселения были включены в сложную структуру товарообмена с городскими и сельскими производственными центрами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант 19-18-00144-П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Двуреченский О.В.* Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004 (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН; т. 2). С. 40–48.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013. 272 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Ремесленное производство на сельских памятниках Древней Руси в свете новых археометаллографических данных // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 91–110.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Динамика развития сельского кузнечного ремесла в Древней Руси // Российская археология. 2021. № 4. С. 93–101.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Взаимодействия между различными типами ремесленных центров (Истье 2 и Старая Рязань) // Российская археология. 2022. № 4. С. 139–147.
- Коваль В.Ю.* Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004 (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН; т. 2). С. 21–39.
- Мазуров А.Б.* Анализ источников о микрорегионе // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004 (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН; т. 2). С. 114–121.
- Панова Т.Д.* Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI в. М.: Таус, 2013. 408 с.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Технология производства кузнечных изделий // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004 (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН; т. 2). С. 48–51.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья (по материалам селища Мякинино-1) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. 31–44.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Результаты металлографического исследования кузнечных изделий из селища Мякинино-1 (раскопки 2004 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2009а. С. 124–128.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Результаты металлографического исследования кузнечных изделий из селища Мякинино-1 (раскопки 2005 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2009б. С. 129–136.
- Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А.* Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004 (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН; т. 2). С. 52–65.
- Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. II. М.: Мысль, 1988. 765 с.
- Энговатова А.В.* Заключение // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004 (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН; т. 2). С. 122–127.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю.* Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 71–80.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Зоц Е.П., Столярова Е.К., Сарачева Т.Г.* Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; 21). 344 с.

TECHNOLOGICAL FEATURES OF SMITHERY PRODUCTS FROM MOSCOW SETTLEMENTS OF THE 14th–15th CENTURIES

V. I. Zavyalov^{a, #}, Natalia N. Terekhova^{a, ##}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: v_zavyalov@list.ru*

^{##}*E-mail: nnterekhova33@mail.ru*

The article discusses the results of archaeometallographic studies of iron products from the settlements Myakinino 1, Myakinino 2 and Nastasino 2 – the largest archaeological sites in Moscow region. The authors identify technological patterns for manufacturing smithery products from these sites. It was established that these patterns differed significantly: for Myakinino 1 and Myakinino 2, technological groups I and III predominate, while in Nastasino all three groups are represented in equal proportions. The technological model typical for Myakinino 1 and Myakinino 2 was formed on the basis of supplies from two manufacturing centres – the urban and the rural one. The model identified by studying the Nastasino materials has much in common with the pattern characterizing the iron objects from the Istye 2 production complex. The authors use a specific example to demonstrate that rural settlements were included in the complex commodity exchange with urban and rural manufacturing centres.

Keywords: archaeometallography, technological group, technological model, manufacturing centre, Moscow region, settlement.

REFERENCES

- Dvurechenskiy O.V., 2004. Ferrous products. *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [The medieval settlement of Nastasino]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 40–48. (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2). (In Russ.)
- Engovatova A.V., 2004. Conclusion. *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [The medieval settlement of Nastasino]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 122–127 (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2). (In Russ.)
- Engovatova A.V., Koval' V.Yu., 2007. The Myakinino complex of archaeological sites. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 3. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 71–80. (In Russ.)
- Engovatova A.V., Koval' V.Yu., Zots E.P., Stolyarova E.K., Saracheva T.G., 2018. Myakininskie kurgany. Myakininskiy arkheologicheskiy kompleks v Podmoskov'e [The Myakinino mounds. The Myakinino archaeological complex in Moscow region]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 344 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 21).
- Mazurov A.B., 2004. Analysis of sources on the microdistrict. *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [The medieval settlement of Nastasino]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 114–121 (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2). (In Russ.)
- Panova T.D., 2013. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya Moskovskogo Kremlya v seredine XII – pervoy trety XVI v. [Historical and social topography of the Moscow Kremlin in the middle of the 12th – the first third of the 16th century AD]. Moscow: Taus. 408 p.
- Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2004. Technology of smithery production. *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [The medieval settlement of Nastasino]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 48–51 (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2). (In Russ.)
- Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2005. Blacksmith craft in the rural settlements of Moscow region (based on materials from the Myakinino-1 settlement). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 2. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 31–44. (In Russ.)
- Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2009a. Results of a metallographic study in smithery products from the Myakinino-1 settlement (excavations in 2004). *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical research of the Laboratory of Natural Science Methods]*, 1. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 124–128. (In Russ.)
- Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2009b. Results of a metallographic study in smithery products from the Myakinino-1 settlement (excavations in 2005). *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical research of the Laboratory of Natural Science Methods]*, 1. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 129–136. (In Russ.)
- Saracheva T.G., Saprykina I.A., 2004. Jewellery. *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [The medieval settlement of Nastasino]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 52–65 (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2). (In Russ.)
- Solov'ev S.M., 1988. Sochineniya [Works]. Kn. II. Moscow: Mysl'. 765 p.

- Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2007. Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva [Blacksmith craft of Rus during the Golden Horde and the Moscow state periods]. Moscow: Znak. 280 p.
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2013. Kuznechnoe remeslo Velikogo knyazhestva Ryazanskogo [Blacksmith craft in the Grand Duchy of Ryazan]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 272 p.
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2020. Rural crafts on Rus sites in the light of new archaeometallographic evidence. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian historical research]*, 2, pp. 91–110. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2021. Dynamics of development of rural blacksmith craft in Rus. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 93–101. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2022. Interaction between different types of crafts centres (Istye 2 and Staraya Ryazan). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4. C. 139–147. (In Russ.)
- Koval' V.Yu., 2004. Research on ceramic materials. *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino [The medieval settlement of Nastasino]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 21–39 (Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2). (In Russ.)

“ПЯТЬ КРЕСТОВ” ПОД КОЛОМНОЙ: РЕДКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС XVII в.

© 2023 г. А. Б. Мазуров^{1,2,*}

¹Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия

²Свято-Филаретовский институт, г. Москва, Россия

*E-mail: mazurov.ab.1970@mail.ru

Поступила в редакцию 12.10.2022 г.

После доработки 12.10.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В научный оборот вводится известный уже более двух веков, но полностью не описанный и не проанализированный памятник “Пять Крестов” конца XVII столетия, располагавшийся в Усмерской волости древнего Коломенского уезда (ныне в черте г. Воскресенск, микрорайон Москворецкая). Раскрывается насыщенная история его изучения, дается полное научное описание с привлечением ранней иконографии, анализируется топографический и культурный контекст. Мемориальный комплекс, сочетавший намогильную плиту и несколько вертикально стоящих крестов, не имеет аналогов ни среди средневековых надгробий, ни среди памятных крестов. Относящийся к категории кенотафов-“воспоминаний”, он был изготовлен в июле 1688 г., вероятно, по инициативе вдовы и сына местного мелкопоместного землевладельца князя Я.О. Щетинина. Образцом послужил более ранний подобный памятник легендарным зарайским князьям 1665 г. Монумент “визуализирует” древний топоним “Пять Крестов”, представляя собой фактически инсталляцию на заданную тему, что хорошо вписывается в так называемую эпоху средневекового историзма, характерную для второй половины XVII в.

Ключевые слова: Московская Русь, средневековое белокаменное надгробие, памятные кресты, мемориальный комплекс, Коломенский уезд, Пять Крестов, XVII в.

DOI: 10.31857/S0869606323020137, **EDN:** RGGXLZ

В предметной культуре средневековой Руси особое место занимают каменные надгробные памятники — важный источник по религиозным представлениям широких масс сельских и городских обитателей, их эстетическим пристрастиям, особенностям историко-культурного взаимодействия страны с соседними народами и государствами (Беляев, 2006. С. 7, 8). Среди надгробных памятников выделяются надгробные плиты, камни-валуны, плитки-таблицы (не только каменные, но и керамические) и кресты. Последняя категория находок — редкая для Подмосковья. В последнее время Пять Крестов несколько раз упоминались в литературе (Алексеев, 2011. С. 453; Алексеев, Кузьменко, 2020а, С. 103–106; 2020б), однако, по существу, они остаются не опубликованными (ссылки даются на литературу и иконографию XIX в.). Комплекс у погоста Пять Крестов — уникальное явление, введению которого в научный оборот посвящена настоящая публикация. Его совершенно особое место определяется как нетипичным сочетанием двух, как правило, независимых и существующих раздельно разновидностей (каменные надгробная плоская плита и вер-

тикально стоящий крест, которых к тому же несколько!), так и необычным вниманием к нему видных представителей отечественной культуры первой половины XIX в.

Памятник расположен в южной части современного г. Воскресенск Московской области, близ железнодорожной платформы Москворецкая (рис. 1), на территории дворовладения по ул. Семиславской, д. 7, в северо-восточной его части, примыкая с востока длинной стороной к забору из сетки-рабицы (который делит участок пополам), в 5.6 м от уступа первой надпойменной террасы, недалеко (около 8 м) от берегового уреза воды когда-то небольшой речки Семиславка, ныне запруженной плотинами и широко разлившейся.

Впервые на редкое надгробие с крестами обратил внимание крупный церковный деятель рубежа XVIII–XIX вв. митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин). В юности он учился в Коломенской духовной семинарии и, вероятно, тогда же получил первые известия о памятнике. Епархиальный архиерей в начале



Рис. 1. Расположение памятника “Пять Крестов” (обозначено красной точкой). Карта 1941 г. Ныне местность г. Воскресенск значительно изменилась.

Fig. 1. Location of the “Five Crosses” site (marked with a red dot). Map of 1941. Now the area of Voskresensk has changed significantly

1800-х годов намеревался провести раскопки под ним, но намерение это так и не осуществилось (Московский телеграф, 1828. С. 589). Вскоре памятник почтил своим вниманием будущий знаменитый писатель и основатель жанра русского исторического романа И.И. Лажечников. Примерно в 1820 г. 30-летний офицер — участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, проживая в отцовской усадьбе Кривякино (ныне центр г. Воскресенск), в очередной раз посетил церковный погост Пять Крестов. Вот что он сообщал читателям “Московского телеграфа”: “На берегу (р. Семиславки) ... воткнуты в дикие камни пять крестов, из дикого же камня, довольно искусно изсеченные. В юности моей я слышал от жителей, что деды им рассказывали о незапамятности существования сих крестов; носится предание, что здесь покоится прах знаменитых Русских Князей, убитых в бывшем в сем месте с Татарами сражении. Старожилы тамошние, даже близкие помещики, утверждали также, что некогда стоял на берегу большой памятник с непонятною для них надписью; но что камень сей вдавлен временем в землю, совсем его закрывшую, а на месте его поставлен новый, в который вложены упомянутые кресты. Церковь вблизи их деревянная, старая, и доныне называется церковь пяти крестов. Была за несколько десятков лет, на месте ее другая, весьма древняя, которая сгорела, и в ней будто бы сгорели какие-то старые бумаги. Недалеко от селения находится круглая валовая насыпь, обсаженная, или обросшая деревьями” (Московский телеграф, 1828. С. 588, 589). И.И. Лажечников получил даже разрешение от местного помещика Норова на проведение раскопок “камня, лежащего под спудом земным”.

Однако из-за плохой погоды поздней осенью это желание так и не реализовалось.

В начале 1840-х годов “весьма достопримечательное место” посетил и сделал его собственноручный рисунок (рис. 2) известный “палеолог” того времени Н.Д. Иванчин-Писарев. Он увидел поновленную в 1829 г. Никольскую церковь, которая была срублена еще в середине XVII в. князем Яковом Осиповичем Щетининым, который, по преданию, собственноручно носил на стройке бревна. “Подколоменские Пять Крестов” описаны внимательно и подробно: “Близ этой церкви, недалеко от берегов Семиславки, стоят пять каменных крестов: четыре утверждены на одном большом камне, а пятый, поменее других, на приставленном к ним, особенном. Близ них лежит шестой, вросший в землю (вероятно приготовленный соорудителем для своего праха). Неподалеку видны пять курганов, около коих нередко выкапывают стрелы. Есть предание, что эти пять крестов поставлены над телами пяти воевод, павших в Ляхолетье. Позднейшая надпись, означающая только год 7196 (1688) и несовременная никакому там побоищу, дает предполагать, что каменные кресты были поставлены на месте деревянных каким-нибудь здешним владельцем, потомком одного из убиенных, и вероятнее всего упомянутым князем Яковом Щетининым, современником надписи” (Иванчин-Писарев, 1843. С. 38). Так одно-единственное известное имя без какой-либо критической проверки было легко соединено с безымянным объектом. Н.Д. Иванчин-Писарев связал с памятником находившиеся рядом курганные насыпи. “По находящимся тут же пяти курганам также можно полагать, что под крестами никто не похоронен, а поставлены они в память похороненных под этими насыпями и для

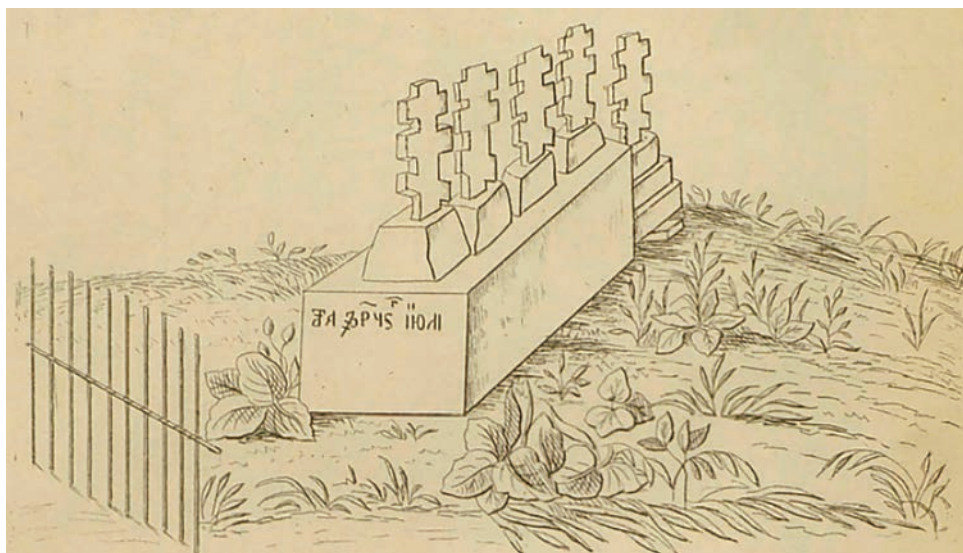


Рис. 2. Рисунок монумента (по: Иванчин-Писарев, 1843).
Fig. 2. Drawing of the site (after Ivanchin-Pisarev, 1843)

означения, что тут лежат русские, ибо и враги наши засыпали своих убитых такими же. Может быть старые деревянные, или эти самые каменные кресты стояли на пяти курганах; в течение 80 лет могли попадать от осадки насыпей, — и благочестивый князь собрал их вместе и утвердил близ храма” (Иванчин-Писарев, 1843. С. 40). Впервые Н.Д. Иванчин-Писарев указал и размеры крестов: “Все они осмиконечные с малыми внизу голгофами. На большом камне кресты длиною 1 1/4 аршина, шириною 1 аршин¹. Большой камень длиною 2 1/2 аршина, шириною 1 аршин; с западной стороны он шире, как обыкновенно кладутся надгробные” (Иванчин-Писарев, 1843. С. 39). Из сопоставления этих заметок с текстом И.И. Лажечникова можно предположить, что в 1829 г. одновременно с “поновлением” храма было расчищено белокаменное основание крестов с ранее нечитаемой надписью. Предполагаем, что это прямое следствие публикации И.И. Лажечникова 1828 г. Читающая дворянская публика, причисленная со времен Н.М. Карамзина с вниманием относиться к “историческим достопамяностям”, после появления заметки в толстом журнале “второй столицы” проявила инициативу в благоустройстве столь интересного комплекса.

Если принять во внимание свидетельство Н.Д. Иванчина-Писарева о создателе памятника Я.О. Щетинине, то мы обретаем редкий в практике изучения средневековых надгробий факт — имя заказчика. Так ли это? Систематизация данных о нем (Фролов, 2019. С. 18, 19) показывает,

¹ Этот параметр явно ошибочен. Возможно, следует читать “1/2 аршина”.

что это был небогатый помещик Коломенского уезда из Рюриковичей (ветвь Ярославских князей). Родился в 1619 г., его отец князь Осип Григорьевич Щетинин был выборным дворянином Коломенского уезда и к концу своей карьеры числился вторым в местной дворянской корпорации. Осип Щетинин воевал с поляками и литовцами в Смутное время, а умер на государственной службе при осаде русскими войсками Смоленска в 1634 г. Яков был его единственным сыном. В юности он служил при царском дворе в качестве жильца, позднее получил чин московского дворянина. В 1634 г. унаследовал отцовское поместье д. Тереховское-Турыгино в Усмерском стане, а в 1646 г. он стал владельцем ряда пустошей в соседней Мезынской волости (Новоселки, Юрино и Яковлево). Яков Осипович участвовал во многих боях и походах, в том числе в войне с Речью Посполитой 1654—1667 гг., за что был награжден прибавками денежного и поместного окладов. В 1672 г. “за литовскую службу” часть поместных земель пожалована князю в вотчину. В переписных книгах Коломенского уезда 1677—1678 гг. за Я.О. Щетининым отмечены д. Терехова, Турыгино тож Усмерского стана (5 дворов и 18 душ крестьян мужского пола) и селцо Новоселки Мезинской волости (помещичий двор, 5 крестьянских дворов и 24 души мужского пола). Последний пункт (напомним, что селцо — место проживания землевладельца, собственно его двор с хозяйственными постройками) расположен недалеко от погоста Пять Крестов, и князь, несомненно, был прихожанином местной Никольской церкви. Рюрикович был малопоместным дворянином с весьма скромным достатком. В 1684—1685 гг. Я.О. Щетинин руководил переписью Курского

уезда, а в 1686 г. умер на государственной службе в г. Ахтырка. Таким образом, версия Н.Д. Иванчина-Писарева о его участии в установке сохранившегося до наших дней памятника не подтверждается, так как Я.О. Щетинин умер за два года до того. Скорее всего, монумент поставили вдова князя и его сын. Именно в 1688 г. Степанида Щетинина (по первому мужу Очина-Плещеева, ум. в 1702 г.) и его сын Иван били челом о справке за ними отцовского поместья — д. Турыгино. Возможно, именно они стали инициаторами возведения достопамятного знака недалеко от храма, построенного мужем и отцом.

Продолжим обзор изучения Пяти Крестов. Новый виток внимания к памятнику падает на 1860-е годы. В сведениях о курганах Московской губернии, собранных благодаря местным священникам, имеется такая информация: "... на берегу речки... стоят пять старинных крестов с надписями совершенно истертыми; по преданию — это могилы пяти храбрых витязей, павших в бою, происходившем в этой местности. Невдалеке от этих крестов семь больших курганов" (Сведения..., 1876. С. 7). В конце 1860-х годов уездный врач и член-основатель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете А.М. Анастасьев провел раскопки Пятикрестовских курганов. Как оказалось, курганы находились на церковной земле погоста Пяти Крестов. "Пять курганов в виде фермуара² с ожерельем расположились невядалеке от погоста на месте открытом и возвышенном... В народе говорят, что здесь схоронены пять богатырей" (Донесение..., 1876. С. 13). Насыпи были раскопаны "колодцами". В двух из них оказались женские одиночные захоронения с семилопастными височными кольцами, а другие три оказались пустыми (очень может быть, что погребения были расположены в ямах и просто не достигнуты) (Донесение..., 1876. С. 12–14).

Прокомментируем приведенные сведения. На наш взгляд, заслуживает внимания явный символизм: пять курганных захоронений — пять крестов³ на памятнике "Пять Крестов" (топоним). Ценно и уточнение местоположения памятника относительно самой Никольской церкви. В XIX в. Пять Крестов стояли не близ нее, не на расположенном рядом кладбище и не близ курганов (расположенных на церковной земле), а в некотором отдалении от них — никак не менее

100 м. С точки зрения владельческой принадлежности это была земля сельца Колыберево, а не Никольского погоста. Можно даже сказать, что он тяготел к пограничью владений. Неизвестно точно, такой ли была ситуация в позднем средневековье. Как бы то ни было — перед нами визуальное и пространственно отдельный от кладбища и церкви памятник.

Имеются неясные данные (сохраненные устной традицией) о раскопках под пятикрестовским монументом в 1920-х годах (Фролов, 2019. С. 9, 10). Не имея возможности проверить эти почти вековые предания, проанализируем сохранившиеся ныне остатки вкуче с иконографическими источниками.

Внимательный осмотр (автор статьи периодически осматривал памятник с конца 1980-х годов) в натуре памятника не подтверждает сведений о проведенных раскопках. Основной монолит лежит строго горизонтально, без признаков какой-либо просадки грунтов под ним (что неизбежно произошло бы в случае перемещения земли в процессе раскопок). Маловероятно, что после якобы имевших место раскопок монумент был заново профессионально установлен. Это подтверждается и ровной пристыковкой малого камня, который также лежит строго горизонтально, к основному блоку.

До наших дней сохранились лишь две плиты основания (рис. 3). Никаких следов крестов нет, и судить о них можно лишь по изображениям, о чем скажем ниже. Основной (большой) камень представляет собой классическое белокаменное надгробие конца Московского царства. Это массивная известняковая плита, в сечении слабо трапецевидная, с расширением кверху. Замеры по торцевому изножию (лишенному надписи): вверху — 65 см, внизу — 62. Толщина самой плиты в изножии — 46.5–47 см, по средней части — 47.5–48, в изголовье она увеличивается до 52.5. Верхняя плоскость плиты неровная, с кавернами, без орнамента, также трапецевидной формы: длина по центральной оси — 218 см (по краям 218.5), ширина в изножии — 65, в изголовье — 92. По верхней площадке по центру идут четыре не идеально округлых углубления под основания крестов. От изножия первое из них на расстоянии 28.5 см, размерами 12.5 × 12 см, чашевидной формы, глубиной 2–2.5; второе — на расстоянии 80 см, размерами 13.5 × 15 см, чашевидное, глубиной 3.5; третье — на расстоянии 135.5 см, размерами 19 × 16, блюдцевидное, глубиной 2.7; четвертое — на расстоянии 182.5 см, размерами 15.5 × 14.5, блюдцевидное, глубиной 3.5. Углубления выполнены грубо, без применения циркульного инструмента. Все верхние ребра плиты сбиты (обколоты). Орнамент, ограниченный сверху и снизу заглубленной контурной линией (графьей), помещен

² Фермуар (из франц.) — застежка в виде дуги или ожерелье такой же формы.

³ Об особом символическом значении именно пяти крестов ничего неизвестно. Правда, в позднем Житии Паисия Угличского XVII–XVIII вв. содержится интересный рассказ о том, что строительству собора в Покровском монастыре предшествовал ряд знамений, в числе которых было явление над местом будущего собора пяти сияющих крестов, висевших в воздухе (Сосновцева, 2013. С. 260–265).



Рис. 3. Две плиты (основная и приставная малая) основания монумента. Фото автора, 2020 г.
Fig. 3. Two slabs (the main and attached small ones) of the monument base. Photo by the author, 2020



Рис. 4. Орнамент на боковых гранях основной плиты памятника. Фото автора, 2020 г.
Fig. 4. Ornament on the lateral faces of the main slab of the monument. Photo by the author, 2020

только на ее длинных боковых гранях. Ширина полосы орнамента от графы до графы — 18 см. Сверху вниз он такой: крупные треугольники, затем два противопоставленных пояса более мелких треугольников, “шнур”, полоса средних треугольников (рис. 4). Орнамент можно охарактеризовать как типичный для надгробия позднего XVII в.

Малый (приставной) камень лежит сейчас даже чуть ниже уровня земли на 1–2 см. Это почти квадратный параллелепипед без орнамента, размерами 69 × 73,5 × 21 см. В центре — округлое углубление диаметром 13 см и глубиной 0,5–1, внутри него меньшая ямка диаметром 6 см и глубиной 4,5.

В целом сохранившийся большой камень-основание надо определить как характерное надгробие второй половины—конца XVII столетия, приспособленное для размещения изготовленных крестов. На его большей торцевой части в полном соответствии с традициями этого периода должна была разместиться надпись — когда и кто под ним похоронен. Однако вместо этого мы читаем лишь начало формулярной надписи в одну строку, она не отцентрирована и идет от правого края (рис. 5):

...А.ЗРЧС^т ІЮЛІ

Перевод: “Лета 7196(1688)-го июля”. Первая буква в строке утрачена. Судя по рисунку начала 1840-х годов (рис. 2), здесь была лигатура из трех знаков (ЛѢТ), от буквы А осталась нижняя часть с перекладиной. Далее буквенной цифирью под титлом идет год, за ним — выносная “г” под титлом, и далее — название месяца. Неполные надписи, особенно даты, достаточно часто фиксируются на белокаменных надгробиях.

Кресты в настоящий момент не сохранились. Они были уничтожены примерно в конце 1920-х—1930-е годы. В конце 1930-х годов, когда тут возникла жилая застройка, крестов однозначно уже не было. Судить о них можно только по иконографическим источникам. Это кресты на подножиях-голкофах с тремя равноконечными перекладинами, нижняя из которых косая. Четыре одинаковых креста были размещены на основном монолите, а пятый — на приставном камне, причем под голгофу был подложен еще один блок, так что этот крест возвышается как бы на ступенчатой пирамидке (рис. 2). На рисунке Н.Д. Иванчина-Писарева все кресты выглядят очень ровными. Однако сохранившееся фото⁴ (Московский краевед, 1928. С. 69) представляет их не вполне симметричными (см. рис. 6). Возможно,

⁴ Такая же фотография малых размеров хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 177. П. 55. Д. 17.



Рис. 5. Надпись на торцевой части оголовья памятника. 1 — общий вид; 2 — крупный план. Фото автора, 2020 г.

Fig. 5. Inscription on the end part of the monument head structure. Photo by the author, 2020

это работа не очень умелого резчика, который их и устанавливал в грубо изготовленные углубления. Как отмечалось выше, эта стыковка монолитов и крестов выполнена не вполне профессионально. Как будто бы голгофа приставного креста должна была прямо опираться на малый камень, для чего в центре него выточено блюдцеобразное углубление. Однако тут был добавлен промежуточный меньший блок и уже на нем укреплен крест на изножии.

Не так давно А.В. Алексеев и С.В. Кузьменко рассмотрели сведения о среднерусских каменных крестах-кенотафах, в круг которых был вписан и памятник с погоста Пять крестов (Алексеев, Кузьменко, 2020б). Они продемонстрировали, что в XVII в. каменные кресты в ближних и дальних окрестностях Москвы устанавливались преимущественно (или даже исключительно) в связи

со случаями насильственной гибели. Это были не столько надгробные сооружения, сколько памятные знаки на месте трагических событий, близких или далеких по времени. Источники описанной традиции видятся такими. С одной стороны, это новгородско-псковское понимание каменных крестов XIV–XVI вв. как преимущественно надгробных памятников. С другой — центрально-европейская традиция того же времени трактовки каменного креста как преимущественно памятника на месте трагедии⁵. Кладбищенские намогильные кресты в Московском регионе бытовали в последней четверти XV — первой половине XVI в., позже эта традиция не закрепились (Алексеев, Кузьменко, 2018), а вот кенотафы относятся к более позднему времени: 1520-е годы — конец XVII в. Для верификации этих интересных предположений необходимо накопление нового материала.

Пятикрестовский монумент совершенно однозначно относится к кенотафам — “воспоминаниям”. Твердо установленный факт — топоним “Пять Крестов” существенно древнее (как минимум на 110 лет), чем сам монумент. Дело в том, что он фиксируется Писцовой книгой Коломенского уезда 1577–1578 гг. как название погоста (Город Коломна и Коломенский уезд..., 1872. С. 594). Это означает, что еще до того реально существовали какие-то пять крестов, давшие жизнь топониму. Были ли это пять более древних белокаменных крестов (поклонных?) близ погоста-кладбища (один из них, вросший в землю, отмечен в начале XIX в.), или же, по версии Н.Д. Иванчина-Писарева, в какой-то период пять деревянных крестов стояли на пяти же курганах, расположенных поблизости — решить невозможно по недостатку данных. Ясно лишь одно, в конце XVII в. имела место мемориализация памятного места, своего рода “визуализация” названия. По существу, мы имеем дело с некой инсталляцией на тему топонима.

Можно предположить, что одной из аналогий, подтолкнувших Степаниду и Ивана Щетининых на создание оригинального памятника, стало захоронение легендарных зарайского князя Федора, его супруги Евпраксии и их сына младенца Ивана Постника в г. Зарайск. Пятикрестовский храм был посвящен святителю Николаю Чудо-

творцу, а ближайшим центром его культа был Зарайск с чудотворной иконой Николы Зарайского. Об этом не могли не знать ни клирики церкви, ни ее прихожане. В 1665 г. стольник Н.Г. Гагарин “по рассмотрении летописной книги” (т.е. Повести о разорении Рязани Батыем, входящей в Цикл Повестей о перенесении чудотворного образа Николы Зарайского) заказал мастерам изготовление трех белокаменных надгробий с крестом на каждом из них и трехстрочной посвятительной надписью (современное их состояние см. Алексеев, Кузьменко, 2020а. С. 101), установленных в Зарайском кремле (Диттель, 1859. С. 6).

Увы, в отличие от стольника Н.Г. Гагарина, никаких “летописных книг” у родственников князя Я.О. Щетинина не имелось. Именно поэтому на торцевой части надгробия зафиксирована лишь дата (год и месяц). Место монумента не относилось к территории прицерковного кладбища, но для создания монумента было закуплено стандартное белокаменное надгробие типичной для него формы и с типичным же для того времени орнаментом. Не позднее момента покупки была выполнена (вполне профессионально, так как она выдает руку мастера-резчика) надпись. Надгробие было привезено на место, после чего монтировались и укреплялись белокаменные кресты, изготовленные менее профессионально и без надписей.

Что они отмечали и с какими событиями связаны их прототипы, давшие жизнь топониму, достоверно установить невозможно (обзор версий см. Фролов, 2019. С. 17–26). Совершенно однозначно, что в качестве памятного факта не могут рассматриваться события Смутного времени (“Ляхолетья”, по Н.Д. Иванчину-Писареву), ибо топоним упомянут в Писцовой книге 1577/1578 гг. Надо учесть, что для закрепления топонимической традиции необходимы как минимум несколько десятилетий. Массовые трагические события в Коломенском уезде происходили летом 1521 г., во время прорыва за Оку крымской орды хана Мухаммед-Гирея (примеры памяти об этих событиях в других местностях см. Алексеев, Кузьменко, 2020а. С. 41, 108). Ранее прорывы татар случались в этих краях в 1408, 1439, 1451, 1454–1455 гг. (Мазуров, 2001. С. 161, 162). Однозначно связать появление ранних пяти крестов с каким-либо событием, в том числе с более ранним, невозможно.

Итак, можно предполагать, что оригинальный комбинированный памятник из белокаменного надгробия, дополнительной приставной плиты и пятью восьмиконечными крестами на голгофах был создан в июле 1688 г. вдовой и сыном местного помещика князя Я.О. Щетинина — Степанидой и Иваном (не исключено, что по обету умершего мужа и отца) по образцу зарайского памятника ле-

⁵ К приведенным авторами фактам добавим еще один. Барон С. Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 гг., в разделе “Хорография” своих знаменитых “Записок о Московии” при описании Рязанской земли приводит интересную, хотя и недостоверную фактически деталь. Рязанские князья Федор и Василий Ивановичи в первые годы XVI в. якобы схлестнулись в кровопролитном сражении за власть. В этом сражении один из них пал, а потом на тех же полях умер и победитель. “В память об этом там был воздвигнут деревянный крест”, — сообщил Герберштейн (1988. С. 136, 327, прим. 419).



Рис. 6. Рисунок памятника “Пять Крестов”. Худ. Н.И. Башмаков, 1972 г. (по фото 1928 г.).

Fig. 6. Drawing of the “Five Crosses” site by the painter N.I. Bashmakov, 1972 (according to the photo of 1928)

гендарному княжескому семейству Федора, Евпраксии и их сына Иоанна Постника 1665 г. Вероятно, он “мемориализовал” в белом камне название местности, самого погоста и храма. Нет никаких сомнений, что когда-то у него имелись реальные прототипы в виде значительно более древних деревянных или каменных крестов. “Пять Крестов” — уникальный и один из самых поздних памятников среди кенотафов-“воспоминаний” эпохи заката Московского царства.

Вторая половина—последняя треть XVII в. — особое время для становления исторического самосознания, своеобразного “средневекового историзма”. Предания, родословцы, сказания и летописи начинают подкреплять не только первыми “историческими” сочинениями, но и камнем — надгробиями давно умерших людей, заново нарезанными родовыми легендами и семейными историями. Существует, помимо уже упомянутого яркого факта из г. Зарайск, немало примеров, иллюстрирующих отмеченное явление. Так, в середине и конце 1650—1670-х годов Осип Иванович Полев близ церкви своего владения (с. Новое в Полеве Даниловского уезда Ярославской губ.) и в Иосифо-Волоколамском монастыре приказал изготовить плиты в память своего далекого предка князя Ф.Ю. Фоминского, жившего в середине XIV в. (Кавельмахер, 1989. С. 480—482). В конце XVII в. рязанские дворяне стали инициаторами нарезки плиты о переносе в 1543 г. в рязанском Солотчинском монастыре останков своего далекого предка из XIV в. — боярина Ивана Миросла-

вича (мурзы Хоросмира) (Гераськин, Нагорнов, 2008. С. 84). Представляется, что памятник “Пять Крестов” вполне соответствует контексту своеобразного “оживления прошлого” финального этапа Московской Руси.

Сердечно благодарю за ценные советы, замечания и возможность обсуждения этой статьи чл.-корр. РАН Л.А. Беляева (ИА РАН).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В.* Средневековый каменный крест из Звенигорода // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2011. С. 449—454.
- Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* “Московские” каменные кресты XV—XVI веков с геометрическим декором. Каталог памятников // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 307—329.
- Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором. М.; Звенигород: ИА РАН, 2020а. 124 с.
- Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* О среднерусских каменных крестах-кенотафах XVI—XVII веков // Археология Подмосквья: материалы науч. семинара. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2020б. С. 202—207.
- Беляев Л.А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие XIII—XVII веков. Материалы к своду. Вып. 1 / Отв. ред. Л. А. Беляев. М.: Наука, 2006. С. 7—30.
- Гераськин Ю.В., Нагорнов В.П.* Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в рязанском Со-

- лотчинском монастыре // Российская археология. 2008. № 2. С. 84–89.
- Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1988. 430 с.
- Диттель И. Старина в г. Зарайске и его уезде // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 2. СПб., 1859. С. 1–12.
- Донесение уполномоченного члена-основателя Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии А. М. Анастасьева, составленное по журналу о раскопках курганов Коломенского уезда // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологический раздел. Т. XX, кн. 2, вып. 1. М., 1876.
- Иванчин-Писарев Н.Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843 (обл. 1844). 166 с.
- Кавельмахер В.В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII века из Иосифо-Волоколамского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 480–484.
- Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV–первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.
- Московский краевед. 1928. № 7–8. 180 с.
- Московский телеграф. 1828. Ч. 19. 600 с.
- Город Коломна и Коломенский уезд. Список с писцовой книги 7086 (1577–1578) г. // Писцовые книги Московского государства. Ч. 1, отд. 1. СПб., 1872. С. 291–611.
- Сведения о курганах России // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологический раздел. Т. XX, кн. 2, вып. 1. М., 1876.
- Сосновцева Е.Г. Житие Паисия Угличского как памятник русской региональной агиографии XVII–XVIII вв.: лингвотекстологическое исследование: дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2013. 341 с.
- Фролов А.Н. Неразгаданная загадка Пяти Крестов // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. Вып. 14. Ильинский Погост, 2019. С. 4–26.

“FIVE CROSSES” NEAR KOLOMNA: A RARE 17th-CENTURY MEMORIAL COMPLEX

Aleksey B. Mazurov^{a,b,#}

^aState University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia

^bSt Philaret Institute, Moscow, Russia

[#]E-mail: mazurov.ab.1970@mail.ru

The article introduces the monument “Five Crosses” (the late 17th century), known for more than two centuries but not yet fully described and analyzed. It is located in Usmerskaya volost of the former Kolomna district (now Moskvoretskaya residential area of the city of Voskresensk). The paper reveals a rich history of studying the site, provides its full scientific description involving early iconography, and analyzes the topographic and cultural context. The memorial complex including the tombstone and several vertical crosses has no analogues either among medieval tombstones or among commemorative crosses. Being a kind of cenotaph of remembrance, it was erected in July 1688, probably, at the initiative of the widow and son of a local landowner, Prince Ya.O. Shchetinin. It was based on the example of an earlier similar monument to the legendary princes of Zaraysk of 1665. The monument visually embodies the ancient toponym “Five Crosses”, representing in fact an installation on a set theme, which was typical for the second half of the 17th century, the so called era of “medieval historicism”.

Keywords: Moscow Rus, medieval white tombstones, memorial crosses, memorial complex, Kolomna uyezd (district), Five Crosses, the 17th century.

REFERENCES

- Alekseev A.V., 2011. Medieval stone cross from Zvenigorod. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 11. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 449–454. (In Russ.)
- Alekseev A.V., Kuz'menko S.V., 2018. “Moscow” stone crosses of the 15th–16th centuries AD with geometric décor. A catalogue of monuments. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 14. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 307–329. (In Russ.)
- Alekseev A.V., Kuz'menko S.V., 2020a. Moskovskie srednevekovye kamennye kresty s geometricheskim dekorom [Moscow medieval stone crosses with geometric décor]. Moscow; Zvenigorod: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 124 p.
- Alekseev A.V., Kuz'menko S.V., 2020b. On Central Russian stone cenotaph crosses of the 16th–17th centuries AD. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 16. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 202–207. (In Russ.)
- Belyaev L.A., 2006. New achievements in the study of gravestones of the Middle Ages. *Russkoe srednevekovoe*

- nadgrobie XIII–XVII vekov. Materialy k svodu [Russian medieval gravestone of the 13th–17th centuries AD. Materials for the register]*, 1. L.A. Belyaev, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–30. (In Russ.)
- Dittel' I., 1859. Antiquity in the city of Zaraysk and its uyezd (district). *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii [Archive of historical and practical information with regard to Russia]*, 2. St. Petersburg, pp. 1–12. (In Russ.)
- Frolov A.N., 2019. The unsolved mystery of the Five Crosses. *Guslitsy. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh [Guslitsa. Local history almanac]*, 14. Il'inskiy Pogost, pp. 4–26. (In Russ.)
- Geras'kin Yu.V., Nagornov V.P., 2008. Memorial stone of Ivan Miroslavich (Murza Khorosmir) in the Solotcha Monastery near Ryazan. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 84–89. (In Russ.)
- Gerbershteyn S., 1988. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. A.I. Malein, A.V. Nazarenko, transl. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 430 p.
- Ivanchin-Pisarev N.D., 1843 (1844). Progulka po drevnemu Kolomenskomu uezdu [Walking around old Kolomna uyezd (district)]. Moscow. 166 p.
- Kavel'makher V.V., 1989. A fragment of a memorial stone of the first half of the 17th century AD from the St. Joseph Monastery in Volokolamsk. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya [Monuments of culture. New discoveries]*, 1988. Moscow, pp. 480–484. (In Russ.)
- Mazurov A.B., 2001. Srednevekovaya Kolomna v XIV–pervoy tretyi XVI v. Kompleksnoe issledovanie regional'nykh aspektov stanovleniya edinogo Russkogo gosudarstva [Medieval Kolomna in the 14th – first third of the 16th century AD. A comprehensive study of regional aspects in the formation of a unified Russian state]. Moscow: Aleksandriya. 542 p.
- Moskovskiy kraeved [Moscow local historian], 1928, 7–8. 180 p.
- Moskovskiy telegraf [Moscow telegraph], 1828, 19. 600 p.
- Sosnovtseva E.G., 2013. Zhitie Paisiya Uglichskogo kak pamyatnik russkoy regional'noy agiografii XVII–XVIII vv.: lingvotekstologicheskoe issledovanie: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk [The life of Paisius of Uglich as a monument of Russian regional hagiography of the 17th–18th centuries AD: Linguotextological research: a thesis for the Doctoral Degree in Linguistics]. St. Petersburg. 341 p.
- The town of Kolomna and Kolomna uyezd (district). A copy from the Cadastre of 7086 (1577–1578). *Pistsovyie knigi Moskovskogo gosudarstva [Cadastral books of the Moscow State]*, part. 1, 1. St. Petersburg, 1872, pp. 291–611. (In Russ.)
- Report of the authorized founding member of the Society for Natural Science, Anthropology and Ethnography A.M. Anastasyev, compiled according to the logbook of the excavations in burial mounds of Kolomna uyezd (district). *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitely estestvoznaniya, antropologii i etnografii. Antropologicheskiy razdel [News of the Imperial Society for Natural Science, Anthropology and Ethnography. Anthropology section]*, vol. XX, part 2, iss. 1. Moscow, 1876. (In Russ.)
- Information about the mounds of Russia. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitely estestvoznaniya, antropologii i etnografii. Antropologicheskiy razdel [News of the Imperial Society for Natural Science, Anthropology and Ethnography. Anthropology section]*, vol. XX, part 2, iss. 1. Moscow, 1876. (In Russ.)

ПРОМЫСЛОВЫЕ ПТИЦЫ В ХОЗЯЙСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА БЕРЕЗОВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

© 2023 г. Т. В. Лобанова^{1,2,*}, О. П. Бачура^{1,2,**}, Н. В. Мартынович^{3,***},
Г. П. Визгалов^{2,4,****}, И. В. Слесаренко^{5,*****}

¹Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

²Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

³Музей Мирового океана, Калининград, Россия

⁴Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

⁵АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия

*E-mail: lota_64@mail.ru

**E-mail: olga@ipae.uran.ru

***E-mail: martynovichn@mail.ru

****E-mail: vizgalovgp@mail.ru

*****E-mail: sliesarenko.inna@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.08.2022 г.

После доработки 16.01.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

На основании остеологической коллекции птиц (более 7000 экз.) проведена реконструкция промысла дичи населением посада города Березова в новое время. Выявлен видовой состав промысловых птиц, проведен анализ соотношения элементов скелета, раздробленности костей, и внешних воздействий. Основным значением охоты на птиц была добыча дополнительного источника мяса для населения города. Во времени относительная роль мяса птицы в пищевом рационе городского населения уменьшалась, но интенсивность промысла птицы при этом оставалась постоянно высокой. На птицу охотились круглый год. Преобладала весенне-летняя охота на водоплавающих птиц. В зимнее время добывали в основном глухаря и белую куропатку. На основании среднего веса особей каждого вида рассчитан потенциальный объем мяса, который можно получить от добычи трех основных групп птиц. Показано, что в холодное время года поступление дополнительной мясной продукции от охоты на птиц сокращалось почти в три раза по сравнению с весенне-летним временем.

Ключевые слова: Западная Сибирь, русское население, костные остатки, птицы, промысловая деятельность.

DOI: 10.31857/S0869606323030145, **EDN:** ZBYUQA

В отечественных археозоологических публикациях основное внимание исследователи уделяют описанию костей млекопитающих. В отношении остатков птиц чаще всего описание ограничивается видовым составом и лишь в редких случаях подробным археозоологическим анализом (Антипина, Маслов, 1993; Некрасов, 1998; 2001; Zhilin, Karhu, 2002; Бачура, Некрасов, 2010; Мартынович, 2013а–в; Бачура и др., 2017; Татаурова, Некрасов, 2021).

Раскопки поселений как русского, так и коренного населения севера Западной Сибири выявили большое количество остатков птиц (Некрасов, 2003; Бобковская, 2008, 2010; Историческая экология..., 2013; Мартынович, 2013а, б; Косинцев, Лобанова, 2015; Бачура и др., 2020).

Эти данные указывают на существенную роль промысла птиц в хозяйстве населения этого региона. О значительной роли охоты на пернатую дичь в обеспечении мясной пищей населения северных русских городов свидетельствуют и этнографические данные (Абрамов, 1857; Дунин-Горкавич, 1910; Руденко, 1914; Головнев, 1993, и др.).

Особенностью северных русских городов было отсутствие крестьянской округи, снабжающей горожан продуктами сельского хозяйства, а также трудности с доставкой продовольствия из областей центральной России. Поэтому в основе адаптации населения городов на севере Западной Сибири было собственное многоотраслевое хозяйство, включающее с одной стороны традиционное животноводство, а с другой — максималь-

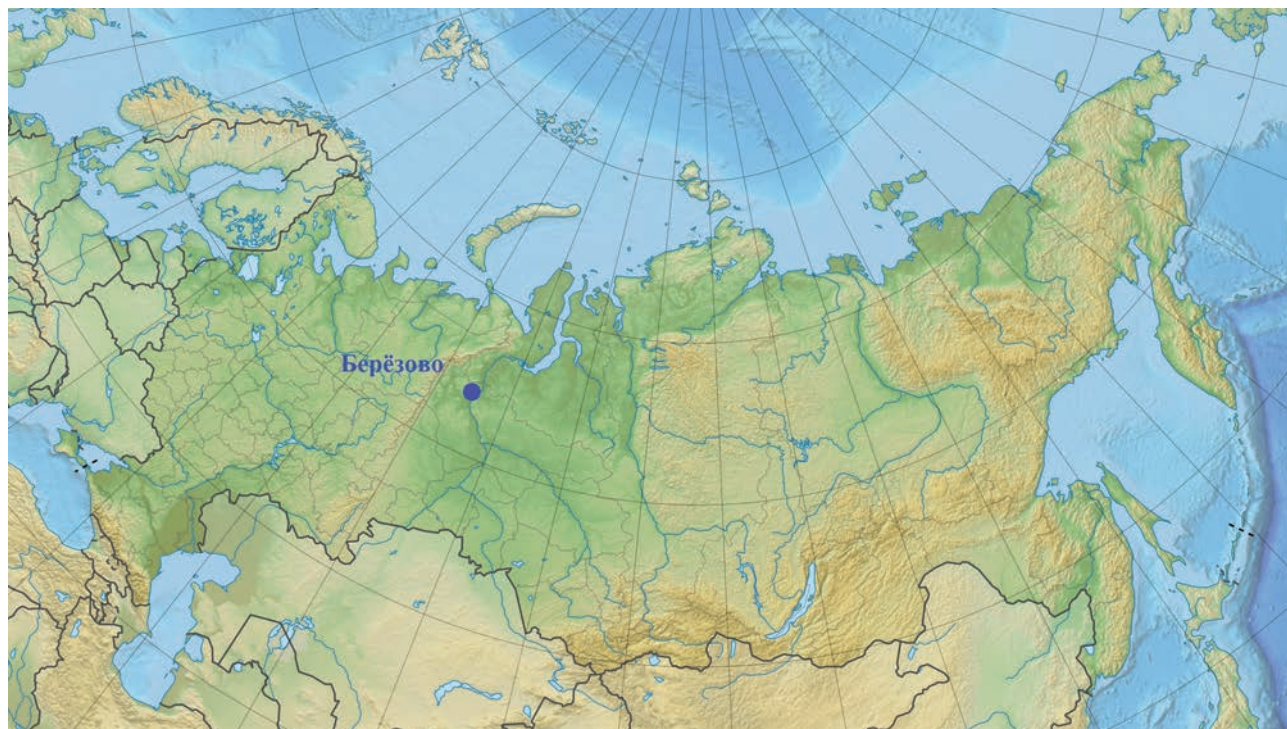


Рис. 1. Местоположение Берёзово на карте России.

Fig. 1. Location of Berezov on the map of Russia

ное использование промысловых ресурсов территории (Историческая экология..., 2013). Мясо промысловых птиц имело большое значение в питании жителей таких северных городов, как Березов и Мангазея. На этих памятниках доля костей птицы превышает долю костей млекопитающих и рыбы и составляет 40–49%. Содержать коров и свиней в суровых условиях лесотундры и северной тайги было сложно, поэтому нехватку мяса компенсировали, в том числе и за счет такого доступного на севере промыслового ресурса, как птицы.

На данный момент археозоологические материалы по птицам из Березовского городища наиболее полно изучены, но опубликованы лишь в самом общем виде (Мартынович, 2013б; Бачура и др., 2020). В этих работах приведены списки промысловых видов, проведен предварительный анализ состава элементов скелета, а также поверхностный анализ соотношения основных промысловых групп птиц. Значительная остеологическая коллекция птиц (более 7 тыс. экз. костей) из этого памятника позволяет осветить намного больше аспектов, чем те, которые были рассмотрены ранее.

Цель данной работы — охарактеризовать промысел и оценить вклад различных групп птиц в экономику города Березова.

Город Березов был основан в 1592–1593 гг. на берегу р. Северная Сосьва ($63^{\circ}56'$ с.ш., $65^{\circ}03'$ в.д.; рис. 1) вблизи ее впадения в р. Обь. Он являлся крупным административным, ремесленным и торговым центром большого уезда (Миллер, 2005. С. 274; Шашков, 2003. С. 44). В городе помимо русских переселенцев жили представители коренных народов Нижнего Приобья (Визгалов, Кардаш, 2011).

Работа была выполнена на материалах из раскопа № 2 Березовского городища (2008–2021 гг. раскопок), расположенного в северной части посадского острога. Вся выборка была разделена на три части, соответствующие разным хронологическим периодам. Первая (I) из слоя конца XVI — середины XVII в., вторая (II) соответствует слоям второй половины XVII — начала XVIII в., третья (III) происходит из слоев XVIII — начала XIX в. Рассмотренные данные отражают процессы, затрагивающие немногим более 200 лет, поскольку культурный слой на этом участке датируется с момента основания города (последнее десятилетие XVI в.) и до начала XIX в.

Среди остатков найдены кости домашних и диких птиц. Домашние представлены только одним видом — курицей (*Gallus gallus dom.*), доля костей которой составляет менее 1% от всех остатков птиц (Бачура и др., 2020). В данной статье этот вид не рассматривается. Остеологическая

коллекция диких птиц из данного раскопа составила 7230 экз., из них определимые — 6992. Часть остатков (1630 экз.) удалось идентифицировать только до рода (табл. 1). Состав элементов скелета был определен для выборки первого, второго периодов, и лишь в небольшой степени — третьего.

При описании костных остатков проводилась видовая идентификация, определялся элемент скелета, фиксировались степень раздробленности, половозрастные особенности, следы внешних воздействий и другие видимые признаки. Кроме костей в раскопе были собраны скопления перьев (197 экз.) и остатки скорлупы яиц (25 экз.). Все остеологические материалы из раскопок Березовского городища хранятся в музее Института экологии растений животных УрО РАН (№ 1917).

Для оценки интенсивности промысла птиц в разные временные периоды был проведен анализ соотношения остатков диких птиц, домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, северного оленя и курицы), а также диких млекопитающих и рыб. Анализ состава элементов скелета птиц проведен для наиболее многочисленных групп видов (табл. 2).

Среди остатков диких видов птиц в небольшом количестве присутствуют кости хищных и синантропных видов, которые добывали, если и намеренно, то вероятно, не для пищевых целей. В дальнейшем, при анализе промысловых ресурсов, эти виды мы рассматривать не будем.

Для анализа состава промысловых птиц все определимые виды были разделены на четыре условные группы (табл. 1). Они различаются как по размеру птиц, так и по биологическим особенностям, а также связанных с ними сезонам и способам охоты. Таким образом, всех перелетных водоплавающих и ооловодных птиц мы разделили на две размерные группы — крупные и мелкие. К первой группе мы отнесли 5 видов гусей, лебедя-кликун, гагар и серого журавля. Ко второй группе — 16 видов речных и нырковых уток, крохалей и куликов. Третья группа включает оседлые лесные виды, так называемую боровую дичь — глухаря, тетерева и рябчика. Белая куропатка не включена в состав боровой дичи, а рассматривается отдельной группой, так как это вид с ярко выраженными сезонными миграциями и в северной тайге обитает преимущественно зимой в открытых биотопах.

Количество костей каждого вида является показателем интенсивности добычи тех или иных видов. При этом размеры птиц разные: от довольно крупных (лебедь, гуси) до небольших (утки). Поэтому важным параметром вклада разных видов птиц в продовольственную корзину, на наш взгляд, является вес птицы. Исходя из этого показателя, для каждого вида на основании данных о среднем весе (Рябицев, 2010) был рассчитан вы-

ход мяса, который может дать одна особь. Затем мы оценили минимальное количество особей для каждого вида по максимальному количеству плечевых (или других наиболее массовых у того или иного вида) костей с одной стороны тела. В итоге был подсчитан общий продовольственный вклад вида, равный минимальному количеству особей, умноженному на выход мяса от одной особи (табл. 3).

В материалах раскопа 2 кости птиц составляли 33–41% от всех остатков в разные хронологические периоды. На рис. 2 видно, что на протяжении всего периода как относительное, так и абсолютное количество костей диких млекопитающих изменяется незначительно. В случае с домашними животными оба показателя существенно увеличиваются к началу XIX в., а относительное число остатков рыб уменьшается практически в два раза, при близком абсолютном числе костей. Остатки птиц демонстрируют другую динамику. Относительное количество костей птиц постепенно уменьшается во времени, а абсолютное, напротив, немного увеличивается. В слоях XVI–XVII вв. доля птиц превышает долю домашних животных. А в слое XVIII — начала XIX в. доля остатков птиц почти в два раза меньше, чем доля остатков домашних животных (рис. 2). При этом видовой состав промысловых видов практически не изменяется с течением времени (табл. 1).

Анализ элементов скелета остатков птиц проведен в целом для всей определенной выборки, без подразделения на хронологические периоды. Соотношение всех определимых левых и правых элементов скелета составило 51 и 49%, т.е. приблизительно равно 1:1. Следовательно, никакой избирательности в их накоплении не было. Соотношение отделов скелета во всех группах сходное. Меньше всего сохранилось остатков головы и шеи. Третью часть составляют кости осевого скелета (тела). Преобладают части крыла, а особенно плечевые кости (табл. 2; рис. 3, 1–3, 5, 6, 11). Наиболее ярко это проявляется в первых двух группах у всех водоплавающих птиц. Отмечаются различия в количестве сохранившихся элементов ног в разных группах (табл. 2; рис. 3, 8, 10). Доля костей ног от водоплавающих птиц в четыре раза меньше, чем элементов крыла, а у глухаря число костей ног лишь в два раза меньше, чем количество элементов крыла. Наиболее близким к естественному является соотношение элементов скелета белой куропатки (табл. 2). Преобладание костей крыльев (особенно плечевых) среди остатков птиц отмечено и на других памятниках севера Западной Сибири (Бачура, Некрасов, 2010; Историческая экология..., 2013. С. 260; Мартынович, 2013а).

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков птиц в раскопках Березовского городища**Table 1.** Species composition and number of bone remains of birds from the excavations in the Berezov fortified settlement

Таксон	I		II		III	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Домашние виды						
Курица – <i>Gallus gallus dom.</i>	50	2	11	+	27	1
Хищные и синантропные виды						
Орлан-белохвост – <i>Haliaeetus albicilla</i>	3	+	1	+	–	0
Белая сова – <i>Nictea scandiaca</i>	–	0	2	+	–	0
Сорока – <i>Pica pica</i>	–	0	–	0	1	+
Ворона – <i>Corvus cornix</i>	2	+	–	0	1	+
Промысловые виды						
Группа 1. Крупные водоплавающие и околоводные						
Краснозобая казарка – <i>Branta ruficollis</i>	–	0	17	1	6	+
Белолобый гусь – <i>Anser albifrons</i>	33	2	132	5	37	1
Пискулька – <i>Anser erythropus</i>	1	+	19	1	2	+
Гуменник – <i>Anser fabalis</i>	272	14	485	20	396	14
Серый гусь – <i>Anser anser</i>	50	2	70	3	17	1
Гуси – <i>Anser</i> sp.	61	3	192	8	33	1
Лебедь-кликун – <i>Cygnus cygnus</i>	7	+	20	1	53	2
Чернозобая гагара – <i>Gavia arctica</i>	2	+	–	0	–	0
Краснозобая гагара – <i>Gavia stellata</i>	1	+	1	+	–	0
Серый журавль – <i>Grus grus</i>	6	+	5	+	1	+
Итого	433	20	941	39	545	19
Группа 2. Мелкие водоплавающие и околоводные						
Кряква – <i>Anas platyrhynchos</i>	38	2	34	1	35	1
Чирок-свистунок – <i>Anas crecca</i>	44	2	107	4	210	7
Чирок-трескунок – <i>Anas et querquedula</i>	17	1	29	1	29	1
Чирок-свистунок/трескунок	3	+	7	+	160	6
Клоктун – <i>Anas formosa</i>	1	+	1	+	–	0
Свизь – <i>Anas penelope</i>	125	6	132	5	222	8
Шилохвость – <i>Anas acuta</i>	215	11	171	7	493	18
Шилохвость/свизь	285	14	344	14	236	8
Широконоска – <i>Anas clypeata</i>	102	5	63	3	152	5
Утки речные – <i>Anas</i> sp.	70	3	97	4	141	5
Красногловый нырок – <i>Aythya ferina</i>	32	2	15	1	5	+
Хохлатая чернеть – <i>Aythya fuligula</i>	49	2	31	1	14	+
Синьга – <i>Melanitta nigra</i>	10	+	–	0	–	0
Луток – <i>Mergus albellus</i>	–	0	–	0	1	+
Гоголь – <i>Bucephala clangula</i>	1	+	4	+	–	0
Крохаль большой – <i>Mergus merganser</i>	4	+	1	+	–	0
Крохаль средний – <i>Mergus serrator</i>	–	0	–	0	5	+
Тулес – <i>Pluvialis squatarola</i>	–	0	–	0	1	+
Турухтан – <i>Philomachus pugnax</i>	–	0	2	+	–	0
Кулик неопределимый	1	+	–	0	–	0
Итого	997	51	1038	43	1704	61

Таблица 1. Окончание
Table 1. End

Таксон	I		II		III	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Группа 3. Боровая дичь						
Рябчик — <i>Bonasa bonasia</i>	1	+	—	0	—	0
Глухарь — <i>Tetrao urogallus</i>	384	19	258	11	344	12
Тетерев — <i>Tetrao tetrix</i>	5	+	2	+	4	+
Итого	390	20	260	11	348	12
Группа 4. Белая куропатка — <i>Lagopus lagopus</i>	100	5	72	3	62	2
Птицы неопределимые — <i>Aves indet.</i> (абс.)	31	2	83	3	127	5
Всего (абс.)	2006		2408		2815	

Примечание: здесь и в табл. 2 — +/— значения менее 1%

Таблица 2. Состав элементов скелета птиц из раскопок Березовского городища
Table 2. The composition of bird skeleton elements from the excavations in the Berezov fortified settlement

Элементы скелета	Крупные водоплавающие		Мелкие водоплавающие		Глухарь		Белая куропатка	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Кости головы и шеи	45	3	50	2	13	2	1	1
Череп (Cranium)	17	1	36	1	7	1	1	1
Нижняя челюсть (Mandibula)	13	1	11	1	10	1	—	0
Позвонки (Vertebra)	15	1	3	+	3	+	—	0
Кости тела	441	30	883	33	268	31	68	34
Коракоид (Coracoid)	70	5	237	9	99	11	13	7
Лопатка (Scapula)	110	7	113	4	89	10	11	6
Вилочка (Furcula)	82	6	165	6	24	3	1	1
Грудина (Sternum)	163	11	366	14	55	6	42	21
Ребро (Costae)	16	1	2	+	1	+	1	1
Кости крыла	827	56	1467	55	380	44	75	38
Плечевая (Humerus)	509	34	833	32	215	25	44	22
Лучевая (Radius)	121	8	138	5	52	6	5	3
Локтевая (Ulna)	141	9	263	10	59	7	22	11
Пряжка (Carpometacarpus)	48	3	129	5	52	6	4	2
Фаланги крыла	8	1	—	0	2	+	—	0
Кости таза и ног	176	12	269	10	193	22	56	28
Сложный таз (Pelvis Synsacrum)	32	2	57	2	19	2	16	8
Бедро (Femur)	33	2	50	2	100	12	24	12
Большеберцовая (Tibiotarsus)	85	6	138	5	47	5	12	6
Цевка (Tarsometatarsus)	20	1	24	1	25	3	4	2
Фаланги и мелкие кости лап	6	+	—	0	2	+	—	0
Итого	1489	100	2565	100	861	100	200	100

Подавляющее большинство костей всех видов птиц принадлежит взрослым особям. Лишь 2% костей от молодых или полувзрослых птиц, на эпифизах которых сохранилась губчатая ткань (рис. 3, 4).

Раздробленность костей птиц довольно велика. Относительно целые кости (имеющие все части, пусть даже и поврежденные) составляют 40% у водоплавающих птиц и 37% у боровой дичи. Около трети трубчатых костей конечностей пред-

Таблица 3. Выход мясной продукции от различных видов и групп птиц
Table 3. Yield of meat products from various species and groups of birds

Вид	Средний вес одной птицы, кг	Минимальное количество особей	Потенциальное количество мяса, кг
Крупные водоплавающие			
Краснозобая казарка	1.4	4	5.6
Белолобый гусь	2.5	35	87.5
Пискулька	1.9	2	3.8
Гуменник	3	142	426
Серый гусь	3.3	26	85.8
Лебедь-кликун	7	11	77
Чернозобая гагара	2.5	1	2.5
Краснозобая гагара	1.8	1	1.8
Серый журавль	4.5	4	18
Гусь гуменник/серый	3	32	96
Итого	—	258	804
Мелкие водоплавающие			
Кряква	1.1	21	23.1
Чирок-свистунок	0.3	42	12.6
Чирок-трескунок	0.4	14	5.6
Чирок-свистунок/трескунок	0.4	6	2.4
Клоктун	0.5	1	0.5
Свиязь	0.8	70	56
Шилохвость	0.8	107	85.6
Шилохвость/свиязь	0.8	121	96.8
Широконоска	1	32	32
Утки речные	0.8	16	12.8
Красногловый нырок	1.2	8	9.6
Хохлатая чернеть	0.8	11	8.8
Синьга	1.1	3	3.3
Луток	0.6	1	0.6
Гоголь	0.8	2	1.6
Крохаль большой	1.5	2	3
Крохаль средний	1.1	2	2.2
Кулики	0.2	3	0.6
Итого	—	462	357
Боровая дичь			
Рябчик	0.4	1	0.4
Глухарь	2.9	108	313.2
Тетерев	1.1	2	2.2
Итого	—	129	316
Белая куропатка	0.6	18	10.8

ставлены диафизами и их фрагментами (рис. 3, 2, 3). А наименее раздроблены дистальные кости крыла и лап — карпометакарпус, тарзометатарзус (рис. 3, 8) и фаланги. 19% костей имеют следы погрызов, преимущественно на эпифизах (рис. 3, 1,

3, 5, 15). Наиболее часто такие следы отмечены на бедренных (25%) и плечевых (28%) костях. Некоторые кости несут следы разнообразных насечек или надрезов, или являются заготовками изделий (рис. 3, 14, 15). В коллекции артефактов из Бере-

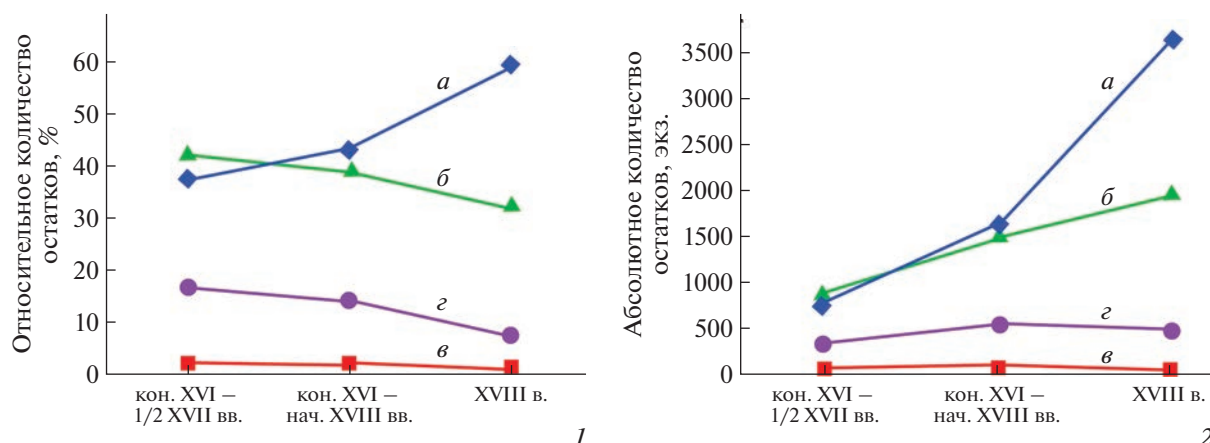


Рис. 2. Изменение относительного (1) и абсолютного (2) количества остатков животных в разных хронологических слоях Березовского городища: а – домашние млекопитающие, б – птицы, в – дикие млекопитающие, г – рыбы.

Fig. 2. Changes in the relative (1) and absolute (2) number of animal remains in different chronological layers of the Berezov fortified settlement

зовского городища имеются игольники из диафизов плечевых костей крупных видов (гусей и лебедей), заготовки для них, а также детские игрушки, изготовленные из птичьих костей (рис. 3, 21).

Для глухаря было определено соотношение костей, принадлежавших самцам (54%) и самкам (46%), что соответствует примерно соотношению 1:1.

Доля разных групп птиц в структуре промысла отражена в табл. 1. Основной промысла во все периоды были перелетные водоплавающие птицы, кости которых составляют 73–85% от всех остатков. Среди них преобладают речные утки – шилохвости, свиязи и чирки (рис. 3, 6, 9–13). На их долю приходится не менее трети всех остатков. Резкое преобладание этой группы в третьем периоде связано с большим скоплением элементов крыльев от уток, найденных в заполнении постройки № 1А. Среди других групп наибольшее количество костей принадлежит таким крупным видам, как глухарь (табл. 1; рис. 3, 7, 8) и гусь гуменник (рис. 3, 1). Можно отметить относительно небольшое количество костей белой куропатки (рис. 3, 5), в то время как остатки этого вида преобладают в материалах из некоторых памятников коренного населения региона (Кардаш, 2009. С. 280; Бачура, Некрасов, 2010. С. 210). Нырковые утки (*Aythya*), крохали (*Mergina*), гадгары (*Gavia*) и кулики (*Charadrius*) представлены единичными костями, что позволяет предположить, что добывались они попутно с другими водоплавающими птицами, и специализированной охоты на них не велось.

На первом этапе заселения территории половину всей добычи составляют речные утки (51%), а остальная часть приходится на крупных водоплавающих птиц (22%) и глухаря (19%). Позже

это соотношение меняется. Число костей глухаря значительно сокращается к концу XVII в. К середине XVIII в. его абсолютная численность восстанавливается, но доля в составе промысла остается ниже исходной. Обратную динамику демонстрирует количество добываемых гусей. Наибольшее их количество было добыто во втором периоде (табл. 1).

Относительный вклад мясной продукции, который можно получить от охоты на разные группы птиц, оценивали по трем параметрам: количеству видов, количеству особей и выходу количества мяса от каждой группы видов (табл. 3). По всем трем параметрам наименьшие значения имеют группы видов, добываемые зимой – боровая дичь и куропатка. По первым двум параметрам лидируют мелкие водоплавающие птицы. А третий параметр (потенциальное количество мяса) самый высокий у крупных водоплавающих птиц (табл. 3). Основу первой группы составляют гуменник и в меньшей степени серый и белолобый гуси. Во второй группе наибольший вклад вносят шилохвость и свиязь, в меньшей мере – широконоска и кряква. Третья группа сформирована преимущественно за счет глухаря. Крупные гуси давали до 54% всей мясной продукции, получаемой от охоты на птиц, а утки и глухарь – по 23% (рис. 4). Наибольший вклад в мясную продукцию летом вносила охота на четыре вида крупных гусей. А выход продукции от зимней охоты на глухаря был сопоставим с продукцией, которую получали от летней охоты на несколько видов уток.

Березов стоит в пойме Оби, на высоком берегу р. Северная Сосьва на левой стороне вблизи устья. Он «окружается со всех четырех сторон – с южной баерак, гористое лесное и болотистое, а с



Рис. 3. Кости птиц из раскопок Березовского городища: плечевые кости: гуменника (1), гусей (2, 3), белой куропатки (5), чирка (6), свиязи (11); коракоид: молодой особи гуменника (4), глухаря (7), шилохвосты (9); цевка глухаря (8); бедренная, локтевая, большеберцовая кости шилохвосты (10, 12, 13); заготовка для игольника из плечевой кости гуся (14); обрезанный конец плечевой кости лебеда (15); остатки перьев (16–19); ручка из гусяного пера (20); игрушка из грудины и вилок гуся (21).

Fig. 3. Bones of birds from the excavations in the Berezov fortified settlement

северной, расстоянием с версту, — река Агулка (Вогулка. — А.М.), а западной — лесное матерое и болотистое, с восточной — река Сосьва, а за оной луговые места” (Описание Тобольского намест-

ничества, 1982. С. 160). На севере течет р. Вогулка, на юге и западе от города расстилаются хвойные леса, произрастающие на болотистой местности. Город окружен лесом и открыт на реку.

Такое сочетание разнообразных ландшафтов, включающих лесные массивы, большое водное пространство и заболоченные поймы обеспечивают большое количество разнообразных местобитаний для многочисленных видов птиц. По словам Н.А. Абрамова: “Природа везде прекрасна и имеет свои красоты и удовольствия. Летом здешний край не кажется пустыней; взглянешь ли на воды — рунные рыбы кишат в них; плавают и ныряют лебеди разных видов и цветов гуси, утки и другие водяные птицы” (1857. С. 439).

В Березове с конца XVI до начала XIX в. постепенно увеличивался общий объем потребления животной пищи за счет увеличения численности домашних копытных. Одновременно относительная роль птицы в пищевом рационе населения города уменьшалась, но абсолютное количество добываемой птицы оставалось постоянно высоким (рис. 2).

Промысел птицы в торговых целях для местного населения не представлял интереса в силу отсутствия спроса из-за отдаленности рынков сбыта. Поэтому главной целью добычи птицы было получение дополнительного мясного питания (Дунин-Горкавич, 1995). Промысловыми на Нижней Оби можно считать почти все виды птиц. Коренное население Крайнего Севера использовало в пищу мясо гагар, журавлей, куликов и даже белых сов (Дерюгин, 1898), но добывало их в большей степени случайно: “Прочие: сукалены, турухтаны, стерки, журавли, а гагары разве незначай попадутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не прилагает” (Зуев, 1947. С. 82). Добывали ли птицу березовские горожане? Судя по наличию значительного количества наконечников стрел, найденных при раскопках этой части Березовского городища, можно предположить, что часть птицы добывали сами жители. Другую часть, по свидетельству В.Ф. Зуева поставляли промышленники — остяки и самоеды: “...в щастливой год хорошей промышленник одних уток тысяч до двух напромышляет, выключая других гусей и лебедей и проч. Однако всю оную отдаст русским или за долг или на муку меняет” (Зуев, 1947. С. 35).

В соответствии с биологическими особенностями разных видов, промысел птиц в течение года делился на несколько этапов. Вот как описывает их А.А. Дунин-Горкавич: “Промысел водяной птицы длится три — четыре недели, начиная со времени прилета, наступающего недели за две до вскрытия реки, так что промысел этот производится главным образом в мае. Промысел линяющей утки наблюдается в июле; а промысел лесной птицы наступает со второй половины августа и продолжается до выпадения снега” (1995. С. 143).

По сравнению с домашними животными роль птицы в мясном потреблении горожан была



Рис. 4. Доля мясной продукции, которую получали жители города Березова от разных групп птиц.

Fig. 4. The share of meat products that the population of Berezov received from different groups of birds

вспомогательной, и в среднем мясной вклад добываемых птиц, ввиду их размеров, был заметно меньше, чем вклад копытных животных. Однако распределение мясных запасов, доступных населению в разные сезоны года, не было равномерным. Массовый осенний забой скота позволял сделать запасы на долгий холодный период. Косвенным доказательством того, что зимой не было острой нехватки мяса, может служить небольшое количество остатков белой куропатки, наиболее многочисленного и легко добываемого зимой вида (Историческая экология..., 2013. С. 208). Соотношение костей разных промысловых групп однозначно дает понять, что наиболее востребована была добыча перелетной водоплавающей птицы, возможная в весенне-летний период, когда запасы мяса, заготовленные осенью и зимой, истощались. Именно в это время массовый промысел птицы, и вероятно яиц из весенних кладок, компенсировал горожанам нехватку продовольствия.

Весенняя миграция птиц идет волнами, в связи с различием в экологии разных видов. Первая волна состоит из лебедей, серого гуся, гуменника, кряквы, чирков, шилохвосты, свиязи и широконоска (Брауде, 1992). Это наиболее добываемые в Березове весенние виды (табл. 1), массовый прилет которых происходит в среднем в конце апреля — начале мая. Большое количество добываемого гуменника, шилохвостей, свиязей и чирков объясняется не только их ранним прилетом, но еще и тем, что эти виды гнездятся в непосредственной близости от города (Рябицев, 2010), и их добыча возможна в течение всего теплого сезона, вплоть до позднего отлета. Летом, во время линь-

ки пера они особенно многочисленны в долине и на сорах Нижней Оби, когда линяющие птицы (самцы и не участвующие в размножении самки уток и гусей) собираются в огромные стаи на водоемах (Брауде, 1992; Рябицев, Алексеева, 1995). У всех видов перед началом линьки упитанность бывает выше средней за счет накопления подкожного и полостного жира.

Птицы, численность костей которых в нашей выборке не высока (лебедь, белолобый гусь, пискулька и др.), как правило, гнездятся севернее или в труднодоступных местах и добывали их, вероятно, только во время весеннего или осеннего пролета. Поэтому можно предположить, что список наиболее многочисленных видов связан в первую очередь с доступностью и простотой их промысла.

В зимнее время в окрестностях Березова охотились на глухаря. Ни на одном известном поселении севера Западной Сибири нет такого количества костей этого вида (Историческая экология..., 2013). Глухари оседло живут в северной тайге и не улетают далеко, а лишь совершают небольшие кочевки в течение сезона (Рябицев, 2010. С. 132). Добыча глухаря возможна на весенних токах, где собирается большое количество самцов. Но в таком случае число костей самцов должно быть больше, чем самок. Подобное соотношение костей самцов и самок глухаря, примерно 9:1, было описано для поселения Усть-Войкар (Бачура, Некрасов, 2010. С. 211) и деревни Ананьино (Татаурова, Некрасов, 2021. С. 78). В раскопах Усть-Полюя оно составляет 2:1 (Бачура и др., 2017. С. 94). В Березове соотношение самок и самцов глухаря близко к 1:1, что подтверждает сведения этнографов о зимней охоте на глухарей, когда птицы держатся одиночно или небольшими стаями.

Способы охоты на птицу также менялись по временам года, но в любое время основные массовые способы охоты не требовали использования стрелкового оружия (луков и ружей), что значительно удешевляло промысел. Во время весенних перелетов уток добывали в основном сетями — перевесами, или “кысканами” (кыскан — сеть для ловли птиц, она значительно ниже перевеса, но такая же длинная). Гораздо реже гусей и лебедей стреляли из луков и ружей во время весенних охот на чучела. Летом линных уток и гусей загоняли в сети, и добывали, таким образом, по несколько сотен и тысяч птиц каждый день. Осенний промысел лесной птицы боровой дичи и куропатки производился главным образом специальными ловушками — слопцами. Хорошие описания этих способов охоты на птиц есть у авторов XIX в. (Зуев, 1947; Руденко, 1914; Поляков, 2002. С. 37, 38; Белявский 2004. С. 12–15). Вот как описывает летний промысел птиц В.Ф. Зуев: “В прочем, можно

сказать, что птицы во все лето бывает здесь таково множество, что большая часть Березовского уезда запасом оных довольствуется чрез год целой. Прав[да], что хотя из крупных птиц гусей, и лебедей не столь много засолить случится, потому что в одно только начало весны и промышляют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется” (1947. С. 81). Значительные колебания численности разных видов водоплавающих птиц во времени могут быть последствием значительной нагрузки на их популяции при таких способах массовой загонной охоты.

В целом весенне-летняя охота на птиц преобладала над зимней. Наибольшее количество дополнительного мяса летом давала охота на четыре вида крупных гусей, лебедя и четыре вида уток, а в зимнее время охота на глухаря и белую куропатку. При этом в холодное время поступление дополнительной мясной продукции от охоты сокращалось более чем в три раза, по сравнению с весенне-летним временем. Летом птицу заготавливали также, как и рыбу: ее сушили и солили (Белявский, 2004. С. 15) или хранили в скотных хлевах, которые в теплое время года служили ледниками (Березово..., 2008. С. 187).

Изменения в соотношении промысловых групп в разные хронологические периоды могут быть связаны с динамикой численности разных видов в окрестностях города. Наиболее ярко это проявляется в отношении глухаря. Уменьшение количества его добычи к концу XVII в. может быть связано как с естественными изменениями численности, присущими этому виду (Данилов, 1975), так и с последствиями перепромысла (Рябицев, 2010. С. 131). Похожие флуктуации численности водоплавающих птиц и сейчас отмечают на севере Западной Сибири (Молочаев, 1990).

Возможен и другой вариант. К началу XVIII в., по этнографическим данным, у жителей города появляются собственные стада домашнего северного оленя (Березово..., 2008. С. 185, 186), что хорошо иллюстрируется увеличением количества его костей в материалах этого времени (Бачура и др., 2020). Ранее оленеводством занималось только коренное население региона. Забой оленей осуществляют, как правило, в осенне-зимний период. Вероятно, с увеличением мясной продукции, которая поступала в город в зимнее время, роль охоты на птицу (в данном случае глухаря) отошла на второй план.

Березовское городище — один из немногих археологических объектов, где было найдено большое количество перьев (рис. 3, 16–19) и скорлупы птичьих яиц, хорошо сохранившихся в мерзлом культурном слое. Эти находки свидетельствуют о том, что в хозяйстве использовались все компо-

ненты местных промысловых ресурсов. Письменные источники подтверждают, что перо птицы было одним из распространенных товаров на торгах Березовского уезда (Абрамов, 1857. С. 419).

Соотношение частей тела птиц на археологических объектах западной Сибири, как правило, схоже, и предполагает значительное преобладание элементов крыла (Пантелеев, Потапова, 2000; Бачура, Некрасов, 2010; Мартынович, 2013а). Особенно это касается водоплавающих птиц (табл. 2). Возможно, большое количество хорошо сохранившихся костных элементов крыла и скоплений перьев объясняется широким использованием верхней части крыла с маховыми перьями для различных хозяйственных нужд. В коллекции артефактов из Березовского городища и Мангазеи попали ручки из гусиных перьев (рис. 3, 20). Большие маховые перья использовали также для оперенья стрел, которое по описаниям Г.Ф. Миллера "...делается охотнее всего из орлиных крыльев, а за их отсутствием берется от гусей, а также от глухарей и тетеревов. ...Орлиные и гусиные перья являются лучшими, так как не скоро намокают в воде. Перья глухарей, тетеревов, куропаток, лебедей и т.д., напротив, намокают быстро, и стрела от этого тяжелеет." (Северо-Западная Сибирь..., 2006. С. 374). Глухаринные перья были отмечены в Мангазее в составе прикладов (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 128). Известно, что и сейчас местное население использует крылья птиц для украшения дома и одежды, в качестве разнообразных веничков для полов и мебели, и помазков для сковороды. Помимо перьев, вероятно, использовали и пух птиц, например, для набивания подушек и перин.

В XVI–XIX вв. охота на птиц в хозяйстве населения города Березово играла заметную роль. Хотя относительная доля птицы в пищевом рационе населения города со временем уменьшалась, интенсивность промысла птицы при этом оставалась постоянно высокой. Жители города охотились на птицу как самостоятельно, так и, возможно, покупали дичь у местного населения. На птицу охотились круглый год. Преобладала весенне-летняя охота на водоплавающих птиц. В зимнее время добывали в основном глухаря.

В хозяйстве использовались все компоненты, которые можно получить от охоты на птиц — мясо, пух, перо, яйца. В первую очередь, птицы служили дополнительным источником мяса для населения. Наибольшее количество дополнительного мяса летом давала охота на четыре вида крупных гусей, лебедя и четыре вида уток, а в зимнее время — охота на глухаря и белую куропатку. При этом в холодное время поступление дополнительной мясной продукции от охоты сокращалось почти в три раза по

сравнению с весенне-летним временем. Кроме того, в большом количестве использовали перья и пух диких птиц. А в весеннее время собирали яйца из гнезд для еды.

Авторы выражают благодарность М.Ю. Шершневу и Е.В. Шилинг за помощь в подготовке фотоматериалов и иллюстраций.

Описание остеологической коллекции и статистический анализ выполнены в рамках государственного задания Института экологии растений и животных УрО РАН № 122021000095-0. Археозоологический анализ выполнен при поддержке гранта РНФ № 22-18-00624: "Историческая урбанистика русских городов Севера Сибири: Березов".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Русского Географического Общества. Кн. 12. СПб., 1857. С. 327–448.
- Антипина Е.Е., Маслов С.П. К фауне позвоночных Печорско-Рязанского (некоторые экологические, хозяйственные и бытовые аспекты) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: ИА РАН, 1993. С. 224–231.
- Бачура О.П., Косинцев П.А., Гимранов Д.О., Корона О.М., Некрасов А.Е., Пантелеев А.П. Хозяйственная деятельность населения и природное окружение памятника Усть-Полуй в I в. до н.э. — I в. н.э. // Археология Арктики. Вып. 4. Усть-Полуй — материалы и исследования: коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 81–99.
- Бачура О.П., Лобанова Т.В., Визгалов Г.П., Мартынович Н.В., Гимранов Д.О. Хозяйственная деятельность населения посада города Березова в XVII–XVIII вв. (по остеологическим материалам из раскопа 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 53–64.
- Бачура О.П., Некрасов А.Е. Промысловые и домашние животные в хозяйственной деятельности населения городища Усть-Войкарский (XIV–XIX вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 206–213.
- Белявский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень: Мандр и Ко, 2004. 296 с.
- Березово (очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург: СОКРАТ, 2008. 472 с.
- Бобковская Н.Е. Остеологическая коллекция из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Тауорова. Омск: Апельсин, 2008. С. 367–377.
- Бобковская Н.Е. Животноводство в Березове (XVII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 201–205.

- Брауде М.И.* Экология водоплавающих птиц, охрана и рациональное использование их ресурсов // Природа поймы Нижней Оби. Наземные экосистемы. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 1992. С. 153–173.
- Визгалов Г.П., Кардаш О.В.* “Остяцкая усадьба” в посаде города Березов XVIII века (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 87–97.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. 204 с.
- Данилов Н.Н.* Урал и Зауралье // Тетеревиные птицы / Отв. ред. С. В. Кириков. М.: Наука, 1975. С. 59–82.
- Дерюгин К.М.* Путешествие в долину среднего и нижнего течения реки Оби и фауна этой области // Труды Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Отделение Зоологии и физиологии. 1898. Т. 29. Вып. 2. С. 47–140.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. 1. М.: Либерия, 1995. 376 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. 2. Тобольск: Губ. тип., 1910. 353 с.
- Зуев В.Ф.* Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде Иноверческих народов остяков и самоедцов // Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. V. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 21–90.
- Историческая экология населения севера Западной Сибири / Ред. П.А. Косинцев. Нефтеюганск: Ин-т археологии Севера; Екатеринбург: АМБ, 2013. 376 с.
- Кардаш О.В.* Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
- Косинцев П.А., Лобанова Т.В.* Птицы из голоценовых местонахождений севера Западной Сибири // Фауна Урала и Сибири. 2015. № 2. С. 88–105.
- Мартынович Н.В.* Птицы “Златокипящей Мангазеи” // Зоологический журнал. 2013а. Т. 92. № 9. С. 1129–1135.
- Мартынович Н.В.* Птицы Березовского городища (Нижнее Приобье) // Динамика современных экосистем в голоцене: материалы Третьей Всерос. науч. конф. Казань: Отечество, 2013б. С. 241–242.
- Мартынович Н.В.* Куры (*Gallus gallus domestica*) Березовского городища (Нижнее Приобье) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013в. С. 330–332.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. 3-е изд. М.: Восточная литература, 2005. 630 с.
- Молочаев А.В.* Особенности динамики численности водоплавающих птиц в низовьях Оби // Биологические основы учета численности охотничьих животных / Науч. ред. А.А. Назаров. М., 1990. С. 138–152.
- Некрасов А.Е.* Кухонные остатки костей птиц и рыб из Верхотурского кремля // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 113–125.
- Некрасов А.Е.* Охотничье-промысловая фауна птиц из раскопок городка Эмдер // Древний Эмдер / Под. ред. А.Л. Зыкова, С.Ф. Кокшарова. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 264–269.
- Некрасов А.Е.* Костные остатки птиц из голоценовых местонахождений Урала и Западной Сибири // Четвертичная палеозоология на Урале. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 158–170.
- Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982. 309 с.
- Пантелеев А.В., Потапова О.Р.* Позднеголоценовые птицы из археологической стоянки окрестностей г. Салехарда (севера Западной Сибири) // Русский орнитологический журнал. 2000. № 106. С. 3–31.
- Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 200 с.
- Руденко С.И.* Иногородцы Нижней Оби. СПб.: Тип. А.Э. Коллинс, 1914. 16 с.
- Рябицев В.К., Алексеева Н.С.* Птицы // Природа Ямала. Екатеринбург: Наука, 1995. С. 271–298.
- Рябицев В.К., Рябицев А.В.* Птицы Ямало-Ненецкого автономного округа: справочник-определитель. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 448 с.
- Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / Пер., подгот. текста, предисл., коммент. А.Х. ЭлERTA. Екатеринбург: Волот, 2006. 416 с.
- Татаурова Л.В., Некрасов А.Е.* Промысел пернатой дичи русским населением Тарского Прииртышья в XVII–XIX вв.: письменные и археологические источники // Stratum plus. 2021. № 6. С. 75–86.
- Шашков А.Т.* Славен град Березов! // Родина. 2003. № 7. С. 44–49.
- Zhilin M.G., Karhu A.A.* Exploitation of birds in the early Mesolithic of Central Russia // Acta zoologica cracoviensia. 2002. V. 45 (special issue). P. 109–116.

GAME BIRDS IN THE ECONOMY OF THE POPULATION OF BEREZOV (BASED ON THE RESULTS OF ARCHAEOZOOLOGICAL ANALYSIS)

Tatiana V. Lobanova^{a,b,#}, Olga P. Bachura^{a,b,##}, Nikolay V. Martynovich^{c,###},
Georgy P. Vizgalov^{b,d,####}, Inna V. Slesarenko^{e,#####}

^aInstitute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch RAS, Yekaterinburg, Russia

^bSurgut State University, Surgut, Russia

^cMuseum of the World Ocean, Kaliningrad, Russia

^dInstitute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

^eInstitute of Archaeology of the North, Nefteyugansk, Russia

[#]E-mail: lota_64@mail.ru

^{##}E-mail: olga@ipae.uran.ru

^{###}E-mail: martynovichn@mail.ru

^{####}E-mail: vizgalovgp@mail.ru

^{#####}E-mail: sliesarenko.inna@yandex.ru

Based on the evidence from osteological collection of birds (over 7,000 specimens), the hunting of game by the population of the town of Berezov in Modern period was reconstructed. The study identified species composition of game birds and conducted an analysis of the ratio of skeletal elements, fragmentation of bones, and external influences. The main purpose of bird hunting was to obtain an additional source of meat for the population of the town. Over time, the relative significance of poultry in the diet of the urban population decreased, but the intensity of game hunting remained constantly high. The game was hunted all year round. Spring-summer hunting for waterfowl was a dominant type. In winter, they hunted mainly for wood grouse and ptarmigan. Based on the average weight of each species, the authors calculated the potential amount of meat that can be obtained from the hunting for the three main groups of birds. It is shown that in the cold season, the supply of additional meat products from bird hunting decreased almost threefold compared with the spring-summer time.

Keywords: Western Siberia, Russian population, bone remains, birds, hunting activity.

REFERENCES

- Abramov N.A., 1857. Description of Berezov region. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Transactions of the Russian Geographical Society], 12. St. Petersburg, pp. 327–448. (In Russ.)
- Antipina E.E., Maslov S.P., 1993. To the vertebrate fauna of Pereyaslavl-Ryazansky (some ecological, economic and household aspects). *Ekologicheskie problemy v issledovaniyakh srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Ecology problems in studies of the medieval population of Eastern Europe]. T.I. Alekseeva, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 224–231. (In Russ.)
- Bachura O.P., Kosintsev P.A., Gimranov D.O., Korona O.M., Nekrasov A.E., Panteleev A.P., 2017. Economic activity of the population and the natural environment of the Ust-Poluy site in the 1st century BC – 1st century AD. *Arkheologiya Arktiki* [Archaeology of the Arctic], 4. Ust'-Poluy – materialy i issledovaniya: kollektivnaya monografiya [Ust'-Poluy – materials and research: Joint monograph], 1. Ekaterinburg: Delovaya pressa, pp. 81–99. (In Russ.)
- Bachura O.P., Lobanova T.V., Vizgalov G.P., Martynovich N.V., Gimranov D.O., 2020. Economic activity of the population of the Berezov suburbs during the 17th–18th centuries (based on osteological materials from excavation site 2). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii], 1 (48), pp. 53–64. (In Russ.)
- Bachura O.P., Nekrasov A.E., 2010. Hunting and domestic animals in the economic activity of the population of the Ust-Voykarsky fortified settlement (14th–19th centuries). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii], 2 (13), pp. 206–213. (In Russ.)
- Belyavskiy F.M., 2004. Poezdka k Ledovitomu moryu [Journey to the Arctic Sea]. Tyumen': Mandr i Ko. 296 p.
- Berezovo (ocherki istorii s drevnosti do nashikh dney) [Berezov (studies in history from antiquity to the present day)]. D.A. Redin, ed. Ekaterinburg: SOKRAT, 2008. 472 p.
- Bobkovskaya N.E., 2008. Osteological collection from the excavations of the Berezov fortified settlement. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. L.V. Tataurova, ed. Omsk: Apel'sin, pp. 367–377. (In Russ.)
- Bobkovskaya N.E., 2010. Animal husbandry in Berezov (17th century). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii], 2 (13), pp. 201–205. (In Russ.)
- Braude M.I., 1992. Ecology of waterfowl, protection and sound management of their resources. *Priroda poymy Nizhney Obi. Nazemnye ekosistemy* [The natural environment of the Lower Ob floodplain. Terrestrial ecosystems]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение Rossiyskoy akademii nauk, pp. 153–173. (In Russ.)
- Danilov N.N., 1975. The Urals and Trans-Urals. *Teterevinye ptitsy* [Grouse family (Tetraonidae)]. S.V. Kirikov, ed. Moscow: Nauka, pp. 59–82. (In Russ.)

- Deryugin K.M., 1898. Journey to the valley of the Middle and Lower Ob River and the fauna of that area. *Trudy Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytateley. Otdelenie Zoologii i fiziologii [Proceedings of the Imperial St. Petersburg Society of Naturalists. Department of Zoology and Physiology]*, vol. 29, iss. 2, pp. 47–140. (In Russ.)
- Dunin-Gorkavich A.A., 1910. Tobol'skiy Sever [Tobolsk North], 2. Tobol'sk: Gubernskaya tipografiya. 353 p.
- Dunin-Gorkavich A.A., 1995. Tobol'skiy Sever [Tobolsk North], 1. Moscow: Liberiya. 376 p.
- Golovnev A.V., 1993. Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severo-Zapadnoy Sibiri [Historical typology of the economy of Northwest Siberian peoples]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 204 p.
- Istoricheskaya ekologiya naseleniya severa Zapadnoy Sibiri [Historical ecology of the population of Northwestern Siberia]. P.A. Kosintsev, ed. Nefteyugansk: Institut arkhologii Severa; Ekaterinburg: AMB, 2013. 376 p.
- Kardash O.V., 2009. Nadym'skiy gorodok v kontse XVI – pervoy treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura [Nadym town at the end of the 16th – the first third of the 18th century. History and material culture]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. 360 p.
- Kosintsev P.A., Lobanova T.V., 2015. Birds from Holocene localities in the north of Western Siberia. *Fauna Urala i Sibiri [Fauna of the Urals and Siberia]*, 2, pp. 88–105. (In Russ.)
- Martynovich N.V., 2013a. Birds of the “gold bustling Mangazeya”. *Zoologicheskii zhurnal [Biology bulletin]*, vol. 92, no. 9, pp. 1129–1135. (In Russ.)
- Martynovich N.V., 2013b. Birds of the Berezov fortified settlement (Lower Ob region). *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene: materialy Tre't'ey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Dynamics of modern ecosystems in the Holocene: Proceedings of the Third All-Russian scientific conference]*. Kazan': Otechestvo, pp. 241–242. (In Russ.)
- Martynovich N.V., 2013b. Fowl (*Gallus gallus domesticus*) of the Berezov fortified settlement (Lower Ob region). *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiyskoy imperii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Archaeology of the North of Russia: from the Iron Age to the Russian Empire: Proceedings of the All-Russian scientific conference]*. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 330–332. (In Russ.)
- Miller G.F., 2005. Istoriya Sibiri [History of Siberia], I. 3rd edition. Moscow: Vostochnaya literatura. 630 p.
- Molochaev A.V., 1990. Peculiarities of the dynamics in waterfowl numbers in the Lower Ob. *Biologicheskie osnovy ucheta chislennosti okhotnich'ikh zhivotnykh [Biological bases for counting the number of hunting animals]*. A.A. Nazarov, ed. Moscow, pp. 138–152. (In Russ.)
- Nekrasov A.E., 1998. Kitchen remains of bird and fish bones from the Verkhoturye Kremlin. *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniya g. Verkhotur'ya [Archaeological and historical research of Verkhoturye]*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 113–125. (In Russ.)
- Nekrasov A.E., 2001. Hunting game birds from the excavations of the town of Emdar. *Drevniy Emdar [Ancient Emdar]*. A.L. Zykov, S.F. Koksharov, eds. Ekaterinburg: Volot, pp. 264–269. (In Russ.)
- Nekrasov A.E., 2003. Bone remains of birds from the Holocene localities of the Urals and Western Siberia. *Chetvertichnaya paleozoologiya na Urale [Quaternary palaeozoology in the Urals]*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 158–170. (In Russ.)
- Opisanie Tobol'skogo namestnichestva [Description of the Tobolsk governorship]. Novosibirsk: Nauka, 1982. 309 p.
- Panteleev A.V., Potapova O.R., 2000. Late Holocene birds from the archaeological site near Salekhard (Northwestern Siberia). *Russkiy ornitologicheskii zhurnal [Russian journal of ornithology]*, 106, pp. 3–31. (In Russ.)
- Polyakov I.S., 2002. Pis'ma i otchety o puteshestvii v dolinu r. Obi, ispolnennom po porucheniyu Imperatorskoy Akademii nauk [Letters and reports about the journey to the valley of the Ob River conducted at the instruction of the Imperial Academy of Sciences]. Tyumen': Izdatel'stvo Yuriya Mandriki. 200 p.
- Rudenko S.I., 1914. Inorodtsy Nizhney Obi [Foreigners of the Lower Ob region]. St. Petersburg: Tipografiya A.E. Kollins. 16 p.
- Ryabitsev V.K., Alekseeva N.S., 1995. Birds. *Priroda Yamala [Natural environment of Yamal]*. Ekaterinburg: Nauka, pp. 271–298. (In Russ.)
- Ryabitsev V.K., Ryabitsev A.V., 2010. Ptitsy Yamalo-nenetskogo avtonomnogo okruga: spravochnik-opredelitel' [Birds of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: a reference guide]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 448 p.
- Severo-Zapadnaya Sibir' v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G.F. Millera [Northwestern Siberia in expedition works and materials of G.F. Miller]. A.Kh. Elert, transl., ed. Ekaterinburg: Volot, 2006. 416 p.
- Shashkov A.T., 2003. Glorious town of Berezov! *Rodina [Motherland]*, 7, pp. 44–49. (In Russ.)
- Tataurova L.V., Nekrasov A.E., 2021. Hunting of game fowl by the Russian population of the Tara area of the Irtysh region in the 17th–19th centuries: written and archaeological sources. *Stratum plus*, 6, pp. 75–86. (In Russ.)
- Vizgalov G.P., Kardash O.V., 2011. “Ostyak estate” in the suburb of Berezov town of the 18th century (based on materials from archaeological research in 2008). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Vestnik arheologii, antropologii i etnografii]*, 1 (14), pp. 87–97. (In Russ.)
- Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G., 2008. Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: new archaeological research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. 296 p.
- Zhilin M.G., Karhu A.A., 2002. Exploitation of birds in the early Mesolithic of Central Russia. *Acta zoologica cracoviensis*, 45 (special issue), pp. 109–116.
- Zuev V.F., 1947. Description of the Ostyaks and Samoyeds, peoples of different faith living in Berezov district, Siberian province. *Trudy instituta etnografii Akademii nauk SSSR. Novaya seriya [Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. New series]*, V. Materialy po etnografii Sibiri XVIII v. (1771–1772) [Materials on the ethnography of Siberia in the 18th century (1771–1772)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 21–90. (In Russ.)

КЛАД УКРАШЕНИЙ И ПРЕДМЕТОВ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ V–IV вв. до н.э. С ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г. Е. В. Столяров^{1,*}, О. А. Радюш^{2,**}

¹Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, Тула, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: stolarov_e@mail.ru

**E-mail: radjush@mail.ru

Поступила в редакцию 23.11.2022 г.

После доработки 23.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

С территории Брянской области происходит клад эпохи раннего железного века. В состав клада входят железные псалии, налобник, бронзовые уздечные бляшки, а также браслеты — гладкие литые и полые литые, выполненные в технике литья по восковой модели. Вещи были положены в груболепной горшок. Уникальный комплекс датируется в рамках V–IV вв. до н.э., найден в ареале юхновской археологической культуры. Комплектность анализируемого клада, обстоятельства его обнаружения находят прямые аналогии среди кладов, происходящих с территории южного побережья Балтийского моря. Не исключено, что полые браслеты из клада — подражание образцам, найденным на территории Польского Поморья и сопредельных территорий.

Ключевые слова: клад, браслеты, предметы конского снаряжения, Брянская область, ранний железный век.

DOI: 10.31857/S0869606323020174, **EDN:** RGTDEY

Обстоятельства и место находки клада. Публикуемый клад (рис. 1–8) был найден вблизи р. Титва (левый приток р. Снова, правого притока р. Десна), к северу от с. Нижнее в Стародубском р-не Брянской обл. более 10 лет назад (рис. 1). Точное место находки не удалось установить из-за давности времени. По словам находчика, все вещи лежали компактно в глиняном горшке. Верхняя часть и фрагмент донца горшка наряду с вещами, содержащимися в нем (инвентарные номера: Государственный музей-заповедник, Книга поступлений — 1904/11–25), были переданы начальником Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН О.А. Радюшем в Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, дополнив формирующуюся коллекцию находок металлопластики раннего железного века с территории Посеймья, Верхнего Поочья и Подесенья.

Клад состоит из предметов украшений — браслетов, видимо мужских, исходя из их размеров, и предметов конского снаряжения (два псалия, налобник и уздечные бляшки). Для трех полых браслетов и одной уздечной бляшки определен химический состав металла неразрушающим методом безэталонного РФА-анализа на спектрометре M1 Mistral (Bruker).

Два браслета (рис. 6; 7, 2) и бляшка изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Один браслет (рис. 7, 1) — из свинцовой бронзы (таблица). В целом подобные металлургические рецепты обычны как для инвентаря скифского периода юга России (Барцева, 1981. С. 17), так и для лесной зоны эпохи раннего железного века.

Уникальность клада не только для Днепро-Деснинского междуречья, но и для сопредельных территорий послужила основанием его публикации. Находка клада позволяет более рельефно показать сложные историко-культурные процессы, протекавшие на территории лесной зоны европейской части России. Данная работа продолжает серию публикаций, посвященныхкладам раннего железного века (Столяров, Радюш, 2020, 2022).

Состав клада. Груболепной слабопрофилированный горшок представлен верхней третью сосуда и фрагментом донца (рис. 2). Обжиг черепков неравномерный: снаружи цвет от темно-коричневого до светло-коричневого, внутри — темно-серый. Поверхность горшка снаружи хорошо заглажена, с внешней стороны прослежены следы от вертикального заглаживания. В качестве отошителя были использованы песок, мелкая слюда, мелкоотолченная дресва. Горшок орнаментирован тычками палочкой по срезу венчика и одним ря-



Рис. 1. Места находок клада (А) и аналогий (Б, В). Б – находки полых браслетов на территории Польши (1–11), Венгрии (12) и Украины (13): 1 – г. Бжеско; 2 – окрестности г. Гожув Велькопольский; 3 – г. Клечев; 4 – с. Яновице; 5 – район г. Кнышин; 6 – окрестности г. Кошалин; 7 – гмина Пуцк; 8 – г. Мосина; 9 – г. Слупы; 10 – г. Тчев; 11 – д. Зелазо, гмина Смолдзино; 12 – г. Бальф; 13 – случайная находка; В – находки налобников: 1 – Частые курганы, курган 1; 2 – Русская Тростянка, курган 17; 3 – Дуровка, курган 1; 4 – Каменка; 5 – Терновка, курган 25; 6 – Чертомлык, курган 28; 7 – Солоха, курган 2; 8 – Огуз.

Fig. 1. The locations of finding the hoard (А) and its analogies (Б, В)

дом тычков подтреугольной формы по плечикам горшка. Диаметр устья горшка – 20 см, диаметр донца – 8. Данный тип горшков в целом соотносится с керамикой юхновской археологической культуры Подесенья V–IV вв. до н.э. (Левенок, 1963. С. 90. Рис. 5; Каравайко, 2012. С. 75–96). Этому не противоречит и место обнаружения клада (Брянская область, ее западная часть), которое входит в ареал юхновской культуры.

Псалии – два железных кованых стержневидных двудырчатых псалия с восьмерковидным расширением в центре для крепежа в удилах (рис. 3, 1, 2). По типологии Ю.А. Шевгуновой и И.И. Неретина относятся к выделенному ими типу IV. Необходимо только отметить, что концы этого типа псалий обычно заканчиваются конусовидными шишечками, у рассматриваемых же экземпляров они полусферические. Время быто-

Результаты РФА-анализа находок из клада Results of XRF analysis of the finds from the hoard

Наименование/рис.	Шифр хранения	Pb	Cu	Sn	Sb	Zn	Fe	Ag	As	Mn	Ni	Au
Браслет/рис. 7, 2	ГМЗ-КП-1904/12	4.67	85.4	8.92	0	0	0.15	0.23	0.37	0	0	0
Браслет/рис. 7, 1	ГМЗ-КП-1904/13	3.48	94.43	0.9	0.22	0.01	0.15	0.13	0.49	0	0	0
Браслет/рис. 6	ГМЗ-КП-1904/14	3.97	84.02	10.0	0.21	0	0.37	0.61	0.7	0	0	0
Бляшка сбруйная/ рис. 4, 2	ГМЗ-КП-1904/20	4.05	84.01	6.59	0.21	0	1.25	0.27	0.55	0	0	0



Рис. 2. Лепной горшок, в котором был сокрыт клад.
Fig. 2. The handmade pot in which the hoard was concealed

вания данного типа определяется в рамках V–IV вв. до н.э. (Шевгунова, Неретин, 2011. С. 177, 178). У одного псаля (целая форма) по пять кольцевых поясков расположено на окончаниях, перед конусовидными шишечками, и с двух сторон восьмерковидного расширения — рифленый край (рис. 3, 1). У другого псаля утрачено одно окончание, семь кольцевых поясков — перед полусферическим окончанием и 6–7 кольцевых поясков — перед восьмерковидным расширением (рис. 3, 2). На конце, который обломан, сохранилось три кольцевых пояса.

Аналогичные по типу псаля происходят из кургана 5 у с. Колбино (Гуляев, 2010. С. 110, 111. Рис. 25, 10, 18), кургана 11 курганного могильника Частые курганы (Пузикова, 2001. С. 14. Рис. 8, 1), кургана 17 курганного могильника у с. Русская Тростянка (Пузикова, 2001. С. 137, 138. Рис. 27, 4) на Среднем Дону. Исходя из всего комплекса находок, курганы датируются IV в. до н.э.

Налобник — железный щитковый, верхний конец свернут в спираль (два оборота), нижний раскован в щиток (рис. 3, 3). Посередине налобника, в плоскости перпендикулярной щитку, расположено отверстие для крепления. Этот тип налобников — модификация бронзовых и железных щитковых налобников, заканчивающихся загнутой в петлю птичьей головкой, характерных для памятников Среднего Дона (Фіалко, 1996; Гуляев, 2010. Рис. 30). Публикуемая находка относится к налобникам III типа по А.И. Пузиковой. Датируется этот тип налобников IV в. до н.э. (Пузикова, 2017. С. 72, 73).

Два псаля и налобник (грызла либо не входили в составклада, либо не сохранились) составляют “простой”, не парадный убор коня или комплекс уздечных украшений. Аналогичные наборы (псаля и налобник) происходят из захоронения коня на ритуальной дорожке и коня № 3 из конской могилы в скифском царском кургане Огуз (Херсонская область, Украина). Комплексы датируются IV в. до н.э., вероятно, последней его трети (Фіалко, 1996. С. 100. Рис. 1; 3, 6–12).

Бляшки уздечные — представлены шестью экземплярами (рис. 4). Они плоские литые, округлые, гладкие с внешней стороны. С внутренней стороны бляшек по краю расположен небольшой бортик (техника литья), а по центру — петля из цельнолитого жгута или жгута, составленного из трех нитей. Все бляшки имеют в той или иной степени деформацию щитка — небольшой изгиб в плоскости продевания ремня в петельку. Аналогичные бляшки происходят из кургана 13 могильника Горки 1 среднедонской археологической культуры скифского времени конца V–IV в. до н.э. (Гуляев, Шевченко, 2017. С. 33).

Браслеты — гладкие литые (2 экз.) с заходящими друг на друга обрубленными концами (рис. 5). У одного браслета концы имеют утолщение, а с внешней стороны каждого конца фиксируется напайка “расплющенного” шарика зерни (рис. 5, 2). По типологии В.Г. Петренко браслеты из анализируемогоклада относятся к типу 4, варианту 2 — браслеты с обрубленными и заходящими друг на друга концами. Толщина дрота — 0.8–1 см, диаметр в среднем — 9.5. Браслеты этого варианта представлены редкими находками в большинстве групп памятников IV–III вв. до н.э. скифской культуры юга России (Средне-Донская и Крым-

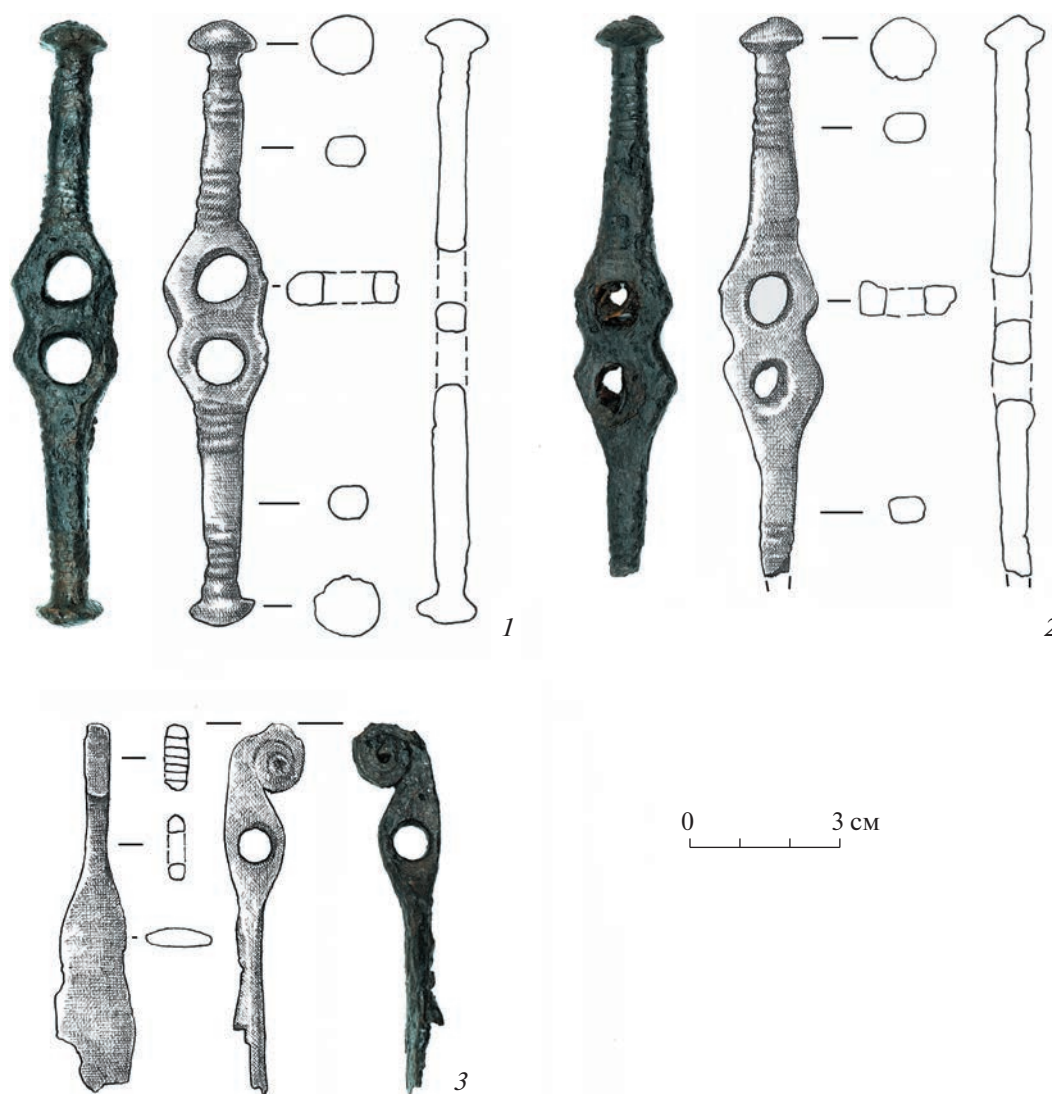


Рис. 3. Псалии (1, 2) и налобник (3) из клада.

Fig. 3. Cheek-pieces (1, 2) and a brow band (3) from the hoard

ская) и юга Украины (Правобережная, Посульская и часть Степной) (Петренко, 1978. С. 53).

Полые литые браслеты со сходящимися концами — 3 экз. Внешняя поверхность двух из них гладкая, орнамент в виде плетенки расположен только по краям концов (рис. 7). На одном браслете имеются следы ремонта — дырочки, пробитые на месте слома. Третий браслет имеет сплошную орнаментацию в виде чередующихся зон из орнамента с одной стороны в виде S-видных фигур и петель, а с другой — в виде нитей (рифление). Окончания браслета орнаментированы плетенкой (рис. 6).

Орнамент браслетов в виде S-видных фигур и петель, имитации плетеной косички, близок к орнаментации ряда бронзовых вещей, выполненных в технике воскового вязания и происходящих

из ареала культур раннего железного века лесной зоны европейской части России (Чубур, 2012). Находки аналогичных браслетов авторам не известны.

Обращают на себя внимание очень близкие по типу и технике исполнения полые литые браслеты, происходящие с южного побережья Балтийского моря. Они могут быть как орнаментированы (профиль сечения в виде латинских букв С или D), так и не орнаментированы, круглые или овальные в сечении. Наибольшее количество находок этих браслетов происходит с территории Польского Поморья (Urban, Mogielnicka-Urban, 2019. S. 253, 254): Реково, д. Страмница под Колобжегом, окрестности Гдыни, район Слупска, (район) Щецина, Гданьска (Lissauer, 1891. Taf. VIII, 2–8) (рис. 8). Находки браслетов представ-

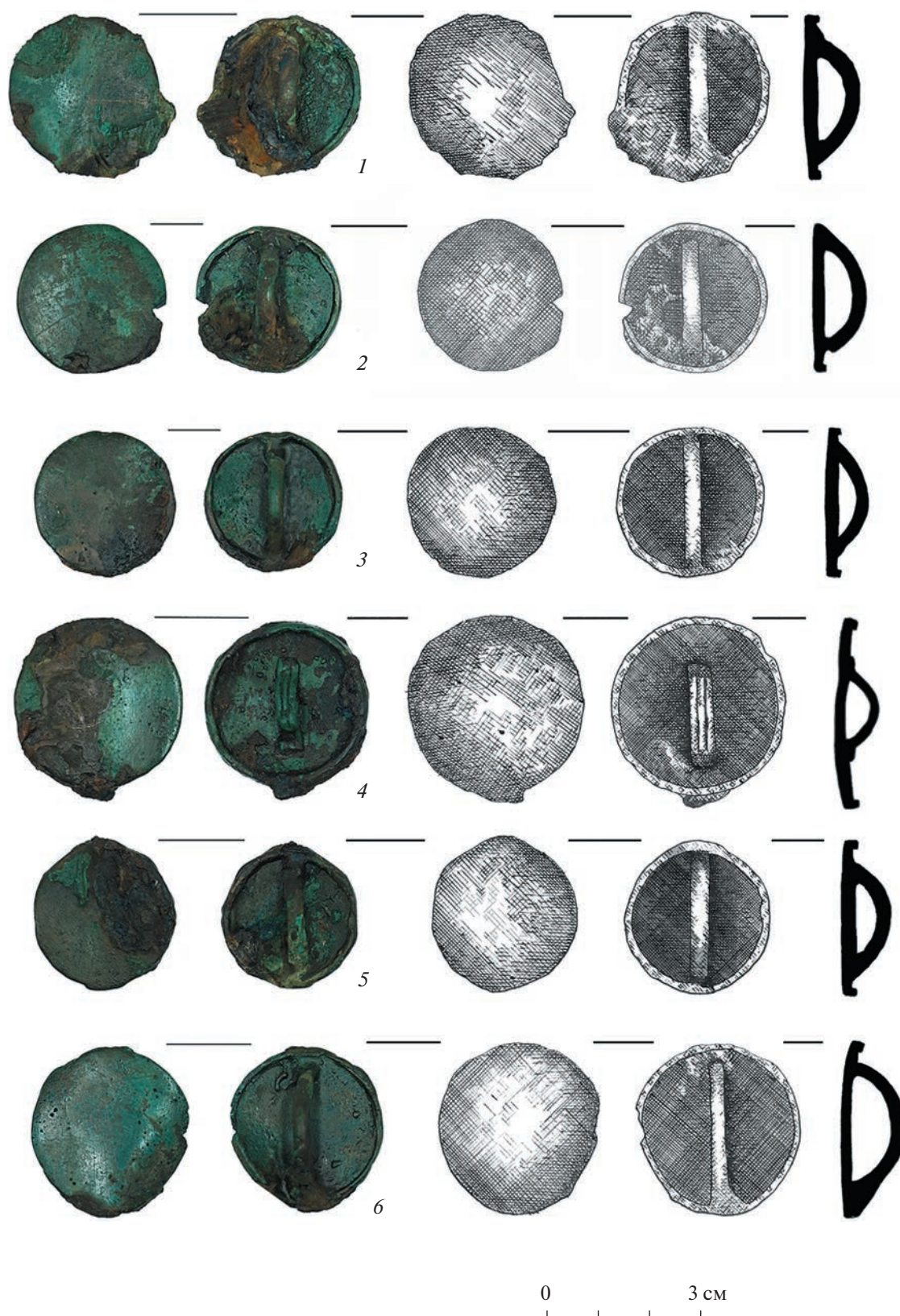


Рис. 4. Бляшки (1–6) из клада.
Fig. 4. Plaques (1–6) from the hoard

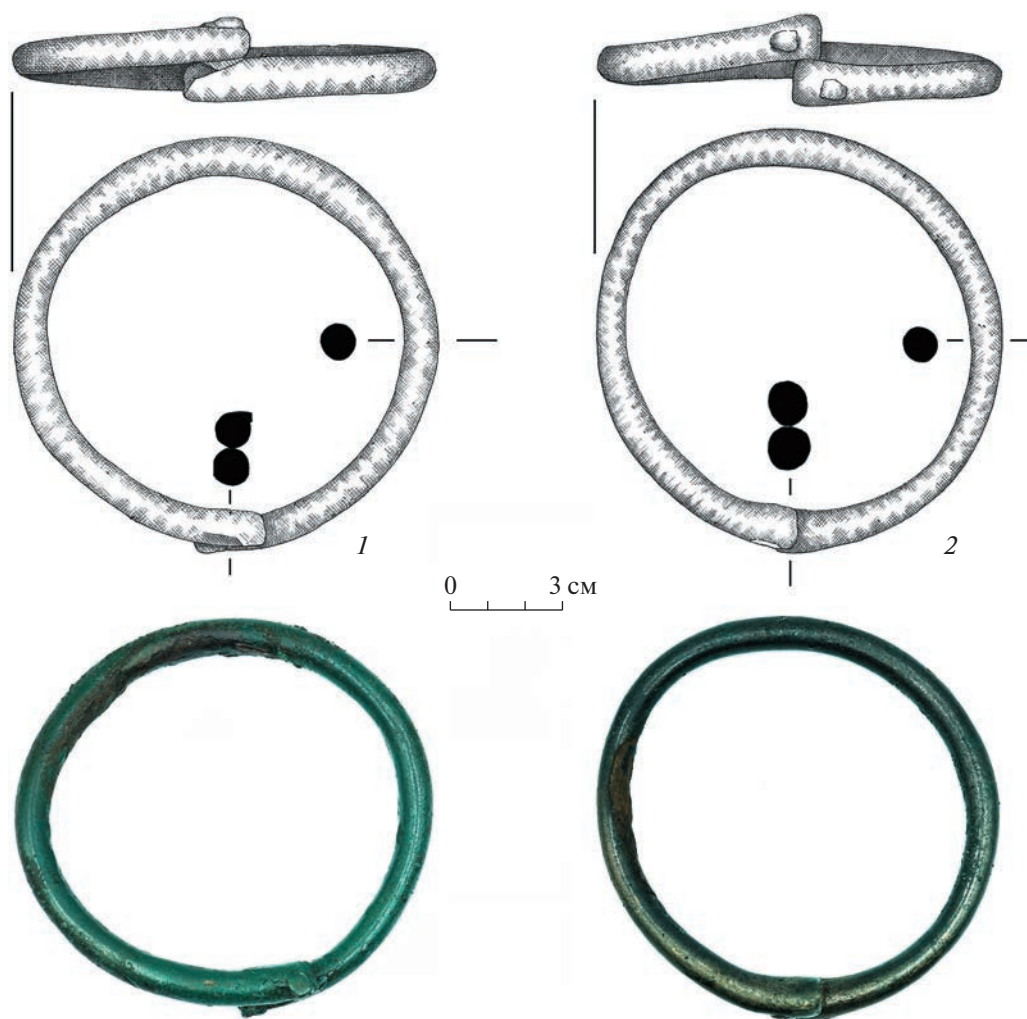


Рис. 5. Гладкие литые браслеты (1, 2) из клада.

Fig. 5. Smooth cast bracelets (1, 2) from the hoard

лены в собраниях местных музеев. Самые южные находки этого типа браслетов с территории Польши были обнаружены на территории Великопольского воеводства, а самые восточные — в Подляшье (Urban, Mogielnicka-Urban, 2019. S. 252). Известны они и по раскопкам курганных могильников периодов Гальштата (Ha C-D) и раннего Латена (LT A), а также по случайным находкам с территории Южной Чехии (Michálek, 2017). Следует отметить находку двух полых литых браслетов из г. Бальф (в 7 км от г. Шопрон) в Северо-Западной Венгрии, которые датируются эпохой позднего Гальштата (ступень D) и начала Латена, т.е. VI—V вв. до н.э. (Lajos, 1910; Lajos, 1933. P. 17). Единичные предметы происходят также с территории Северной Германии (Нижняя Саксония). Как правило, находки, известные за пределами Поморья, рассматриваются как поморские импорты (Urban, Mogielnicka-Urban, 2019. S. 272).

Сильно затрудняет понимание этой категории украшений (вопросы хронологии, происхождения, время бытования и др.) и то, что большинство из них найдено в качестве кладов или отдельных вещей в ходе грабежей археологических памятников местными жителями (Dzięgielewski et al., 2019. S. 21, 22). Причем в состав кладов могли входить и другие предметы: части упряжи, украшения, инструменты и даже слитки металла (Urban, Mogielnicka-Urban, 2019. S. 253).

На современном этапе изучения время бытования полых литых браслетов определяется достаточно широко — периоды Гальштата C (HaC) и Гальштата D (HaD) (Urban, Mogielnicka-Urban, 2019. S. 272). При этом, как отмечают польские исследователи, начало и финал этих фаз могут запаздывать на польской территории более чем на 50 лет. В связи с этим в абсолютных датах период HaC определяется в рамках 800/750—650/600 гг. до н.э., а HaD — 650/600—500/450 до н.э., т.е.

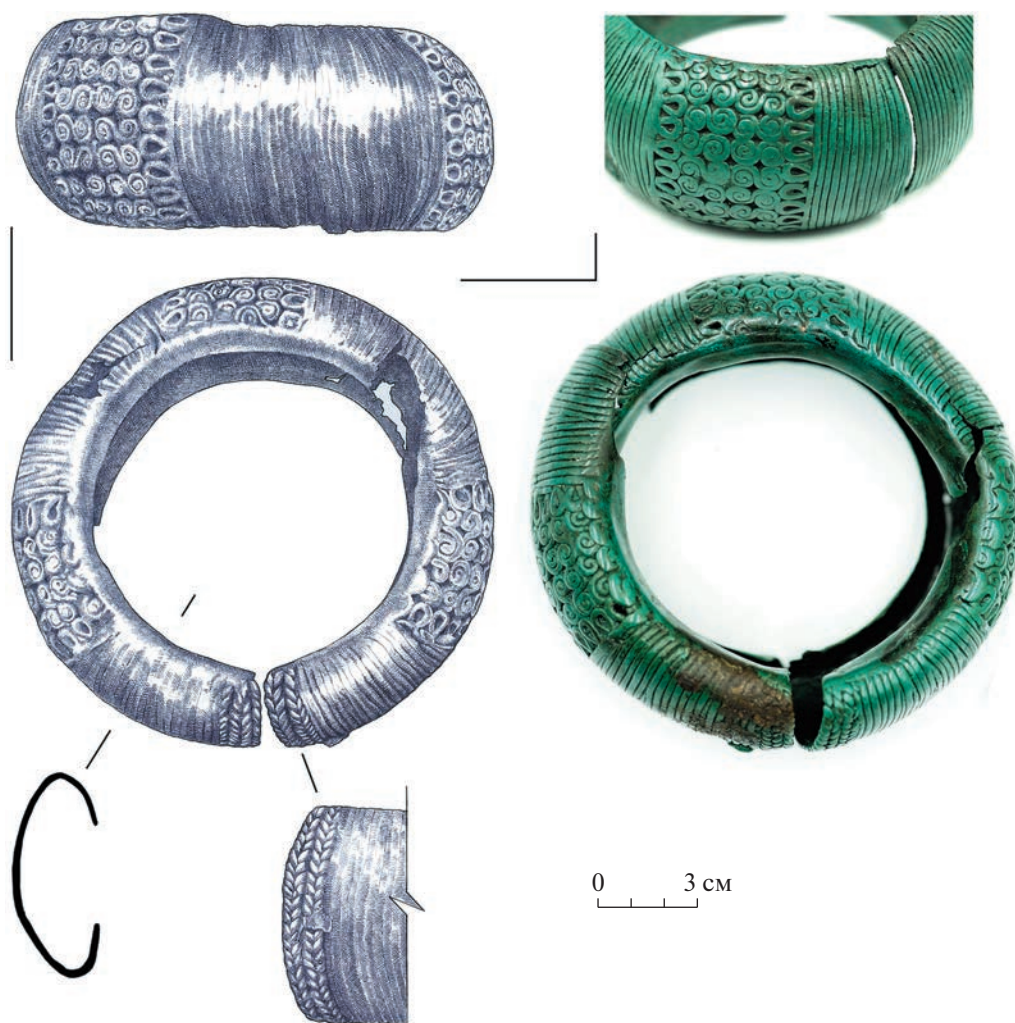


Рис. 6. Полый браслет с декором из клада.

Fig. 6. Hollow decorated bracelet from the hoard

захватывает начало раннелатенского времени (Dzięgielewski, 2017. S. 297).

Традиционно браслеты данного типа связывают с классической фазой поморской археологической культуры позднегалыштатского периода (Dzięgielewski et al., 2019. S. 31). Для территории Польского Поморья находки кладов действительно происходят из ареала поморской культуры, которая датируется на современном этапе ее изучения в широких рамках VII/VI–III вв. до н.э. (Вяргей, 1999. С. 82, 83; Гавритухин, 2015. С. 106). В то же время близкие по типу украшения известны в материалах лужицкой археологической культуры, ее восточновеликопольской группы памятников, которая датируется периодом Ha D (Монгайт, 1974. С. 342–345).

Находки последних лет позволяют несколько удревнить время появления полых литых браслетов и дать объяснение этому феномену кладов (Dzięgielewski et al., 2019. S. 31). Так, контекст на-

ходки Гдыньско-Карвинского клада (Западное Поморье), который исследователи датировали переходной фазой между периодами HaC1 и HaC2 (рубеж VIII–VII вв. до н.э.), позволил выдвинуть гипотезу о его ритуальном характере (Dzięgielewski et al., 2019. S. 21). Как отмечают авторы, “неутилитарный” состав сплава, намеренное расположение находок в яме, возможное наличие объекта в виде кольца из камней, в котором клад был спрятан, следы сжигания янтаря в качестве ладана (в очаге), предполагаемое плавление янтаря в сосудах и расположение участка в экономически не пригодной долине ручья Кача позволяют предположить, что мотивы захоронения бронзовых предметов в земле не носили рационального характера (в современном понимании этого слова). Они скорее были связаны с тезауризацией, т.е. демонстративным сокрытием ценных предметов в контексте престижной конкуренции внутри, как правило, довольно слабо иерархизи-

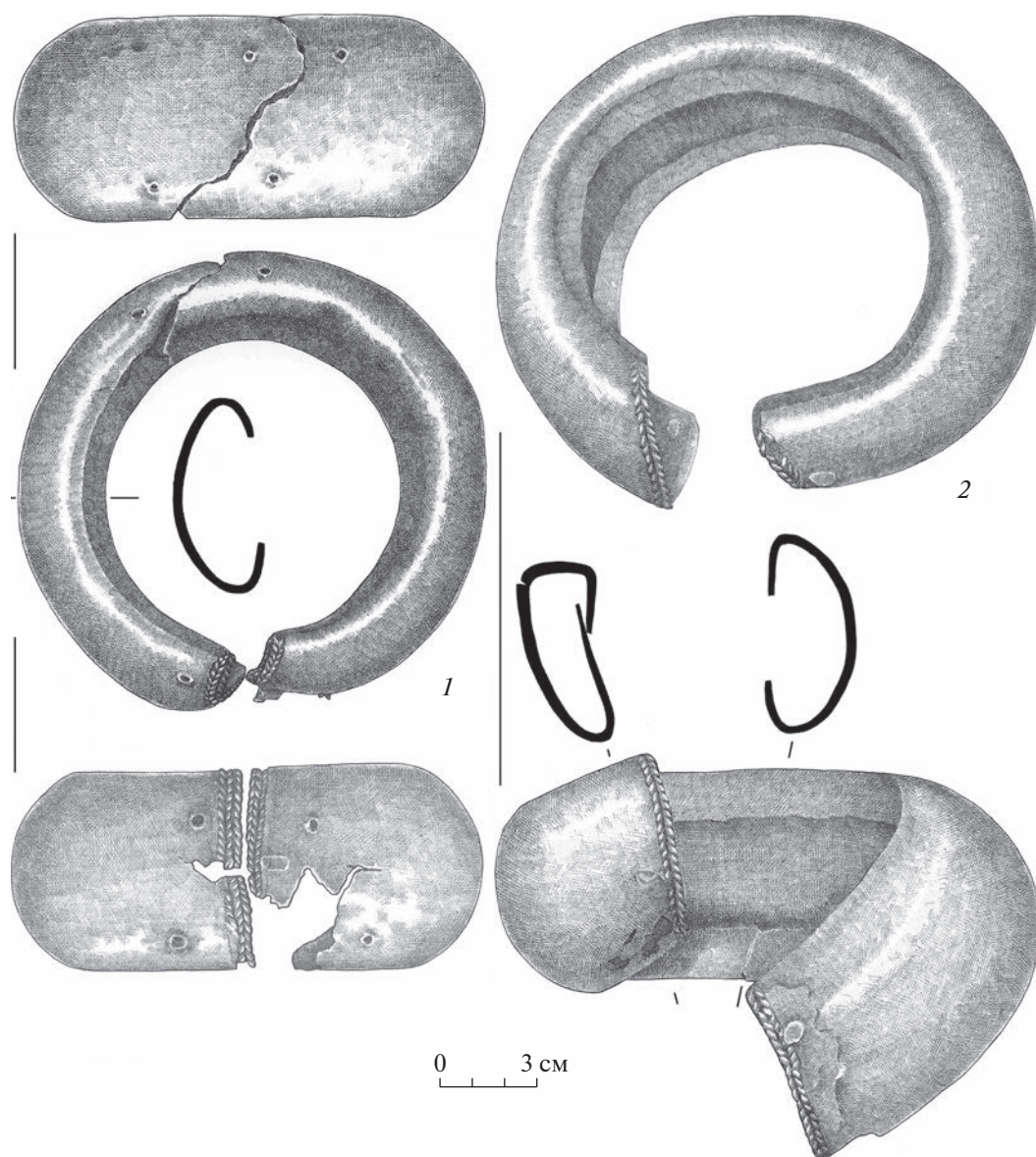


Рис. 7. Полые браслеты (1, 2) из клада.

Fig. 7. Hollow bracelets (1, 2) from the hoard

рованных сообществ раннего железного века в Померании (Dzięgielewski et al., 2019. S. 70–72).

В состав клада входили два ножных полых браслета и один ручной браслет. Два орнаментированных полых браслета изготовлены в технике литья по восковой модели (Dzięgielewski et al., 2019. S. 26). По мнению исследователей, эти браслеты не были предметами повседневного обихода. Украшения были созданы с намерением зарыть их в землю, и если они и использовались (что можно предположить по латанию одного из концов), то только как средство демонстрации статуса человека. Эта мысль подтверждается анализом сплава, из которого они были изготовлены, помимо доминирующей меди — высокий процент

свинца и сурьмы, элементов, значительно повышающих хрупкость бронзы (Dzięgielewski et al., 2019. S. 29).

Действительно, большинство из известных браслетов изготовлено в технике литья по восковой модели, хотя есть экземпляры, изготовленные из бронзового листа. Как правило, содержание меди в сплаве составляет более 90% (Urban, Mogielnicka-Urban, 2019. S. 262–274).

Комплектность анализируемого клада, обстоятельства его обнаружения находят прямые аналогии среди кладов, происходящих с территории южного побережья Балтийского моря. Не исключено, что полые браслеты из клада — подражание



Рис. 8. Полые литые браслеты — находки с территории Польши (1–5), Венгрии (6) и Чехии (7). 1 — Реково, музей г. Гданьск; 2 — район Слупска, музей г. Кошалин; 3 — Колобжег, музей г. Кошалин; 4 — собрание Национального музея г. Шечин; 5 — окрестности Гдыни, музей г. Гданьск; 6 — г. Бальф; 7 — район Писек. Масштаб условный.

Fig. 8. Hollow cast bracelets found in Poland (1–5), Hungary (6), and the Czech Republic (7). The scale is arbitrary

образцам, найденным на территории Польского Поморья и сопредельных территорий.

Датировка комплекса. Исследователи не раз подчеркивали устойчивые культурные контакты в конце Гальштата и в период раннего Латена между населением восточных областей поморского круга и юго-западных территорий юхновско-милоградского круга. Эти культурные связи проявились в виде заимствований носителями поморской культуры форм посуды, структуры поселений и даже форм погребальной обрядности у юхновско-милоградского населения (Okulicz, 1979. S. 25, 26). По мнению С.Е. Рассадина, это были “следы спорадических дальних передвижений отдельных мелких групп” (Рассадин, 2005. С. 49). Возможно, в ходе продвижения племен поморской культуры на восток в IV в. до н.э. (Никитина, 1965. С. 204) полые литые браслеты могли попасть в ареал лесных культур и послужить прототипом для изготовления полых браслетов из анализируемого клада. По мнению В.Е. Еременко, в последней трети IV в. до н.э. из-за давления кельтов какая-то часть носителей поморской культуры должна была переместиться на восток, о чем свидетельствует распространение наиболее поздних латенских импортов, обнаруженных на поморских памятниках, часть которых расположена на территории западных областей Украины и Белоруссии (Еременко, 1989. С. 88).

На основании анализа всего комплекса находок широкую датировку клада можно определить в рамках V—IV вв. до н.э. Учитывая недолгий период бытования предметов конской упряжи (псалии и налобник), представленных в кладах, узкие хронологические рамки сокрытия клада определяются IV в. до н.э., скорее его второй половиной.

Исследование химического состава металла выполнено с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (г. Москва). Благодарим И.А. Сапрыкину за возможность опубликовать в данной статье результаты ее исследований.

Авторы выражают искреннюю признательность В.А. Дудареву и П.В. Бирюкову за помощь в передаче находок на музейное хранение и первичную реставрацию и консервацию металла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981. 126 с.
- Вяртей В.С. Помнікі паморскай культуры на Беларусі // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 75—88.
- Гаврилухин И.О. Поморская культура // Большая российская энциклопедия. Т. 27. М., 2015. С. 106.
- Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 342 с.
- Гуляев В.И., Шевченко А.А. Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки I и Девица V. М.: ИА РАН, 2017. 156 с.
- Еременко В.Е. Археологическая карта милоградской культуры // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 76—177.
- Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: Ин-т археологии Нац. акад. наук Украины, 2012. 276 с.
- Левенок В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // Советская археология. 1963. № 1. С. 76—96.
- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с.
- Никитина В.Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // Советская археология. 1965. № 1. С. 194—205.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. М.: Наука, 1978 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д4-5). 144 с.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик, 2001. 272 с.
- Пузикова А.И. Погребальный инвентарь курганных могильников скифского времени Среднего Подонья. М.: ИА РАН, 2017. 159 с.
- Рассадин С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск: Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси, 2005. 106 с.
- Столяров Е.В., Радюш О.А. Клад предметов убора первых веков н.э. из Орловской области // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 259. С. 233—246.
- Столяров Е.В., Радюш О.А. Уникальный клад предметов мужской воинской культуры II—I вв. до н.э. с территории Курской области // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 267. С. 169—184.
- Фіалко О.Е. Скіфські вуздечки з залізними нахрапниками // Археологія. 1996. № 4. С. 94—100.
- Чубур А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск: Курский гос. обл. музей археологии, 2012 (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья; вып. IV). С. 117—135.
- Шевгунова Ю.А., Неретин И.И. Удила из погребений скифского времени Среднего Дона // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 169—185.
- Dzięgielewski K. Late Bronze and Early Iron Age communities in the northern part of the Polish Lowland (1000—500 BC) // The Past Societies. Polish lands from the first evidence of human presence to the early Middle Ages. V. 3. 2000—500 BC / Ed. U. Bugaj. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2017. S. 295—340.

- Dzięgielewski K., Longa A., Langer J., Moskal-del Hoyo M.* Contextualisation of the Early Iron Age hoard of bronze objects discovered in Gdynia-Karwiny, site 1 // *Recherches Archéologiques*. 10 (2018). Kraków, 2019. S. 21–78.
- Lajos B.* A balfi lelet (Sopron m.) (Tíz ábrával) // *Archaeologiai Értesítő*. Budapest, 1910. P. 39–43.
- Lajos M.* A korai La Tène-kultúra Magyarországon = Die Frühlatene-Zeit in Ungarn. Budapest, 1933. 120 p.
- Lissauer A.* Alterthümer der Bronzezeit in der Provinz Westpreussen und den angrenzenden Gebieten. Abhandlungen zur Landeskunde der Provinz Westpreussen. Heft II. Danzig, 1891. 30 S.
- Michálek J.* Mohylová pohřebiště doby halštatské (Ha C–D) a časné laténské (LTA) v jižních Čechách. 1/1. Kommentovaný katalog = Die Hügelgräberfelder der Hallstatt- (Ha C–D) und frühen Latènezeit (LTA) in Südböhmen. Praha: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 2017. 1120 s.
- Okulicz Ł.* Kultura pomorska a kultura kurhanów zachodniobałtyjskich // *Problemy kultury pomorskiej*. Koszalin: Muzeum Okręgowe w Koszalinie, 1979. S. 13–31.
- Urban J., Mogielnicka-Urban M.* Problematyka Halsztackich tzw. nagolenników pustych wewnątrz z terenu Polski na przykładzie znaleziska gromadnegoz okolic Tykocina, Pow. Białostocki // *Archeologia Polski*. 2019. LXIV. S. 237–281.

HOARD OF JEWELLERY AND HORSE GEAR OF THE 5th–4th CENTURIES BC FROM BRYANSK REGION

Evgeny V. Stolyarov^{a, #}, Oleg A. Radiush^{b, ##}

^a*Kulikovo Field State Museum-Reserve, Tula, Russia*

^b*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: stolarov_e@mail.ru*

^{##}*E-mail: radjush@mail.ru*

The paper discusses a hoard of the Early Iron Age from the territory of Bryansk Region. The hoard includes iron cheek-pieces, a brow band, bronze bridle plaques, as well as bracelets – smooth cast and hollow cast ones made using the technique of lost wax investment casting. Objects were placed in a crude handmade pot. The unique complex dating back to the 5th–4th centuries BC was found in the area of the Yukhnovo archaeological culture. The completeness of the analyzed hoard and the circumstances of its finding have direct analogies among the hoards originating from the southern coast of the Baltic Sea. It is possible that the hollow bracelets from the hoard are an imitation of samples found on the territory of Polish Pomerania and adjacent regions.

Keywords: hoard, bracelets, items of horse gear, Bryansk Region, early Iron Age.

REFERENCES

- Bartseva T.B.*, 1981. Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni [Non-ferrous metalworking of the Scythian period]. Moscow: Nauka. 126 p.
- Chubur A.A.*, 2012. Pins with the openwork leaf-shaped head in the Early Iron Age of Eastern Europe: typology, area, and semantics. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ya (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Puzikovoy)* [Antiquities of the Dnieper Left Bank from the Stone Age to the late Middle Ages (to the 80th anniversary of A.I. Puzikova)]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy oblastnoy muzey arkheologii, pp. 117–135. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya, IV). (In Russ.)
- Dzięgielewski K.*, 2017. Late Bronze and Early Iron Age communities in the northern part of the Polish Lowland (1000–500 BC). *The Past Societies. Polish lands from the first evidence of human presence to the early Middle Ages*, 3. 2000–500 BC. U. Bugaj, ed. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, pp. 295–340.
- Dzięgielewski K., Longa A., Langer J., Moskal-del Hoyo M.*, 2019. Contextualisation of the Early Iron Age hoard of bronze objects discovered in Gdynia-Karwiny, site 1. *Recherches Archéologiques*, 10 (2018). Kraków, pp. 21–78.
- Eremenko V.E.*, 1989. Archaeological map of the Milograd culture. *Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya* [Slavs. Ethnogenesis and ethnic history]. Leningrad, pp. 76–177. (In Russ.)
- Fialko O.E.*, 1996. Scythian bridles with iron horse nose-bands. *Arkheologiya* [Archaeology], 4, pp. 94–100. (In Ukrainian).
- Gavritukhin I.O.*, 2015. The Pomeranian culture. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia], 27. Moscow, p. 106. (In Russ.)
- Gulyaev V.I.*, 2010. Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov) [On the eastern borders of Scythia (antiquities of the Don Scythians)]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 342 p.
- Gulyaev V.I., Shevchenko A.A.*, 2017. Novye kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni na Srednem Donu: Gorki I i Devitsa V [New mound cemeteries of the Scythian period in the Middle Don region: Gorki I and Devitsa

- V]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 156 p.
- Karavayko D.V., 2012. Pamyatniki yukhnovskoy kul'tury Novgorod-Severskogo Poles'ya [The Yukhnovo culture sites in Novhorod-Siverskyi Polesie]. Kiev: Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. 276 p.
- Lajos B., 1910. A balfi lelet (Sopron m.) (Tíz ábrával). *Archaeologiai Értesítő*. Budapest, pp. 39–43.
- Lajos M., 1933. A korai La Tène-kultúra Magyarországon = Die Frühlatene-Zeit in Ungarn. Budapest. 120 p.
- Levenok V.P., 1963. The Yukhnovo culture (its origin and development). *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 76–96. (In Russ.)
- Lissauer A., 1891. Alterthümer der Bronzezeit in der Provinz Westpreussen und den angrenzenden Gebieten. Abhandlungen zur Landeskunde der Provinz Westpreussen. Heft II. Danzig. 30 p.
- Michálek J., 2017. Mohylová pohřebišť doby halštatské (Ha C–D) a časné laténské (LTA) v jižních Čechách.1/1. Komentovaný katalog = Die Hügelgräberfelder der Hallstatt- (Ha C–D) und frühen Latènezeit (LTA) in Südböhmen. Praha: Archeologický ústav Akademie věd České republiky. 1120 p.
- Mongayt A.L., 1974. Arkheologiya Zapadnoy Evropy. Bronzovyy i zheleznyy veka [Archaeology of Western Europe. The Bronze and Iron Ages]. Moscow: Nauka. 408 p.
- Nikitina V.B., 1965. Pomeranian culture sites in Belarus and Ukraine. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 194–205. (In Russ.)
- Okulicz Ł., 1979. Kultura pomorska a kultura kurhanów zachodniobałtyjskich. *Problemy kultury pomorskiej*. Koszalin: Muzeum Okręgowe w Koszalinie, pp. 13–31.
- Petrenko V.G., 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.e. [Ornaments of Scythia of the 7th–3rd centuries BC]. Moscow: Nauka. 144 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D4-5).
- Puzikova A.I., 2001. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) [Mound cemeteries of the Scythian period in the Middle Don region (publication of complexes)]. Moscow: Indrik. 272 p.
- Puzikova A.I., 2017. Pogrebal'nyy inventar' kurgannykh mogil'nikov skifskogo vremeni Srednego Podon'ya [Grave goods of mound cemeteries of the Scythian period in the Middle Don region]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 159 p.
- Rassadin S.E., 2005. Milogradskaya kul'tura: areal, khronologiya, etnos [The Milograd culture: area, chronology, and ethnos]. Minsk: Institut istorii Natsional'noy akademii nauk Belarusi. 106 p.
- Shevgunova Yu.A., Neretin I.I., 2011. Horse bits from the burials of the Scythian period in the Middle Don region. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epokhi [East European antiquities of the Scythian period]*. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 169–185. (In Russ.)
- Stolyarov E.V., Radyush O.A., 2020. The jewellery hoard dating to the first centuries AD from Orel Region. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 259, pp. 233–246. (In Russ.)
- Stolyarov E.V., Radyush O.A., 2022. A unique hoard of male military culture items of the 2nd–1st centuries BC from Kursk Region. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 267, pp. 169–184. (In Russ.)
- Urban J., Mogielnicka-Urban M., 2019. Problematyka Halsztackich tzw. nagolenników pustych wewnątrz z terenu Polski na przykładzie znaleziska gromadnego z okolic Tykocina, Pow. Białostocki. *Archeologia Polski*, LXIV, pp. 237–281.
- Vyargey V.S., 1999. Sites of the Pomeranian culture in Belarus. *Arkheologiya Belarusi [Archaeology of Belarus]*, 2. *Zheleznyy vek i rannyye syarednyavechcha [The Iron Age and early Middle Ages]*. Minsk: Belarusskaya navuka, pp. 75–88. (In Belarusian).

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КОКСА (материалы раскопок С.И. Руденко на Алтае)

© 2023 г. В. В. Горбунов^{1,*}, А. А. Тишкин^{1,**}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

*E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

**E-mail: tishkin210@mail.ru

Поступила в редакцию 02.12.2022 г.

После доработки 09.01.2023 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

Исследуется коллекция археологических предметов из собрания Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург). Она была получена в 1925 г. С.И. Руденко при проведении раскопок на территории Алтая. Приводятся подробные описания формы и конструкции предметов вооружения, поясной гарнитуры, орудий труда и быта. Представление о них дополняется точными размерами, графическими рисунками и фотоснимками. Рассматривается значительный корпус аналогий, на основе которых определяется датировка вещевого комплекса II–первой половиной IV в. н.э. Анализ инвентаря и погребального обряда позволил включить могилу из Коксы в круг памятников бело-бомского этапа булан-кобинской археологической культуры. Состав инвентаря свидетельствует о том, что данное захоронение принадлежало профессиональному воину-дружиннику, который занимал в военной иерархии уровень среднего командного состава в ранге сотника.

Ключевые слова: Алтай, сянбийское время, погребение, булан-кобинская культура, вооружение, снаряжение воина.

DOI: 10.31857/S0869606323020095, **EDN:** RFNGPZ

Среди археологического наследия Сергея Ивановича Руденко до сих пор имеются материалы, которые еще не полностью введены в научный оборот. В частности, к ним относятся результаты его раскопок в Ойротской автономной области около с. Кокса в 1925 г. (ныне с. Усть-Кокса Усть-Коксинского р-на Республики Алтай). Там на левобережье р. Катунь, ниже впадения в нее р. Кокса, в 250 м западнее окраины указанного населенного пункта, находился могильник из каменно-земляных насыпей. Три кургана были исследованы (Гаврилова, 1965. С. 6). План памятника, а также какая-либо информация об устройстве и содержании основных погребений в раскопанных курганах пока не обнаружены.

Значимые находки оказались во впускном погребении (а) кургана 1. Краткая информация об этой могиле и найденных в ней вещах приведена в монографии А.А. Гавриловой (1965. С. 55, 56). Исследовательница включила коксинское захоронение в группу могил берельского типа, отнесенных к IV–V вв. н.э. (Гаврилова, 1965. С. 57). Однако предметы из этого объекта так и не были введены в научный оборот. Они хранятся в коллекции № 4392 собрания Государственного Эр-

митажа и имеют такую внутреннюю нумерацию: 4392/1–23. Авторами статьи специально изучались данные материалы, сделаны их рисунки и осуществлена фотофиксация (рис. 1–3). В процессе такой деятельности уточнены многие детали, касающиеся атрибуции изделий коксинской коллекции, а поиск аналогий позволил определить более точную датировку и культурную принадлежность, что делает актуальным издание полученных результатов.

Судя по информации, приведенной в описи коллекции, насыпь кургана 1 имела диаметр 12 м и высоту 0.9 м. При ее снятии на глубине 0.3 м были обнаружены скелеты лошади и человека, которых положили на спину в вытянутом положении, головами на восток. Инвентарь этого впускного захоронения представлен несколькими предметными комплексами: вооружение, костюм, орудия труда и быта.

Находки, составлявшие комплекс вооружения, наиболее многочисленны и относятся к двум категориям: оружие и доспех. Среди наступательных средств присутствуют такие виды, как лук, стрелы, боевой нож и меч, а среди оборонительных – панцирь.

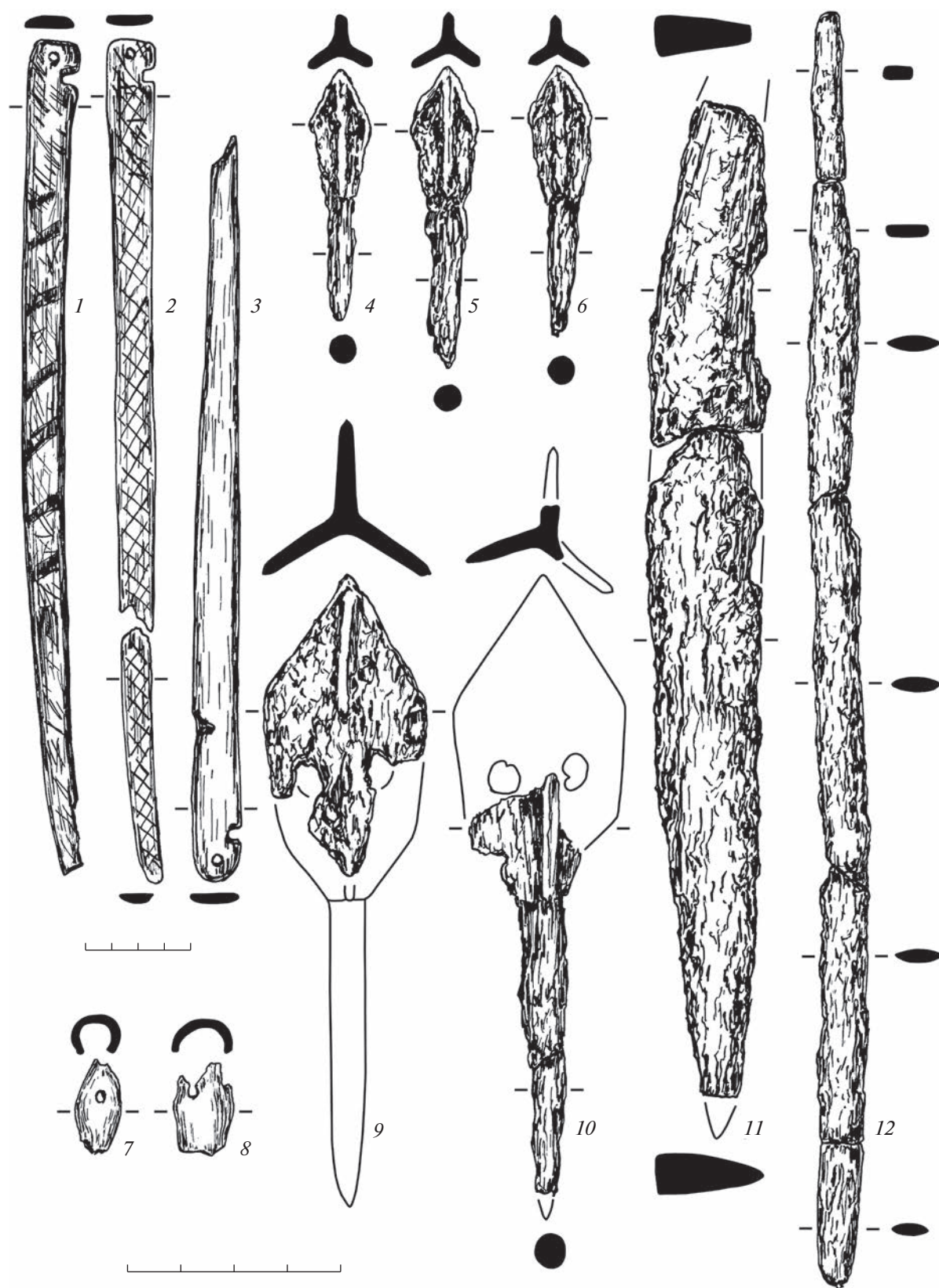


Рис. 1. Предметы вооружения из впускного захоронения в кургане 1 могильника Кокса. 1–3 – накладки лука; 4–6, 9, 10 – наконечники стрел; 7, 8 – свистунки; 11 – нож; 12 – меч. 1–3, 7, 8 – кость; 4–6, 9–12 – железо.

Fig. 1. Items of weapons from the entry burial to mound 1 of the Koksa burial ground

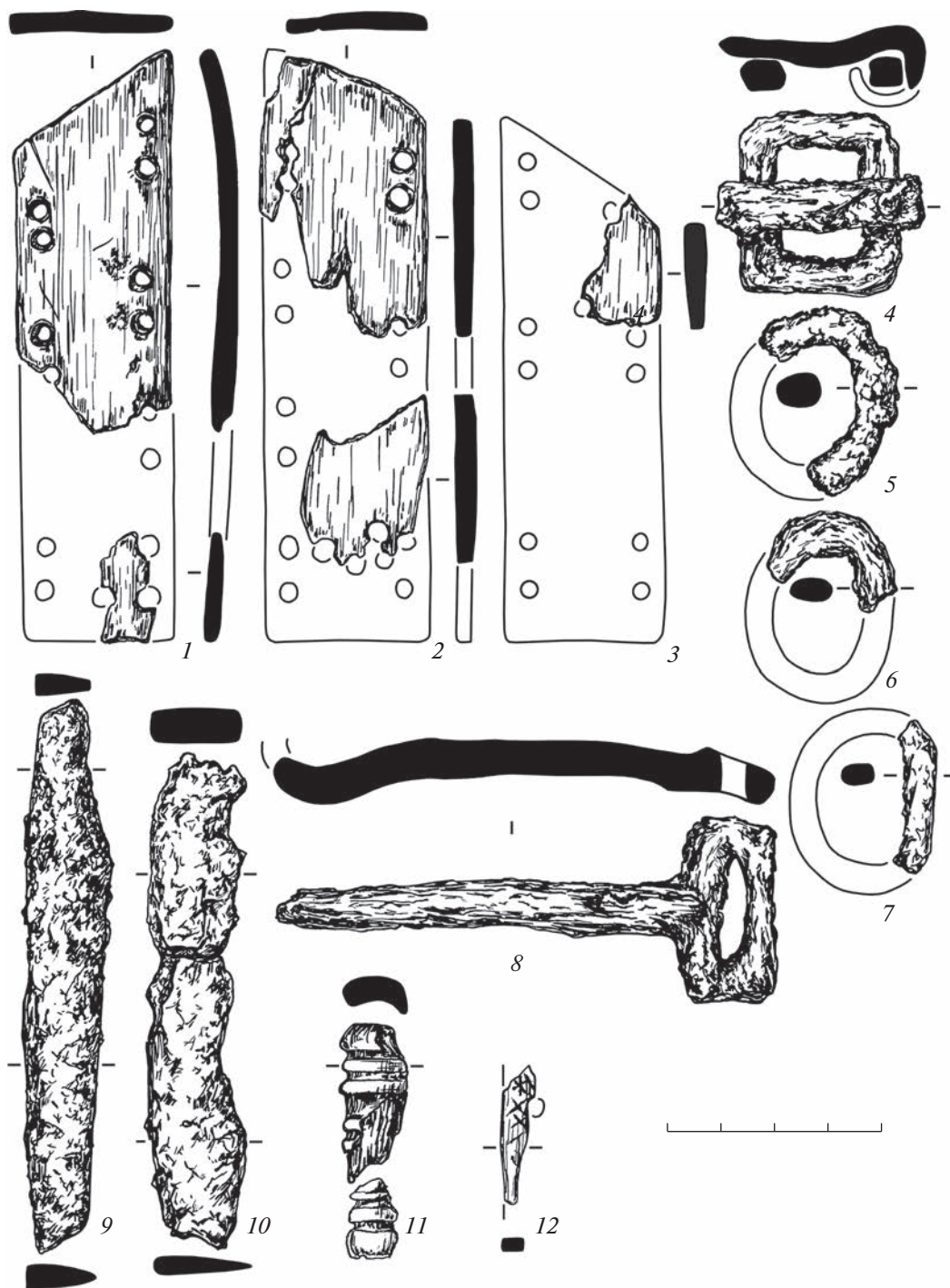


Рис. 2. Предметы вооружения, костюма, труда и быта из впускного захоронения в кургане 1 могильника Кокса. 1–3 – панцирные пластины; 4 – пряжка; 5–7 – кольца-распределители; 8 – пряжка-крюк; 9, 10 – ножи; 11 – трубка; 12 – неопределимое изделие. 1–3 – рог; 4–10 – железо; 11, 12 – кость.

Fig. 2. Items of weapons, clothing, labour and everyday life from the entry burial to kurgan 1 of the Koksa burial ground

К остаткам сложносоставного лука относятся три костяные (роговые) накладки. Все они концевые боковые, т.е. располагались на окончаниях киби́ти лука и крепились на нее с боковых сторон. Две накладки имеют схожие параметры и форму.

Они явно составляли пару и изготовлены из плавно изогнутых пластин, на ассоциативном уровне похожих на запятую. Один конец у них заужен, а другой расширен. Расширенная часть накладки (головка) срезана относительно ровно, с легким



Рис. 3. Инвентарь из впускного захоронения в кургане 1 могильника Кокса. 1–3 – накладки лука; 4–6, 9, 10 – наконечники стрел; 7, 8 – свистунки; 11, 21, 22 – ножи; 12 – меч; 13–15 – панцирные пластины; 16 – пряжка; 17–19 – кольца-распределители; 20 – пряжка-крюк; 23 – трубка; 24 – неопределимое изделие. 1–3, 7, 8, 23, 24 – кость; 4–6, 9–12, 16–22 – железо; 13–15 – рог.

Fig. 3. Goods from the entry burial to mound 1 of the Koksa burial ground

наклоном и снабжена вырезом для тетивы, а по центру — круглым отверстием. В поперечном сечении накладки имеют сегментовидную форму (с прямой тыльной стороной и выпуклой лицевой). Тыльная поверхность изделий заштрихована крупной диагональной сеткой и с дополнительными линиями в верхней части. Лицевая поверхность покрыта более мелкими, в основном диагональными линиями. На ней также заметны следы потертостей от семи полос, видимо, связанных с какой-то жесткой обмоткой.

Первая из этих накладок (4392/12а) сохранилась практически полностью и имеет лишь небольшие разрушения в узкой части. Ее длина — 31.2 см, наибольшая ширина — 1.9, толщина — до 0.4, высота и глубина выреза под тетиву по 0.6, диаметр отверстия — 0.3 (рис. 1, 1; 3, 1). Вторая накладка состоит из двух подбирающихся фрагментов (4392/12б, в). Ее общая длина — 31.6 см, остальные параметры те же, что и у предыдущего изделия (рис. 1, 2; 3, 2). Третья накладка (4392/11а) при совпадении основных признаков отличается тем, что ее головка закруглена. Она имеет небольшие разрушения на торце узкой части и на одном из боков. Тыльная поверхность покрыта крупной сеткой, лицевая оказалась без штриховки. Длина накладки — 28 см, наибольшая ширина — 2, толщина — до 0.3, высота выреза под тетиву — 0.5, а глубина — 0.6, диаметр отверстия — 0.3 (рис. 1, 3; 3, 3).

Представленные накладки относятся к луку “хуннского” типа. Он включал комплекты из семи или шести накладок, из которых две пары были концевыми — верхняя более длинная, а нижняя более короткая (Горбунов, 2006. С. 23, 24). Коксинские находки представляют собой лишь части лука или его обломки, положенные в погребение в качестве замены целого изделия. По оформлению они повторяют некоторые хуннские (сюннские) образцы (Давыдова, 1996. Табл. 12, 3, 4; Миняев, 2007. Табл. 63, 1, 2), а среди ближайших аналогий можно указать на находки в памятниках горных и лесостепных районов Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. (Горбунов, 2006. С. 14, 15. Рис. 3, 4).

От стрел сохранились железные наконечники с трехлопастным пером и черешковым насадом двух типов. Первый из них представлен тремя близкими экземплярами мелких параметров с пером ассиметрично-ромбического абриса (4392/3, 4, 6). Их общая длина составляет 4.7–5.7 см, длина пера — 2.5–2.6 (его наибольшая ширина 1.2–1.3), максимальный диаметр черешка — 0.5–0.6 (рис. 1, 4–6; 3, 4–6). На одном из этих наконечников (4392/4) в месте перехода пера в черешок остались небольшие фрагменты костяной (роговой) свистунки (рис. 1, 5; 3, 5). В коллекции есть еще две отдельные половинки таких же свистунок с круглыми отверстиями (4392/7, 8), вероятно, от

данных наконечников. Они имеют длину 1.7 см, ширину до 0.9–1.1, диаметр отверстий 0.15 (рис. 1, 7, 8; 3, 7, 8).

Экземпляры наконечников стрел аналогичных параметров с ассиметрично-ромбическим очертанием пера часто присутствуют среди археологических материалов Центральноазиатского региона. Они есть в памятниках хунну (сюнну), сяньби (сяньбэй), кокэльской и таштыкской археологических культур и бытовали на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 5, 2–6; 25, 1–7; 36, 1, 2; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, 28). Однако на территории Алтая такие наконечники зафиксированы лишь в комплексах II–V вв. н.э. и неизвестны в более раннее время (Горбунов, 2006. Рис. 23, 17, 26; Тишкин, Горбунов, 2020. С. 42. Рис. 1, 24–27).

Второй тип наконечников представлен двумя фрагментированными изделиями с пером шестиугольного абриса. У одного из них сохранилась существенная часть пера с фигурными отверстиями в лопастях, но разрушено его основание и нет черешка (4392/2). У другого сохранились черешок и основание пера (4392/5). Однако эти фрагменты не стыкуются между собой, что позволяет считать их разными экземплярами одного типа. Реконструируемая общая длина изделий — около 12 см, длина пера — 6.1 (его наибольшая ширина 3.2), размеры отверстий в лопастях — 0.6 × 0.4, максимальный диаметр черешка — 0.8 (рис. 1, 9, 10; 3, 9, 10). Не исключено, что одна свистунка большего диаметра (рис. 1, 8; 3, 8) может относиться к наконечникам этого типа.

Наконечники стрел с шестиугольным пером были известны у хунну (сюнну) во II в. до н.э. — I в. н.э., но у них они имели меньшие пропорции (Худяков, 1986. Рис. 5, 1). Крупные экземпляры, в том числе с отверстиями в лопастях, характерны для вооружения ряда культур Центральной Азии II–V вв. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 25, 24; 36, 22; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. Рис. 1, 27). На Алтае шестиугольные наконечники небольших размеров найдены уже в памятниках раннего этапа булан-кобинской культуры II в. до н.э. — I в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, 7), а крупные изделия были распространены на среднем и позднем этапе — II–первая половина V в. н.э. (Горбунов, 2006. Рис. 23, 28; 24, 16, 30; Тишкин, Горбунов, 2020. Рис. 1, 31, 32).

К боевому ножу можно отнести два железных обломка (4392/9, 13), подбирающихся в единую конструкцию. Данный нож имеет однолезвийный клинок вытянуто-треугольного сечения, немного выпуклый обух и наклонный в сторону лезвия черен трапециевидного сечения с остатками тлена от деревянной рукояти. Переход клинка в черен со стороны лезвия оформлен покатым плечиком-уступом. Сохранившиеся параметры изде-

лия такие: общая длина — 18.5 см, длина клинка — 13.5, его ширина — до 2.1, толщина обуха — до 0.7, средняя ширина черена — 1.7 (рис. 1, 11; 3, 11). Аналогичные ножи известны в памятниках хунну (сюнну), кокзельской и таштыкской культур (Кызласов, 1960. Рис. 30, 8; 51, 7; Дьяконова, 1970. Табл. X, 22, 33; Коновалов, 1976. Табл. XVI, 3, 5, 8), но более часто они фиксируются в погребениях булан-кобинской культуры II—первой половины V в. н.э. (Горбунов, 2006. С. 76, 77. Рис. 63, 2—5; Тишкин, Горбунов, 2020. С. 36, 37. Рис. 1, 46).

Железный меч из Коксы представляет собой целое, но поврежденное во многих местах изделие (4392/1). Он имеет двухлезвийный клинок, с небольшими плечиками в месте перехода к прямому черену. Сечение у клинка линзовидное, а у черена прямоугольное. Острие клинка скруглено, что указывает на его применение преимущественно для рубящего удара. Общая длина меча — 94.5 см, длина клинка — 77.4, наибольшая ширина — 4, толщина — до 1.2, длина черена — 17.1, ширина — до 3.1, толщина — до 1 (рис. 1, 12; 3, 12).

Обоюдоострые мечи без металлического перекрестья и навершия известны в памятниках хунну (сюнну) II в. до н.э. — I в. н.э. (Миняев, 2007. Табл. 30, 13, 14; Ковалев и др., 2011. С. 331). Они позднее распространились на запад, где присутствуют в сарматских и среднеазиатских археологических комплексах I—V вв. н.э. (Кожомбердиев, Худяков, 1987. Рис. 7, 1; Левина, 1996. Рис. 85, 1; Хазанов, 2008. Рис. 10, 1; 12, 1; 13, 1). На Алтае аналогичный меч обнаружен на памятнике булан-кобинской культуры II в. до н.э. — I в. н.э. (Худяков, 1997. Рис. 1, 14). Ближе к середине I тыс. н.э. такие мечи претерпели изменения, получив два штифта на черене для крепления обкладки рукояти. Аналогичный экземпляр известен в булан-кобинском памятнике второй половины IV — первой половины V в. н.э. (Тетерин, 2004. Рис. 8, 1). Следовательно, коксинский меч может датироваться периодам от II в. до н.э. до первой половины IV в. н.э.

Панцирь в коксинском погребении символизируют пластины, сделанные из рога. От них сохранилось всего шесть фрагментов (4392/20), из которых можно реконструировать три пластины (рис. 2, 1—3; 3, 13—15). Все они имели четырехугольную форму со скошенным верхним краем. К первой пластине отнесены два фрагмента. Более крупный из них представляет собой верхнюю часть с краем, скошенным справа налево. Его наибольшая длина — 7.1 см, ширина — до 2.9, толщина — до 0.4. Вдоль длинных сторон расположены парные отверстия. По правой стороне две пары сохранились целиком и еще одно отверстие обломано. По левой стороне полностью сохранилась одна пара, а у второй одно отверстие обломано. Диаметр отверстий составляет 2—3 мм. Более

мелкий фрагмент пластины относится к ее нижней части. Его размеры — $2 \times 0.9 \times 0.3$ см. У него наблюдаются остатки трех отверстий, два из которых составляли пару вдоль правой стороны. Общая длина всей пластины могла достигать 11 см, а система отверстий, видимо, включала четыре боковых пары по длинной стороне и три пары по более короткой. Еще одно отверстие у нижнего края могло появиться в результате починки изделия (рис. 2, 1; 3, 13).

Ко второй пластине отнесено три фрагмента. Два из них состыковались между собой и образовывали крупный фрагмент верхней части пластины с краем, скошенным слева направо. Его наибольшая длина — 5.2 см, ширина — до 3.1, толщина — до 0.3. Также вдоль длинных сторон имеется по одной паре отверстий, а с правой стороны — обломанное отверстие от еще одной пары. Слева и выше двух отверстий есть еще одно. Оно неровное и, видимо, починочное. Диаметр отверстий — 2—3 мм. Еще один фрагмент пластины, относящийся к ее нижней части, имеет размеры $3.1 \times 2.3 \times 0.4$ см. У него наблюдаются остатки пяти отверстий, расположенных весьма хаотично, что указывает на вторичное назначение большинства из них при ремонте изделия. Общая длина этой пластины также могла достигать 11 см. Она имела аналогичную с первой пластиной систему отверстий, только четыре боковых пары в данном случае находились слева по длинной стороне, а три пары — справа по более короткой (рис. 2, 3; 3, 14).

К третьей пластине отнесен один небольшой фрагмент размерами $2.4 \times 1.5 \times 0.4$ см. Он демонстрирует угол верхней части пластины, край которой был скошен слева направо. У него сохранились два обломанных отверстия диаметром 3 мм, не образующих видимой системы. Можно предположить, что данная пластина имела меньшую длину, чем две предыдущие (около 9.7 см). По длинной стороне у нее могли быть три пары боковых отверстий, а по короткой — две пары (рис. 2, 3; 3, 15). В этом случае она могла бы соединяться со второй пластиной, образуя продолжающийся ряд с наклонным верхом.

Коксинские пластины относятся к ламеллярной структуре бронирования, подразумевающей их соединение между собой при помощи ремешков или шнуров через систему отверстий. На территории Алтая панцирные пластины четырехугольной формы из кости или рога применялись с VII в. до н.э. по II в. н.э. В большей степени они были характерны для лесостепного населения (Горбунов, 2017. С. 100. Рис. 1, 2; Лихачева, 2020. С. 105, 106. Рис. 62, 1—7). Однако все эти изделия имели прямой верхний край. Только в более западных материалах саргатской культуры III/II в. до н.э. — III в. н.э. известны похожие, но не идентичные костяные пластины со скошенным вер-

хом (Матвеева и др., 2004. С. 88. Рис. 6, 4, 5). Пластины со скошенным верхним краем, но сделанные из железа, найдены на памятнике сяньбимуюнов Шиэртай начала—первой трети IV в. н.э. Там они использовались для набора бронированного воротника (Горбунов, 2015. С. 11, 12. Рис. 2, 2—5). Весьма вероятно, что и коксинские пластины собирались в горизонтальный ряд, верхний край которого образовывал двухсторонний подъем треугольного типа, характерный для панцирных воротников. Однако нельзя полностью исключать их применения и для оформления других частей панциря — например, вырезы под руки или декорирование нагрудника (Горбунов, 2017. Рис. 1, 11).

Датировка пластин из Коксы пока может быть определена в рамках II в. до н.э. — III в. н.э. На территории Алтая со II в. до н.э. стал применяться железный доспех, который известен на всех этапах развития булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 33. Рис. 1, 17, 18; 2020. С. 37. Рис. 1, 47). Видимо, находка остатков рогового панциря отражает завершающую стадию бытования брони из подобного материала на Алтае и связана с традициями населения лесостепных районов Западной Сибири.

К элементам костюма человека относится железная гарнитура от основного и стрелкового поясов: пряжка с подвижным язычком (4392/14-2, 16), кольца-распределители ремней (4392/15, 18, 19) и пряжка-крюк (4392/14-1).

Пряжка от основного пояса имеет прямоугольную рамку размерами 3.5×3 см, толщиной до 0.6. Ее язычок в месте загиба вокруг рамки обломан. Его длина — 3.8 см, ширина — до 1, толщина — до 0.4 (рис. 2, 4; 3, 16). Такие пряжки встречаются уже у хунну (сюнну), а на Алтае известны по ранним булан-кобинским памятникам II в. до н.э. — I в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. XI, 6—7; XII, 8; Давыдова, 1996. Табл. 26, 3, 8; 27, 16; Тишкин, Горбунов, 2006. Рис. 1, 48; Миняев, 2007. Табл. 46, 2; 71, 4). Прямоугольные пряжки укороченных пропорций, как у экземпляра из Коксы, согласно последним типологическим наблюдениям, относятся к периоду I в. до н.э. — первая половина IV в. н.э. (Матренин, 2017. С. 43. Рис. 9, 7, 8).

От трех колец-распределителей сохранились обломанные фрагменты. По ним можно установить, что все кольца имели овальную форму. Их размеры такие: длина — 3.5–3.6 см, ширина — 2.7–3.1, толщина — 0.4–0.8 (рис. 2, 5–7; 3, 17–19). Эти изделия восходят к хуннским (сюннским) и ранним булан-кобинским образцам, отличааясь абрисом (овальный вместо круглого) и меньшими размерами, которые, как правило, составляют комплект с рамчатыми пряжками с подвижным язычком (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 33. Рис. 1,

25–28). Аналогичные наборы есть в памятниках сяньби (сяньбэй) конца I—III в. н.э. (Раскопки..., 1985. Рис. 14, 9, 10). Для территории Алтая время бытования овальных кольчатых распределителей обозначается рамками II–V вв. н.э. (Матренин, 2017. С. 95. Рис. 21, 4).

Пряжка-крюк относится к стрелковому поясу. Изделие имеет петельчатое основание прямоугольной формы, от середины которого отходит стержень с загнутым окончанием. Последняя деталь обломана, и остается только предполагать, заканчивалась ли она поперечной планкой или простым завершением без нее. Общая длина находки — 9.3 см, размеры петли — 3.4×1.7 , ее прорезы — 1.9×0.4 , ширина стержня — до 1.2, толщина — до 0.7 (рис. 2, 8; 3, 20).

Крюки с петельчатым основанием стали заменять обычные пряжки на стрелковых поясах со II/III в. н.э. и бытовали до середины VI в. н.э. на территории от Центральной Азии до Восточной Европы (Матренин, 2017. С. 13, 14). Вероятнее всего, они появились в среде кочевников сяньби (сяньбэй) и от них были заимствованы другими номадами. Многие из таких крюков имеют поперечную планку. У населения Алтая пряжки-крюки с петельчатым прямоугольным основанием также в основном имеют поперечную планку. Такие экземпляры характерны для булан-кобинских комплексов середины III — первой половины V в. н.э. (Матренин, 2017. С. 14, 16. Рис. 2, 1–4, 10, 17). Крюки с аналогичным основанием, но без планки пока зафиксированы только в памятниках Булан-Кобы IV и Степушка (Матренин, 2017. С. 15; Тишкин и др., 2018. Табл. 14, 3), которые относятся к развитому (бело-бомскому) этапу булан-кобинской культуры и датируются II—первой половиной IV в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 34).

Орудия труда представлены двумя железными рабочими ножами. Первый нож (4392/10) — уменьшенный аналог боевых булан-кобинских изделий. У него однолезвийный клинок вытянуто-треугольного сечения, слегка выпуклый обух и наклонный в сторону лезвия черен трапецевидного сечения. Со стороны лезвия переход клинка в черен оформлен покатым плечиком-уступом. Навершие черена и окончание клинка обломаны. Параметры изделия следующие: общая длина — 10.3 см, длина клинка — 7.2, его ширина — до 1.6, толщина обуха — до 0.4, средняя ширина черена — 1 (рис. 2, 9; 3, 21).

Второй нож состоит из двух подбирающихся фрагментов (4392/1, 2). Он имеет однолезвийный клинок вытянуто-треугольного сечения, немного выпуклый обух и наклонный черен прямоугольного сечения. И клинок, и черен повреждены. Переход между ними не выражен или разрушен. Размеры предмета следующие: общая длина —

9.2 см, длина клинка — 5.5, его ширина — до 1.7, толщина обуха — до 3.5, средняя ширина черена — 1.6 (рис. 2, 10; 3, 22).

Оба ножа весьма характерны для булан-кобинских комплексов Алтая II—первой половины V в. н.э. и не известны в памятниках более раннего времени (Тишкин и др., 2018. С. 126. Табл. 36, 37; Тишкин, Горбунов, 2020. С. 39. Рис. 3, 28–30).

К бытовым предметам можно отнести костяную трубочку, от которой сохранилось два обломка (4392/21). Изделие представляет собой усеченный конус с более широкой верхней частью. Его лицевая поверхность декорирована валиками — широкими на окончаниях и узкими (не менее шести) посередине корпуса. Общая длина предмета — около 4.5 см, толщина — до 0.4, внешний диаметр — 1–1.5, диаметр отверстия — 0.6–0.9 (рис. 2, 11; 3, 23).

Подобные костяные трубочки довольно широко использовались у хунну (сюнну), а также у населения Южной и Западной Сибири на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. (Тишкин и др., 2018. С. 130). На Алтае они фиксируются уже в ранних булан-кобинских памятниках (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 35. Рис. 2, 14–17). Однако изделия с нарядным вырезным корпусом обнаружены лишь в комплексах II—первой половины IV в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 39). Наиболее близки трубочке из Коксы находки из могильников Айрыдаш I и Степушка (Тишкин и др., 2018. Табл. 39, 2; Тишкин, Горбунов, 2020. Рис. 3, 32).

Отдельно следует рассмотреть вопрос о функциональном назначении костяных трубочек. Археологи трактуют его по-разному (Тетерин, 2016. С. 92), но чаще всего в литературе они называются “игольниками”, с определенной долей сомнения (Давыдова, 1995, С. 29; 1996. С. 19; Савинов, 2009. С. 67). В свое время авторами настоящей статьи высказано предположение о возможном ином назначении данных предметов (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 35). Дальнейшие исследования позволили связать трубочки с рукоятями плетей (Тетерин, 2016. С. 93; Тишкин и др., 2018. С. 130). Однако вряд ли правильно считать сами трубочки основой для рукояти (Тетерин, 2016. С. 93; Серегин и др., 2022. С. 94). Их небольшие длина и диаметр для многих экземпляров делают неудобными эти вещи для удержания в ладони и слишком легкими для того, чтобы создавать достаточный противовес кнуту. Скорее всего, они служили своеобразными наконечниками-подтоками на торец деревянной рукояти (длиной 25–75 см), как это реконструируется для похожих деталей тюркских плетей (Кубарев, 2005. С. 78. Рис. 23). Можно также отметить, что в булан-кобинских погребениях известны и навершенная рукояти плетей с отверстиями для темляка (Тишкин,

Горбунов, 2006. Рис. 2, 18, 19; Тишкин и др., 2018. Табл. 39, 3, 4).

К неопределимым предметам коксинской коллекции относятся обломок костяного изделия (4392/6/н) и семь мелких фрагментов железа (4392/17, 23). Сохранившаяся длина костяного изделия — 2.5 см, ширина — до 0.6, толщина — 2. На нем читаются следы от разрушенного отверстия диаметром 3 мм. На лицевой поверхности прочерчены пересекающиеся линии (рис. 2, 12; 3, 24). Считать эту вещь обломком еще одной накладки лука не позволяют прямоугольное сечение и отсутствие штриховки на тыльной стороне.

Рассмотренные аналогии дают возможность датировать публикуемый вещевой комплекс из Коксы в пределах II—первой половины IV в. н.э. Его нижнюю хронологическую границу очерчивают такие предметы, как наконечники стрел, ножи, кольца-распределители и трубочка-подток, типы которых не известны на территории Алтая ранее II в. н.э. Верхнюю границу определяют такие изделия, как меч, пряжка и трубочка-подток, чьи типы не известны на Алтае позднее середины IV в. н.э. Наличие костяных (роговых) панцирных пластин, вероятно, позволяет сузить верхнюю границу данного комплекса до III в. н.э. Если пряжка-крюк все-таки имела поперечную планку на окончании, то тогда нижнюю границу тоже можно сузить до второй половины III в. н.э. Если пряжка-крюк была без планки, то хронология комплекса остается в рамках II–III вв. н.э.

Наличие в захоронении из Коксы таких предметов, как накладки лука, наконечники стрел, ножи, меч, пряжка с подвижным язычком, кольчатые распределители и трубочка-подток связано с наследием хуннской (сюннской) культурной традиции, подвергшейся определенной местной переработке. Пряжку-крюк можно связать с влиянием сяньбийской (сяньбэйской) традиции, а наличие костяного (рогового) панциря — с контактами с населением западносибирской лесостепи (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 37, 42).

В целом облик инвентаря, обнаруженного в коксинском захоронении, характерен для белобомского этапа булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2020. Рис. 1–3). Этому заключению не противоречат сведения о погребальном обряде данного объекта: ингумация в сопровождении коня, с одинаковой ориентацией обоих костяков (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 34). Устройство впускных захоронений в курганы более ранних кочевников фиксируется у населения булан-кобинской культуры именно на белобомском этапе, начало которого приходится на становление во Внутренней Азии державы Сяньби. Западные походы сяньбийских (сяньбэйских) войск (151–155 гг.) способствовали появлению на Алтае остатков разбитых племен, с которыми мо-

гут быть связаны вещи хуннской (сюннской) группы, неизвестные на раннем этапе булан-кобинской культуры. Распад державы Сяньби (Сяньбэй) в 235 г. также мог способствовать новым подвижкам населения. Очевидно, что увеличение населения на Алтае в сяньбийское (сяньбэйское) время нашло отражение в практике сооружения впускных захоронений (Тишкин, Горбунов, 2020. С. 42).

Погребение из могильника Кокса, безусловно, принадлежало мужчине-воину, который обладал достаточно высоким профессиональным статусом. Это подчеркивает наличие в могиле сразу пяти видов вооружения (панцирь, лук, стрелы, меч, боевой нож), среди которых панцирь и меч наиболее престижные и одновременно служат профессиональными маркерами. Однако имущественный статус погребенного находился на среднем уровне, о чем свидетельствуют не очень большое разнообразие вещей, отсутствие среди них высокохудожественных или драгоценных изделий, наличие одной лошади, впускной характер захоронения. Вероятно, этот воин-дружинник мог иметь ранг сотника.

Авторы статьи выражают благодарность хранителю Государственного Эрмитажа, канд. ист. наук С.В. Панковой за возможность детального изучения коллекции № 4392.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00470.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница сяньби-муюнов // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Шестой Международ. науч.-практ. конф. Ч. II / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2015. С. 3–20.
- Горбунов В.В. Особенности военного дела племен кулайской культуры на юге Западной Сибири (I в. до н.э. – середина IV в. н.э.) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: Д'Принт, 2017. С. 99–105.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА, 1995 (Археологические памятники сюнну; вып. 1). 287 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сюнну; вып. 2). 175 с.
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль / Отв. ред. Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.-О. Элитный хуннский курган Хух удзуурийн дугуй II–I в Булган сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск, 2011. С. 329–342.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 198 с.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: Колмогоров И.А., 2020. 304 с.
- Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язево-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 85–99.
- Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд. РАН, 2017. 142 с.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну. Вып. 3. СПб.: Филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007 (Археологические памятники сюнну; вып. 3). 233 с.
- Раскопки группы гробниц народности сяньбэй в Лаохэшэнь в Юйшу, Цзилинь (Археологическая команда провинции Цзилинь) // Вэнь. 1985. № 2. С. 68–82. (На кит. яз.)
- Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. 226 с.
- Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2022 (Археологические памятники Алтая; вып. 5). 276 с.
- Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2004 (Труды

- гуманитарного факультета Новосибирского гос. ун-та. Сер. II; вып. 1). С. 37–82.
- Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2016. Т. 15, № 3: Археология и этнография. С. 87–96.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. № 3. С. 111–115.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2020. № 3. С. 33–46.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018 (Археологические памятники Алтая; вып. 3). 368 с.
- Хазанов А.М. Избранные труды: Очерки военного дела сарматов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 294 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. 1997. № 2. С. 28–37.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 2000. № 5. С. 37–48.

A WARRIOR'S BURIAL OF THE BULAN-KOBY CULTURE AT THE KOKSA BURIAL GROUND (materials of excavations by S.I. Rudenko in Altai)

Vadim V. Gorbunov^{a, #}, Alexey A. Tishkin^{a, ##}

^aAltai State University, Barnaul, Russia

[#]E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

^{##}E-mail: tishkin210@mail.ru

The article discusses the collection of archaeological items from the State Hermitage Museum (St. Petersburg) which were obtained by S.I. Rudenko during his excavations in Altai in 1925. The paper provides detailed descriptions of the shape and design of weapons, belt sets and household tools, supplemented with the data of exact dimensions, drawings and photographs. The authors consider a significant body of analogies based on which the complex of artefacts is dated from the 2nd – first half of the 4th century AD. An analysis of the goods and the funeral rite made it possible to include the burial from Koksa in the circle of the Belyi Bom stage sites of the Bulan-Koby archaeological culture. The composition of the goods indicates that the burial belonged to a professional man-at-arms of the middle command level in the military hierarchy in the rank of centurion.

Keywords: Altai, the Xianbei period, burial, the Bulan-Koby culture, weaponry, warrior equipment.

REFERENCES

- Davydova A.V., 1995. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [Ivolga archaeological complex], 1. Ivolginskoe gorodishche [The Ivolga fortified settlement]. St. Petersburg: AziatIKA. 287 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 1).
- Davydova A.V., 1996. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [Ivolga archaeological complex], 2. Ivolginskiy mogil'nik [The Ivolga burial ground]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 175 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 2).
- D'yakonova V.P., 1970. Large mound cemeteries at the Kokel burial ground (based on the results of excavations in 1963, 1965). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Tuva combined archaeological and ethnographic expedition]*, III. *Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel' [Materials on the archaeology and anthropology of the Kokel burial ground]*. L.P. Potapov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 80–209. (In Russ.)
- Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p.
- Gorbunov V.V., 2006. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Military art of the population of Altai in the 3rd–14th centuries AD], II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Offensive armaments (weapon)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 232 p.
- Gorbunov V.V., 2015. Heavy cavalry of the Xianbei Murong. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: trudy Shestoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [War and weapon. New research and materials: Proceedings of the Sixth International scientific and practical conference]*, II. S.V. Efimov, ed. St. Petersburg: Voenno-istoricheskiy muzey artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi, pp. 3–20. (In Russ.)

- Gorbunov V.V., 2017. Peculiarities of the military art of the Kulai culture tribes in the south of Western Siberia (1st century BC – mid-4th century AD). *Kul'tury i narody Severnoy Evrazii: vzglyad skvoz' vremya* [Cultures and peoples of Northern Eurasia: a look through time]. M.P. Chernaya, ed. Tomsk: D'Print, pp. 99–105. (In Russ.)
- Khazanov A.M., 2008. Izbrannye trudy: Ocherki voennogo dela sarmatov [Selected works: Studies on military art of the Sarmatians]. 2nd edition. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 294 p.
- Khudyakov Yu.S., 1986. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Armaments of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 268 p.
- Khudyakov Yu.S., 1997. Armaments of the nomads of the Altai Mountains during the Xiongnu period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). *Izvestiya laboratorii arkheologii* [Proceedings of the Laboratory of Archaeology], 2, pp. 28–37. (In Russ.)
- Khudyakov Yu.S., Yuy Su-Khua, 2000. Xianbei armament complex. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii* [Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology], 5, pp. 37–48. (In Russ.)
- Konovalov P.B., 1976. Khunnu v Zabaykal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [Xiongnu in Transbaikalia (burial sites)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 221 p.
- Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Iderkhangay T.-O., 2011. The elite Xiongnu mound of Khukh udzuuriin dugui II–1 in Bulgan sun (Khovd Province) and its significance for the reconstruction of the Xiongnu funeral rite (preliminary report). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baidaral'skoy Sibiri], 2. Irkutsk, pp. 329–342. (In Russ.)
- Kozhombardiev I.K., Khudyakov Yu.S., 1987. Arms complex of the Kenkol warrior. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Military art of the ancient population of Northern Asia]. V.E. Medvedev, Yu.S. Khudyakov, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 75–106. (In Russ.)
- Kubarev G.V., 2005. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [Culture of the ancient Altai Turks (based on materials from burial sites)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 400 p.
- Kyzlasov L.R., 1960. Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny [The Tashtyk period in the history of the Khakass-Minusinsk Hollow]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 198 p.
- Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Likhacheva O.S., 2020. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n.e.) [Armament and military art of the population of the forest-steppe Altai in the Early Iron Age (8th–1st centuries BC)]. Barnaul: Kolmogorov I.A. 304 p.
- Matrenin S.S., 2017. Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. [The gear of Altai nomads in the 2nd century BC – 5th century AD]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 142 p.
- Matveeva N.P., Potemkina T.M., Solov'ev A.I., 2004. Some issues of reconstructing defensive weapons of the Sargatka culture bearers (based on the materials of the Yazevo-3 burial ground). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], 4(20), pp. 85–99. (In Russ.)
- Minyaev S.S., 2007. Dyrestuyskiy mogil'nik. Arkheologicheskie pamyatniki syunnu [The Dyrestui burial ground. Archaeological sites of the Xiongnu], 3. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 233 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 3).
- Savinov D.G., 2009. Minusinskaya provintsia khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.) [Minusinsk province of the Xiongnu (based on materials of archaeological research in 1984–1989)]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 226 p.
- Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umanskiy A.P., 2022. Severnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I) [Northern Altai during the Migration period (based on materials from the Karban-I archaeological complex)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 276 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya, 5).
- Teterin Yu.V., 2004. Armaments of Gorny Altai nomads during the Berel period. *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Military art of the peoples of Siberia and Central Asia]. Yu.S. Khudyakov, ed. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 37–82. (Trudy gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya II, iss. 1). (In Russ.)
- Teterin Yu.V., 2016. Lash (scourge) handles of the Xiongnu nomads of South Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History. Philology], vol. 15, no. 3, pp. 87–96. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2006. The Altai Mountains in the Xiongnu period: cultural and chronological analysis of archaeological material. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 111–115. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2020. Altai in the Xianbei period: cultural and chronological analysis of archaeological materials. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 33–46. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka site)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 368 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya, 3).
- Excavation of the Xianbei group of burials at Laoheshen in Yushu, Jilin (Jilin Provincial Archaeological Team). *Ven'u* [Wenwu], 1985, 2, pp. 68–82. (In Chinese).

СТЕКЛЯННЫЕ ПРЕДМЕТЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ВЩИЖА (ПО ИТОГАМ РАБОТ 2014–2015 гг. НА ПОСАДЕ И ОКОЛЬНОМ ГОРОДЕ)

© 2023 г. Е. К. Столярова^{1,*}, В. В. Миненко^{2,**}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: kath.stoliarova@gmail.com

**E-mail: vvminenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.11.2022 г.

После доработки 11.11.2022 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

Древнерусский Вщиж известен по летописным данным с 1142 г. В середине XII в. из небольшой пограничной крепости он превращается в стольный город небольшого удельного княжества, вассального по отношению к Чернигову. В 1238 г. город был razoren войсками Батия и как городское поселение перестал существовать. В статье рассматриваются предметы из стекла древнерусского времени, найденные на окольном городе и посаде Вщижа (198 экз.). Среди этого количества находок основная масса — это фрагменты браслетов (186 экз.), кроме них 6 бусин, 4 обломка перстней и фрагменты 2 сосудов. Большая часть находок (182 экз.) — продукция древнерусского стеклоделательного ремесла, остальные (16 обломков браслетов) отнесены к византийскому изготовлению. Подавляющее количество стеклянных изделий датируется второй половиной XII — первой третью XIII в., и только небольшое количество вещей, возможно, бытовало во второй половине XIII — XIV в.

Ключевые слова: Вщиж, древнерусский город, окольный город, посад, домонгольский период, находки из стекла, стеклянные браслеты, бусы, древнерусское стеклоделие, изделия из Византии.

DOI: 10.31857/S0869606323030194, **EDN:** PPQNZ A

Первое упоминание на страницах письменных источников событий, связанных с древнерусским городом Вщижем, относится к 1142 г. По свидетельствам летописцев в 1150–1160-е годы он был центром небольшого удельного княжества на чернигово-смоленском пограничье. Дальнейшее развитие древнерусского города было прервано в ходе монгольского нашествия на Русь в конце 1230-х годов. Б.А. Рыбаков в своей обобщающей работе по Вщижу писал: “Мы можем догадываться и о том, что весной 1238 года войска Батия, шедшие из Смоленской округи на Козельск, не могли миновать городов Подесенья. Это блестяще подтверждается наличием на Вщижском городище второго слоя пожара с вещами 30-х годов XIII века” (Рыбаков, 1953. С. 102–104). После этих событий Вщиж как городское поселение перестал существовать, “...ко второй половине XIII в. можно отнести одно-два бедных жилища” (Рыбаков, 1951б. С. 41).

История археологического изучения Вщижа началась еще в 1840-х годах, когда остатки древнего города исследовались любительскими раскопками местных помещиков (В.М. Зиновьевой-Фоминой и М.М. Фоминым) и священнослужи-

теля Н. Митропольского. В первую очередь интерес у них вызывали остатки древнерусского храма из плинфы, который был открыт в ходе этих работ. Найденные вещи, в основном предметы убранства храма, были переданы в Московское археологическое общество, а затем в Исторический музей в г. Москве (сейчас — ГИМ) (Поляков, 2011).

В начале XX в. исследования на городище Вщиж и в его окрестностях были предприняты членом Орловской ученой архивной комиссии, сотрудником Орловского губернского музея С.А. Чуевым и профессором Орловской духовной семинарии И.Е. Евсеевым. Среди различных многочисленных находок были и стеклянные изделия — обломки браслетов и бусы. В частности, С.А. Чуевым в 1901 г. были обнаружены “...куски браслетов, из которых 23 куса стеклянных и 10 мастичных, и те, и другие имеют форму довольно разнообразных завитков и при том различных материалов. Стеклянные большей частью зеленые и черные, а мастичные — серые (темные и цветные). 2 бусины из мастики, похожей на ту, из которой сделаны некоторые куски браслетов” (Чуев, 1903. С. 4). И.Е. Евсеев в 1907 г. на разных

участках древнего города нашел "...до 100 обломков стеклянных и мастиковых ожерельев — зеленых, синих, розовых, пестрых" (Евсеев, 1908. С. 49). К сожалению, эти и другие предметы из раскопок во Вщиже, хранившиеся в Орловском краеведческом музее, были утрачены в годы Великой Отечественной войны.

В 1940, 1948—1949 гг. во Вщиже экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Б.А. Рыбакова были проведены широкомасштабные разведочные и раскопочные работы (в общей сложности было изучено около 2000 м²). В отчетной документации и публикациях по итогам исследований есть упоминания, правда, без подробного анализа, о находках древнерусских изделий из стекла — посуды, бус и браслетов (Рыбаков, 1951а. С. 58). По мнению Б.А. Рыбакова, "...время начала массового распространения стеклянных браслетов во Вщиже произошло около 1142 г." (Рыбаков, 1958. Л. 46). Ныне коллекция из раскопок 1948—1949 гг. хранится в фондах ГИМ.

В конце XX — начале XXI в. исследования во Вщиже были сосредоточены в основном на посаде и окольном городе и носили спасательный характер (рис. 1). Работы выполнялись различными организациями, в том числе экспедициями Брянского государственного университета под руководством Е.А. Шинакова, Брянской областной дирекции по охране и использованию памятников истории и культуры под руководством В.Н. Гурьянова, ООО "Улисс" под руководством В.А. Чивилева, Деснинской экспедицией ИА АН СССР под руководством Р.А. Нигматуллина, экспедицией отдела сохранения археологического наследия ИА РАН под руководством одного из авторов (Шинаков, 1990; 2016; Смирнов, Нигматуллин, 1992; Гурьянов, 1995; Миненко и др., 2015; Чивилев, 2018).

Первая попытка анализа стеклянных изделий из Вщижа была предпринята Е.А. Шинаковым с соавторами (Шинаков и др., 2018). Они привлекли для исследования находки из стекла, обнаруженные на окольном городе в ходе работ Брянской экспедиции с 1999 по 2014 г. Но количество их было небольшим, в частности, было изучено всего 28 фрагментов браслетов.

За основу нашего исследования были взяты стеклянные предметы, полученные в 2015 г. экспедицией ИА РАН под руководством одного из авторов на территории посада (72 экз.). Стеклянные браслеты, найденные в 2014 г. экспедицией под руководством Е.А. Шинакова на территории окольного города (19 экз.), были также привлечены для изучения. Кроме того, был учтен подъемный материал, собранный В.В. Миненко при обследовании посада (всего 116 экз.). Итого было изучено 207 стеклянных предметов, из которых к периоду Древней Руси относится 198. Большая их

часть, 179, обнаружена на посаде, остальные 19 — на территории окольного города (рис. 1).

Среди этого количества находок основная масса, как это обычно бывает при раскопках древнерусских городов, — это фрагменты браслетов (186 экз., 94%), кроме них 6 бусин, 4 обломка перстней и фрагменты 2 сосудов.

Браслеты встречены нескольких типов (рис. 2—6; табл. 1). Самые многочисленные — это так называемые крученые (рис. 2, 2, 4—6, 9, 11, 13, 15—18; 3, 1—12, 14, 17, 18, 20—25, 27, 29, 30; 4, 1, 3—8, 10—12, 15, 17, 20; 5, 9—16, 18; 6, 3, 6—9, 19). Они изготовлены кручением ребристой палочки, имеющей в поперечном сечении розетку. Их обнаружено около 60% (105 экз.; 56.5%). Из них почти половина среднекрученых с количеством ребер от 5 до 9 (51 экз., 27.4%). На втором месте мелкокрученые с количеством ребер выше 10 (32 экз., 17.2%). Браслетов крупного кручения с числом ребер от 2 до 4 всего 12 экз. (6.5%). Есть браслеты, у которых часть палочки ребристая, а часть гладкая, они были названы составными (рис. 3, 2; 6, 9). Таких 4 экз. (2.2%). У 6 находок (3.2%) установить количество ребер не представляется возможным.

Второй по количеству тип — это так называемые гладкие браслеты (рис. 2, 3, 10, 12, 14; 3, 13, 15, 19, 26, 28; 4, 2, 13, 14, 16; 5, 1—3, 5, 19; 6, 1, 2, 4, 5, 10, 12, 16—18, 20). Это браслеты с кругом или овалом в сечении, изготовленные свободным вытягиванием прута. Их чуть больше четверти (49 экз., 26.3%).

Есть браслеты с полуовальным или полукруглым сечением, изготовленные навивкой или вращением (рис. 2, 19; 3, 31; 4, 9, 18; 5, 4, 6; 6, 14, 15). Таких 10 экз. (5.4%).

Навивкой изготавливали граненые браслеты с треугольником в сечении (рис. 2, 1; 4, 19; 5, 20; 6, 11, 13). Таких 6 экз. (3.2%).

Есть несколько находок так называемых рифленых браслетов (рис. 2, 7, 8; 5, 17), изготовленных простым вытягиванием ребристой палочки с розеткой в поперечном сечении (3 экз., 1.6%). Среди них встречены браслеты, у которых часть палочки ребристая, а часть гладкая (2 экз.; рис. 2, 7; 5, 17).

Еще один тип — это похожие на крученые, но изготавливаемые иначе — путем перекручивания сваренных пучком нескольких тонких палочек (рис. 5, 7). Их традиционно называют витыми. Таких в нашей коллекции всего 2 фрагмента (1.1%).

Единичен так называемый рубчатый браслет (рис. 5, 8), полученный сваркой двух вытянутых тонких палочек, положенных в ряд (0.5%).

Для 10 браслетов тип установить не удалось (5.4%).

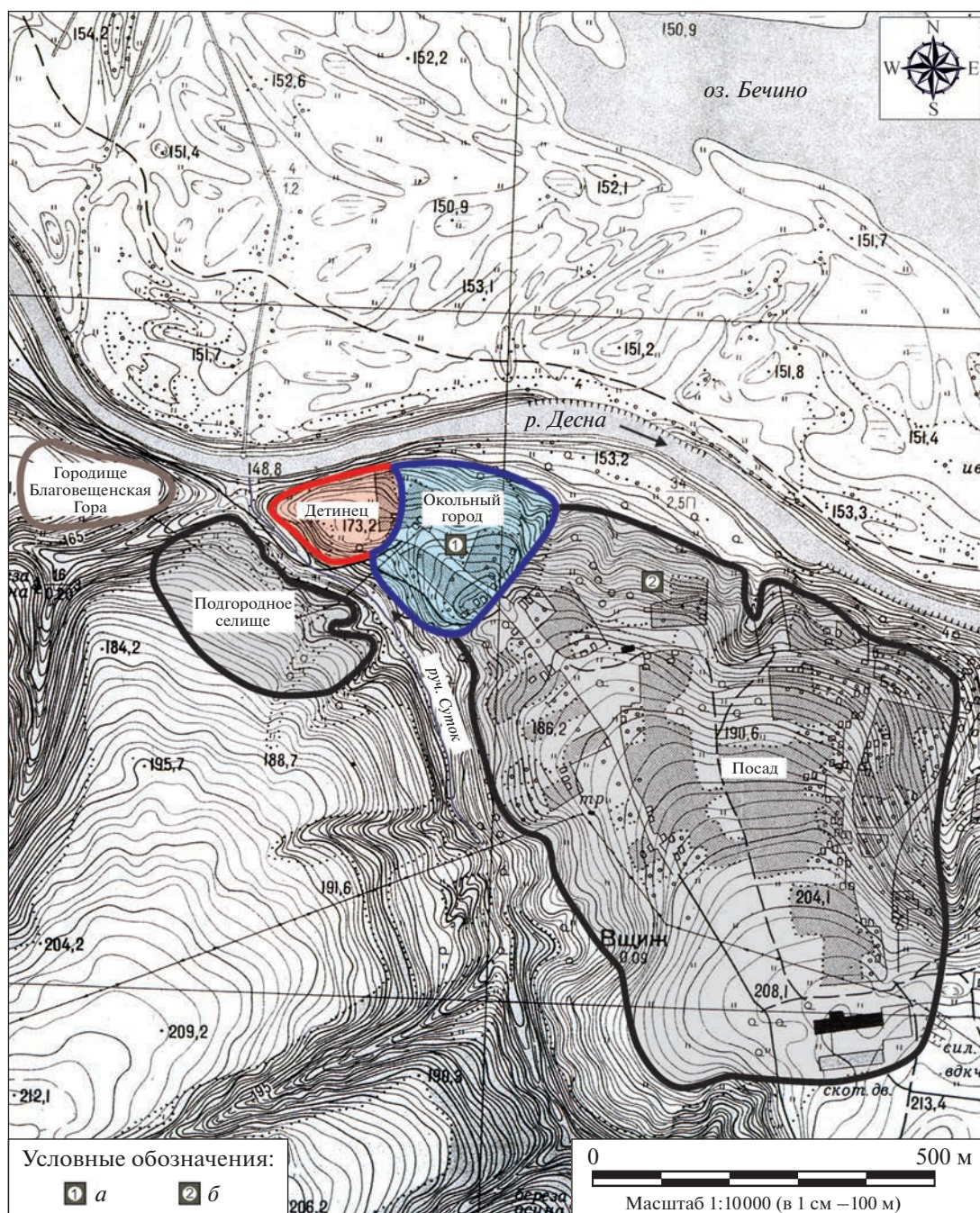


Рис. 1. Схема древнерусского города Вщижа с указанием мест обнаружения стеклянных предметов: *a* — раскоп 2014 г.; *б* — раскопы 2015 г.

Fig. 1. A plan of the Rus town of Vshchizh indicating the locations where glass objects were found: *a* — excavation site of 2014; *б* — excavation sites of 2015

Во Вщиже, как и в других древнерусских городах, самыми многочисленными типами являются крученые и “гладкие” браслеты. По данным других городов обычно они составляют в сумме от 90 до 97% от всего количества браслетов. Остальные же типы — не более 5% (Шапова, 1972. С. 103–175). Во Вщиже “витые”, рифленные, рубчатые, граненные и полуовальные браслеты вместе со-

ставляют почти 12%, причем преобладают среди них полуовальные и треугольные, находки которых в других памятниках, как правило, уступают витым браслетам. Кроме того, соотношение крученых и “гладких” во Вщиже отличается от ситуации, известной по другим городам, где их соотношение практически равное с небольшим преобладанием того или другого типа, т.е. эти

Таблица 1. Типы стеклянных браслетов Вщижа
Table 1. Types of Vshchizh glass bracelets

		Участок города					
Тип браслета		Посад		Окольный город		Всего	
		Количество	%	Количество	%	Количество	%
Крученые	из них:	94	56.3	11	57.9	105	56.5
	крупнокрученые	9	5.4	3	15.7	12	6.5
	среднекрученые	47	28.1	4	21.1	51	27.4
	мелкокрученые	28	16.8	4	21.1	32	17.2
	составные	4	2.4	—	—	4	2.2
	нельзя установить	6	3.6	—	—	6	3.2
Гладкие		45	26.9	4	21.1	49	26.3
Навитые	полуовальные	9	5.4	1	5.25	10	5.4
	треугольные	5	3	1	5.25	6	3.2
Рифленные		1	0.6	2	10.5	3	1.6
Витые		2	1.2	—	—	2	1.1
Рубчатые		1	0.6	—	—	1	0.5
Нельзя установить		10	6	—	—	10	5.4
Итого		167	100	19	100	186	100

группы, как правило, количественно близки друг другу. В нашем же случае крученых браслетов чуть более чем в 2 раза больше, чем “гладких” (56.5% против 26.3%).

Если сравнивать по этим показателям посад и окольный город, то в целом картина схожая, хотя эти сравнения не совсем корректны, поскольку количество браслетов на этих участках города отличается на порядок (табл. 1).

Почти такое же соотношение крученых и “гладких” браслетов со значительным преобладанием крученых мы отмечали в материалах Заднепровского посада г. Смоленска (рис. 7, А), правда, там крученых браслетов было несколько больше — чуть больше двух третей, а гладких — так же, как и во Вщиже — немногим более четверти (Столярова, Миненко, 2017. С. 158, 177. Рис. 6). Кроме того, среди браслетов Вщижа и Смоленска мы наблюдаем сходное соотношение крупно- и среднекрученых с мелкокручеными браслетами (рис. 7, Б). Основываясь на хорошо датированных новгородских данных, мы отнесли комплекс смоленских браслетов к 70-м годам XII — 20-м годам XIII в. (Столярова, Миненко, 2017. С. 169). Можно предположить, что и во Вщиже рассмотренная коллекция браслетов может быть отнесена к этому же времени или по крайней мере ко времени до разрушения города Батыем, несмотря на то, что в ходе раскопок были зафиксированы находки второй половины XIII — XIV вв.

Браслеты Вщижа изготовлены из прозрачного или полупрозрачного стекла 12 тонов: бежевого, оливкового, коричневого, красно-коричневого, черного, синего, фиолетового, сине-фиолетово-

го, сине-зеленого, бирюзового, желто-зеленого, желтого. По соотношению цветов палитра вщижских браслетов довольно своеобразна: в ней практически отсутствуют браслеты из коричневого стекла (1.05%), которые в большинстве древнерусских городов составляют значимую часть. Самые же многочисленные здесь оливковые (37.1%; 69 экз.), также много бежевых (10.2%; 19 экз.). В этом отношении Вщиж опять оказался близок смоленским браслетам Заднепровского посада (Столярова, Миненко, 2017. С. 158). Еще одна особенность — значительное преобладание фиолетовых браслетов (18.3%; 34 экз.), что присутствует, например, в таких городах как Киев, Рязань, Пинск, Изяславль (Щапова, 1972. С. 166), а также, что важно, в Трубчевске (Чубур, 2009. Рис. 4) и Брянске (Подшивайло, 2010). Следует также отметить большое количество сине-фиолетовых браслетов (6.5%; 12 экз.), что в других городах Руси встречается крайне редко (не более 2.5%). Кроме того, присутствуют браслеты из редкого прозрачного и полупрозрачного красно-коричневого стекла (1.6%; 3 экз.).

Декор имеют 28 фрагментов браслетов, что составляет 15% всех находок этих украшений. Среди них только гладкие (13 экз.), крученые (12 экз.) и полуовальные (1 экз.)¹. Остальные типы не декорировались. Чаще всего декор имеют браслеты оливкового цвета (16 экз.). Браслеты остальных цветов с декором (кроме бирюзового и сине-зеленого) встречены по одному разу.

¹ У двух оплавленных декорированных браслетов тип не установлен.

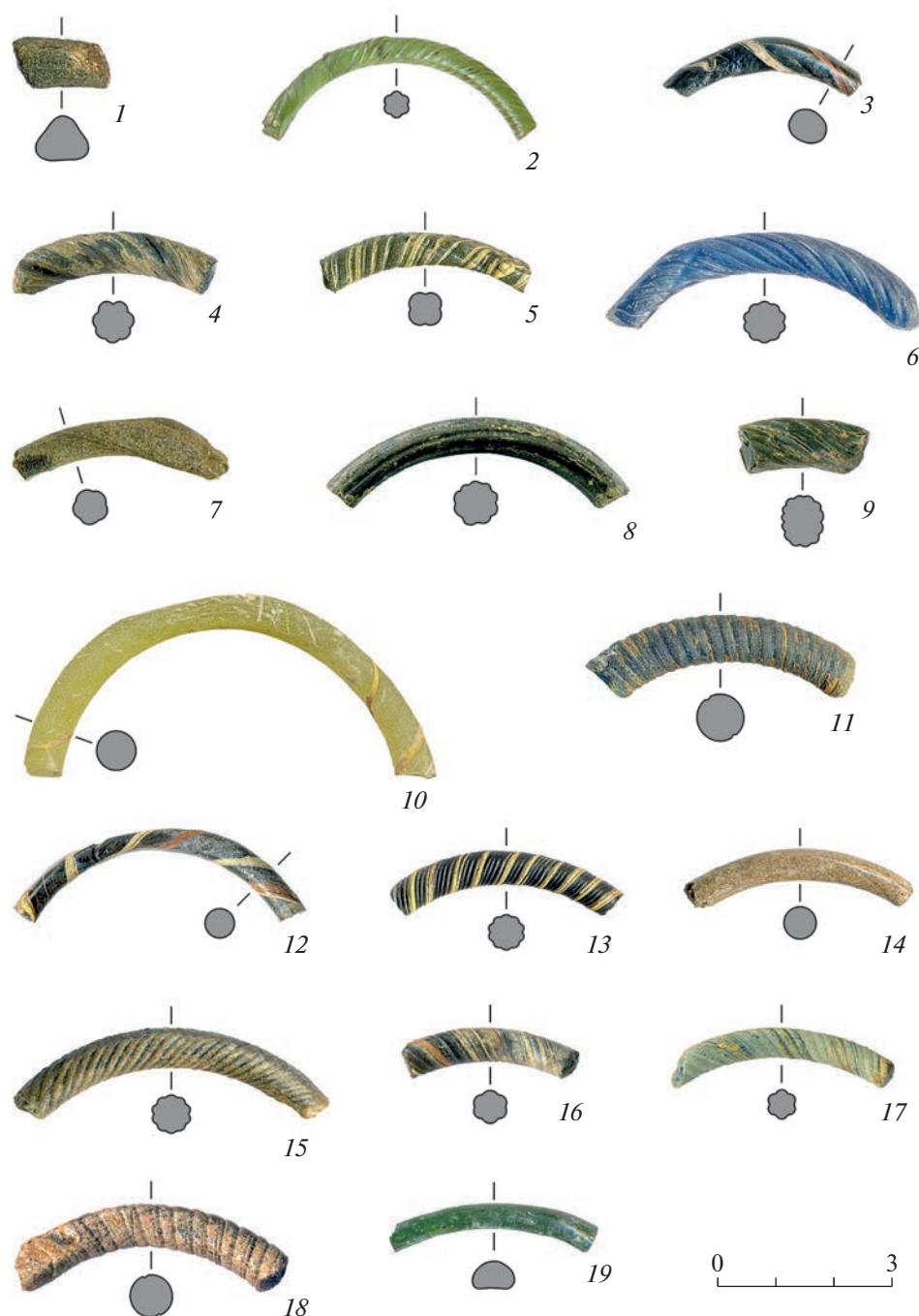


Рис. 2. Фрагменты стеклянных браслетов с территории окольного города Вщижа: 1 – подъемный материал; 2–16 – культурный слой; 17 – яма 7; 18, 19 – постройка 1.

Fig. 2. Fragments of glass bracelets from the outer town of Vshchizh: 1 – surface material; 2–16 – cultural layer; 17 – pit 7; 18, 19 – structure 1

Гладкие (11 экз.) и крученые (11 экз.) браслеты всех вышеназванных цветов, за исключением сине-фиолетового, чаще всего украшались так называемым перевитьем (24 ед.²): одной (8 экз.), двумя

(13 экз.), тремя (1 экз.) или четырьмя (2 экз.) переплетающимися оброч нитями. Нити могли быть одного (18 экз.) или разного (6 экз.) цветов. Однократные (рис. 2, 10; 3, 1, 9, 13) и четырехкратные нити (рис. 5, 10) всегда одного цвета либо из желтого, либо в одном случае красно-коричневого стекла. Единственный браслет с перевитьем из

² Перевитьем также украшены два браслета с неустановленным типом.



Рис. 3. Фрагменты стеклянных браслетов с территории посада Вщижа (культурный слой).

Fig. 3. Fragments of glass bracelets from the territory of Vshchizh *posad* (cultural layer)

трех нитей двухцветный: две нити желтые, третья красно-коричневая (рис. 2, 16). Среди браслетов с двумя нитями есть одноцветные из желтого (8 экз.; рис. 2, 5, 13; 3, 28; 4, 14, 16; 5, 12) и реже двухцветные из желтого и красно-коричневого (5 экз.; рис. 2, 3, 12; 4, 2; 5, 2, 3) стекла. Заметим, что один из двух браслетов с четырьмя нитями —

крупнокрученный с четырьмя ребрами, поэтому его поверхность практически полностью оказалась закрыта перевитием (рис. 5, 10). Браслеты с подобным декором не были известны нам до этой находки.

Один крученный браслет с двумя ребрами бледно-желтого цвета имеет внутри спираль из крас-



Рис. 4. Фрагменты стеклянных браслетов с территории посада Вщижа: 1–13 – культурный слой; 14–16, 20 – объект 1; 17 – объект 5; 18, 19 – объект 14.

Fig. 4. Fragments of glass bracelets from the territory of Vshchizh posad: 1–13 – cultural layer; 14–16, 20 – structure 1; 17 – structure 5; 18, 19 – structure 14

но-коричневого стекла, просвечивающую через прозрачное стекло обруча (рис. 3, 8). Такие браслеты происходят главным образом из западнорусских земель (Скрипченко, 1983. С. 96–98; Карпов, 2006. С. 47), известно несколько из Южной Руси (Журухина, 2016. С. 148, 149), Ярославля и Москвы (Stolyarova, 2021. Fig. 2: 31; 4: 4).

Один гладкий браслет оливкового цвета декорирован нитью желтого глухого стекла, наложенной вдоль обруча (рис. 6, 4).

Еще один гладкий браслет из сине-фиолетового стекла украшен прессованным орнаментом в виде двух узких вогнутых овалов, нанесенных каким-то инструментом, предположительно, пинцетом (рис. 6, 18). Они располагаются сбоку от шва – места соединения концов браслета. Такой

вид декора был встречен только на браслетах из сине-фиолетового и бежевого стекла. Они происходят из Ярославля, Москвы, Смоленска (Stolyarova, 2021. Fig. 2: 25; 3: 7, 12; 4: 15) и Ростова³.

Один браслет полуовального сечения синего цвета украшен накладными пятнами желтого глухого стекла (рис. 4, 18). Браслеты с таким декором из оливкового, желто-зеленого и сине-фиолетового стекла обнаружены, например, в Ярославле (Stolyarova, 2021. Fig. 4: 12), Дмитрове и Москве (Столярова, 2016. С. 24).

Более половины фрагментов браслетов (54.3%) оказались настолько малы, что внутрен-

³ Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», КП 16469/111, инв. № А-165/111.



Рис. 5. Обломки стеклянных браслетов, найденные в поверхностном залегании на посаде Вщижа.

Fig. 5. Fragments of glass bracelets from the territory of Vshchizh *posad* (surface material)

ний диаметр обруча не определяется. У остальных размеры стандартны: встречаются обручи с внутренним диаметром от 3 до 7 см. Преобладают браслеты с диаметром 6 см, таких почти четверть (23.7%). Немного меньше браслетов диаметром 5 см (17.2%). Браслеты диаметром 3, 4 и 7 см единичны.

Изучен химический состав 22 браслетов (табл. 2, ан. 896–27–41, 43, 44, 46–50). Оказалось, что большая их часть (14 экз.; табл. 2, ан. 896–27, 30, 31, 33, 34, 37–41, 43, 47, 49, 50) изготовлена из калиево-свинцово-кремнеземного стекла ($K_2O-PbO-SiO_2$), который относят к древнерусскому, предположительно, киевскому производству⁴. Стекла бежевого (табл. 2, ан. 896–27, 33, 43, 50; рис. 2, 13; 3, 6; 4, 4, 19) и оливкового (табл. 2, ан. 896–37, 39, 40, 47; рис. 3, 15, 21, 30; 4, 14) цветов

окрашены окисью железа. Синее стекло получено сочетанием двух красителей: окисей марганца и меди (табл. 2, ан. 896–31, 38, 41, 49; рис. 3, 1, 16, 31; 4, 18). Бледно-желтое стекло при отсутствии специально введенного красителя окрашено за счет основного стеклообразующего — окиси свинца и естественных примесей железа (табл. 2, ан. 896–34; рис. 3, 8). Полупрозрачное стекло красно-коричневого цвета окрашено металлической медью или закисью меди (табл. 2, ан. 896–30; рис. 6, 19).

⁴ Подробнее о калиево-свинцово-кремнеземном стекле древнерусского происхождения см. Столярова, 2016. С. 124–127, 154, 155 (со ссылками на литературу); 2022. С. 177, 178 (со ссылками на литературу); Stolyarova, 2021. P. 513–515 (со ссылками на литературу).

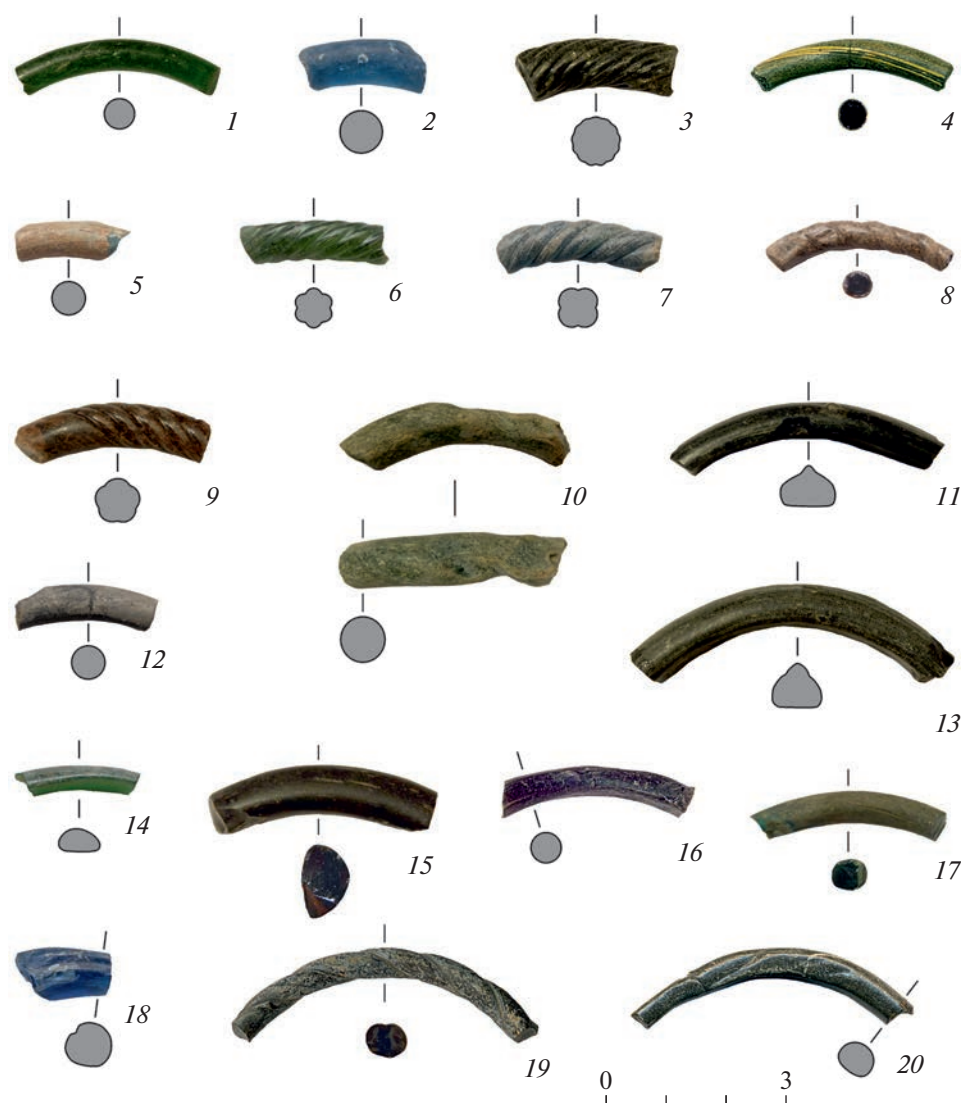


Рис. 6. Фрагменты стеклянных браслетов с территории посада Вщижа (подъемный материал).

Fig. 6. Fragments of glass bracelets from the territory of Vshchizh posad (surface material)

Всего один браслет сделан из бесщелочного свинцового стекла (PbO-SiO_2 ; табл. 2, ан. 896–28; рис. 2, 19), также отнесенный к древнерусскому производству⁵. Стекло окрашено окисью меди в желто-зеленый цвет. Кроме того, в составе содержится небольшая примесь окиси калия (1.6%)⁶.

Судя по цвету и сохранности стекла, основная масса браслетов, не подвергнутых анализу, состава (153 экз.), также имеет древнерусское проис-

хождение. Большую их часть (143 экз.) мы отнесли к калиево-свинцово-кремнеземному стеклу, остальные (10 экз.) — к бесщелочному свинцовому⁷.

Сравнение браслетов Вщижа этих составов показывает, что они в целом одинаковы по форме, правда, среди браслетов из бесщелочного свинцового стекла нет “витых”, рифленых и рубчатых. Возможно, это объясняется непредставительной выборкой браслетов этого класса. Различия в цвете более значимые. Браслеты из калиево-свинцового стекла разнообразнее по цвету, они могут быть бледно-желтые, желто-зеленые, оливковые, бежевые, коричневые, красно-коричневые, си-

⁵ Подробнее о бесщелочном свинцовом стекле древнерусского происхождения см. Столярова, 2016. С. 124–126, 151, 152 (со ссылками на литературу); 2022. С. 178 (со ссылками на литературу); Stolyarova, 2021. P. 513–515 (со ссылками на литературу).

⁶ О причинах этого см. Столярова, 2005. С. 51; 2016. С. 124; 2019. С. 71; Столярова, Миненко, 2017. С. 16.

⁷ Подробно о внешних признаках калиево-свинцово-кремнеземного и бесщелочного свинцового стекла см. Столярова, 2016. С. 151, 152, 155; 2022. С. 178.

ние, сине-зеленые, бирюзовые и фиолетовые (рис. 2, 1–5, 7–18; 3, 1–4, 6–10, 12, 13, 15–31; 4, 1–5, 7–11, 13, 14, 16–20; 5, 1–3, 5–11, 15, 18–20; 6, 4–10, 12, 13, 16, 17, 19, 20). Браслеты этого состава имеют разнообразный декор. Чаще всего они украшены перевивающей их нитью (рис. 2, 3, 5, 10, 12, 13, 16; 3, 1, 9, 13, 28; 4, 2, 14, 16; 5, 2, 3, 10, 12), иногда они имеют внутреннюю спираль (рис. 3, 8) или полосу, наложенную вдоль обруча (рис. 6, 4), или накладные пятна (рис. 4, 18). В отличие от них браслеты класса PbO-SiO_2 беднее по цвету, что обусловлено их химическим составом. Вщижские браслеты окрашены в коричневый, яркий желто-зеленый, бежевый и черный цвета и изредка декорированы перевивьем (рис. 2, 19; 5, 13, 14; 6, 1, 3, 11, 14). Следует отметить отсутствие среди них браслетов из ярко-желтого стекла, довольно часто встречающихся в других городах Руси.

Семь браслетов сделаны из стекла класса $\text{Na}_2\text{O-CaO-SiO}_2$, сваренного на золе растений пустынной и полупустынной зон (табл. 2, ан. 896–29, 32, 35, 36, 44, 46, 48; рис. 2, 6; 3, 5, 11, 14; 4, 6, 12, 15)⁸. Браслеты такого же состава обнаружены на территории Византии (Lauwers et al., 2010; Vugoi et al., 2016), что позволяет нам предполагать византийское происхождение указанных вщижских браслетов. Интересно, что среди них не только браслеты сине-фиолетового цвета, окрашенные окисью кобальта (табл. 2, ан. 896–29, 44, 46), но и бежевые, красителем для которых служила, возможно, окись железа (табл. 2, ан. 896–32, 35, 36, 48). Среди браслетов, не подвергнутых анализу состава, есть еще девять браслетов, которые следует отнести к группе византийских: они окрашены в сине-фиолетовый тон и имеют в основном хорошую сохранность. В целом к византийским браслетам относятся крученые, гладкие, рифленые и браслеты с полуовальным сечением (рис. 5, 4, 16, 17; 6, 2, 18). Среди них всего один декорированный браслет, он украшен прессованным декором (рис. 6, 18).

Из четырех *перстней* щиток сохранился только у одного (рис. 8, 1). Это перстень из оливкового стекла с обручем полуовального сечения, сделанным навивкой, и плоско-вогнутым щитком, полученным прессованием наложенной на обруч капли стекла. Внутренний диаметр обруча 1.6 см. У остальных перстней сохранились только полуовальные обручи, выполненные навивкой из синего, желто-зеленого и коричневого стекла (рис. 8, 2–4). Внутренние диаметры обручей 1.6, 1.8 и 2 см. Состав стекла оливкового и синего перстней относится к калиево-свинцово-кремне-

⁸ Подробнее о натриево-кальциево-кремнеземном стекле и о внешних признаках этого состава см. Столярова, 2016. С. 124–127, 162 (со ссылками на литературу); 2022. С. 179 (со ссылками на литературу); Stolyarova, 2021. P. 512, 513.

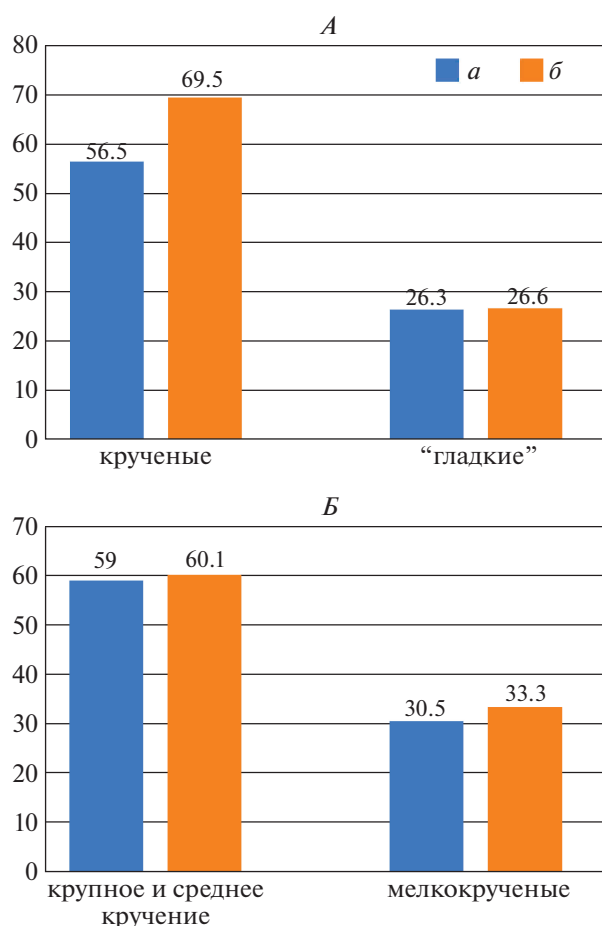


Рис. 7. Соотношение стеклянных браслетов из Вщижа (а) и Заднепровского посада Смоленска (б): А – крученые и “гладкие” браслеты; Б – крупно-, средне- и мелкокрученые браслеты.

Fig. 7. Correlation of glass bracelets from Vshchizh and Zadneprovsky posad of Smolensk: A – twisted and “smooth” bracelets; B – large-, medium- and small-twisted bracelets

земному классу древнерусского, предположительно, киевского происхождения (табл. 2, ан. 896–42, 45). Желто-зеленый перстень, возможно, сделан из бесщелочного свинцового стекла, о чем говорят сколы на его поверхности (рис. 8, 3). По данным Ю.Л. Шаповой, перстни такого цвета бытовали в XII–XIII вв. (1972. С. 99).

Среди вщижских бус древнерусского времени три так называемые зонные. Одна из прозрачного бледно-желтого стекла (диаметр 1.05, высота 0.8 см) сделана индивидуальной навивкой (рис. 8, б). Цвет стекла и наличие кракелюра позволяют предполагать ее калиево-свинцово-кремнеземный состав. Такие бусы появляются в 1070-е – 1080-е годы. Время их наибольшего распространения – XII – 30-е годы XIII в., а отдельные экземпляры доживают до конца XIII – начала XIV в. (Шапова, 1956. С. 165, 166; Захаров, 2004. С. 54).

Таблица 2. Химический состав стеклянных браслетов из Вшижа*
Table 2. Chemical composition of glass finds from Vshchizh

Шифр лабора- торный	896–27	896–28	896–29	896–30	896–31	896–32	896–33	896–34	896–35	896–36	896–37	896–38
Цвет	Бежевый	Желто- зеленый	Сине- фиолето- вый	Красно- коричне- вый	Синий	Бежевый	Бежевый	Желтый	Бежевый	Бежевый	Оливко- вый	Синий
Na ₂ O	0.05	0.06	19	0.06	0.07	16	0.07	0.03	16	16	0.04	0.1
K ₂ O	12	1.6	2.8	12	9.5	2.4	13	9.5	2.2	2.4	12	16
CaO	0.8	0.6	11	0.7	0.8	13	1.0	0.7	11	10	1.2	0.9
MgO	0.4	0.3	4.4	0.2	0.3	5.2	0.6	0.4	5.0	3.3	1.4	0.4
Al ₂ O ₃	0.9	0.3	2.2	0.6	0.6	0.6	1.4	0.7	3.6	3.0	1.0	0.5
Fe ₂ O ₃	4.1	0.3	1.9	0.4	0.5	1.8	5.0	0.4	2.0	1.4	4.4	0.4
MnO	0.04	–	1.3	0.01	0.7	0.09	0.03	0.1	0.3	0.2	0.06	0.5
TiO ₂	0.2	0.06	0.09	0.1	0.05	0.08	0.1	0.07	0.2	0.2	0.2	0.1
PbO	32	31	–	52	30	–	43	36	–	–	47	49
SnO ₂	0.1	0.1	–	0.07	0.1	–	0.05	0.01	–	–	0.06	0.2
CuO	0.02	0.9	0.03	0.8	0.5	–	0.01	0.06	–	0.2	–	1.5
CoO	–	–	0.07	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Sb ₂ O ₅	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ag ₂ O	–	–	–	–	0.01	–	–	–	–	–	–	0.02
NiO	–	0.01	–	–	0.01	–	–	–	–	–	0.01	–

Таблица 2. Окончание
Table 2. Ending

Шифр лабораторный	896–39	896–40	896–41	896–42	896–43	896–44	896–45	896–46	896–47	896–48	896–49	896–50
Цвет	Оливковый	Оливковый	Синий	Оливковый	бежевый	Сине-фиолетовый	Синий	Сине-фиолетовый	Оливковый	Бежевый	Синий	Бежевый
Na ₂ O	0.2	0.2	0.6	1.2	0.08	15	0.09	18	0.2	20	0.2	0.5
K ₂ O	14	14	13	12	8.5	1.8	9.5	1.9	13	2.8	12	10
CaO	0.8	1.5	2.8	2.1	1.7	8.5	1.1	14	1.1	14	1.2	1.7
MgO	0.4	0.6	0.8	1.1	0.4	4.2	0.4	5.0	0.5	4.8	0.4	0.5
Al ₂ O ₃	1.2	0.8	1.2	1.8	0.9	2.1	0.35	3.5	1.0	3.6	1.0	1.0
Fe ₂ O ₃	4.6	3.8	0.6	5.5	3.4	1.0	0.3	2.0	8.0	2.0	0.7	8.0
MnO	0.05	0.05	1.0	0.2	0.03	0.6	0.8	0.8	0.2	0.05	1.0	0.1
TiO ₂	0.2	0.3	0.07	0.2	0.2	0.1	0.07	0.2	0.2	0.2	0.05	0.01
PbO	35	42	34	44	30	0.1	17	—	36	—	37	39
SnO ₂	0.05	0.04	0.2	0.2	0.04	—	0.1	—	0.3	—	0.1	0.03
CuO	—	—	1.0	0.8	—	—	0.6	—	0.2	0.03	0.9	0.1
CoO	—	—	—	—	—	0.04	—	0.06	—	—	—	—
Sb ₂ O ₅	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ag ₂ O	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
NiO	—	—	0.01	0.01	—	0.02	0.01	0.01	0.01	—	—	—

*Анализ химического состава стекла выполнен методом оптико-эмиссионной спектроскопии (ОЭС) А.Н. Егорковым в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН. О методике ОЭС см. Egor'kov, 2022. P. 2, 3.

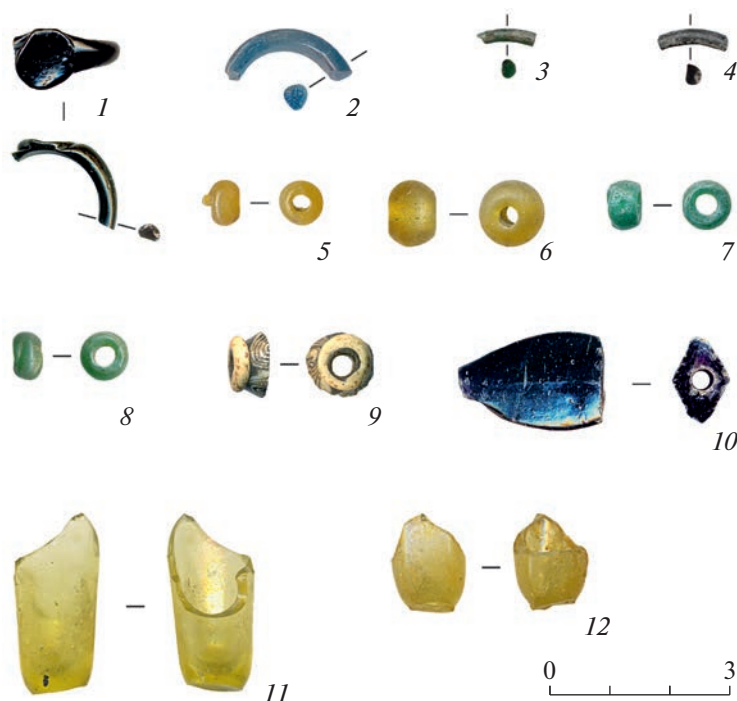


Рис. 8. Фрагменты древнерусских стеклянных изделий с территории посада Вщижа: 1, 2, 10 – культурный слой; 3–9, 11, 12 – подъемный материал; 1–4 – фрагменты перстней; 5–10 – бусы; 11, 12 – фрагменты сосудов (лампы).

Fig. 8. Fragments of Rus glassware from the territory of Vshchizh posad: 1, 2, 10 – cultural layer; 3–9, 11, 12 – surface material; 1–4 – fragments of finger-rings; 5–10 – beads; 11, 12 – fragments of vessels (lamps)

Так, например, на Белозерье в могильнике Мнино II подобные бусы найдены в погребении XII в., а на селище Мнино VI они обнаружены в комплексе середины XII – XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 92). В подмосковном Мякининском могильнике такие бусы происходят из нескольких погребений, укладываемых в период с середины до последней четверти XII в. (Энговатова и др., 2018. С. 32, 38, 55, 57, 68, 70–72). А в могильнике Новоселки 2 (Московская обл.) они, являясь одними из самых многочисленных, встречены в пяти из шести погребений со стеклянными находками и занимают хронологический период середины XII – середины XIII в. (Столярова, 2019. С. 74). Было замечено, что шаровидная форма и бледно-желтое, почти бесцветное стекло этих бусин позволяют рассматривать их как подражание горнохрустальным (Полубояринова, 1988. С. 159).

Вторая “зонная” бусина (диаметр 0.75, высота 0.5 см) изготовлена серийной навивкой из прозрачного ярко-желтого стекла, что позволяет отнести его к свинцово-кремнеземному классу (рис. 8, 5). По курганным древностям такие бусы датируются XII в. У вятичей они встречаются в XIII–XIV вв. В Новгороде основная масса таких бус найдена в слоях XII – 1280-х годов, тем не менее, единичные находки встречаются и в ярусах, датируемых XIV – началом XV в. (Шапова, 1956.

С. 167, 168). В Мининском археологическом комплексе подобные бусы датируются серединой XII – XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 87). В могильнике Мякинино три бусины из подобного стекла происходят из погребения середины – третьей четверти XII в. (Энговатова и др., 2018. С. 38, 70).

Еще одна зонная бусина (рис. 8, 7) сделана также серийной навивкой, но из прозрачного ярко-желто-зеленого стекла (диаметр 0.65, высота 0.45 см). Из стекла такого же цвета индивидуальной навивкой изготовлена винтообразная бусина (диаметр 0.8, высота 0.45 см; рис. 8, 8). Судя по цвету и состоянию сохранности, эти бусы сделаны из свинцово-кремнеземного стекла. Появляются они уже в середине XI в. Основной период существования таких бус по новгородской хронологии и по находкам в древнерусских курганах составляет XII–XIII вв. (Шапова, 1956. С. 168, 169; Захаров, 2004. С. 54). Зонные бусы из такого стекла есть в могильнике Мякинино в погребении последней четверти XII в. (Энговатова и др., 2018. С. 42, 71). Бусины кольцевидной формы обнаружены в могильнике Мнино II в погребениях с середины XI по XIII в., а на селище Мнино VI – в комплексах XII–XIII вв. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187, 189. Табл. 86, 87. Тип 85). Есть такие же и на Лаишевском селище (Республика Татарстан; Столярова, 2005. С. 54, 55), и в комплексе

первой половины XIII в. селища Новиково 1 (Липецкая обл.), где показали свинцово-кремнеземный состав (Столярова, 2012. С. 273). В могильнике Новоселки 2 они найдены в одном из наиболее поздних погребений могильника, относящемся к первой половине XIII в. (Столярова, 2019. С. 74).

Есть находка фрагментированной “рыбовидной” бусины из прозрачного фиолетового стекла (ширина 1.65, толщина 0.95 см, высота не устанавливается), сделанной индивидуальной навивкой (рис. 8, 10). Изделия такого цвета изготавливали из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Подобные есть в могильнике Минино II в погребении XII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 187. Табл. 86. Тип 99). Однако полагают, что такие бусины более характерны для второй половины XII — первой трети XIII в. В частности, в погребениях Мякининского могильника рыбовидные бусы обнаружены в комплексах, относящихся к периоду последней четверти XII — начала XIII в. (Энговатова и др., 2018. С. 36, 57, 69, 72), а в могильнике Новоселки 2 — в погребениях середины XII — начала XIII в. (Столярова, 2019. С. 73).

Из раскопок происходит фрагмент бусины (рис. 8, 10) эллипсоидной усеченной дважды формы из черного непрозрачного стекла с валиком из белого стекла, украшенной накладными фестонами белого цвета (устанавливается только диаметр валика — 0.9 см). Основа бусины сделана навивкой, а валик — накладом. Декор выполнен накладом нити по спирали на тулово бусины и “расчесом” с последующей обкаткой. Находку можно отнести к бусам с так называемым пластичным декором, датируемым XI — серединой XIV в., но в основной массе встречающимся в XII—XIII вв. (Шапова, 1972. С. 91; Захаров, 2004. С. 56). Например, на селище Минино VI похожая бусина найдена в комплексе середины XII — XIII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 189. Табл. 87. Тип 108). А в могильнике Мякинино в погребении середины — третьей четверти XII в. найдена сходная бусина с валиками, но украшенная одним широким фестонем (Энговатова и др., 2018. С. 38, 70).

Сохранились донца двух *сосудов* (рис. 8, 11, 12). Оба принадлежали лампам — широко открытым сосудам конической формы на ножке (диаметры донцев 1.35 и 1.45 см). Сосуды выполнены выдуванием, ножки оттянуты с помощью понтии. Желтоватый цвет стекла и характерный кракелюр говорят об их изготовлении из калиево-свинцово-кремнеземного стекла и принадлежности древнерусскому (киевскому) производству. Такие сосуды есть во многих древнерусских городах, однако нигде они не являются преобладающими, за исключением изделий из Новгорода: здесь эта форма составляет треть от всех находок сосудов. Лампы появляются раньше других форм

сосудов. Они найдены в Новгороде в слоях первой четверти XI в., известны они там и в первой четверти XIII в. Находки из Новогрудка имеют более узкую дату — вторая половина XII в. (Шапова, 1963. С. 122; 1972. С. 46, 55). В Турове и Слободке эти сосуды происходят из слоев первой половины XIII в. (Полубояринова, 1963. С. 234; 1987. С. 167). Фрагмент верхней части такого сосуда найден при строительстве Кремлевского Дворца съездов в Московском Кремле (Столярова, 2016. С. 53).

История Вщижа начинается раньше того времени, когда он становится известен как город. Уже в IX—X вв. на территории детинца и окольного города существовало поселение роменской культуры, в XI — первой половине XII в. здесь, на границе Черниговских и Смоленских земель, располагалась небольшая крепость. С середины XII в., между 1142 и 1156 г., в связи с образованием княжеского стола укрепленная часть города расширяется, а территория посада начинает активно заселяться. После разорения города в 1238 г., во второй половине XIII — XIV в. поселения городского типа во Вщиже уже не было, скорее всего, это было владельческое село с небольшим (по сравнению с городским периодом) количеством населения. Таким образом, находки IX — первой половины XII в. могут происходить только из его укрепленной части — детинца и окольного города, вещи середины XII — XIV в. — со всей территории Вщижа.

Основная масса рассмотренных стеклянных предметов относится к XII—XIII вв., а точнее к домонгольскому периоду. В первую очередь это касается изделий (браслетов, перстней, бус⁹ и сосудов) из стекла оливкового, синего, сине-фиолетового и бледно-желтого цветов. Кроме того, среди браслетов (в том числе и найденных на окольном городе) к этому времени относятся витые, навитые или полученные вращением, рифленые, рубчатые, со сложным и многоцветным декором. Домонгольским временем может датироваться большая часть крученых, часть гладких, а также бежевых, желто-зеленых, фиолетовых и бирюзовых браслетов (Столярова, 2022. С. 187, 188). Эти выводы можно было бы подтвердить датировками слоев или комплексов Вщижа, открытых в ходе работ 2014—2015 гг. и содержащих стеклянные находки. Однако такие комплексы во Вщиже единичны, а подавляющее количество рассмотренных предметов происходит из перемешанного культурного слоя памятника, который не расчленяется на четкие стратиграфические горизонты, или является подъемным археологическим материалом. Тем не менее приведем датировки этих немногочисленных комплексов, полученные по

⁹ Среди найденных бус нет типов, характерных для раннего периода истории Вщижа.

стратиграфии и составу находок. Например, на окольном городе в постройке 1, датированной концом XII — началом XIII в., обнаружены два браслета, один из которых крученный из фиолетового стекла (рис. 2, 18), другой — навитой полуовального сечения из яркого желто-зеленого (рис. 2, 19). В двух комплексах посада (объекты 1 и 14), датированных второй половиной XII — первой половиной XIII в., найдено шесть браслетов, один из них крученный из бежевого стекла византийского состава (рис. 4, 15), остальные древнерусские: оливковые крученые (рис. 4, 20) и два гладких с желтым двукратным перевитием (рис. 4, 14, 16), синий полуовального сечения с желтым пятнистым декором (рис. 4, 18) и бежевый навитой треугольного сечения (рис. 4, 19).

Некоторая часть находок может датироваться второй половиной XIII — XIV в. Это, прежде всего, гладкие браслеты и другие изделия из коричневого стекла¹⁰, часть крученых браслетов, а также бирюзовых, бежевых, желто-зеленых и, возможно, фиолетовых. Например, к таковым может быть отнесен крученный браслет из бирюзового стекла (рис. 2, 17), найденный на окольном городе в яме 7. Комплекс датируется XII — первой половиной XIII в., но при этом в его заполнении в небольшом количестве встречены материалы второй половины XIII — XIV в., как, впрочем, и X—XI вв. Еще один пример — крученный браслет из сине-зеленого стекла (рис. 4, 17), обнаруженный на посаде в объекте 5, датированном второй половиной XII — первой половиной XIII в., но в его заполнении в переотложенном состоянии также найдены материалы второй половины XIII — XIV в.

Таким образом, среди стеклянных предметов, обнаруженных во Вщиже, большинство, включая подъемный материал, датируется второй половиной XII — первой третью XIII в. Совсем небольшая часть может относиться ко второй половине XIII — XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гурьянов В.Н. Новые исследования на посаде Вщижа // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя: матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 60-річчю від дня народження О.В. Шекуна / Гл. ред. О.П. Моця. Чернігів: Сіверянська думка, 1995. С. 28, 29.
- Евсеев И.Е. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения реки Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда. Вып. 2. М., 1908. С. 29—52.
- Журухін О.Ю. Вироби зі скла з розкопок давнього Чорнобиля // Дослідження Київського Полісся. Київ: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2016 (Археологія і давня історія України; вип. 3). С. 147—151.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Ин-дрик, 2004. 368 с.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X—XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2. Материальная культура и хронология / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2008. С. 142—215.
- Карпов Д.А. Стекланные браслеты древнерусского времени с городища Мглин 2 // Русский сборник. Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Вып. 2—3. Брянск: Брянский гос. ун-т, 2006. С. 46—50.
- Миненко В.В., Шинаков Е.А., Петюшко Д.А. Исследования на посаде древнерусского города Вщиж // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2015 год. Брянск: Брянский гос. ун-т, 2015. С. 105—113.
- Подшивайло А. Стекланные браслеты древнерусского слоя Покровской горы Брянска // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: матеріали доповідей IX Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, 2010. С. 212, 213.
- Полубояринова М.Д. Стекланная посуда древнего Туврова // Советская археология. 1963. № 4. С. 233—238.
- Полубояринова М.Д. Изделия из стекла городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка. М.: Наука, 1987. С. 162—168.
- Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151—219.
- Поляков Г.П. Вщижская соседка семьи Тютчевых и ее роль в истории отечественной археологии // Домонгольские летописные центры Брянской земли (история, археология, топонимика и историческая география). Брянск: Брянский гос. ун-т, 2011. С. 43—47.
- Рыбаков Б.А. Вщиж — удельный город XII века // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951а. Вып. 41. С. 56—58.
- Рыбаков Б.А. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951б. Вып. 38. С. 34—41.

¹⁰ Немногочисленность находок из коричневого стекла косвенно подтверждает датировку основной массы изделий Вщижа домонгольским временем.

- Рыбаков Б.А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь / Ред., сост. Г.Б. Федоров. М.: Гос. изд-во культурно-просвет. литературы, 1953. С. 75–120.
- Рыбаков Б.А.* Отчет о раскопках во Вщиже и его окрестностях в 1948 и 1949 гг. 1958 // Архив Института археологии РАН. Ф—1. Р—1. № 1680.
- Скрипченко Т.С.* О производстве двухслойных и филигранных стеклянных браслетов // Древнерусское государство и славяне: материалы симп., посвящ. 1500-летию Киева. Минск: Наука и техника, 1983. С. 96–98.
- Смирнов А.С., Нигматуллин Р.А.* Отчет о работах по теме: “Определение мероприятий по охране памятников археологии в зоне проектирования поселка Вщиж Жуковского района Брянской области”. 1992 // Архив Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.
- Столярова Е.К.* Стеклянные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха Средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа, 2005. С. 43–66.
- Столярова Е.К.* Украшения из стекла и фаянса селища Новиково 1 // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 272–277.
- Столярова Е.К.* Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2016. 692 с.
- Столярова Е.К.* Предметы из стекла курганного могильника Новоселки 2 (Московская область) // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 66–77.
- Столярова Е.К.* Стеклянные предметы восточной части Московского Кремля // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН, 2022. С. 176–198.
- Столярова Е.К., Миненко В.В.* Стеклянные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке / Отв. ред. Л.А. Беяев, М.И. Гоняный. Смоленск: Свиток, 2017. С. 157–182.
- Чивилев В.А.* Итоги археологических исследований на территории древнерусского города Вщиж в 2014 году // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко / Отв. ред. В. А. Сарапулкин. Белгород: Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2018. С. 440–449.
- Чув С.А.* Результат раскопок, произведенных в Брянском уезде летом 1901 года // Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1901 и 1902 гг. Орел: Типо-литография М. П. Гаврилова, 1903. С. 1–7.
- Чубур А.А.* Стеклянные браслеты и бусы с Соборной горы в Трубчевске // Средневековый город Юго-Восточной Руси. Предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: материалы междунар. науч. конф. Курск: Курский гос. музей археологии, 2009. С. 258–263.
- Шинаков Е.А.* Отчет об охранных раскопках во Вщиже в 1989 году. 1990 // Архив Института археологии РАН. Р—1. № 15393–15394.
- Шинаков Е.А.* Отчет об охранных раскопках курганного могильника Елисеевичи в Брянском районе Брянской области и на территории околного города летописного Вщижа (с. Вщиж Жуковского района Брянской области) в 2014 году. 2016 // Архив Института археологии РАН. Р—1. № 50391–50394.
- Шинаков Е.А., Чубур А.А., Гурьянов В.Н.* Стеклянные изделия с околного града летописного Вщижа по материалам охранных раскопок 1999–2014 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1. С. 172–177.
- Щапова Ю.Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55). С. 164–179.
- Щапова Ю.Л.* Стеклянные изделия древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. Новые методы в археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 117). С. 105–163.
- Щапова Ю.Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Московский гос. ун-т, 1972. 215 с.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Зоц Е.П., Столярова Е.К., Сарачева Т.Г.* Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмоскovie. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; 21). 344 с.
- Bugoi R., Poll I., Mănușu-Adameșteanu Gh., Calligaro T., Pichon L., Pacheco C.* PIXE-PIGE Analyses of Byzantine Glass Bracelets (10th–13th centuries AD) from Isaccea, Romania // Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry. 2016. V. 307. P. 1021–1036.
- Egor'kov A.N.* On Cobalt in the Old Russian Lead Glass // Recent Trends in Chemical and Material Sciences. 2022. V. 8. P. 1–7.
- Lauwers V., Degryse P., Waelkens M.* Middle Byzantine (10th–13th century A.D.) Glass Bracelets at Sagalassos (SW Turkey) // Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses / Eds J. Draushke, D. Keller. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2010. P. 145–153. (Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Tagungen; Bd. 8).
- Stolyarova E.K.* Mediaeval Glass Bracelets in Rus' (According to the Finds in the Towns of the North-East of Rus') // Annales du 21e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (İstanbul, 03–07 Septembre 2018). İstanbul: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2021. P. 507–520.

GLASS OBJECTS OF THE RUS PERIOD FROM VSHCHIZH (BASED ON THE 2014–2015 WORKS IN THE POSAD AND OUTER TOWN)

Ekaterina K. Stolyarova^{a,*}, Vladimir V. Minenko^{b,**}

^aMoscow Lomonosov State University, Moscow, Russia

^bInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: kath.stoliarova@gmail.com

**E-mail: vvminenko@yandex.ru

The town of Vshchizh in Rus has been known from chronicles since 1142. In the middle of the 12th century, it turned from a small border fortress into the capital of a small apanage principality, a vassal to Chernigov. In 1238, the city was ravaged by the troops of Batu and ceased to function as an urban settlement. The article considers glass objects of the Rus period found in the outer town and the *posad* (suburb) of Vshchizh (the total number is 198 objects). The overwhelming majority of this number is represented with bracelets (186 objects). In addition, there are six beads, four fragments of finger-rings and fragments of two vessels. Most of the finds (182 objects) are products of glass-making craft of Rus, the rest (16 fragments of bracelets) are attributed to Byzantine manufacture. The bulk of glassware dates back to the second half of the 12th – first third of the 13th century AD, and only a small number of items existed, possibly, in the second half of the 13th–14th century AD.

Keywords: Vshchizh, Rus town, outer town, *posad*, pre-Mongolian period, finds of glass objects, glass bracelets, beads, glassmaking of Rus, products from Byzantium.

REFERENCES

- Bugoi R., Poll I., Mănușu-Adameșteanu Gh., Calligaro T., Pichon L., Pacheco C., 2016. PIXE-PIGE Analyses of Byzantine Glass Bracelets (10th–13th centuries AD) from Isaccea, Romania. *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*, 307, pp. 1021–1036.
- Chivilev V.A., 2018. The results of archaeological research on the territory of the Rus town of Vshchizh in 2014. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.G. Nikolaenko [Archaeology of the East European forest-steppe: Proceedings of the International scientific-practical conference to the 80th anniversary of A.G. Nikolaenko]*. V.A. Sarapulkin, ed. Belgorod: Belgorodskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 440–449. (In Russ.)
- Chubur A.A., 2009. Glass bracelets and beads from Cathedral Hill in Trubchevsk. *Srednevekovyy gorod Yugo-Vostochnoy Rusi. Predposylki vozniknoveniya, evolyutsiya, material'naya kul'tura: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Medieval town of southeastern Rus. Prerequisites for emergence, evolution, material culture: Proceedings of the International scientific conference]*. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy muzey arkheologii, pp. 258–263. (In Russ.)
- Chuev S.A., 1903. The result of excavations in Bryansk district in the summer of 1901. *Trudy Orlovskoy uchenoy arkhivnoy komissii za 1901 i 1902 gg. [Transactions of the Oryol Scientific Archival Commission of 1901 and 1902]*. Orel: Tipo-litografiya M.P. Gavriloza, pp. 1–7. (In Russ.)
- Egor'kov A.N., 2022. On Cobalt in the Old Russian Lead Glass. *Recent Trends in Chemical and Material Sciences*, 8, pp. 1–7.
- Engovatova A.V., Koval' V.Yu., Zots E.P., Stolyarova E.K., Saracheva T.G., 2018. Myakininskie kurgany. Myakinskiy arkheologicheskiy kompleks v Podmoskov'e [The Myakinino mounds. Myakinino archaeological complex in Moscow region]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 344 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 21).
- Evseev I.E., 1908. Research on fortified settlements and mounds in the upper Oka River (Oryol region) and its tributaries: the Tsona, the Rybnitsa, the Nepolod and the Zusha. *Trudy Moskovskogo predvaritel'nogo komiteta po ustroystvu XIV arkheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the Moscow Preliminary Committee for the Organization of the XIV Archaeological Congress]*, 2. Moscow, pp. 29–52. (In Russ.)
- Gur'yanov V.N., 1995. New research on the Vshchizh *posad*. *Slov'ano-rus'ki starozhivnosti Pivnichnogo Livoberezhzha: materialy istoriko-arkheologicheskogo seminaru, prisvyachennogo 60-richchyu vid dnya narodzhennya O.V.Shekuna [Slavic and Rus antiquities of the northern part of the Dnieper Left Bank: Proceedings of the historical and archaeological seminar to the 60th anniversary of O.V. Shekun]*. O.P. Motsya, ed. Chernigiv: Siveryans'ka dumka, pp. 28, 29. (In Russ.)
- Karpov D.A., 2006. Glass bracelets of the Rus period from the fortified settlement of Mglin 2. *Russkiy sbornik. Trudy kafedry otechestvennoy istorii drevnosti i srednevekov'ya Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I.G. Petrovskogo [Russian collection. Transactions of the Department of Early Russian History and the Middle Ages, Petrovsky Bryansk State University]*, 2–3. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 46–50. (In Russ.)
- Lauwers V., Degryse P., Waelkens M., 2010. Middle Byzantine (10th–13th century A.D.) Glass Bracelets at Sagalassos (SW Turkey). *Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses*. J. Draushke, D. Keller, eds. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, pp. 145–153 (Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Tagungen, 8).

- Minenko V.V., Shinakov E.A., Petyushko D.A., 2015. Research on the posad of the Rus town of Vshchizh. *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy za 2015 god* [2015 Yearbook of the Research Institute for Fundamental and Applied Research]. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 105–113. (In Russ.)
- Podshivaylo A., 2010. Glass bracelets from the Rus layer of the Pokrovskaya mountain in Bryansk. *Seredn'ovichni starozhitnosti Tsentral'no-Skhidnoi Evropy: materiali do-povidey IX Mizhnarodnoi students'koi naukovoï arkhéologichnoi konferentsii* [Medieval antiquities of Central-Eastern Europe: Proceedings of the IX International students' scientific archaeological conference]. Chernigiv: Chernigiv'skiy natsional'niy pedagogichniy universitet imeni T. G. Shevchenka, pp. 212, 213. (In Russ.)
- Poluboyarinova M.D., 1963. Glassware from medieval Turov. *Sovetskaya arkhéologiya* [Soviet archaeology], 4, pp. 233–238. (In Russ.)
- Poluboyarinova M.D., 1987. Glass objects from the fortified settlement of Slobodka. *Nikol'skaya T.N. Gorodishche Slobodka* [The fortified settlement of Slobodka]. Moscow: Nauka, pp. 162–168. (In Russ.)
- Poluboyarinova M.D., 1988. Glass objects from the Bolgar fortified settlement. *Gorod Bolgar: ocherki remeslennoy deyatel'nosti* [The town of Bolgar: Studies in craft activities]. G. A. Fedorov-Davydov, ed. Moscow: Nauka, pp. 151–219. (In Russ.)
- Polyakov G.P., 2011. A neighbour of the Tyutchev family in Vshchizh and her role in the history of Russian archaeology. *Domongol'skie letopisnye tsentry Bryanskoy zemli (istoriya, arkhéologiya, toponimika i istoricheskaya geografiya)* [Pre-Mongolian chronicle centres of the Bryansk land (history, archaeology, toponymy and historical geography)]. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 43–47. (In Russ.)
- Rybakov B.A., 1951a. Vshchizh as an apanage town of the 12th century AD. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 41, pp. 56–58. (In Russ.)
- Rybakov B.A., 1951b. Excavations in Vshchizh in 1948–1949. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 38, pp. 34–41. (In Russ.)
- Rybakov B.A., 1953. The capital town of Chernihiv and the apanage town of Vshchizh. *Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus'* [In the footsteps of ancient cultures. Rus']. G.B. Fedorov, ed., comp. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noy literatury, pp. 75–120. (In Russ.)
- Rybakov B.A., 1958. Otchet o raskopkakh vo Vshchizhe i ego okrestnostyakh v 1948 i 1949 gg [Report on excavations in Vshchizh and its vicinity in 1948 and 1949]. *Arkhiv Instituta arkhéologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], F–1, R–1, № 1680.
- Shchapova Yu.L., 1956. Glass beads of old Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkhéologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of the Novgorod archaeological expedition], 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 164–179 (Materialy i issledovaniya po arkhéologii SSSR, 55). (In Russ.)
- Shchapova Yu.L., 1963. Glass products of old Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkhéologicheskoy ekspeditsii* [Transactions of the Novgorod archaeological expedition], 3. *Novye metody v arkhéologii* [New methods in archaeology]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 105–163. (Materialy i issledovaniya po arkhéologii SSSR, 117). (In Russ.)
- Shchapova Yu.L., 1972. *Steklo Kievskoy Rusi* [Glass of Kievan Rus]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. 215 p.
- Shinakov E.A., 1990. Otchet ob okhrannykh raskopkakh vo Vshchizhe v 1989 godu [Report on salvage excavations in Vshchizh in 1989]. *Arkhiv Instituta arkhéologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R–1, № 15393–15394.
- Shinakov E.A., 2016. Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika Elisievichi v Bryanskom rayone Bryanskoy oblasti i na territorii okol'nogo goroda letopisnogo Vshchizha (s. Vshchizh Zhukovskogo rayona Bryanskoy oblasti) v 2014 godu [Report on the salvage excavations at the burial mound Elisievichi in Bryansk district, Bryansk Region, and on the territory of the outer town of Vshchizh (the village of Vshchizh, Zhukovka district of Bryansk Region) in 2014]. *Arkhiv Instituta arkhéologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute of Archaeology RAS], R–1, № 50391–50394.
- Shinakov E.A., Chubur A.A., Gur'yanov V.N., 2018. Glass artifacts from the outer town of chronicle Vshchizh based on materials from the salvage excavations in 1999–2014. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University herald], 1, pp. 172–177. (In Russ.)
- Skipchenko T.S., 1983. On the production of two-layer and filigree glass bracelets. *Drevnerusskoe gosudarstvo i slavyane: materialy simpoziuma, posvyashchennogo 1500-letiyu Kiev* [The Old Russian state and the Slavs: Proceedings of the Symposium to the 1500th anniversary of Kiev]. Minsk: Nauka i tekhnika, pp. 96–98. (In Russ.)
- Smirnov A.S., Nigmatullin R.A., 1992. Otchet o rabotakh po teme: "Opredelenie meropriyatiy po okhrane pamyatnikov arkhéologii v zone proektirovaniya poselka Vshchizh Zhukovskogo rayona Bryanskoy oblasti" [Report on the activities within the project "Identification of measures for the protection of archaeological sites in the development area of the village of Vshchizh, Zhukovka district of Bryansk Region"]. *Arkhiv Otdela sokhraneniya arkhéologicheskogo naslediya Instituta arkhéologii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Department for the Preservation of the Archaeological Heritage at the Institute of Archaeology RAS].
- Stolyarova E.K., 2005. Glass ornaments from the Bolgar settlements of the Lower Kama region. *Drevnosti Povolzh'ya: epokha Srednevekov'ya (issledovaniya kul'turnogo naslediya Volzhskoy Bulgarii i Zolotoy Ord)* [Antiquities of the Volga region: the Middle Ages (studies in the cultural heritage of the Volga Bulgaria and the Golden Horde)]. Kazan': Shkola, pp. 43–66. (In Russ.)
- Stolyarova E.K., 2012. Glass and faience ornaments from the village of Novikovo 1. *Arkhéologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar], 8. Moscow: Institut arkhéologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 272–277. (In Russ.)

- Stolyarova E.K., 2016. Steklo srednevekovoy Moskvy: XII–XIV vv. [Glass of medieval Moscow: 12th–14th centuries AD]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. 692 p.
- Stolyarova E.K., 2019. Glass objects from the Novoselki 2 mound cemetery (Moscow Region). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 15. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 66–77. (In Russ.)
- Stolyarova E.K., 2021. Mediaeval Glass Bracelets in Rus' (According to the Finds in the Towns of the North-East of Rus'). *Annales du 21e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (2018)*. İstanbul: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, pp. 507–520.
- Stolyarova E.K., 2022. Glass objects from the eastern part of the Moscow Kremlin. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of the Moscow Kremlin]*, 1. *Arkheologicheskie issledovaniya na meste Chudova monastyrya [Archaeological research on the site of the Chudov Monastery]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 176–198. (In Russ.)
- Stolyarova E.K., Minenko V.V., 2017. Glass objects from the excavations of Zadneprovsky posad in Smolensk. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare. Archaeology and history: Collected papers to the 60th anniversary of N.A. Krenke]*. L.A. Belyaev, M I. Gonyanny, eds. Smolensk: Svitok, pp. 157–182. (In Russ.)
- Zakharov S.D., 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [The Rus town of Beloozero]. Moscow: Indrik. 368 p.
- Zakharov S.D., Kuzina I.N., 2008. Artefacts of the Minino archaeological complex. Glass objects and stone beads. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vv.: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the Northern Rus village of the 10th–13th centuries AD: medieval settlements and cemeteries on Lake Kubenskoye]*, 2. *Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 142–215. (In Russ.)
- Zhurukhina O.Yu., 2016. Glass products from the excavations of medieval Chernobyl. *Doslidzhennya Kiivs'kogo Polissya. Kiiv: Natsional'niy Kievo-Pechers'kiy istoriko-kul'turniy zapovidnik [Research in Keiv Polesiye. Kiev: National Kiev-Pechersky Historical and Cultural Reserve]*, pp. 147–151 (Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni, 3). (In Ukrainian)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НОВГОРОДА. 862–1136 гг. — КНЯЖЕСКИЙ ГОРОД РЮРИКОВИЧЕЙ

© 2023 г. В. А. Буров*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: burovvan@rambler.ru*

Поступила в редакцию 01.03.2023 г.

После доработки 01.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

Археологические открытия последних десятилетий стали основой для создания новой концепции происхождения Новгорода. Впервые данная проблема рассмотрена через призму словено-скандинавских контактов и родового землевладения Рюриковичей. Автор полагает, что в 862 г. варяжский род, который был призван по договору-ряду на княжение союзом племен, получил от приильменских словен землю (волостку) в верховье р. Волхов. Об этом свидетельствуют 12 топонимов X–XII вв. на территории Новгорода и его окружи. Основа волостки — речной остров между реками Волхов и Малый Волховец с прилегающими землями. Здесь, на княжеской земле Рюриковичей, в разное время (862 г., 940-е годы, 1044 г.) были возведены три княжеские крепости, открытые археологически. Все они именовались одинаково — “Новгород”, как и сама волостка, позже округа города. До изгнания князя в 1132/1136 гг. город с округой в границах древней волостки находился под управлением князя, т.е. был княжеским городом. Это было обусловлено еще тем, что с включением скандинавского рода Рюрика в родо-племенную структуру союза племен он был признан у словен главным, правящим. Новгородцы во главе с правящим князем Рюриком стали считать себя, согласно летописи, “от рода варяжска”. У словен наиболее ярко данное племенное самосознание со скандинавской окраской проявилось в высоких погребальных сопках и их массовом распространении. При этом этническая структура образованного в 862 г. древненовгородского государства, именуемого летописцами волостью Новгородской, оказалась полиэтнической, претендуя на славяно-финно-скандинавскую общность. Варяги не рассматривались как чуждый элемент в словенской среде. Поэтому скандинавские находки встречаются в нижних слоях новгородских усадеб X–XI вв. Они свидетельствуют о свободном проживании варягов на Волхове. То же было и в Пскове, где открыты скандинавские погребения. С временным изгнанием князя в 1132/1136 гг. волостка Рюриковичей перестала существовать как единое целое. Она была урезана территориально расширившимися городскими общинами в лице кончанско-уличанских структур, а также всей городской общиной, заявившей на нее свои права. Но даже в позднее время значительные участки Новгорода и округи продолжали лоскутно оставаться за князем.

Ключевые слова: Новгород, Рюриково городище, Хольмгард, крепости, княжеское землевладение, княжеская топонимика, округа, княгиня Ольга, раскопки, уличанская община.

DOI: 10.31857/S086960632303008X, **EDN:** WYFYXS

Нескончаемый спор о том, кем и когда был основан Новгород, длится немало девять веков. Дискуссию начали летописцы, творчество которых противоречиво и неоднозначно (см. Гиппиус, 2007; Стефанович, 2012). Между тем многолетние раскопки Рюрикова городища в Новгороде, осуществленные под руководством Е.Н. Носова и Н.В. Хвоцинской, выявили остатки укреплений дубовой крепости конца IX в. и установили сам факт пребывания на поселении в IX–X вв. скандинавов, воинского контингента (Носов, 1990; Носов и др., 2012, 2017). О.А. Тарабарина установила, что порубочные даты деревьев, использованных при возведении крепости, укладываются в узкий хронологический интервал с 858 по 861 г. (см. Хвоцинская, 2021. С. 119). Тем самым они указывают

на достоверность известной летописной даты 862 г. как времени “призвания варягов” и основания первой крепости с названием “Новгород” — центра новой княжеской власти у истоков Волхова. Еще ранее исследователи пришли к убеждению, что верховная княжеская власть в Новгородской земле утвердилась как результат договора между местной межплеменной верхушкой и приглашенным скандинавским конунгом, в том числе с целью охраны северных земель от других варяжских отрядов (Рыбаков, 1982. С. 298, 299; Кирпичников, 1988. С. 51, 52; Янин, 2000. С. 681).

Для дальнейшей разработки темы и решения проблемы происхождения Новгорода необходим совершенно новый подход — увязка призвания Рюрика с великокняжеским родовым землевла-

дением. В представлении летописца каждый славянский род в обязательном порядке проживал на определенной территории, владел этой землей. Род и земля — нераздельные понятия: “Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ местехъ и странахъ, владеюща кождо родомъ своимъ” (Новгородская летопись..., 1950. С. 104). На примере сообщения о “граде” Киеве становится очевидным, что рядом с родовыми славянскими поселениями, основанными в лесной зоне, располагались необходимые разнообразные лесные угодья: “И бяше около ихъ лесъ и боръ великъ, и бяху ловища зверие” (Новгородская летопись..., 1950. С. 105; Повесть..., 1950. С. 13). В таком случае и призванный на великое княжение варяжский род Рюрика в 862 г. должен был получить землю в родовое владение не только под крепость — место его поселения, но и на прилегающие территории с лесами, ловищами, местами хозяйствования, на которые стали распространяться его права и которые получали особый статус.

На основании летописных сообщений вплоть до начала XII в. фиксируется 12 свидетельств, 12 пунктов изначального княжеского родового земельного владения Рюриковичей в верховьях Волхова, на территории будущего города Новгорода и его окружи. Для данной темы топонимия выступает как главный исторический источник.

1. Городище (Рюриково) — место первоначального поселения призванного князя, его крепость 862 г.

2. Гора Нередица рядом с Рюриковым городищем. В 1198 г. Ярослав Владимирович построил здесь церковь во имя Спаса.

3. Перынь у самого истока Волхова из оз. Ильмень на левобережье. Здесь находилось святилище, устроенное в 980 г. воеводой князя Владимира Добрыней.

4. Юрьев княжеский монастырь, в котором в 1119 г. князь Всеволод заложил церковь Георгия. В 1130 г. она была освящена, а затем устроен княжеский монастырь.

5. Княжеское село Ракомо под Юрьевом в 8 км от Новгорода. В нем в 1015 г. пребывал Ярослав Владимирович, когда его застало известие о смерти отца, киевского князя.

6. Крепость на левом берегу Волхова (1044 г.) и место возведения в 1045–1050 гг. каменного Софийского собора Владимиром Ярославичем.

7. Местечко Зверинец (или “ловища зверие”) на левом берегу Волхова неподалеку от впадения в него р. Гзень. Это заповедный лес, где охотились новгородские князья. Первое упоминание под 1069 г.

8. Княжеский двор на правом берегу Волхова напротив Детинца, основан Ярославом Мудрым в

начале XI в. Позже “Ярославово дворище” — место Торга и веча.

9. Поромонов двор неподалеку от Княжеского двора. В 1015 г. там жили варяжские наемники, приглашенные Ярославом.

10. Петрятин дворик рядом с Торгом. На нем в 1127–1130 гг. князь Всеволод Мстиславич поставил церковь Ивана на Опоках для купцов-вошаников. Я полагаю, что Петр, ранее здесь проживавший, мог быть княжеским зодчим, который строил Никольский храм на близлежащем княжеском дворе в 1113–1136 гг. Ему приписывается авторство еще двух княжеских храмов — Георгиевского собора 1119–1130 гг. Юрьева монастыря и Благовещенской церкви 1103 г. на Городище. Ко времени строительства Ивана на Опоках в 1127 г. Петр в Новгороде явно уже не жил, отчего его двор пришел в запустение. Ранее князь мог предоставить зодчему двор только на своей земле. Позже он ею и распорядился по своему усмотрению.

11. Городские территории, на которых проживали не коренные новгородцы, а пришлые люди, входившие в так называемое княжеское сто и управлявшиеся княжеским сотским (Алешковский, 1974). Сюда причисляется Загородье, впоследствии Загородский конец. К этому следует прибавить и территорию будущего Плотницкого конца, где была возведена Борисо-Глебская церковь, связанная с княжеским культом.

12. Великий мост и участки мостовых, за организацию строительства и мощения которых отвечал непосредственно князь, что было закреплено “Уставом Ярослава о мостех” (Янин, 1977. С. 91–122. Рис. на с. 105).

Перечисленные территории только на первый взгляд смотрятся как локальные участки в округе Новгорода и внутри него самого. Но с учетом того, что крепость на Городище, Нередица, Перынь, Юрьев, Ракомо (пункты 1–5) образуют у истока Волхова единый земельный массив, явно восходящий к глубокой древности, напрашивается вывод, что и прочие перечисленные княжеские территории (пункты 6–12) — вовсе не случайные вкрапления в позднюю городскую ткань, а остатки единого бывшего обширного земельного владения, предоставленного варяжскому роду Рюрика в связи с приглашением его на княжение в 862 г. Ситуация соответствовала оседанию рода на землю.

Жалование земель за службу — норма времени в Западной Европе. В 911 г. Карл Простоватый заключил договор с Роллоном (Хрольвом), вождем отряда викингов, обосновавшихся в нижнем течении Сены. Роллону были даны земли в долине Сены “за защиту государства” (Мельникова, 2011. С. 41). Представляется, что подобное произошло и в 862 г. по договору-ряду с Рюриком. Обязательность получения земли родом Рюрика не должна

вызывать сомнения, поскольку родовая земельная собственность – также неотъемлемая черта жизни Скандинавии того времени, социальная реальность (Лебедев, 2005. С. 166).

По своим размерам данное родовое княжеское владение Рюрика сопоставимо со средневековой волосткой. По-видимому, она с 862 г. занимала верховье Волхова, территорию между Волховом и Малым Волховцом; первоначальное русло которого у Нередицкого холма в позднее время заменила речка Спасовка. Это был речной остров с прилегающими берегами от урочищ Ракомо и Нередицы до Хутины и немного далее протяженностью до 30 км при ширине около 15 (450 км²) (рис. 1). Данная территория в конце I тыс. была обжита (Носов, 1991. С. 31. Рис. 1). Ее центром стала крепость (ныне Рюриково городище), которая получила название “Новгород”: “И седе старейшии в Новегороде, бе имя ему Рюрик” (Новгородская летопись..., 1950. С. 106). Вполне закономерно скандинавы, огибавшие на кораблях остров, стали называть новую крепость по-своему – Хольмгард (Hólmgarðr), город на острове. Т.Н. Джаксон и А.А. Молчанов соотнесли данный скандинавский топоним с укрепленным поселением на месте Рюрикова городища. Но и в XIII в. это название в древнескандинавских сагах продолжало применяться к Новгороду на Волхове (Джаксон, Молчанов, 1990. С. 237; Джаксон, 2015).

Свершившееся оседание варяжского рода на землю, ранее принадлежавшую приильменским словенам, означало, что скандинавский род Рюрика был включен в общую родоплеменную структуру словен. Он стал ее составной и неотъемлемой частью. Во всей словенской иерархии скандинавский род был признан главным, высшим, правящим, княжеским, которому отводилась роль защиты общей территории, верховенство в производстве суда и сбора дани во всем союзе племен. Иными словами, род Рюрика был утвержден как великий. В договоре 945 г. Руси с Греками Игорь назван именно “великим князем руским” (Повесть..., 1950. С. 35). Из сказанного получает объяснение фраза летописи о том, что “новгородьци, ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо беша словени” (Повесть..., 1950. С. 18).

У словен наиболее ярко данное племенное самосознание со скандинавской окраской проявилось в их погребальных сопках, в основе которых, как многие считают, положен скандинавский принцип создания высоких насыпей. Сопки возникли еще во второй половине VIII в. Но именно с момента призвания Рюрика на княжение в 862 г., надо полагать, у ильменских словен началось их массовое распространение, придя на смену грунтовым кремациям. Это объясняет их в основном позднюю датировку.

Этническая структура образованного в 862 г. древненовгородского государства, именуемого летописцами “волостью Новгородской”, оказалась полиэтничной, претендуя на славяно-финно-скандинавскую общность, единство. Новгород объединил разноэтнические племена, включая словен, кривичей, весь, меря, мурома. Все они входили в состав единого новгородского войска под главенством Олега в походе на Смоленск и Киев (Повесть..., 1950. С. 18, 20). На усадьбах Новгорода находят многочисленные прибалтийско-финские украшения (Покровская, 1992). Варяги также не рассматривались как чуждый элемент в самом Новгороде и Пскове даже в более позднее время. Не случайно скандинавские находки, включая рунические надписи, известны в нижних слоях новгородских усадеб X–XI вв. (Рыбина, Хвошинская, 2010; Мусин, Тарабардина, 2019; Конецкий, 2022. С. 292–303). Это явное свидетельство свободного проживания на Волхове варягов. Осталось только найти их погребения на территории города, как в Пскове, где у скандинавов в X–начале XI в. существовало свое местное кладбище, выявленное археологически (Лабутина и др., 2009; Яковлева и др., 2012; Древнерусский некрополь..., 2016).

Принцип изначальной полиэтничности Новгородской волости, включавшей славян, финнов и скандинавов, был положен позже на государственном уровне в основу Киевской Руси, из которой столетия спустя, при расширении территории выросла полиэтничная Россия. Полиэтничность – генетический код культуры нашей страны.

По археологическим свидетельствам в конце IX в. дубовые стены Новгорода (Хольмгарда) на Рюриковом городище стали проседать и заваливаться, а на рубеже IX–X вв. ров потерял фортификационное значение, в нем разместились строения. Первоначальная крепость Новгород утратила оборонительные функции (Хвошинская, 2021. С. 111–119).

Недавние раскопки установили, что в 2 км к северу от городища, на левобережье Волхова, южнее каменной Софии на месте материкового холма была возведена вторая по счету дубовая крепость площадью 2 га. Остатки ее вала и “древо-земляной стены” выявил О.М. Олейников на месте поздней Пречистенской башни Детинца. Фрагмент дубового столба датирован по радиоуглеродному анализу 951±27 и 918±41 гг. Строительство отнесено исследователем к правлению Святослава Игоревича (945–972 гг.) (Олейников, Долгих, 2017; Олейников, 2020). С такой датировкой необходимо согласиться, поскольку усредненная дата приходится на 924–959 гг. Не следует также забывать, что в 946/947 гг. княгиня-реформатор Ольга устала в Новгородской земле погосты на Мсте и Луге, и она не могла не видеть, в каком удручающем

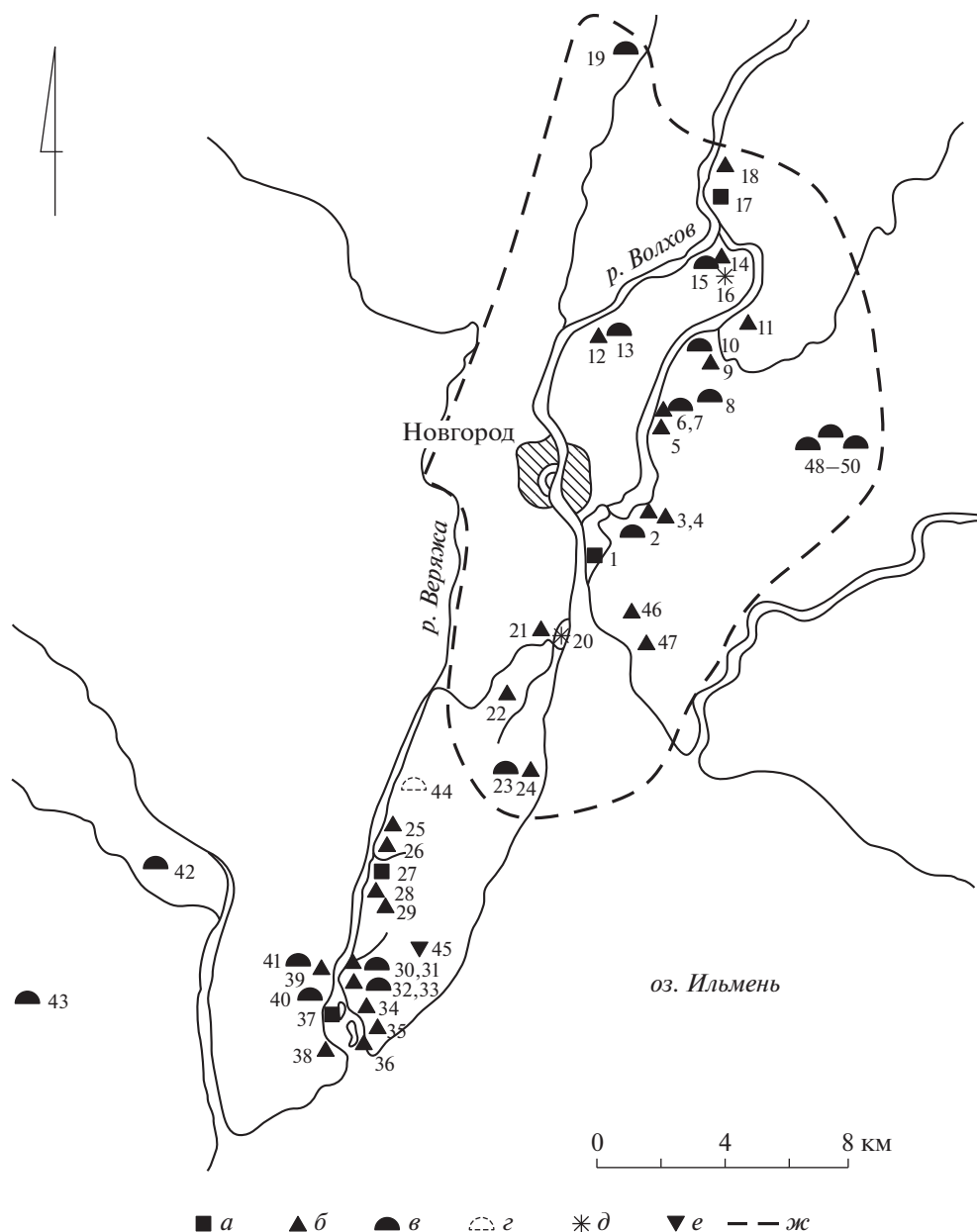


Рис. 1. Примерные границы волостки Рюрика в верхнем Волхове. Подоснова — карта археологических памятников ильменского Поозерья и истоков Волхова конца I тыс. н.э. (по: Носов, 1991. С. 31. Рис. 1). 1 — Рюриково городище; 2 — Нередица; 3, 4 — Ситка I, II; 5 — Слутка I; 6, 7 — Волотово; 8 — Ушерска; 9, 10 — Родионово; 11 — Мыза Сперанского; 12, 13 — Деревянницы; 14–16 — Хутины; 17 — Холопий городок; 18 — Слутка II; 19 — Водское; 20 — Перынь; 21 — Прость; 22 — Ракомо; 23, 24 — Береговые Морины; 25–27 — Георгий; 28, 29 — Васильевское; 30, 31 — Любоежа; 32, 33 — Горошково; 34 — Заболотье; 35, 36 — Еруново; 37, 38 — Сергово; 39–41 — Завал; 42 — Окатово; 43 — Базловка; 44 — Мосеевичи; 45 — Гвоздец; 46, 47 — Шиловка; 48–50 — Мшашка. Условные обозначения: *a* — городище; *b* — селище; *v* — сопки; *г* — предполагаемые места расположения сопки; *д* — языческие святилища; *e* — культовый камень; *ж* — границы волостки Рюрика.

Fig. 1. Approximate borders of the Rurik *volost* in the upper Volkhov region. The base is a map of the archaeological sites of the Ilmen Lake district and the sources of the Volkhov river of the late 1st millennium AD (after Nosov, 1991. P. 31. Fig. 1)

состоянии пребывали укрепления крепости Рюрика — центра судопроизводства и сбора дани. Без сомнения, именно княгиня Ольга была инициатором создания новой фортификации взамен устаревшей, что стало составной частью осуществляемой ею административной реформы

Новгородской волости. Надо полагать, что Ольга прибыла на север с юным Святославом, видимо, надеясь надежно укрыть его из-за неспокойной обстановки в Киеве после древлянского восстания. В таком случае нет ничего удивительного, что Константин Багрянородный в сочинении

“Об управлении империей”, написанном в 948–952 гг., сообщал о крепости Немогарда, в которой сидел Святослав, сын архонта русов Игоря, и откуда в Киев снаряжались моносилы (Константин Багрянородный, 1991. С. 44, 45).

Выявление второй по счету крепости Новгород 940-х годов не позволяет согласиться с новой концепцией А.Е. Мусина об этапах формирования города в X–XI вв. (Мусин, 2020). К этому следует добавить, что, как показали подводные исследования выявленных остатков Великого моста, он был поставлен все же во второй четверти X в. (Степанов, 2017; Степанов А., Степанов М., 2020), т.е. практически одновременно с новой крепостью, а главное — напротив нее. Первый мост через Волхов не просто соединил оба берега реки, а проложил дорогу от новой крепости Ольги/Святослава к Рюриковому городищу.

С 862 г. название Новгород по главному поселению волóстки, как это и было принято, должно было закрепиться за всей территорией княжеской волóстки-домена Рюрика в верховье Волхова. Поэтому и второй по счету Новгород 940-х годов после упразднения первой крепости воспроизвел прежнее наименование. Городище, Перынь, Зверинец и прочее — все едино в пределах волóстки, это все Новгород. В более позднее время границы округа “республиканского” Новгорода унаследовали границы изначальной родовой княжеской волóстки, пройдя по ним точь-в-точь. Понятие “Новгород” относилось теперь ко всей округе, включая Хутины более позднего времени. Отсюда неизбежен наш главный вывод: вторая по счету крепость Новгород 940-х годов была поставлена на княжеской земле, и до ее основания никакие три гипотетичные разноэтничные поселения IX в., слившиеся в город (Янин, Алешковский, 1971), здесь просто не могли существовать. Одним из первых, кто критически воспринял указанную гипотезу, был А.В. Куза (1975. С. 171, 172), затем Г.М. Штендер (1980. С. 6).

На территории современного Новгорода древнейшие слои первой половины—конца X в. образуют два пятна на Торговой и Софийской сторонах; они вытянуты вдоль обоих берегов Волхова (Петров, Тарабардина, 2017). Но в доярусных слоях здесь прослежена первая скромная дворовая застройка с невзрачными строениями и примитивной плетневой оградой. На Неревском раскопе зафиксирован деревенский характер застройки; это явно деревня (Алешковский, 1974. С. 101). Такая же картина отмечена и на Троицком раскопе. На двух берегах Волхова на материке отмечены также следы распахки — свидетельства присутствия в этих местах более ранних сельскохозяйственных угодий. Самые первые дворы были остатками обычных сельских поселений. Это уникальные археологические селища с мокрым

слоем, но отнюдь не следы поселков якобы местной элиты, упоминаемых в литературе.

В ходе масштабных раскопок последних десятилетий установлено, что городская застройка с ярусами городских мостовых впервые появилась в 930-е годы, т.е. городское поселение стало формироваться не при Рюриковом городище, а на удалении от него, на новом, очевидно, более удобном месте. И именно в ее центр уже во время княгини Ольги и ее сына Святослава и была перенесена новая крепость. Она разместилась на природном холме к северу от глубокого оврага (рис. 2).

Вокруг новой княжеской крепости Новгород на княжеской земле с середины X в. стал бурно формироваться город. По обоим берегам р. Волхов в трех местах, обусловленных самой топографией местности, постепенно оседало торгово-ремесленное и сельское население. Княжеский центр был заинтересован в его продуктах производства, как и в присутствии рядом торговых дворов иноземных купцов.

Надо полагать, вся городская застройка и благоустройство на княжеской городской земле изначально регламентировались княжеской администрацией. Как свидетельствует поздний вариант “Устава о мостех” XIII в., разверстку мостовой повинности в центре города, включая строительство Великого моста, маршрут доставки строительного леса уставлял именно князь (Янин, 1977. С. 91–122. Рис. на с. 105).

К XI в. в Новгороде сформировались три поселка-конца (Славенский, Неревский, Людин), основу которых составляло в основном местное население, пользовавшееся привилегией самоуправления со своими выборными лицами. Застройке был придан уличный характер. К мостовым улиц с двух сторон подступали дворы. По их тыльным сторонам проходил постоянный частокол, разграничивавший территории уличанских территориальных самоуправляющихся соседских общин. Уличанская система — рациональная организация внутреннего самоуправления городских кварталов русских и даже азиатских городов (Буров, 1994. С. 16–50). Вне концов проживало пришлое торгово-ремесленное население, находившееся под юрисдикцией князя и входившее в “княжеское сто”. На левобережье к княжеской сотне относилось Загородье, на правом берегу Волхова — территория будущего Плотницкого конца (Алешковский, 1974; Буров, 1987; 1994. С. 83–96).

Новый княжеский град несколько запоздало стал центром притяжения местной родоплеменной знати — старейшин княжеских родов, в будущем прозванных боярами, привлекавшихся к сбору дани. В.Л. Янин обратил внимание на находки деревянных цилиндров XI–XII вв. — своеобразных замков, которыми запечатывали мешки с мехом, и доказал, что сбор дани в пользу князя

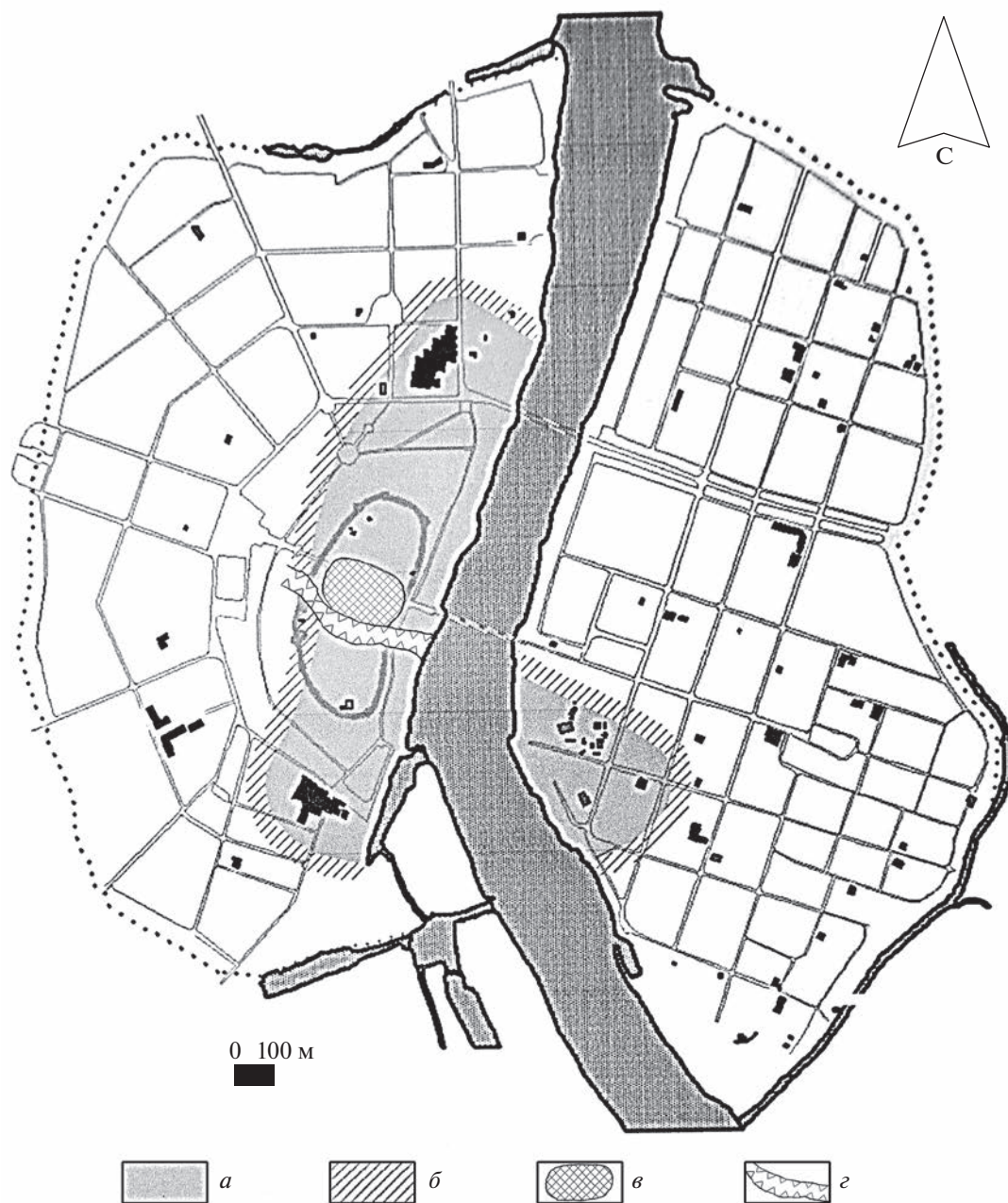


Рис. 2. Зона распространения застройки Новгорода в X в. (по: Петров, Тарабардина, 2017) и местоположение крепости 940-х годов (по: Олейников, 2017). Совмещенный план с дополнением существовавшего глубокого оврага к югу от крепости. Условные обозначения: *a* – застройка; *b* – застройка предположительная; *в* – крепость; *г* – овраг.

Fig. 2. The development area of Novgorod in the 10th century AD (after Petrov, Tarabardina, 2017) and the location of the fortress in the 940s (after Oleinikov, 2017). Combined plan additionally showing a deep ravine that existed south to the fortress

осуществляло местное боярство, получавшее за это часть дохода (Янин, 2000. С. 677–681). При этом родственники-бояре стремились поселиться поближе друг к другу – либо на одной улице, либо на соседних улицах, чтобы занять руководящее положение в уличанских администрациях, а через них – и в управлении концов. Отсутствуют реальные свидетельства (только гипотеза), что эти родственные связи и отношения

сказывались на характере боярского землевладения в концах. Близкое размещение боярских усадеб, как, например, Мишиничей-Онцифоровичей в Неревском конце (Янин, 1965), еще не дает оснований говорить, что боярские семьи владели целыми районами в концах, образуя территориальные патронимии, о которых неоднократно писал В.Л. Янин (1977. С. 150–181; 1981. С. 7–57).

Дело в том, что соприкасавшиеся усадьбы соседних улиц размежевывались постоянными межуличными частоколами, свидетельствующими о незыблемости уличанского землевладения. Как исключение ситуация могла нарушаться, когда сосед внезапно расширял свою усадьбу за счет части двора соседней улицы, но ненадолго. В связи с этим мы полагаем, что боярских патронимий, занимавших обширные городские участки, в Новгороде не было. Безусловно, в концах существовали боярские кланы, группировки, соперничавшие друг с другом за выборные должности как внутри концов, так и между концами, что во многом определяло новгородскую внутривнутриполитическую жизнь. Еще 30 лет назад отмечалось, что уличанская организация и боярская патронимия — “две вещи не совместные” (Буров, 1994. С. 4).

Кроме того, археологически установлено, что площадь дворовых усадеб в Новгороде была регламентирована в соответствии с социальным статусом хозяина. У бояр зафиксированы большие дворы размером около 1500 м², у богатых горожан (торговцев, житых) двор был меньше, площадью до 650–850 м², у простых горожан — около 150–400 м².

В начале XI в. как следствие событий 1015–1019 гг., связанных с борьбой новгородского князя Ярослава за киевский стол с помощью новгородцев, дарованию им “Правды” и “Устава”, состоялось основание новой княжеской резиденции на Торговой стороне — Ярославовом дворище. Однако это был не переезд из Городища, как считает Е.Н. Носов, а перенос княжеского двора из левобережной крепости. Это действительно крупный политический акт государственного значения. Княжий двор был местом нахождения князя, местом осуществления им судебных и административных функций, центром поступления и затем перераспределения государственных налогов, взимания судебных штрафов (Носов и др., 2012. С. 95).

Вместе с тем в указанных событиях можно увидеть и практическую составляющую. Дело в том, что деревянная крепость на левом берегу Волхова через три четверти века должна была прийти в негодность, подобно первой фортификации на Городище за такой же промежуток времени. Создается впечатление, что Ярослав воспользовался сложившимися новыми политическими условиями и вместо возведения новых трудоемких и затратных укреплений предпочел перенести княжеский двор на территорию города. К тому же средств на строительство новой крепости у него просто не было. Как уже отмечалось, с 1016 г. Новгород на 20 лет был освобожден Ярославом от уплаты дани. И только в 1035 г. он прислал из Киева грамоту: “а по сеи грамоте дадите дань” (Буров, 1994. С. 6–13).

В 1044 г. князем Владимиром, сыном Ярослава, была поставлена третья по счету крепость с прежним названием: “Володимиръ заложи Новъгород и сдѣла его” (Новгородская летопись..., 1950. С. 181). Она охватила прежнюю территорию укреплений времени Ольги/Святослава (Олейников, Долгих, 2017. Рис. 3) и значительно продвинулась в северную сторону за счет городской застройки. Остатки дубовых городней 40-х годов XI в. неоднократно выявлялись археологами, тем самым были установлены контуры новой фортификации (Трояновский, 1998). Таким образом, название “Новгород”, как и прежде, относилось исключительно к княжеской крепости. Внутри нее взамен деревянной Софии в 1045–1052 гг. князем был воздвигнут величественный каменный собор. Данный акт существенно повысил авторитет и роль владыки в жизни Новгорода. Владычный двор превращался во второй центр города, сначала, прежде всего, в духовный, позже — в административный.

Как отмечает Повесть временных лет, Олег, уходя на юг, установил новгородцам платить дань в 300 гривен, “мира деля, еже до смерти Ярославле дающе варягомъ” (Повесть..., 1950. С. 20), т.е. киевским князьям Рюриковичам норманского происхождения. С распадом Руси дань с 1054 г. стала оставаться в самом Новгороде. Массовые находки этого времени деревянных цилиндров-замков к мешкам с мехами свидетельствуют о прежнем активном участии бояр в сборе дани для князя. Возраставшие от десятилетия к десятилетию экономическая мощь и политическое влияние новгородского боярства привели к событиям 1132/1136 гг., реанимированию идеи призвания князя. Новгородцы, псковичи и ладожане изгнали князя Всеволода Мстиславича и провозгласили право на вече самим выбирать князя не только киевской династии, ближайших потомков Рюрика. Одна из причин — Всеволод нарушил древний ряд-договор сидеть в Новгороде, как Рюрик, и попытался перенести новгородский княжеский стол в Переяславль (Новгородская летопись..., 1950. С. 22–24).

В это время было ограничено и княжеское землевладение на территории самого Новгорода, т.е. всей первоначальной волости Рюрика. Поэтому в 1134 г. брат Всеволода Изяслав Мстиславич “испрошал есмь у Новагорода” землю под монастырь в Витославицах. В.Л. Янин сопоставил жалованные грамоты Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю и Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю и пришел к выводу, что в 1134 г. “рядом с фондом земель, находившихся под бесспорной юрисдикцией князя, существовал фонд независимых от князя земель, юрисдикцию над которыми осуществлял Новгород путем вечевого решения. К таким землям относились участки, тянущие к епископу, в “город-

ские потуги” и к свободным смердам” (Янин, 1977. С. 78). Объяснение исследователь видит в том, что в это время княжеская власть существовала уже с возникшими органами боярского республиканского правления, и отмечает, что вопрос об эволюции в Новгороде права распоряжаться земельной собственностью в действительности более сложен, чем принято считать (Янин, 1977. С. 60–79).

Действительно вопрос о княжеской земельной собственности более сложный. Совершенно очевидно, что с 1132/1134 гг. восходящая к границам 862 г. волостька Рюриковичей перестала существовать как единое целое. Она была урезана территориально расширившимися городскими общинами в лице кончанско-уличанских структур, а также всей городской общиной, заявившей на нее свои права. Но даже в позднее время значительные участки округа Новгорода продолжали лоскутно оставаться за князем. В XIII в. в самой Новгородской земле князь полностью лишился своего землевладения. В сохранившейся договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264 г. четко оговаривалось: “А волости ти, княже, новгородьскихъ своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскими; а даръ от техъ волости имати <...> ни сѣль ти держати по Новгородьской волости, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ” (Грамоты..., 1949. С. 9. № 1).

В результате событий 1132/1136 гг., временного изгнания князя, оформилась новая политическая система, которую в литературе принято устойчиво называть “республикой”. Княжий двор показательно был превращен в место вечевых сходов новгородцев, на которых в соответствии с древними обычаями призывали князя, а также выбирали посадника, затем тысяцкого. Здесь же разместился Торг. Теперь вече должно было заключать отдельные договора с каждым новым приглашенным князем.

С 1136 г. политическое устройство Новгорода с избираемыми князем и посадником все больше и больше стало насыщаться сакральным содержанием, трансформируясь в государство Святой Софии Премудрости Божией — государство христианского братства — с дуальным правлением. При высшем небесном правителе, Софии, земную власть от Бога в Новгороде стали представлять два земных избираемых новгородцами правителя: князь и владыка. Им соответствовали два стола в Софийском соборе, два двора и при них соответственно два веча — на княжеском и владычном дворах, две главные администрации — посадника при князе и тысяцкого при главе церкви. Основная борьба за главенство Великим Новгородом развернулась теперь между владыкой и князем. В итоге к XIV столетию победу одержал

новгородский архиепископ при поддержке всей новгородской элиты. На момент падения Новгорода в 1478 г. итогом развития этой формы государства стал возглавляемый владыкой могущественный олигархический Совет господ и при нем вече, утверждающее решения совета, опять-таки под главенством владыки. Без благословения владыки ни одно решение не имело силы (Буров, 2007).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский М.Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков // Советская археология. 1974. № 3. С. 100–111.
- Буров В.А.* О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде // Советская археология. 1987. № 1. С. 91–102.
- Буров В.А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. 250 с.
- Буров В.А.* Сакральные основы государственного устройства Новгорода XII–XV вв. // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 2. Тверь, 2007. С. 380–390.
- Гиппиус А.А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: к 30-летию археолог. изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской обл. археолог. экспедиции: ист.-археол. сб.: материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 213–220.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 410 с.
- Джаксон Т.Н.* “Страна городов” и ее столица Новгород в картине мира средневековых скандинавов [Электронный ресурс] // Slověne. 2015. № 1. С. 170–179. URL: http://www.slovene.ru/2015_1_Jackson.pdf (дата обращения: 14.05.2023).
- Джаксон Т.Н., Молчанов А.А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути “из варяг в греки” // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. Л.: Наука, 1990. С. 226–238.
- Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века: в 2 т. Т. II. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История, 2016. 624 с.
- Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы / Ред. И.В. Дубов. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1988 (Славяно-русские древности; вып. I). С. 38–79.
- Концевий В.Я.* Русь Новгородская: первые века. СПб.: Крига, 2022. 400 с.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 144–201.
- Лабутина И.К., Малышева Н.Н., Закурина Т.Ю., Яковлева Е.А., Михайлов А.В.* Древнерусский некрополь Пскова // Археологические открытия 1991–2004 гг.

- Европейская Россия / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 386–407.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 476 с.
- Мусин А.Е. Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород // Археологические вести. 2020. Вып. 8. С. 45–75.
- Мусин А.Е., Тарабардина О.А. Скандинавы среди переселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Носов Е.Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н.э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 5–37.
- Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В. Рюриково городище: новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Медведева М.В. Новгородская Русь: Рождение державы: Свидетельства из глубины столетий. СПб.: Лик, 2012. 224 с.
- Олейников О.М. Реконструкция оборонительных сооружений Новгорода X–XII вв. на основе археологических исследований // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь, 2020. С. 22–34.
- Олейников О.М., Долгих А.В. Новые данные по датированию оборонительных укреплений у Пречистенской башни Новгородского детинца // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31. Великий Новгород: Любавич, 2017. С. 176–181.
- Петров М.И., Тарабардина О.А. Моделирование территории Новгорода X–XIV вв. средствами ГИС [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2017. DVD.
- Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 405 с.
- Покровская Л.В. Прибалтийско-финские украшения древнего Новгорода (X–XIV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. докл. науч.-практ. конф. Новгород, 1992. С. 57–60.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Рыбина Е.А., Хвоцинская Н.В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 66–78.
- Степанов А.В. Великий мост — памятник подводного археологического наследия // Охраняется государством. 2017. № 5. С. 69–70.
- Степанов А.В., Степанов М.А. Открытие древнейшего Волховского моста // Археологические открытия. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 50–54.
- Стефанович П.С. “Сказание о призвании варягов” или *Origo gentis rutorum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2010 г. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 513–582.
- Трояновский С.В. О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская Земля: История и археология: материалы науч. конф. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 58–70.
- Хвоцинская Н.В. Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. 2021. Вып. 33. С. 107–120.
- Штендер Г.М. Вступительная статья // Каргер М.К. Новгород. Л.: Искусство, 1980.
- Яковлева Е.А., Салмина Е.В., Королёва Э.В. Псков // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 138–160.
- Янин В.Л. Заметки о новгородских берестяных грамотах // Советская археология. 1965. № 4. С. 104–123.
- Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.
- Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.
- Янин В.Л. У истоков новгородской государственности // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 8. С. 675–681.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

ON THE ORIGIN OF NOVGOROD. 862–1136 — PRINCELY TOWN OF RURIKIDS

Vladimir A. Burov^{a, #}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: burovvan@rambler.ru*

Archaeological discoveries of recent decades have formed the basis for the development of a new concept of Novgorod origin. This study is the first to consider the problem through the prism of contacts between the Slovenes and Scandinavians and to associate it with the patrimonial land ownership of the Rurikids. In 862, this Varangian clan was summoned under an agreement to reign in the union of tribes and received a land area

(*volost*) from the Ilmen Slovenes in the upper reaches of the Volkhov River. This is evidenced with 12 toponyms of the 10th–12th centuries AD on the territory of Novgorod and its vicinity. The core of the *volost* is a river island between the Volkhov and Volkhovets rivers with adjacent lands. On this land of the Rurikids, the princely fortresses found by archaeologists were erected at different times (862, 940s, and 1044). All of them were named identically – Novgorod, as well as the *volost* itself. Novgorod with its vicinities within the boundaries of the ancient *volost* was ruled by the prince as a princely town. This was due to the fact that the inclusion of the Scandinavian Rurik's clan in the tribal structure of the tribal union resulted in recognition of the clan by the Slovenes as the dominant and ruling one. Led by the ruling prince Rurik, Novgorodians began to consider themselves as originating from the Varangian family. In case of the Ilmen Slovenes this tribal identity manifested itself most clearly in high burial mounds which became very common. At the same time, the ethnic structure of the early city-state, formed in 862, which was called the Novgorod *volost* according to chroniclers, turned out to be multiple, claiming the Slavic-Finno-Scandinavian unity. The Varangians were not seen as an alien element in the Slovenian environment. Therefore, Scandinavian finds are common in the lower layers of Novgorod estates of the 10th–11th centuries AD. They testify to the free residence of the Varangians in the Volkhov region. The same is true for Pskov, where Scandinavian burials were found. The Rurikid *volost* ceased to exist as a single whole in 1132/1136 with the expulsion of the prince. Expanding urban communities (in terms of streets and town districts) began to claim its lands and shrink its territory. But even at a later time, certain fragmented areas of the Novgorod vicinity still belonged to the prince.

Key words: Novgorod, Rurik's fortified settlement, Holmgård, fortresses, princely land ownership, princely toponymy, districts, princess Olga, excavations, street community.

REFERENCES

- Aleshkovskiy M.Kh., 1974. Social foundations for the formation of the Novgorod territory in the 9th–15th centuries AD. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 3, pp. 100–111. (In Russ.)
- Burov V.A., 1987. Where the “Knyazhaya sotnya” was located in old Novgorod. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1, pp. 91–102. (In Russ.)
- Burov V.A., 1994. Ocherki istorii i arkheologii srednevekovogo Novgoroda [Studies on the history and archaeology of medieval Novgorod]. Moscow. 250 p.
- Burov V.A., 2007. Sacral foundations of the state structure of Novgorod in the 12th–15th centuries AD. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik* [Tver collected papers on archaeology], iss. 6, vol. 2. Tver', pp. 380–390. (In Russ.)
- Drevnerusskiy nekropol' Pskova X – nachala XI veka [Old Rus necropolis of Pskov of the 10th – early 11th century AD], II. Kamernye pogrebeniya drevnego Pskova (po materialam arkheologicheskikh raskopok 2003–2009 gg. u Starovoznesenskogo monastyrya) [Chamber burials of medieval Pskov (based on archaeological excavations in 2003–2009 near the Starovoznesensky Monastery)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 624 p.
- Dzhakson T.N., Molchanov A.A., 1990. Old Norse name of Novgorod in the toponymy of the route “from the Varangians to the Greeks”. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary sciences of history], 21. Leningrad: Nauka, pp. 226–238. (In Russ.)
- Dzhakson T.N., 2015. The “Country of towns” and its capital Novgorod in the worldview of medieval Scandinavians (Electronic resource). *Slověne*, 1, pp. 170–179. URL: http://www.slovene.ru/2015_1_Jackson.pdf. (In Russ.)
- Gippius A.A., 2007. Novgorod and Ladoga in the Tale of Bygone Years. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheolog. izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskii sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2005 g.)* [At the origins of Russian state: To the 30th anniversary of the archaeological study of the Novgorod Rurik's Settlement and the Novgorod regional archaeological expedition: Collected papers in history and archaeology: Proceedings of the International scientific conference (2005)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 213–220. (In Russ.)
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. 410 p.
- Khvoshchinskaya N.V., 2021. Fortifications of the Rurik's fortified settlement near Novgorod in the context of the latest archaeological research. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 33, pp. 107–120. (In Russ.)
- Kirpichnikov A.N., 1988. Ladoga and the Ladoga land of the 8th–13th centuries AD. *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Drevney Rusi: itogi i osnovnye problemy* [Historical and archaeological study of Rus: results and main problems]. I.V. Dubov, ed. Leningrad: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 38–79. (Slavyano-russkie drevnosti, I). (In Russ.)
- Konetskiy V.Ya., 2022. Rus' Novgorodskaya: pervye veka [Novgorod Rus: the first centuries]. St. Petersburg: Kri-ga. 400 p.
- Konstantin Bagryanorodnyy, 1991. Ob upravlenii imperiei [De Administrando Imperio]. Moscow: Nauka. 496 p.
- Kuza A.V., 1975. Novgorod land. *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.* [Principalities of Rus of the 10th–13th centuries AD]. Moscow: Nauka, pp. 144–201. (In Russ.)
- Labutina I.K., Malysheva N.N., Zakurina T.Yu., Yakovleva E.A., Mikhaylov A.V., 2009. Rus necropolis of Pskov. *Arkheologicheskie otkrytiya 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya* [Archaeological discoveries of 1991–2004. European Russia]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 386–407. (In Russ.)
- Lebedev G.S., 2005. Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi [The Viking Age in Northern Europe and Rus]. St. Petersburg: Evraziya. 640 p.

- Mel'nikova E.A., 2011. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: izbrannyye trudy [Rus and Scandinavia: Selected Works]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. 476 p.
- Musin A.E., 2020. Rurik's fortified settlement, Yaroslav's court and Veliky Novgorod. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 8, pp. 45–75. (In Russ.)
- Musin A.E., Tarabardina O.A., 2019. Scandinavians among the first settlers of Novgorod according to archaeological evidence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]*, vol. 64, iss. 2, pp. 762–785. (In Russ.)
- Nosov E.N., 1990. Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche [Novgorod (Rurik's) fortified settlement]. Leningrad: Nauka. 214 p.
- Nosov E.N., 1991. Archaeological sites of the upper Volkhov River and the Ilmen region at the end of the 1st millennium AD (catalogue of sites). *Materialy po arkheologii Novgorodskoy zemli [Materials on the archaeology of the Novgorod land]*, 1990. Moscow, pp. 5–37. (In Russ.)
- Nosov E.N., Khvoshchinskaya N.V., Medvedeva M.V., 2012. Novgorodskaya Rus': Rozhdenie derzhavy: Svidetel'stva iz glubiny stoletiy [Novgorod Rus: The birth of a state: Evidence from the depths of centuries]. St. Petersburg: Lik. 224 p.
- Nosov E.N., Plokhov A.V., Khvoshchinskaya N.V., 2017. Ryurikovo gorodishche: novye etapy issledovaniy [Rurik's fortified settlement: new stages of research]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 287 p.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov [Novgorod first chronicle of the older and younger recensions]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 640 p.
- Oleynikov O.M., 2020. Reconstruction of the defensive structures of Novgorod in the 10th–12th centuries AD based on archaeological research. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver Land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 13. Tver', pp. 22–34. (In Russ.)
- Oleynikov O.M., Dolgikh A.V., 2017. New evidence for dating defensive fortifications near the Prechistenskaya tower of the Novgorod fortress. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 31. Velikiy Novgorod: Lyubavich, pp. 176–181. (In Russ.)
- Petrov M.I., Tarabardina O.A., 2017. Modeling of the territory of Novgorod in the 10th–14th centuries AD with GIS technologies (Electronic resource). *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*, 8. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. DVD. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V., 1992. Baltic-Finnish decorations of medieval Novgorod (10th–14th centuries AD). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology: Abstracts of reports of Scientific-practical conference]*. Novgorod, pp. 57–60. (In Russ.)
- Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years], 1. Tekst i perevod [The text and translation]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 405 p.
- Rybakov B.A., 1982. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and Rus principalities of the 12th–13th centuries AD]. Moscow: Nauka. 590 p.
- Rybina E.A., Khvoshchinskaya N.V., 2010. The issue of Scandinavian finds from the excavations in Novgorod revisited. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova [Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe: To the 60th anniversary of Yevgeny Nikolaevich Nosov]*. A.E. Musin, N.V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 66–78. (In Russ.)
- Shtender G.M., 1980. Introductory article. *Karger M.K. Novgorod [Novgorod]*. Leningrad: Iskusstvo. (In Russ.)
- Stefanovich P.S., 2012. "The Legend of the summoning of the Varangians" or Origo gentis russorum?. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: materialy i issledovaniya [Earliest states of Eastern Europe: materials and research]*, 2010. *Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Prerequisites and ways of the formation of the Russian state]*. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, pp. 513–582. (In Russ.)
- Stepanov A.V., 2017. The Great Bridge — a site of underwater archaeological heritage. *Okhranyaetsya gosudarstvom [Protected by the state]*, 5, pp. 69–70. (In Russ.)
- Stepanov A.V., Stepanov M.A., 2020. Revealing the earliest Volkhov bridge. *Arkheologicheskie otkrytiya. 2018 god [Archaeological discoveries. 2018]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 50–54. (In Russ.)
- Troyanovskiy S.V., 1998. Some results of excavations in the Novgorod Kremlin. *Novgorod i Novgorodskaya Zemlya: Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology: Proceedings of Scientific conference]*, 12. Novgorod, pp. 58–70. (In Russ.)
- Yakovleva E.A., Salmina E.V., Koroleva E.V., 2012. Pskov. Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries AD: An archaeological panorama]. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 138–160. (In Russ.)
- Yanin V.L., 1965. Notes on Novgorod birchbark letters. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 4, pp. 104–123. (In Russ.)
- Yanin V.L., 1977. Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya. Srednevekovyy Novgorod [Studies in comprehensive source studies. Medieval Novgorod]. Moscow: Vysshaya shkola. 240 p.
- Yanin V.L., 1981. Novgorodskaya feodal'naya votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie) [Novgorod feudal patrimony (Historical and genealogical research)]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Yanin V.L., 2000. At the origins of Novgorod statehood. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk]*, vol. 70, no. 8, pp. 675–681. (In Russ.)
- Yanin V.L., Aleshkovskiy M.Kh., 1971. The origin of Novgorod (to the formulation of the problem). *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 2, pp. 32–61. (In Russ.)

СУДЬБА ГАИМК НА ПЕРЕЛОМЕ: НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО Ф.В. КИПАРИСОВА С.М. КИРОВУ

© 2023 г. Е. Г. Застрожнова (Панкратова)^{1,*}, М. В. Медведева^{2,**}

¹Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: pankratova0484@yandex.ru

**E-mail: marryiam@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.11.2022 г.

После доработки 17.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В 1934 г. Академия истории материальной культуры — ведущее археологическое учреждение России — оказалась в непростой ситуации. Председатель ГАИМК академик Н.Я. Марр, много лет ее возглавлявший, находился при смерти, и требовалось срочно принять меры для обеспечения успешной работы Академии после его ухода. Для того чтобы сохранить центральные позиции ГАИМК в науке, заместитель председателя Ф.В. Кипарисов посчитал необходимым обратиться к партийному лидеру Ленинграда С.М. Кирову с письмом, в котором просил о личной встрече для обсуждения будущей судьбы Академии и предлагал программу дальнейшего развития учреждения. Черновик письма был составлен в ноябре 1934 г. незадолго до убийства С.М. Кирова, и, вероятно, письмо так и не было отправлено адресату. Документ сохранился в архивной коллекции ГАИМК Научного архива ИИМК РАН. Его полная публикация дает важную новую информацию по истории деятельности ГАИМК в контексте общего развития российской академической науки в сложный период 1930-х годов.

Ключевые слова: Академия истории материальной культуры, история археологии, архивные документы

DOI: 10.31857/S0869606323020204, EDN: RHFMNK

Оценка деятельности Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) Наркомпроса имеет важное значение в понимании процессов институционализации отечественной археологии 1920–1930-х годов. Однако до сих пор остается много белых пятен в истории этого научного института, в том числе отсутствует объективный комплексный анализ последнего, трагического этапа существования Академии в 1934–1936 гг. Между тем, выявление и публикация архивных документов, отражающих деятельность ГАИМК в 1934–1936 гг., позволяют значительно расширить источниковую базу исследования, скорректировать устоявшиеся в советской историографии представления о работах этого ведущего археологического учреждения в 1930-х годах, а также пересмотреть сложившиеся противоречивые представления о роли отдельных ученых как в истории самой Академии, так и в судьбе отечественной археологии в целом.

Работа с архивными документами по истории науки 1930-х гг. требует максимальной тщательности при анализе полученной информации и осторожности в оценках и выводах. Не следует опираться только на материалы кадровых чисток научных учреждений рубежа 1920–1930-х годов, когда поиск классовых врагов приобрел массовый и категоричный характер, а на методических и научных собраниях звучали многочисленные лозунги по разоблачению “вредителей” и “врагов народа”. Архивные материалы подобного рода, наполненные риторикой марксизма и идеологическими установками, не должны рассматриваться как единственный источник объективной информации. Только всесторонний анализ самых различных групп документов — от личной переписки, черновых записок до материалов следственных дел и дел партийного контроля Областных комитетов ВКПб (многие оставались засекреченными до начала 2000-х годов) — даст



Рис. 1. Ф.В. Кипарисов. 1910-е годы. Фото из семейного архива А.А. Волковой-Кипарисовой.

Fig. 1. F.V. Kiparisov. 1910s. Photo from the family archive of A.A. Volkova-Kiparisova

возможность построения наиболее реалистичной картины происходивших тогда событий¹.

В Научном архиве ИИМК РАН в деле “Переписка Ф.В. Кипарисова с С.М. Кировым и другими лицами о работе академии и об изданиях” за 15–22 декабря 1934 г.² сохранился черновик письма заместителя председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисова к Первому секретарю Ленинградского обкома ВКПб С.М. Кирову. Важность данного до-

кумента заключается в том, что письмо было написано в ноябре 1934 г. незадолго до убийства самого С.М. Кирова, произошедшего 1 декабря 1934 г., и смерти председателя ГАИМК Н.Я. Марра 20 декабря 1934 г. — событий, которые повлекли за собой кардинальные изменения в судьбе ГАИМК.

Автор письма Федор Васильевич Кипарисов происходил из семьи профессора Московской Духовной Академии и получил хорошее историко-филологическое образование³. Он родился 17 апреля 1886 г. в г. Сергиев Посад, в 1904 г. окончил Сергиево-Посадскую гимназию, после чего поступил на историко-филологический факультет Московского университета (рис. 1). В университете работал над дипломом на тему “Учение Спинозы и современная психология о психофизическом параллелизме”. Работа не была завершена, так как в 1908 г. Ф.В. Кипарисов был исключен из университета за участие в подпольной организации. В 1911 г. им были сданы экзамены и получено звание учителя Гимназии при МГУ, а в следующем году по протекции профессора Э.Д. Гримма он был зачислен в Санкт-Петербургский университет, где его научным руководителем стал С.А. Жебелёв. Позднее в автобиографии Ф.В. Кипарисов сообщал, что в начале обучения “по предложению профессора Ростовцева была начата медальная работа о фиасах греческих колоний юга России. Она осталась незаконченной, но вместо нее были написаны и опубликованы работы “О горгийской надписи фиаситов” и о “Говорах Херсонеса и Оропа” (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 277. Л. 5об.; Кипарисов, 1915а; б).

18 января 1929 г. по приглашению Н.Я. Марра он занял пост заместителя председателя ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 277. Л. 5об). Представляется наиболее вероятным, что из-за увольнения с этой должности С.А. Жебелёва после “дела академика Жебелёва” (Тункина, 2000) возникла необходимость взять на эту руководящую должность партийного сотрудника, который вместе с тем “был бы не чужд науке”. Н.Я. Марр к тому времени стал постепенно отходить от административной и научно-организационной работы, поэтому фактически после вступления в должность Ф.В. Кипарисов принял на себя руководство академией. В автобиографии он пишет: “Я пришел в ГАИМК первым коммунистом и непосредственно руководил чисткой и перестройкой академии. Мною приложено много усилий к тому, чтобы подготовить в методологическом отношении лучшую часть беспартийных специалистов” (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 4).

С самого начала своей работы в ГАИМК Ф.В. Кипарисов поставил вопрос о ее важнейшей

¹ В данной статье помимо основного источника — черновика письма Ф.В. Кипарисова С.М. Кирову из Научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 2. 1934 г. Д. 260) — были привлечены данные, полученные ранее при работе с архивными документами Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 800), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА. Ф7154. Оп. 1. Д.3), Центрального государственного архива историко-политических документов (Ф. Р-1728. Оп.1. Д. 348293; Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917) и Архива Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (УФСБ по СПб и ЛО. П-23819, П-21065).

² Крайние даты дела проставлены на его обложке и даны в момент составления описи рукописного архивного фонда ГАИМК по датированным документам, находящимся внутри дела. Черновик письма Ф.В. Кипарисова С.М. Кирову не датирован, но исторические обстоятельства дают возможность предположить более раннюю начальную дату дела, так как документ составлен не позднее 1 декабря 1934 г.

³ Подробнее о нем см.: Платонова, 2013; Панкратова (Застрожнова), 2020а.



Рис. 2. С.М. Киров. ФО НА ИИМК РАН. Her. I 34220.

Fig. 2. S.M. Kirov. Photo Department of the Academic Archive at the Institute for the History of Material Culture RAS. Neg. photo I 34220

роли в истории отечественной археологической науки. 11 мая 1929 г. на общем собрании ГАИМК он заявил, что “при нынешнем положении в стране, необходимо централизовать всю археологическую деятельность в рамках академии”. Летом 1929 г. ГАИМК подала в Главнауку записку “О рационализации научно-исследовательских работ в области археологии СССР” (ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 300). Руководство академии предлагало признать ГАИМК центральным научно-исследовательским учреждением, которое должно контролировать всю археологическую работу в рамках одного учреждения.

В начале 1930 г. в академии начала свою работу Рабоче-крестьянская комиссия по чистке научного состава, которую возглавил Ф.В. Кипарисов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 277. Л. 1). В ходе неизбежной чистки научных кадров были уволены: М.В. Фармаковский, Е.Ч. Скржинская, Н.В. Измайлова, О.А. Магнус, М.А. Тиханова⁴. Однако массовые увольнения не избавили кадро-

⁴ М.А. Тиханова вскоре была вновь принята в ГАИМК (Смирнов, 2013. С. 294).

вый состав ГАИМК от репрессий по “Академическому делу” и “Делу Российской национальной партии” (Панкратова (Застрожнова), 2019б).

В конце 1933 г. из-за постоянно ухудшающегося здоровья Н.Я. Марра появилась необходимость в более четком разграничении обязанностей по руководству академией. Этот вопрос обсуждался 29 января 1934 г. на заседании партийной части президиума ГАИМК⁵. Н.Я. Марр посчитал, что “на ближайшее время необходимо воздержаться от перехода к одному заместителю, нужно пока сохранить двух заместителей” (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 5). Первым заместителем Н.Я. Марр назначил Ф.В. Кипарисова, которому была поручена административная часть работы.

В тот момент одна из важнейших задач руководства ГАИМК заключалась в сохранении лидирующих позиций академии. Особенно критической ситуация стала осенью 1934 г. ввиду тяжелой болезни и ожидаемой кончины Н.Я. Марра⁶. Судя по всему, в поиске оптимальных вариантов дальнейшего пути развития академии Ф.В. Кипарисовым было принято решение лично обратиться к первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирову (рис. 2). В РО НА ИИМК РАН среди научно-организационных документов Академии истории материальной культуры хранится черновик письма Ф.В. Кипарисова, в котором он просит личного приема для обсуждения судьбы ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260.) (рис. 3). Документ не датирован, однако очевидно, что он написан до смерти как С.М. Кирова, так и Н.Я. Марра, скорее всего в ноябре 1934 г. По сути, содержание этого письма можно считать программой дальнейшей работы и развития ГАИМК под официальным руководством самого Ф.В. Кипарисова. Черновик письма был составлен в двух вариантах, один из которых не полный (см. Приложение 1)⁷. Поскольку нет никакой информации о том, было ли отправлено данное письмо, сложно предположить, было ли оно официальным, или личным. На основании того, что ранее Ф.В. Кипарисов обращался с личными письмами к высшему партийному руковод-

⁵ Более подробно см.: Панкратова (Застрожнова), 2020б.

⁶ Н.Я. Марр в октябре 1933 г. перенес инсульт, в 1934 г. наступило временное облегчение после болезни, но вернуться к активной научной работе он уже не смог, с весны 1934 г. состояние его только все время ухудшалось (Миханкова, 1949. С. 479, 480, 501, 502).

⁷ В Приложении приведены оба варианта письма с пометками и исправлениями, поскольку сама правка текста письма Ф.В. Кипарисовым крайне показательна для понимания того, на чем пытался он акцентировать внимание высшего партийного руководства.

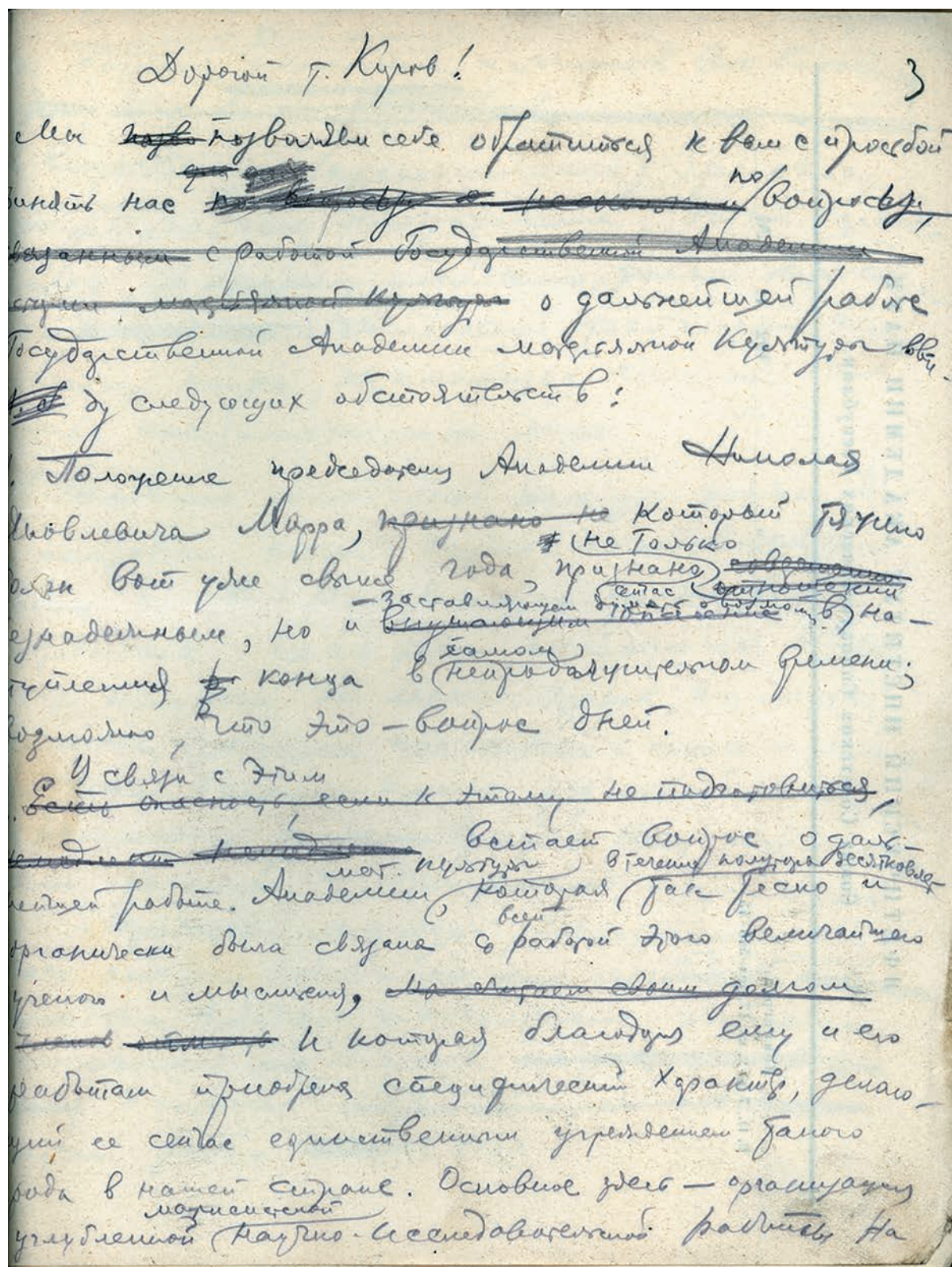


Рис. 3. Первая страница черновика письма Ф.В. Кипарисова С.М. Кирову, 1934 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1934. Д. 260. Л. 3.

Fig. 3. The first page of a draft letter from F.V. Kiparisov to S.M. Kirov, 1934, Records Department of the Academic Archive at the Institute for the History of Material Culture RAS. Collection 2. List 1–1934. Case 260. P. 3

ству в Москве (ЦГА. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 3), вполне можно предположить, что и данное письмо предполагалось к отправке как личное послание/сообщение.

Первый вариант письма записан простым карандашом (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Л. 2–6), второй – чернилами, а его окончание отпечатано на машинке (Там же. Л. 8–11)⁸. Второй вариант письма, составленный на основе первого черновика, представляет собой уже более развернутый и структурно проработанный документ. В том же деле подшито несколько заметок, где Ф.В. Кипарисов наметил темы, о которых планировал написать С.М. Кирову. Главными пунктами в них значились – судьба Академии после смерти Н.Я. Марра, создание его научно-исследовательского кабинета и сохранение архива ученого (в первом варианте), значение и возможность деятельности Академии за границей, развитие Института исторической технологии, вопросы издания источников и исторической газеты, помощь школе и подготовка учебников, работа московского отделения ГАИМК, бюджет учреждения на следующий год и условия работы (Там же. Л. 1, 7, 19). И действительно, в самом тексте письма Ф.В. Кипарисов старался следовать наметченному плану.

В первую очередь обращает на себя внимание просьба о личной встрече с С.М. Кировым для непосредственного обсуждения дальнейшей работы ГАИМК после ожидаемой смерти Н.Я. Марра. Ф.В. Кипарисов писал, что “настал момент, когда вопрос об Академии должен быть поставлен во всем его объеме, ... и о дальнейшей ее работе должно быть принято четкое решение, определяющее окончательно ее дальнейшую судьбу” (Там же. Л. 9). Он открыто высказывал беспокойство о судьбе ГАИМК ввиду переезда АН СССР в Москву: “дело может принять такой оборот (тенденции к тому есть), что мы потеряем даже то, что академией достигнуто” (Там же. Л. 8). Ф.В. Кипарисов подчеркивал в письме исключительную роль академии в деле развития советской науки и указывал, что комплексное изучение и анализ всех групп источников на методологической основе марксизма-ленинизма, применяемые специалистами Академии, делало ее единственным научным учреждением подобного рода на территории Советского Союза. Особо Ф.В. Кипарисов отметил и исключительное влияние на этот процесс со стороны бессменного руководителя академии – Н.Я. Марра, который наряду “с кропотливейшим

изучением всех фактических деталей, и беспощадной борьбы с буржуазными историческими течениями и концепциями” допускал и “осторожно-критического освоение буржуазного научного наследства” (Там же. Л. 10). Однако абзац с данной формулировкой был затем зачеркнут Ф.В. Кипарисовым и исправлен на более нейтральный: исследование исторических проблем проводилось Н.Я. Марром “на основе кропотливейшего анализа источников, с применением лучших достижений буржуазной науки в линии техники исследования и беспощадной борьбой с ее идеалистическими концепциями с позиций марсистско-ленинской методологии” (Там же). В связи с этим Ф.В. Кипарисов отмечал, что одной из основных задач Академии должна была стать исключительно сложная и ответственная работа по изданию источников «по древнейшей истории нашей социалистической родины с их параллельным переводом на русский язык, “сводящая воедино эти источники”». По мнению Ф.В. Кипарисова, такая работа “не имела себе подобной в дореволюционной России” и была бы “в полном смысле слова достижением науки советской” (Там же).

Особое внимание он уделил кадровому вопросу ГАИМК: “в настоящее время, в Академии, в отношении кадров сконцентрировано все живое и творческое, что имеется у нас как в части старых специалистов, так и в части молодых научных кадров советской формации” (Там же. Л. 11). На эту фразу следует обратить особое внимание, поскольку в отличие от обвинительных публикаций постсоветского периода (см., например: Формозов, 2006), приписывающих Ф.В. Кипарисову далеко не самую положительную роль в судьбе Академии и ее специалистов, существуют современные исследования, которые на основании введенных в научный оборот архивных документов, прямо указывают на крайне осмотрительную, далекую от “партийного фанатизма” деятельность Ф.В. Кипарисова, пытавшегося сохранить кадровый состав академии во время партийных чисток (Платонова, 2013; 2018; Панкратова, 2020а). Это подтверждается и следующими строками из рассматриваемого письма: “совместная работа старых специалистов и начинающих советских ученых оказывается взаимно оплодотворяющей: старые ученые входят в понимание теоретических проблем марксистской исторической науки, а молодые учатся у старых специалистов умению исследовать материал и технике исследовательской работы” (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Л. 11). Действительно, в штате ГАИМК, несмотря на чистки и увольнения, в 1930-х годах сохранялся ряд выдающихся специалистов дореволюционной школы: С.А. Жебелёв (Тункина, 2000), М.В. Фармаков-

⁸ Черновик письма написан на оборотах бланков Яфетического института АН СССР и на оборотах страниц и разрезанной на фрагменты карты из издания К. Шик, И. Бенцингер Ближайшие окрестности Иерусалима. Карты. Leipzig: Wagner und Debes, вероятно, происходящего из материалов Православного Палестинского общества.

ский⁹, К.К. Романов¹⁰, Н.И. Репников, В.В. Гольмстен, Б.Л. Богаевский, С.И. Ковалев, П.П. Ефименко. В дальнейшем именно обвинения в том, что Ф.В. Кипарисов пытается “спасти и укрыть объявленных чужаков и антисоветчиков” и стали одним из основных лейтмотивов поданного в 1935 г. доноса на всю академию бывшим аспирантом ГАИМК В.Ф. Зыбковцом (Панкратова, Смирнов, 2022)¹¹.

Еще в одном пункте письма С.М. Кирову Ф.В. Кипарисов указывал на необходимость дальнейшего развития и поддержания международных научных связей академии “и в стане буржуазной историографии, не уступая последней в технике исследовательской работы и далеко превосходя ее в теоретическом понимании исторических явлений”. Продолжение и поддержание международной научной работы ГАИМК были необходимы, так как “благодаря своим изданиям, часто выпускаемым на английском, немецком, французском языках, они пользуются широкой известностью за границей — около ста научных учреждений обмениваются и состоят в научной переписке с Академией”. В подобной популярности Академии за границей он усматривал политическое значение, доказывающее высокий научный уровень научных исследований СССР “даже по таким областям, как история древнего мира и средних веков” (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Л. 6).

Последним пунктом предполагалось активное участие сотрудников ГАИМК в общеобразовательной деятельности на территории СССР путем разработки исторических справочников, попу-

лярных исторических книг для чтения, а также организацией циклов лекций по истории первобытного общества, древнего мира и средних веков (Там же. Л. 2). Ф.В. Кипарисов отмечал, что “в настоящее время Академия разрабатывает план выпуска исторических пособий для школы и поставила перед Наркомпросом вопрос о разрешении ей издавать специальный массовый бюллетень, в котором нашли бы широкое освещение вопросы исторической науки, преподавания истории в высшей и средней школе, всесторонняя информация о состоянии исторической науки у нас и за границей, о новых открытиях, раскопках, исторических музеях, новых исторических изданиях” (Там же).

Установить, было ли когда-нибудь отправлено это письмо, черновик которого сохранился в архиве ИИМК РАН, пока не представляется возможным. Во всяком случае в архивных документах Академии истории материальной культуры этому не находится документальных подтверждений. И даже если письмо все-таки было отправлено адресату и тот успел с ним ознакомиться, то оно не сыграло той важной роли, на которую рассчитывал его автор.

Убийство 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова и смерть 20 декабря Н.Я. Марра поставили ГАИМК в крайне уязвимое положение. Помимо потери официального руководителя, который много лет возглавлял Академию и к которому очень лояльно относилось советское правительство, что во многом обеспечило расцвет научной деятельности учреждения в 1920-е годы, начиналась волна массовых репрессий по отношению к участникам “сети троцкистско-зиновьевских террористических организаций”. 16 августа 1936 г. был подписан ордер, а 27 августа состоялся арест Ф.В. Кипарисова, как одного из участников “террористической организации ГАИМК” (Панкратова, 2019а). Приказ о снятии его с занимаемой должности был подписан 11 сентября 1936 г., а через несколько дней из сотрудников ГАИМК была сформирована комиссия для изъятия документов из его квартиры по адресу ул. Халтурина (Миллионная), дом 5, квартира 5. В итоговом акте среди прочих изъятых документов важно отметить черновик письма Ф.В. Кипарисова к И.В. Сталину и отпуск письма к А.А. Жданову¹² (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 170. Л. 31). Вполне вероятно, что после убийства С.М. Кирова председатель ГАИМК не оставил попыток обращений к высшему партийному руководству с просьбой о сохранении роли Академии и ее кадрового состава в отечественной науке. Однако все эти действия, очевидно, не имели результата — в ходе следственных мероприятий, проводимых вплоть

⁹ После ссылки вернулся к работе в ГАИМК (Виноградов, Шауб, 2022. С. 702).

¹⁰ Подвергся общественному порицанию, был смещен с должности заведующего Разрядом, но продолжал работать по различным проектам ГАИМК вплоть до начала Второй мировой войны (Медведева, 2022. С. 183–187).

¹¹ По документам также известно, что Ф.В. Кипарисов принимал участие и в судьбе молодых специалистов ГАИМК. 24 августа 1934 г. Приказом по управлению институтами и НИИ учреждений НКП РСФСР Ф.В. Кипарисову было поставлено на вид составление слишком формальной характеристики на аспиранта А.Х. Маргуланова и обращено внимание на необходимость тщательного изучения аспирантов с академической и политической стороны (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3.) В 1934 г. один из партийных лидеров ГАИМК А.Г. Пригожин в ходе обострения отношений с Ф.В. Кипарисовым неоднократно высказывался на партийных собраниях о “гнилом либерализме” последнего, приводя пример, что “аспирантка И.Д. Марченко была избита в связи с братом и сестрой, находящимися в концлагерях, комсомол постановил ее исключить, но отчислена она не была. В докладах в ГАИМК... ясна ориентировка Кипарисова на беспартийных специалистов”. (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 70). На одном из своих допросов, арестованный в ноябре 1938 г. О.О. Крюгер показал, что Ф.В. Кипарисов “поддерживал и защищал реакционных ученых, оказавшихся впоследствии репрессированными органами Советской власти” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-21065. Л. 19).

¹² К сожалению, содержание и местонахождение этих писем неизвестно.

до 19 декабря 1936 г., Ленинградским УНКВД было подготовлено обвинительное заключение и состоялся суд по обвинению Ф.В. Кипарисова и осужденных вместе с ним С.Н. Быковского, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова в подготовке “ряда террористических актов по отношению к руководству ВКП(б)” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 29), на котором все четверо были приговорены к расстрелу, состоявшемуся в тот же день¹³. Также были арестованы, высланы из Ленинграда или заключены в исправительно-трудовые лагеря многие сотрудники ГАИМК. Само учреждение потеряло самостоятельный статус и в 1937 г. вошло в состав АН СССР на правах рядового института с переименованием в Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР). В дальнейшем именно на основе ГАИМК были сформированы два крупнейших современных центра отечественной археологии — Институт истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге и Институт археологии РАН в Москве.

Подводя итог, можно заключить, что Ф.В. Кипарисов прекрасно осознавал важность сохранения позиций ГАИМК как ленинградского академического учреждения международного уровня, поддерживающего научные связи с зарубежной наукой, издающего издания на иностранных языках и осуществляющего их обмен. Важным аспектом являются четко обозначенные попытки сохранения кадрового состава академии, актуализация ценности “старых специалистов” в их сотрудничестве с новым поколением “историков-марксистов”.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00063 “Трагедия Государственной академии истории материальной культуры: судьба учреждения и его сотрудников (1934–1936)”.

Приложение

Дорогой т[оварищ] Киров!

Мы позволяем себе обратиться к Вам с просьбой принять нас¹⁴ по вопросам, ~~связанным с работой Государственной академии истории материальной культуры~~¹⁵ о дальнейшей работе Государ-

ственной академии материальной культуры ввиду следующих обстоятельств:

1. Положение председателя Академии Николая Яковлевича Марра, признано не который тяжело болен вот уже свыше года, признано не только ~~совершенно~~ безнадежным, но и внушающим опасение в отношении заставляющем думать о возможном наступлении конца в самом не-продолжительном времени; возможно, что это — вопрос дней.

2. ~~Есть опасность, если к этому не подготовиться немедленно.~~ В связи с этим встает вопрос о дальнейшей работе Академии материальной культуры, которая в течение полутора десятков лет так тесно и органически была связана со всей работой этого величайшего ученого и мыслителя, ~~мы считаем своим долгом честно отметить~~ и которая благодаря ему и его работам приобрела специфический характер, делающий ее сейчас единственным учреждением такого типа в нашей стране. Основное здесь — организация углубленной марксистской научно-исследовательской работы на базе всестороннего комплексного изучения исторических, источников всех видов

— ~~вещественных (археологических), языковых (лингвистических)~~

— вещественных (археологических), языковых, письменно-документальных, этнографических. Этот характер работы, по нашему убеждению, должен быть сохранен <...>; он большое достижение именно советской науки, не имеющее аналогий в странах капиталистического мира.

3. В Академии материальной культуры должен быть организован особый научно-исследовательский кабинет им. Н.Я. Марра¹⁶, в котором должны быть сосредоточены: все его работы, печатавшиеся в течение почти полувека на многих языках, его личная библиотека (совершенно исключительного состава и значения), его архив, в котором имеются ряд неопубликованных и, несомненно, долженствующих быть опубликованными рукописей по языкознанию, истории грузинской и армянской литературы, кавказоведению и т.д. Задача кабинета — работа над этим огромным литературным наследством Н.Я. Марра и использование совершенно неисчерпаемых собранных им материалов ~~но теоретическим во-~~

¹³ 27 июня 1957 г. Определением Военной коллегии Верховного суда было постановлено, что Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов были привлечены к уголовной ответственности и осуждены необоснованно, “так как в результате дополнительной проверки, проведенной по их делам, вскрыты новые обстоятельства, опровергающие предъявленные им обвинения” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 1-7. П-23819). Приговор был отменен, а уголовное дело прекращено, за отсутствием состава преступления.

¹⁴ Ф.В. Кипарисов просит о личном приеме “нас”, вероятно, предполагался его визит с кем-то из сотрудников ГАИМК.

¹⁵ Здесь и далее зачеркнуто в соответствии с оригинальным текстом, курсивом помечены вычеркнутые Ф.В. Кипарисовым фрагменты текста.

¹⁶ Научно-исследовательский кабинет Н.Я. Марра был создан после его смерти в Академии истории материальной культуры, курсивом помечено до 1951 г., после чего материалы были переданы в Архив АН СССР (в настоящее время — Ф. 800. Оп. 1-8 в составе СПбФ АРАН). Заведовала кабинетом имени Н.Я. Марра вплоть до передачи материалов В.А. Миханкова, личный секретарь и помощник Н.Я. Марра (Миханкова, 1947).

~~просам~~ в интересах развития ~~марксистско-ленин-ской научной~~ научной работы в СССР.

4. Одной из основных задач Академии должна стать исключительно сложная и ответственная работа по изданию источников по древнейшей истории нашей социалистической родины — арабские, греческие, византийские, персидские и т.д. с их параллельным переводом на русский язык.

4. Одной из основных задач Академии должна стать исключительно сложная и ответственная работа по изданию источников по древнейшей истории нашей социалистической родины — арабские, греческие, византийские, персидские и т.д. с их параллельным переводом на русский язык. Эта работа, сводящая воедино эти источники, не имела себе подобной в дореволюционной России и будет в полном смысле слова достижением науки советской. Аналогии такому изданию можно указать только в нескольких передовых странах Европы — например, замечательное многотомнейшее издание источников по истории Германии. Это издание, несомненно, с самого начала станет международным, Академия располагает достаточными данными, чтобы справиться с этой задачей — отметим хотя бы то, что в составе своих научных специалистов Академия располагает знанием более чем двух десятков языков, среди которых такие, как арабский, персидский, древнегреческий, пехлевийский, древнеармянский, халдский и т.д.

5. Академия, благодаря своим изданиям, часто выпускаемых на английском, немецком, французском языках, пользуется широкой известностью за границей — около ста научных учреждений обмениваются и состоят в научной переписке с Академией — даже в таких странах, как Египет, <...> Австралия, не говоря о Европе и Америке. Это обстоятельство накладывает на нас особые обязательства — не уступать за границе в технике нашей работы, внешнем качестве изданий, ~~технической~~ скрупулезной точности их научно-технического аппарата и т.д. Академия должна дальше развивать свои международные научные связи и в стане буржуазной историографии высоко держать ~~знамя~~ <...> достоинство советской исторической науки, не уступая последней в технике ~~исторической~~ исследовательской работы и далеко превосходя ее в теоретическом <...> понимании исторических явлений.

6. Наряду со своей исследовательской работой Академия должна широко развить работу в помощь историку-преподавателю средней школы, выпустив ряд исторических справочников, популярных исторических книг для чтения, и серьезно поставив в ежемесячном журнале Академии недавно введенный отдел в помощь историку-преподавателю средней школы, а также организова-

циклы лекций по истории первобытного общества, древнего мира и средних веков.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Лл. 3-7

Автограф

Карандаш

Уважаемый т[оварищ] Киров!

Ряд обстоятельств заставляет нас ~~обратиться к вам с просьбой принять~~ просить Вас о приеме нас по вопросу о ~~дальнейшей~~ работе Государственной Академии истории материальной культуры. Председатель Академии, Н.Я. Марр, вот уже больше года тяжело и безнадежно болен; сейчас его состояние таково, что развязки возможно ожидать каждый день и даже каждый час. Переезд Академии наук в Москву невольно выдвигает вопрос о дальнейшей работе Академии истории материальной культуры, остающийся ныне в ~~Ленинграде~~ уже на положении одного из ответственных научных учреждений ~~города Ленина~~ Ленинграда. По нашему глубокому убеждению, ~~Академия~~ при выполнении научных, ~~совершенно~~ вполне осуществимых условий она, проделавшая в последние годы большую и эффективную работу, может стать в ближайшие два-три года одним из лучших и образцовых научно-исследовательских учреждений Советского Союза, научно и политически достойным города Ленина. Вместе с тем, дело может принять и такой оборот (тенденции к тому есть), что мы потеряем даже то, что Академией достигнуто. Вот почему мы считаем, что настал момент, когда вопрос об Академии должен быть поставлен во всем его объеме, ~~и о ней должно быть принято~~ и о дальнейшей ее работе должно быть принято четкое и ~~ответственное~~ решение, ~~долженствующее~~ определить окончательно ее дальнейшую судьбу.

~~Чтобы быть кратким излагаем~~ Основные моменты в следующих по сути (для краткости излагаем в тезисной форме):

1. Академия, имеющая своей задачей комплексное изучение на марксистско-ленинской методологической основе истории докапиталистического периода истории человечества (первобытной культуры, древнего мира и средневековья) на основе по самым разнообразным источникам (вещественным, письменным, языковым, этнографическим и т.д.), не имеет себе является единственным в Советском союзе учреждением этого рода, могущим сыграть исключительную роль в деле развития советской исторической науки.

1. Академия, имеющая своей задачей комплексное изучение по самым разнообразным источникам (вещественным, письменным, языковым, этнографическим и т.д.) докапиталистического периода истории человечества (первобытной культуры, древнего мира и средневековья) на новой методологической основе марксизма-ленинизма, является единственным в Советском Союзе учреждением

ем подобного рода, могущим сыграть большую роль в деле развития советской исторической науки.

2. *Многолетнее руководство Академией наложило со стороны Н.Я. Марра, величайшего ученого нашей эпохи, большую и яркую печать на всю работу Академии — печать исключительной глубины исследования, постановки больших исследовательских проблем, наряду с кропотливейшим изучением всех фактических деталей, и беспощадной борьбы с буржуазными историческими течениями и концепциями, одновременно, использования иногда блестящей техники исследовательской работы и осторожно-критического освоения буржуазного научного наследства. Именно от Н.Я. Марра, блестящего лингвиста, филолога, археолога, этнографа и историка, ведет свое происхождение*

2. (Написано красными чернилами. — Е.З., М.В.) Многолетнее руководство Академией со стороны такого ученого, как Н.Я. Марр, наложило большую и яркую печать на всю работу Академии — печать углубленного всестороннего исследования больших исторических проблем на основе кропотливейшего анализа источников, с применением лучших достижений буржуазной науки в линии техники исследования и беспощадной борьбой с ее идеалистическими концепциями с позиций марксистско-ленинской методологии. Этот характер работы должен быть сохранен и должен... (Пропущен фрагмент текста. — Е.З., М.В.)

3. В настоящее время, в Академии, в отношении кадров сконцентрировано все живое и творческое, что имеется у нас как в части старых специалистов, так и в части молодых научных кадров советской формации, работающих по докапиталистическому периоду человеческой истории. Эта совместная работа старых специалистов и начинающих советских ученых оказывается взаимно оплодотворяющей: старые ученые входят в понимание теоретических проблем марксистской исторической науки, а молодые учатся у старых специалистов умению исследовать материал и технике исследовательской работы. Для характеристики квалификации научных кадров Академии можно указать, что Академия, в лице своих научных работников, располагает знанием десятков языков, в том числе таких, как арабский, персидский, халдский, греческий, китайский, пхлевийский, древнеармянский, древнегрузинский, древнеавилонский, древнеегипетский и т.д.

4. За последние год-полтора Академия вышла на широкую международную арену. В настоящее время Академия связана более чем со ста научными учреждениями за границей, даже с такими удаленными странами, как Соединенные Штаты, Египет и Австралия, установив с этими учреждениями обмен изданиями и разнообразную переписку по библиографическим и другим вопросам.

Отклики на издания Академии имеются в целом ряде самых крупных и авторитетных специальных журналов Европы. Не так давно в одном заграничном журнале был даже помещен сводный обзор ряда работ Академии. Эта популярность Академии за границей имеет, несомненно, и политическое значение, показывая, как широко ставится научное исследование в Советской России даже по таким областям, как история древнего мира и средних веков.

5. Одной из важнейших задач Академии на ближайшее время является несомненно научное издание источников по древнейшей истории СССР (арабских, персидских, греческих, византийских, скандинавских, армянских и т.д., и т.д.). Для нас не подлежит сомнению, что Академия в состоянии поднять эту задачу и поставить (в течение ряда лет, конечно) это издание на должную высоту в отношении научности и техники оформления.

6. Насущной задачей является укрепление и дальнейшее развитие находящегося в составе Академии Института исторической технологии, единственного учреждения в СССР (аналогичного нет даже за границей), которое разрабатывает вопросы исторической технологии реставрации и консервации вещественных материалов прошлого¹⁷. Работа Института, как показывает опыт, может иметь и прямое значение для практики нашего хозяйственного строительства (Например, изучение древних металлов, находимых при археологических раскопках, дает указание о их географии, иногда эффективно дополняющее непосредственные геолого-разведочные работы).

7. Академия, в порядке своего общественного долга перед советской школой, развертывает немалую работу в помощь школе. Издавая исследовательский исторический журнал, Академия ввела в нем специальный отдел "В помощь педагогам-историкам", в котором дает статьи, материалы и всякого рода справочные сведения по наиболее трудным и наименее знакомым педагогам вопросам. Академия организовала цикл лекций по истории древнего мира и средневековья для педагогов Ленинградской области. В настоящее время Академия разрабатывает план выпуска исторических пособий для школы и поставила перед Наркомпросом вопрос о разрешении ей издавать специальный массовый бюллетень, в котором нашли бы широкое освещение вопросы исторической науки, преподавания истории в высшей и средней школе всесторонняя информация о состоянии исторической науки у нас и за границей, о новых открытиях, раскопках, исторических музеях, новых исторических изданиях и т.д., и т.д.

¹⁷ О деятельности Института исторической технологии ГАИМК см. Платонова, 2018.

Изложенные, лишь основные вопросы могут быть успешно разрешены, и Академия может стать одним из серьезнейших научных учреждений СССР лишь при условии соответственного к ней внимания со стороны советских и партийных организаций.

*Публикуется впервые
Автограф, машинопись*

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Лл. 8–11

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография / Науч. ред., сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 709–726.
- Кипарисов Ф.В. Заметки о говорах Херонеи и Оропа // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915а. Ч. 9. № 12 (декабрь). С. 520–542.
- Кипарисов Ф.В. К горгиппийской надписи фиаситов // Журнал Министерства народного просвещения. 1915б. Ч. 57. № 6 (июнь). С. 283–285.
- Медведева М.В. Константин Константинович Романов (1882–1942) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография / Науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 167–189.
- Миханкова В.А. Работа кабинета Н.Я. Марра за 1936–1944 гг. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XV. С. 77–86.
- Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 555.
- Панкратова Е.Г. “Террористическая организация ГАИМК” (1936 г.): обзор материалов архивно-следственного дела // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019а. С. 263–276.
- Панкратова (Застрожная) Е.Г. “Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...”: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019б. № 2. С. 154–166.
- Панкратова (Застрожная) Е.Г. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (новые материалы к биографии) // Вестник древней истории. 2020а. № 3. С. 698–722.
- Панкратова (Застрожная) Е.Г. К биографии “руководителя террористической организации ГАИМК” А.Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела) // Археологические вести. 2020б. Вып. 29. С. 376–384.
- Панкратова (Застрожная) Е.Г., Смирнов Н.Ю. К истории ликвидации ГАИМК: “Заявление” В.Ф. Зыбковца А.А. Жданову // Российская археология. 2022. № 1. С. 174–188.
- Платонова Н.И. Федор Васильевич Кипарисов // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 19–22.
- Платонова Н.И. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.
- Смирнов Н.Ю. Заметки М.А. Тихановой по истории РАИМК-ГАИМК в 1920–1930-е гг. (Публикация полного текста статьи 1980 г.) // Археологические вести. 2013. Вып. 19. С. 292–300.
- Тункина И.В. “Дело” академика Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. 2 / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Алетейя, 2000 (Bibliotheca classica Petropolitana). С. 116–160.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. С. 344.
- Шик К., Бенцингер И. Ближайшие окрестности Иерусалима. Карты. Leipzig: Wagner und Debes, 1920.

THE FATE OF THE STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE AT THE TURNING POINT: AN UNDISPATCHED LETTER OF F.V. KIPARISOV TO S.M. KIROV

Evgenia G. Zastrozhnova (Pankratova)^{a, #}, Maria V. Medvedeva^{b, ##}

^aSt. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, St. Petersburg, Russia

^bInstitute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

[#]E-mail: pankratova0484@yandex.ru

^{##}E-mail: marryiam@yandex.ru

In 1934, the Academy for the History of Material Culture (SAHMC), a leading archaeological institution of Russia, faced a challenge. The Chairman of SAHMC, Academician Nikolai Ya. Marr, who had headed it for many years, was dying, and urgent measures had to be taken to ensure successful work of the Academy after his death. Deputy Chairman F.V. Kiparisov decided to address a letter to the party leader of Leningrad Sergey Kirov in order to secure the leading positions of SAHMC in science; he asked for a personal appointment with Kirov to discuss the future of the Academy and proposed a programme for further development of the insti-

tution. The drafts of the letter were prepared in November 1934, shortly before the assassination of S.M. Kirov, but the letter itself was probably never sent to the addressee. The papers are kept in the archival collection of SAHMC at Archives of the Institute for the History of Material Culture RAS. Its full publication will provide important new information on the history of SAHMC activities in the context of the general development of Russian academic science during the troubled period of the 1930s.

Keywords: Academy for the History of Material Culture, history of archaeology, archival documents.

REFERENCES

- Formozov A.A., 2006. Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists during the totalitarian period. Historiographic essays]. Moscow: Znak. 344 p.
- Kiparisov F.V., 1915a. Notes on the dialects of Chaeronea and Oropos. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of Education. New Series], part. 9, no. 12, pp. 520–542. (In Russ.)
- Kiparisov F.V., 1915b. To the Gorgippian inscription of the Fiasites. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], part. 57, no. 6, pp. 283–285. (In Russ.)
- Medvedeva M.V., 2022. Konstantin Konstantinovich Romanov (1882–1942). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznenny put' i vklad v nauku: kollektivnaya monografiya* [The founding fathers of the Russian Academy for the History of Material Culture: their life path and contribution to science: Joint monograph]. V.A. Goroncharovskiy, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 167–189. (In Russ.)
- Mikhankova V.A., 1947. Activities of the N.Ya. Marr's workshop for 1936–1944. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute for the History of Material Culture], XV, pp. 77–86. (In Russ.)
- Mikhankova V.A., 1949. Nikolay Yakovlevich Marr: Ocherk ego zhizni i nauchnoy deyatel'nosti [Nikolai Yakovlevich Marr: Essay on his life and scientific activity]. 3rd edition. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 555 p.
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., 2019a. “I don't believe all this could go bad, it would be too unfair ...”: to the biography of the archaeologist G.I. Borovka (based on investigation file materials). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 154–166. (In Russ.)
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., 2020a. The last Chairman of the State Academy for Material Culture F.V. Kiparisov (new materials for biography). *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 3, pp. 698–722. (In Russ.)
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., 2020b. To the biography of the “head of the terrorist organization of the GAMK” A.G. Prigozhin (based on materials from archive and investigation file). *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 29, pp. 376–384. (In Russ.)
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., Smirnov N.Yu., 2022. To the history of the liquidation of the GAIMK: “statement” of V.F. Zybkovets to A.A. Zhdanov. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1, pp. 174–188. (In Russ.)
- Pankratova E.G., 2019b. “The terrorist organization of the GAMK” (1936): Overview of investigation file archives. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Studies in the history of Russian archaeology], 5. I.A. Sorokina, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 263–276. (In Russ.)
- Platonova N.I., 2013. Fedor Vasilievich Kiparisov. *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic archaeology on the banks of the Neva (from the Russian Academy for Material Culture to the Institute for the History of Material Culture RAS, 1919–2014)]. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 19–22. (In Russ.)
- Platonova N.I., 2018. Studies in the field of archaeological technology in the Russian Academy for the History of Material Culture/State Academy for Material Culture (1920–1930s). *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamyati Galiny Vatslavny Duzhnevskoy)* [Monuments of archaeology in research and photographs (in memory of Galina Vatslavna Duzhnevskaya)]. N.Yu. Smirnov, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 285–293. (In Russ.)
- Shik K., Bentsinger I., 1920. Blizhayshie okrestnosti Ierusalima [The nearest vicinity of Jerusalem]. Karty. Leipzig: Wagner und Debes.
- Smirnov N.Yu., 2013. Notes of M.A. Tikhonova on the history of RAIMK–GAIMK in the 1920–1930s (Publication of the full text of the 1980 article). *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 19, pp. 292–300. (In Russ.)
- Tunkina I.V., 2000. “The case” of Academician Zhebelev. *Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [Ancient world and we: Classical heritage in Europe and Russia], 2. A.K. Gavrilov, ed. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 116–160. (Bibliotheca classica Petropolitana). (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., Shaub I.Yu., 2022. Mstislav Vladimirovich Farmakovskiy (1873–1946). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznenny put' i vklad v nauku: kollektivnaya monografiya* [The founding fathers of the Russian Academy for the History of Material Culture: their life path and contribution to science: Joint monograph]. V.A. Goroncharovskiy, ed., comp. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 709–726. (In Russ.)

К 90-летию СВЕТЛАНЫ ВИКТОРОВНЫ ОШИБКИНОЙ

© 2023 г. А. Н. Сорокин^{1,*}, Н. А. Макаров^{1,**}, К. Н. Гаврилов^{1,***}, Е. В. Леонова^{1,****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: ansorokin@rambler.ru

**E-mail: nmakarov10@yandex.ru

***E-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

****E-mail: lenischa@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.04.2023 г.

После доработки 24.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323030182, EDN: VDXAVW



Светлана Викторовна Ошибкина родилась в Казани 6 августа 1933 г. Уже в 1934 г. семья переехала в Комсомольск-на-Амуре, основанный двумя годами ранее и объявленный ударной комсомольской стройкой. Неизбежные бытовые проблемы закаляли характер взрослых и детей, выработали в Светлане упорство и собранность, а воспоминания о природе Дальнего Востока и ве-

ликой реке Амур навсегда оставили в душе неизгладимый след.

В 1946 г. семья переехала в Подмосковье, в Опалиху, где школы не было, поэтому Светлане пришлось ездить на “паровике” в школу-восьмилетку поселка Павшино (ныне окраина г. Красногорска). Затем, в 1948 г., чтобы получить среднее образование, она перешла в знаменитую московскую школу № 201 им. Зои Космодемьянской и закончила ее в 1951 г. с золотой медалью, что дало право поступления без экзаменов в любой ВУЗ страны. Особых представлений, где обучаться дальше, не было, поэтому спонтанное решение сдать документы в приемную комиссию исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова стало неожиданным даже для нее самой, однако в правильности этого выбора она впоследствии ни разу не усомнилась. Впрочем, первый год обучения показался достаточно нудным, поэтому предложение однокурсницы Неры Новгородовой поехать летом под Иркутск, в археологическую экспедицию, было принято сразу и безоговорочно. Ангарская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А.П. Окладникова работала тогда на острове Сосновом, в истоке Ангары, вблизи побережья Байкала. Коллектив помимо трех московских студенток — В. Козенковой, Э. Новгородовой и С. Ошибкиной включал студентов Ленинградского, Томского и Иркутского госуниверситетов. Несколько из них — В. Матюшенко, Г. Пытляков, С. Розенталь и В. Привалихин — стали впоследствии известными исследователями древностей Сибири. Руководителем раскопок на острове Сосновом был аспирант А.П. Окладникова Н.Н. Диков, который позднее работал в Магадане и стал автором ряда капитальных трудов по археологии Дальнего Востока и первым исследователем петроглифов на р. Пегтымель в Северной Чукотке. Раскопки неоднократно посещала и антро-

полог Н.Н. Мамонова. Ангарская экспедиция стала не просто первой, навсегда запомнившейся, но и положила начало многолетней прочной дружбы ее участников.

Не менее захватывающим стал и полевой сезон 1953 г., когда А.П. Окладниковым была организована Дальневосточная экспедиция ЛОИА АН СССР. Небольшая группа, включавшая Р. Чубарова, Ю. Сазонову, Э. Новгородову и С. Ошибкину, была отправлена морем в бухту Тетюхе (теперь — Рудная пристань) для поиска места, откуда в музей г. Владивостока поступила коллекция неолитической керамики. Четырехдневное плавание по морю протяженностью свыше 200 морских миль на утлом пароходе речного класса и последующая работа в субтропических колючих зарослях по берегам р. Тетюхе были позднее красочно описаны в одной из работ С.В. Ошибкиной (Дальневосточная экспедиция 1953 г. и открытие стоянки Тетюхе // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. К 100-летию А.П. Окладникова. Новосибирск: Наука, 2003. С. 44–47). А материалы раскопок этого памятника 1953–1955 гг. стали основой ее дипломной работы (1956 г.). Впоследствии в музее Владивостока известный дальневосточный археолог В.И. Дьяков нашел экземпляр текста диплома С. Ошибкиной с комментарием академика А.П. Окладникова. Там же хранится и копия его публикации материалов Тетюхе, на первой странице которой поперек названия имеется размашистая дарственная надпись, сделанная его рукой: *“Первооткрывателю Тетюхе С. Ошибкиной”*.

Незабываемые впечатления, романтика странствий и открытий, общение с А.П. Окладниковым сыграли ключевую роль в выборе будущей специализации начинающего исследователя и определили всю последующую судьбу.

Важным в профессиональном становлении стал и полевой сезон 1954 г., когда Светлана Ошибкина вместе с другими студентами кафедры археологии исторического факультета МГУ — М. Бухтеевой, И. Голуновой, Г. Карповой и В. Забелиным — направилась на практику в Камскую экспедицию ИА АН СССР (начальник — О.Н. Бадер). Практиканты работали в отряде под руководством В.Ф. Генинга, производившего раскопки могильника Ныргында и разведку по высокому правому берегу р. Камы. И здесь любознательной студентке пришлось воочию осознать, насколько важно знание взаимосвязи древнего населения с природным окружением и что без ясного понимания этой зависимости результативность поисков невозможна. Этот опыт пригодился ей впоследствии, когда она стала работать на Русском Севере.

В 1956 г., после окончания Московского университета, Светлана Ошибкина полтора месяца работала научным сотрудником Переяславль-Залесского краеведческого музея, а затем в течение шести лет — научным сотрудником НИИ музея им. А.В. Шусева при Академии строительства и архитектуры СССР, но во время летних отпусков продолжала набираться полевого опыта в Ангарской экспедиции ЛОИА АН СССР.

В 1962 г. С.В. Ошибкина поступила в аспирантуру Института археологии АН СССР. Ее руководителем стал А.Я. Брюсов, а темой будущей диссертации — материалы памятников эпохи неолита и раннего металла Европейского Севера СССР. Итогом этих изысканий стала успешно защищенная в 1967 г. кандидатская диссертация по теме *“Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла”*.

С момента окончания аспирантуры в 1966 г. и по настоящее время Светлана Викторовна работает в Институте археологии АН СССР (ИА РАН), сначала в секторе неолита и бронзы, затем в отделе археологии каменного века, где прошла должности от младшего до ведущего научного сотрудника (1995 г.). Избиралась членом Ученого совета ИА РАН и Ученого совета Государственного Исторического музея (ГИМ).

Начиная с 1968 г., Светлана Викторовна вела обширные полевые исследования. В 1968–1991 гг. она возглавляла Северную экспедицию ИА АН СССР, а в 1970–1983 гг. руководила еще и Вятской экспедицией. Первая из них, начиная с 1978 г., вела масштабные работы по Проекту переброски на юг рек Русского Севера, в задачи второй входило изучение памятников Среднего Поволжья. Северной экспедицией были обследованы бассейны озер и рек Вологодской и Архангельской областей и открыты десятки стоянок, поселений и могильников эпох мезолита, неолита, раннего металла и средневековья. На многих памятниках были вскрыты значительные площади. Наиболее сенсационные результаты были получены при изучении торфяниковых памятников Восточного Прионежья — стоянок Веретье I, Сухое и могильников Песчаница и Попово. Раскопки в условиях заболоченных территорий потребовали проведения осушительных работ. В силу этого С.В. Ошибкиной была разработана оригинальная методика исследований, имеющая непреходящее значение. Разумеется, она не была первой, кто стал раскапывать “болотные поселения” и первобытные могильники. Однако системность изысканий, упорство, с которым проводились полевые исследования и их масштабность, привели не только к открытию и изучению первоклассных объектов, но сделали названные типы памятников в нашей стране впервые массовыми. Они, без преувеличения, составили основной фонд источ-

ников по мезолиту и неолиту Русской равнины. Более того, С.В. Ошибкиной был, по существу, сформирован новый, неведомый до той поры, фонд археологических источников, что является несомненной заслугой юбиляра.

Успех проведенных исследований был достигнут не только их фундаментальностью и удивительными добытыми коллекциями, но, прежде всего, тем, что за классическим вещеведением, которому С.В. Ошибкина пунктуально следовала, палинологическими спектрами и списками радиоуглеродных дат она сумела разглядеть древнего человека с его мыслями, чаяниями и реальными достижениями.

Закономерным итогом изысканий 1970–1980-х годов стала защита в 1986 г. докторской диссертации по монографии “Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья” (1983 г.). Ее основу составили систематизированные и обобщенные собрания, открытых и изученных С.В. Ошибкиной уникальных памятников, материалы которых были вписаны в более широкий географический и историко-культурный контекст.

В 1990-е годы, после окончания широкомасштабных работ Северной экспедиции ИА РАН, Светлана Викторовна постоянно консультировала вологодских и архангелогородских археологов — В.В. Шевелева, И.С. Манюхина, Н.Г. Недомолкину, М.В. Иванищеву, Н.В. Косорукову и других, продолживших полевые исследования на территории Восточного Прионежья, а также принимала непосредственное участие в ряде возглавляемых ими экспедиций.

Непреодолимое значение имеет и введение С.В. Ошибкиной в научный оборот данных, позволяющих реконструировать различные аспекты духовной жизни древнего населения (Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века. М.: Наука, 1992; Ошибкина С.В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997; Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: Наука, 2006. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М.: ИА РАН, 2017).

С.В. Ошибкина не ограничивалась тематикой каменного века. Наиболее впечатляющими стали результаты исследований руководимой ею Вятской экспедиции ИА АН СССР, в ходе которых на юге Кировской области, в окрестностях с. Тюм-Тюм, был обнаружен и раскопан огромный грунтовый могильник с комплексами азелинской археологической культуры раннего железного века и марийскими захоронениями

XVII–XVIII вв. (Ошибкина С.В. Вятские древности. Могильник Тюм-Тюм. М.: ИА РАН, 2010). Благодаря этому был изучен и сохранен один из ключевых источников по предыстории марийского народа.

Немаловажно и то, что древний человек, его быт и технологии рассматриваются С.В. Ошибкиной в тесном взаимодействии с природным окружением. Междисциплинарный подход в изучении древностей неизменно базируется на тесном сотрудничестве с исследователями естественнонаучных дисциплин — палеогеографами Н.А. Хотинским и А.А. Величко, палеоантропологами И.И. Гохманом, А.А. Zubовым, Н.Н. Мамоновой, М.М. Герасимовой и С.В. Васильевым, палеоботаниками Г.Н. Лисицыной, Е.А. Спиридоновой, палеозоологами Е.Г. Андреевой и Е.А. Цепкиным, специалистом в области радиоуглеродного датирования Л.Д. Сулержицким.

Материалы, добытые С.В. Ошибкиной, не только украшают экспозиции ряда музеев (Государственный Исторический музей, Государственный Эрмитаж, Вологодский и Кировский областные краеведческие музеи) и обогатили их фондохранилища, но и введены в научный оборот, став доступными коллегам и широкому кругу читателей. Всего, начиная с 1966 г., ею опубликовано 180 печатных работ, включая 7 монографий и 3 коллективных труда, которые вышли в серии “Археология СССР”. Каждая из этих книг стала событием в научном мире. Светлана Викторовна является признанным авторитетом в международном научном сообществе, самым цитируемым в мировых изданиях ученым Института археологии РАН. Успех ее печатных трудов определяется тем, что она видит за черепками, каменными, костяными и роговыми изделиями этнологию человека. Человека не просто умелого, но, прежде всего, разумного.

Широкая эрудиция Светланы Викторовны Ошибкиной, нестандартность мышления, лаконичность изложения фактических данных и образность их представления — отличительные черты неординарного ученого-исследователя, который по праву принадлежит к славной плеяде русских археологов, составляющих гордость отечественной науки.

Коллектив Института археологии, и в особенности ее коллеги по цеху, ученики и последователи сердечно поздравляют Светлану Викторовну с днем рождения и желают ей неизменной бодрости духа, ясности мысли, крепкого здоровья и, конечно же, неиссякаемого творческого вдохновения!

К 75-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА АНДРОНОВИЧА БУРОВА

© 2023 г. Л. А. Беляев^{1,*}, П. Г. Гайдуков^{1,**}, Н. В. Лопатин^{1,***}, С. З. Чернов^{1,****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: russianchange@yandex.ru

***E-mail: n.lopatin@gmail.com

****E-mail: chernovsz@mail.ru

Поступила в редакцию 29.05.2023 г.

После доработки 29.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323030078, EDN: VERKIH



23 сентября 2023 г. исполняется 75 лет Владимиру Андроновичу Бурову — замечательному человеку и ученому. О нем, кажется, несложно говорить, ведь значительную часть своей жизни он описал сам, а другая — хорошо прослеживается по его трудам. В последней книге, которую можно смело назвать шедевром “археологии современности”, есть и краткая автобиография. Так что обычная процедура составления юбилейной статьи — опрос друзей, выяснение корней семьи, анализ творчества и сбор библиографии — излишни. Поэтому укажем основные сведения кратко, сосредоточившись на личности юбиляра и его творчестве.

Недавно вышедшая книга (Буров В.А. “Долгий путь в археологию”. СПб, 2023) описывает в массе чрезвычайно живописных подробностей, хорошо иллюстрированных артефактами, документами, фотографиями своей эпохи, детство и

первый этап пути в науку (до поступления в МГУ в 1970 г.). Мы видим жизнь в дружной рабочей семье, настоящее счастливое детство. Отметим, что в небогатом быту книги считались базовой потребностью, хлебом насущным. Раннее увлечение археологией и чтение популярных книг, участие еще школьником в настоящей экспедиции под руководством И.К. Цветковой, (памятник эпохи неолита Черная гора в Рязанской Мещере), а также учебные доклады в кружке археологии ГИМ вызовут у многих сверстников А.В. Бурова самые живые ассоциации. На пути юный энтузиаст встречает немало испытаний, самые значительные — экзамены на исторический факультет МГУ и служба в армии.

Годы на кафедре в МГУ (1970–1975 гг.) Владимир Андронович частично описал давно в книге “Лето в Новгороде. Из Варяг в Греки на байдарке” (М., 1994), где речь шла о работе в Новгородской экспедиции в 1972 г. и, главное, о походе с друзьями-однокурсниками в 1973 г. на байдарке по части “пути из варяг в греки”. Позже такие попытки будут предпринимать многие, но эксперимент В.А. Бурова был первым. Уже здесь открываются врожденная самостоятельность, готовность к прямому трудовому действию и к борьбе за свой путь в науке.

По окончании МГУ В.А. Буров работал (1975–1978 гг.) в лучшем тогда коллективе архитекторов-реставраторов — Всесоюзном производственном научно-реставрационном комбинате (ВПНРК). Затем учился (1978–1981 гг.) в аспирантуре кафедры археологии под руководством В.Л. Янина, защитив (1982 г.) диссертацию “Социальная топография Новгорода XIV–XV вв. (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.)”. Этим определилось одно из направлений его исследований: история Великого Новгорода, его зе-

мель и поселений, сочетающее использование данных археологии и других дисциплин.

В 1985 – 1993 гг. В.А. Буров осуществил большой проект изучения Новгородской земли. Он сосредоточился на писцовой книге Деревской пятины (1495–1501 гг.), где отражена Жабенская волость новгородских владык. Ее не затронуло боярское землевладение, и волость сохранила архаическую структуру, включая деление на семь концов. В.А. Буров строил исследование как разведку, основанную на широком круге письменных источников (писцовые книги 1557 – 1678 гг.) и памятников картографии (160 планов земельных дач по Генеральному межеванию). Этих данных не доставало для локализации многочисленных деревень, упоминаемых в писцовой книге, но исследователь привлек устную микротопонику и провел опросы 50 старожилов, выявив около 500 топонимов. Изученные объекты археологии (92 впервые выявленных, а всего 132) позволили локализовать значительную часть деревень, описанных в 1495–1501 гг. на землях погоста Жабны и в концах Жаровском, Вятчах и Яковлевской волостке. Открылась интереснейшая картина развития поселенческих структур: курганные могильники и поселения культуры длинных курганов (VI–IX вв.) концентрировались исключительно по берегам нижнего течения р. Шлины, вплоть до озера Шлино; в X–XI вв. возникли поселения в низовьях р. Граничной; в XII в. начали осваивать притоки Шлины и водораздельные пространства. Из 14 деревень округа погоста Жабна писцовой книги 1495–1501 гг. удалось археологически выявить 7. Из них 5, включая сам погост, возникли в XII в. Остальные водораздельные территории волости заселили в конце XIII – XV вв., причем группы поселений иногда имели общий жальник. Кроме того, как справедливо пишет сам Владимир Андронович: “Наглядно стала видна вся многовековая, нескончаемая трагедия русской деревни начиная с эпохи Ивана Грозного”.

В исследовании Жабенской волости В.А. Буров не ограничился эпохой Средневековья, но в полной мере изучил также предысторию региона – древности раннего железного века и культуру длинных курганов, попутно углубившись в классическую проблему этнической принадлежности последней (Российская археология. 1996. № 1. С. 122–131). Результаты исключительно яркого исследования публиковались частично, а в полном объеме представлены в оригинальной по жанру книге, истинном путешествии мысли в ландшафте и времени (Буров В.А. “А погост Жабна пуст...”. М., 1994). Весомым дополнением стали раскопки городища Варварина гора с отложениями дьяковской культуры и постройками XII – начала XIV в., содержащими находки оружия (Буров В.А. “Городище Варварина Гора: Поселе-

ние I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли”. М.: Наука, 2003). В специальной статье были сформулированы задачи археологического изучения поселений, известных по Новгородским писцовым книгам (Буров В.А. Новгородские писцовые книги и археология // РА. 1993. № 3. С. 82–87), а в небольшой монографии (Буров В.А. “Очерки истории и археологии средневекового Новгорода”. М., 1994) рассказано об исследованиях автора.

После недолгой (1982–1984 гг.) работы в Институте культуры В.А. Буров поступил в отдел славяно-русской археологии Института археологии АН СССР (затем – в отделе археологии Московской Руси ИА РАН), участвовал в редактировании статей для журнала “Советская археология” (1984–1989 гг.) и в работе Совета по полевым исследованиям (2009–2012 гг.).

Вскоре местом постоянных исследований Владимира Андроновича стал Соловецкий монастырь – памятник, до тех пор не привлекавший серьезного внимания археологов. Ему посвящен цикл трудов, которые навсегда соединят имя исследователя с образом прославленной северной обители (Буров В.А. “Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря XVI–XVIII вв.”. СПб., 2000; “История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX вв.”. Архангельск: б.и. 2011), и, наконец, фундаментальнейшие два тома: Буров В.А. “Крепость Соловецкого монастыря: История, зодчество, археология. М.: Нестор-История, 2020–2021”. Что, кажется, может быть хрестоматийнее стен и башен Соловков? Но до выхода книг В.А. Букова не было ни одного аналитического и основанного на архитектурно-археологическом исследовании труда, на который можно было бы опереться.

Очень справедливо, что за один из трудов (Буров В.А. “Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XIX вв.)”. М.; Архангельск: ИА РАН, 2013) автор получил премию митрополита Макария. Эта немного архаичная премия, восходящая к XIX в., имеет трудно выполнимое сегодня условие: труд должен быть монографическим в буквальном смысле, принадлежать перу одного автора. Этому условию труды Владимира Андроновича удовлетворяют как никакие иные, он обычно и полевую часть ведет в одиночку. Его натурные работы на Соловках – настоящая эпопея борьбы с произволом администрации всех родов, которую усугубляют трудности природные. Тем паче самостоятельны (“монографичны”) статьи и книги. Автор не просто пишет их, как правило, один – он обладает только ему присущим взглядом на древности. Взглядом одновременно страстным и крайне скрупулезным. Его работы полны точнейших и тончайших наблюдений, кото-

рые преобразуют, казалось бы, непригодные для научного анализа серии артефактов и объектов в крайне увлекательные “живые картины” прошлого. Зачастую — почти недавнего.

Скажем короче: работы А.В. Бурова в Соловецком монастыре образовали одну из главных опорных точек на карте молодой еще археологии национального периода России.

Соловки открыли для Владимира Андроновича значение наследия человека, которого можно назвать предтечей археологии архипелага, П.Д. Барановского (с ним он должен был познакомиться еще в стенах ВПНРК). В свою очередь, В.А. Буров заново открыл его для нас: ведь Барановский долго был не реальным исследователем, на материалы которого можно опираться, а скорее “притчей на устах у всех”. Первый сборник его архивных материалов оказался посвящен Соловецкому монастырю (Соловецкий монастырь: Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 1 / Сост. В.А. Буров, У.А. Черновол. М., 2000). Он положил начало своего рода “архивному сериалу”, и в него Владимир Андронович внес лепту еще раз, подготовив материалы о

раскопках ротонды XII в. в Смоленске (Смоленская ротонда XII в.: Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 3 / Сост. В.А. Буров, А.А. Оксенюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 88 с.).

Жизнь Владимира Андроновича Бурова и археология неразделимы. Он сам немного удивляется тому, что книги пишутся “как-то сами собой”, одна тема приходит “на смену другой без напряжений”, ссылается на строгий образ жизни, на “упорство в достижении цели, унаследованное от предков-старообрядцев”. Все это сквозит в его текстах. Полевые работы Владимира Андроновича отмечены тщательностью и энтузиазмом, что знакомо всем, кто работал с ним в экспедициях и знакомился с его отчетами. Добавим незаурядную честность и критичность, а также внутреннюю, скрытую как огонь под пеплом, природную веселость и страстную дерзость.

Пожелаем юбиляру кроме традиционных долгих лет жизни и новых успехов еще одно: чтобы его труды, старые и новые (а их уже за 200), прочло как можно больше людей, и не только специалистов. Уверяем, что они того стоят.

К 60-летию АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ТИШКИНА

© 2023 г. П. К. Дашковский^{1,*}, А. Л. Кунгуров^{1,**}, Н. Н. Серегин^{1,***}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

*E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

**E-mail: artur.kungurov@mail.ru

***E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2023 г.

После доработки 10.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323030091, EDN: TENEWD



5 сентября 2023 г. исполняется 60 лет А.А. Тишкину, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского госуниверситета, известному археологу, авторитетному специалисту в области истории древних и средневековых народов Центральной Азии.

Алексей Алексеевич родился 5 сентября 1963 г. в с. Ново-Склюихе Рубцовского района Алтайского края. В 1982 г. окончил Рубцовское педаго-

гическое училище по специальности “Преподавание в начальных классах общеобразовательной школы”, а 1989 г. — Алтайский государственный университет по специальности “История. Преподаватель истории”. С 1983 по 1985 г. проходил службу в рядах Советской армии.

В период обучения в университете на формирование его научных интересов и становление в качестве профессионального исследователя-археолога оказали влияние Ю.Ф. Кирюшин, Ю.Т. Мамадаков, С.В. Неверов, С.В. Цыб. После окончания Алтайского госуниверситета работал в разных его структурных подразделениях: в лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая, научно-исследовательском секторе, на кафедре археологии, этнографии и музеологии. Прошел путь от старшего лаборанта до проректора по научному и инновационному развитию. С 2014 г. возглавляет кафедру археологии, этнографии и музеологии, которой руководит до настоящего времени.

Несмотря на преподавательскую и административную работу, основное место в деятельности А.А. Тишкина занимает наука. После очной аспирантуры под руководством Ю.Ф. Кирюшина в 1996 г. была защищена кандидатская диссертация “Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время”. В этой работе впервые на археологических материалах, в том числе полученных самим автором при исследовании древних памятников, охарактеризованы особенности культуры ранних кочевников (конец IX — вторая—третья четверть VI вв. до н.э.). При этом был представлен комплексный анализ погребального обряда и обнаруженного предметного комплекса, отражены особенности хозяйственной деятельности, а также доказано отсутствие прямой преемственности между культурой населения Алтая раннескифского времени и пазырыкской общностью. Позднее А.А. Тиш-

киным были представлены обоснования для выделения бийкенской культуры на территории Северного, Центрального и Юго-Восточного Алтая.

В последующие годы были продолжены интенсивные археологические исследования не только на Алтае, но и на территории юга Западной Сибири, в Восточном Казахстане. В 2006 г. Алексей Алексеевич защитил докторскую диссертацию “Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история)” (научный консультант — Ю.Ф. Кирюшин). В этом обширном научном труде впервые была представлена концепция изучения древних и средневековых народов Алтая от раннескифского до монгольского времени. Им было рассмотрено развитие бийкенской, майэмирской, пазырыкской, булан-кобинской, тюркской, кыргызской культур, а также культуры монгольского времени. На основе систематизации и анализа инвентаря из погребальных комплексов, содержащих наиболее массовый и представительный материал, для каждой культуры были выделены этапы формирования и развития. Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживающего на территории Алтая в разные периоды. А.А. Тишкин также соотнес выделенные хронологические периоды с известными историческими событиями, отраженными в письменных источниках, которые происходили в Евразии и в большей или меньшей степени повлияли на историю народов, проживавших на Алтае.

Экспедиционные исследования являются важной частью научной деятельности А.А. Тишкина. Начиная с 1983 г., он ежегодно (с перерывом только на период службы в армии) принимал участие в раскопках и обследованиях. С 1988 г. проводит самостоятельные археологические исследования на территории Алтая и в Верхнем Приобье. В последующие годы круг изучаемых археологических объектов существенно расширился за счет работы в Восточном Казахстане, Монголии, Китае, Таджикистане, Туркменистане и Туве. Стоит выделить многолетнее изучение Бийкенского, Яломанского, Тыткескенского археологических микрорайонов, поселения Березовая Лука, могильника Бугры, а также памятников в Западной, Северной и Центральной Монголии. Отдельное направление полевых исследований связано с изучением наскального искусства и “оленных” камней. Результаты раскопок вводят в научный оборот, что дает возможность вносить дополнения в культурно-хронологическую концепцию развития и взаимодействия народов Алтая и Центральной Азии в древности и Средневековье.

А.А. Тишкин автор и соавтор более 950 научных работ, в том числе 26 монографий, а также целого ряда учебных пособий и научно-популярных изданий. Кроме изучения этнокультурных процессов Алексей Алексеевич большое внимание уделяет социальным реконструкциям на основе изучения археологических источников. Под его руководством целая группа учеников (П.К. Дашковский, А.В. Кондрашов, С.С. Матренин, Н.Н. Серегин) защитили кандидатские и докторские диссертации, в которых на основе анализа погребальных памятников и инвентаря предложены реконструкции различных обществ скифо-сакского, хуннуско-сяньбийско-жужанского и тюркского времен. А.А. Тишкин активно занимается внедрением естественно-научных методов в археологические исследования. Особое внимание им уделяется радиоуглеродному, дендрохронологическому, рентгенофлуоресцентному, палеогенетическому и другим современным методам анализа полученных материалов.

Ежегодно под руководством А.А. Тишкина на базе Алтайского госуниверситета проводятся научные форумы, на которых обсуждаются пути решения актуальных проблем евразийской археологии. Этому способствует плодотворное сотрудничество со специалистами из разных областей знаний, работающими в России и за рубежом. Совместные исследования проводятся с учеными из Монголии, Китая, Казахстана, Франции, Германии, США и других стран. Актуальность и своевременность подобных работ подтверждаются поддержкой исследований юбиляра грантами различных научных фондов и программ.

В 2017 г. на базе Алтайского государственного университета совместно с ведущими академическими институтами России проведен V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Успешная организация такого масштабного мероприятия (свыше 550 участников) стала возможной благодаря эффективной работе коллектива кафедры археологии, этнографии и музеологии, деятельность которой известна далеко за пределами края.

Много сил А.А. Тишкин отдает педагогической деятельности в Алтайском госуниверситете. Он являлся одним из инициаторов открытия образовательных программ по таким направлениям, как “Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия”, “Антропология и этнология”, “Археология”. Алексеем Алексеевичем подготовлены различные учебные пособия, научно-популярные работы, документальные фильмы, в которых в увлекательной форме рассказывается об уникальных находках, истории кочевых империй и разных открытиях в области археологии. Он “Почетный работник высшего образования РФ” и почетный доктор Ховдского государственного университета (Монголия).

Под его руководством подготовлены десятки историков и археологов, защищены 16 кандидатских диссертаций и одна докторская.

А.А. Тишкин пользуется заслуженным уважением коллег за свою работоспособность, активное участие в жизни университета. Многие годы он является членом Ученого совета Алтайского госуниверситета, членом редколлегий престижных научных журналов, выступал в качестве члена экспертной комиссии ВАК по истории. С 2008 г. он являлся членом, а с 2022 г. — председателем диссертационного совета по историческим наукам и археологии при АлтГУ. Имеет награды за

различные достижения: четырежды лауреат Премии Алтайского края в области науки и техники (2006, 2011, 2015, 2021 гг.); медаль “За заслуги в труде” по Указу Губернатора Алтайского края (2013 г.), лауреат общенациональной премии “Профессор года”-2022 в номинации “Исторические науки” (премия Российского профессорского собрания) и др.

Юбиляру свойственны жизнерадостность, юмор, целеустремленность и настойчивость в достижении целей. Хочется пожелать Алексею Алексеевичу крепкого здоровья, новых научных проектов и открытий, талантливых учеников.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110154 от 4 февраля 1993 г.,
выдано Министерством печати и информации Российской Федерации

Подписано к печати 04.09.2023 г. Дата выхода в свет 13.09.2023 г. Формат 60 × 88¹/₈ Усл. печ. л. 26.65 Уч.-изд. л. 27.25
Тираж 21 экз. Зак. 6475 Бесплатно

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по госконтракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция»,
109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6
Отпечатано в типографии «Book Jet» (ИП Коняхин А.В.),
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, 18, тел. (4912) 466-151